Белгородский государственный национальный исследовательский университет

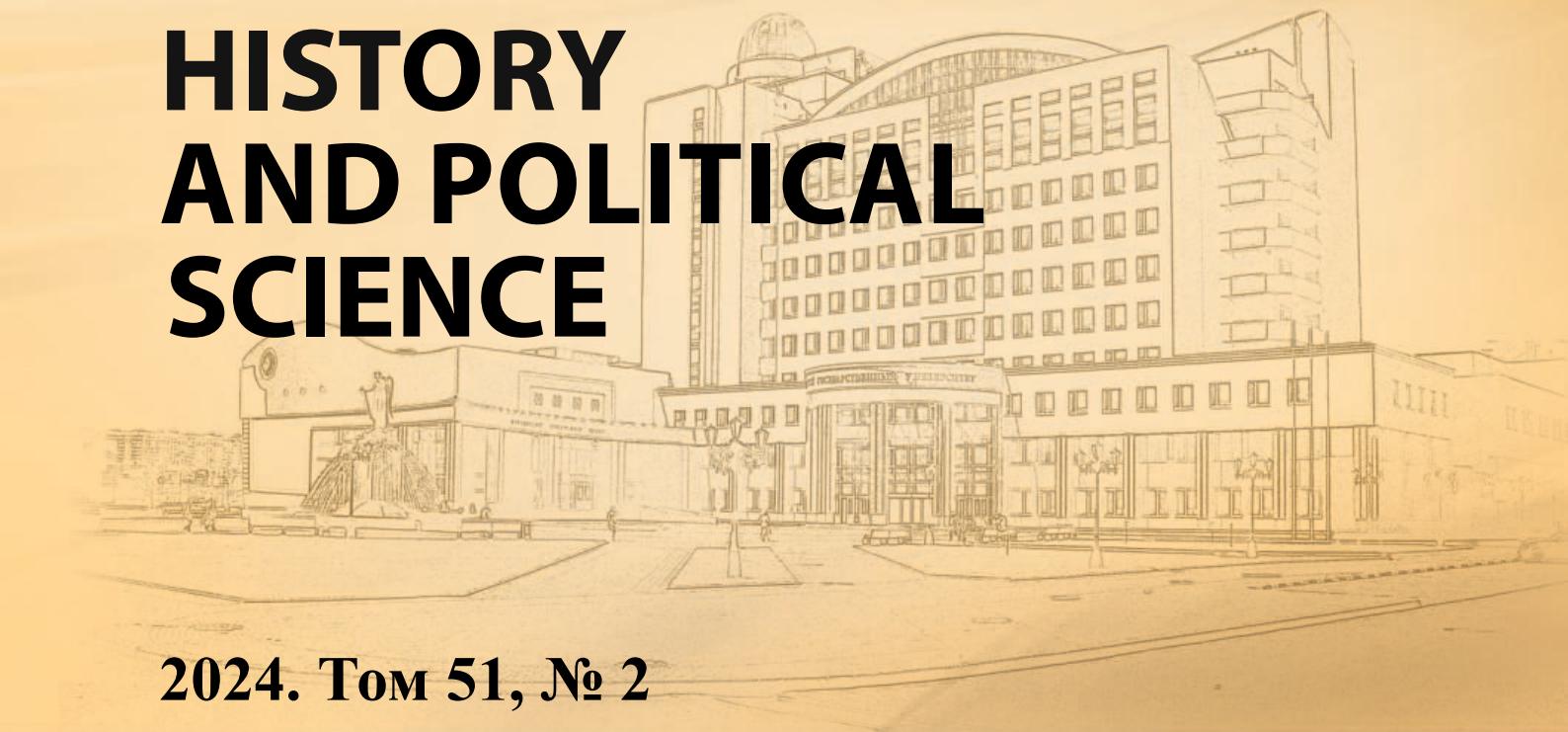
ISSN 2687-0967 (online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2024. Том 51, № 2

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ
2024. Том 51, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Выходит 4 раза в год.
Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Ю.Ю. Комлякова. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 27,3. Дата выхода 30.06.2024. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

267 **Семененко А.А.**
Древнейшие дышловые пароконные повозки Китая и проблема их заимствования из степей Евразии
275 **Писаревский Н.П.**
Образ Геракла на серебряной вазе IV в. до н. э. из Частых курганов (к семантике изображений)
285 **Болгов Н.Н., Славогородская Е.П.**
Опрамоас из Ликии – крупнейший частный эвергет Римской империи эпохи благоденствия (II в.)
297 **Качан С.А.**
Римский император в образе египетских богов в изображениях и текстах
309 **Жукова Н.В.**
Декаполис в письменной традиции (римский период и Поздняя античность)
317 **Стржалковская А.Д.**
Кефалайя. Гностический трактат Евагрия Понтийского как один из источников оригенистских идей IV в.
323 **Сухова Ж.М., Ващева И.Ю.**
Кесария и Иерусалим: соперничество двух палестинских кафедр в эпоху Поздней античности
337 **Сапожникова М.Г.**
Репрезентация власти женщин эпохи Феодосия II по данным позднеантичных источников
344 **Карашайски К.М.**
Этники и ксеники, наемники и союзники: к проблеме византийской терминологии в отношении иностранных наемников в середине IX–XI вв.
354 **Евстюнин В.А.**
Фигура купца в тосканской новелле эпохи премодерна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

365 **Соломин В.А., Кулабухов В.С.**
Легендарные «Мономаховы дары» как одна из форм визуализации верховной власти и их отражение в отечественной публицистике первой половины XVI века
375 **Журавлёв С.С., Тимошинова Т.С.**
Об отдельных мерах поддержки здравоохранения земскими органами Воронежской губернии в пореформенный период
386 **Марасанова В.М., Кривошеева Ю.А.**
Текстильная промышленность Ярославской губернии: новые тенденции в развитии традиционных производств
396 **Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А.**
Михаил Иванович Коноров (1878–1968): биография педагога и руководителя Белгородского института народного образования – Белгородского педагогического техникума
406 **Ананьев С.В., Климов А.А.**
Генерал-губернатор И.В. Гурко: проблемы обеспечения государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи
416 **Эбулесов С.Ю.**
К истории функционирования советской пенитенциарной системы в Крымской АССР в 1920-х гг.
425 **Башкирева Н.В.**
Разгром штурмовой бригады СС «Шарлемань» в ходе Берлинской наступательной операции советских войск (апрель-май 1945 г.)
433 **Шаханин В.А.**
Трудовая социализация инвалидов по слуху Белгородского отделения общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих»
442 **Егорская Я.В.**
Неканонизированный святой современной России: зарождение культа и практики почитания воина Евгения Родионова
453 **Федоровский Ю.Р.**
Начало войны в Луганской Народной Республике в 2014 г.
465 **Чернов Г.А.**
Состав чиновничества Пензенского наместничества в 1780-е гг.

ОТОЗВАНА 03.08.2026

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

474 **Лобанов К.Н.**
Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку
486 **Ортега Мачадо Ш.Э., Рыжов И.В.**
Сравнение миграционных политик стран Европейского союза во время миграционного кризиса 2015 года
496 **Требух А.Д.**
Гайана в фокусе латиноамериканской политики администрации Дж. Байдена
503 **Шукюров А.Т.**
Проблема политической коммуникации в условиях новых медиа
511 **Рязанцев А.А.**
Политическая мифология как идеологически маркированное повествование на постсоветском пространстве: смыслопроизводство в государственной политике

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE
2024. Volume 51, No. 2

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University».
Publisher: Belgorod State National Research University «BelSU» Publishing House.
Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Poluhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatohin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

G.D Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor Yu.Yu. Komlyakova. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 27,3. Date of publishing: 30.06.2024. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod State National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

267 **Semenenko A.A.**
The Oldest Drawbar Two-Horse Vehicles of China and the Problem of Their Borrowing from the Steppes of Eurasia
275 **Pisarevsky N.P.**
The Image of Hercules on a Silver Vase of the IV Century B.C. from Chastye Kurgany (on the Semantics of Images)
285 **Bolgov N.N., Slavogorodskaya E.P.**
Opramoas from Lycia — the Largest Private Evergetian of the Roman Empire During the Era of Prosperity (2nd Century A.D.)
297 **Kachan S.A.**
Roman Emperor in the Guise of the Egyptian Gods: Images and Texts
309 **Zhukova N.V.**
Decapolis in the Written Tradition (the Roman Period and Late Antiquity)
317 **Strzhalkovskaya A.D.**
Kefalaya. Gnostic Treatise by Evagrius of Pontus as One of the Sources of Origenistic Ideas of the IV Century
323 **Sukhova Zh.M., Vashcheva I.Yu.**
Caesarea and Jerusalem: the Rivalry for Primacy of Two Palestinian Cathedrae in the Era of Late Antiquity
337 **Sapozhnikova M.G.**
Representation of the Women's Power in the Era of Theodosius II According to Late Antique Sources
344 **Karashayski K.M.**
Ethnikoi and Xenikoi, Mercenaries and Allies: To the Problem of Byzantine Terminology in Relation to Foreign Mercenaries in the Middle of the 9th – 11th Centuries
354 **Evstiunin V.A.**
The Figure of a Merchant in Tuscan Story of the Pre-modern Era

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

365 **Solomin V.A., Kulabukhov V.S.**
The Legendary "Gifts of Monomach" as One of the Forms of Visualization of the Supreme Power and Their Reflection in Domestic Publishing of the First Half of the XVI Century
375 **Zhuravlev S.S., Timoshinova T.S.**
On Certain Measures of Healthcare Support by the Zemstvo Authorities of the Voronezh Province in the Post-Reform Period
386 **Marasanova V.M., Krivosheeva Yu.A.**
Textile Industry of the Yaroslavl Province: From Dominance to Diversification
396 **Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A.**
Mikhail Ivanovich Konorov (1878–1968): Biography of a Teacher and Head of the Belgorod Institute of Public Education – Belgorod Pedagogical College
406 **Ananyev S.V., Klimov A.A.**
Governor-General I.V. Gurko: Problems of Ensuring State and Public Security in the Privislinsky Region of the Russian Empire
416 **Ebulesov S.Yu.**
On the History of the Functioning of the Penitentiary System in the Crimean ASSR in the 1920s
425 **Bashkireva N.V.**
The Defeat of the SS Assault Brigade "Charlemagne" During the Berlin Offensive Operation of the Soviet Troops (April-May 1945)
433 **Shakhanin V.A.**
Labor Socialization of Hearing Impaired People of the Belgorod Branch of the All-Russian Public Organization of Disabled People "All-Russian Society of the Deaf"
442 **Egorskaia Ia.V.**
Warrior Evgeny Rodionov – Uncanonised Saint in Modern Russia: Cult Origin and Veneration Practices
453 **Fedorovsky Ju.R.**
The Beginning of the War in the Lugansk People's Republic in 2014
RETRACTED 01.08.2026
465 **Chernov G.A.**
The Composition of the Bureaucracy of the Penza Viceroyalty in the 1780s

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

474 **Lobanov K.N.**
The Military Power Factor and Its Influence on Political and Territorial Transformations in the Context of Transition to a Post-Global World Order
486 **Ortega Machado S.E., Ryzhov I.V.**
Comparison of Migration Policies of European Union Countries During the Migration Crisis of 2015
496 **Trebukh A.D.**
Guyana in the Focus of J. Biden Administration's Latin American Policy
503 **Shukurov A.T.**
The Problem of Political Communication in the Context of New Media
511 **Ryazantsev A.A.**
Political Mythology as an Ideologically Marked Narrative in the Post-Soviet Space: Semantic Production in Public Policy

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 047.081/083(471.324)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-267-274
Оригинальное исследование

Древнейшие дышловые пароконные повозки Китая и проблема их заимствования из степей Евразии

Семененко А.А.
МБОУ гимназия № 2,
Россия, 394088, г. Воронеж, ул. Ген. Лизюкова, д. 72
E-mail: 31071976@bk.ru

Аннотация. Идея археологов бронзового века о проникновении степных «колесниц» Синташты – Петровки – Алакуля в Шанский Китай противоречит тому факту, что древнейшие шанские пароконные двухколёсные повозки с дышлом (1300–1050 гг. до н. э.) были непригодны для быстрой маневренной езды и ведения боя в стоячем положении. Ко времени заимствования китайцами династии Шан они должны были использоваться уже 800 лет и эволюционировать в более развитые в военно-практическом плане и, следовательно, привлекательные и желательные для приобретения и воспроизводства. Сама возможность существования в степях Евразии бронзового века не боевой стоячей колесницы, а сидячего транспортного, ритуального или охотничьего двухколёсного пароконного экипажа с дышлом никоим образом не рассматривается и не берётся во внимание «реконструкторами» урало-казахстанских «боевых» «колесниц» Синташты – Петровки – Алакуля.

Ключевые слова: Синташта – Петровка – Алакуль, Шанский Китай, дышловые пароконные повозки, проблема заимствования

Для цитирования: Семененко А.А. 2024. Древнейшие дышловые пароконные повозки Китая и проблема их заимствования из степей Евразии. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 267–274. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-267-274

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Oldest Drawbar Two-Horse Vehicles of China and the Problem of Their Borrowing from the Steppes of Eurasia

Aleksandr A. Semenenko
Gymnasia 2,
72 General Lizukov St., Voronezh 394088, Russia
E-mail: 31071976@bk.ru

Abstract. The idea of Bronze Age archaeologists about the penetration of the steppe «chariots» of Sintashta – Petrovka – Alakul into Shang China contradicts the fact that the oldest Shang Chinese two-wheeled drawbar horse-drawn wagons of 1300–1050 B.C. were unsuitable for fast maneuverable driving and combat in a standing position. By the time they were borrowed by the Shang Chinese, according to the logic of the invasionists, they should have been already around 800 years in use and should have evolved

© Семененко А.А., 2024

into more developed in military-practical terms and therefore attractive and desirable for the acquisition and reproduction by the Shang Chinese. It is obvious that the very possibility of the existence of not a combat standing chariot, but a transport or ritual or hunting sitting drawbar double-wheeled horse-drawn carriage in the steppes of Eurasia of the Bronze Age is not considered in any way and is not taken into account by the «reconstructors» of the Ural-Kazakh «battle» «chariots» of Sintashty – Petrovka – Alakul.

Keywords: Sintashta – Petrovka – Alakul, Shang China, drawbar two-horse vehicles, problem of borrowing

For citation: Semenenko A.A. 2024. The Oldest Drawbar Two-Horse Vehicles of China and the Problem of Their Borrowing from the Steppes of Eurasia. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 267–274 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-267-274

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Проф. Г.Л. Тодд (Университет Sias, Синьчжэн, Хэнань, КНР) создал фотоархив древнейших погребений с повозками Позднего Шан (ок. 1300–1050 гг. до н. э.) [Todd, 2023]. Они состоят из трёх основных компонентов – окружённого перилами и открытого сзади кузова высотой в примерно 40–45 см для возницы и ездоков, системы оси и колёс и системы упряжи [Shaughnessy, 1988, p. 193; Xiang Wan, 2013, p. 28–41]. Перила кузова древнейших шанских повозок высотой 22–45 см [Кучера, 2013] не могли служить опорой стоящим колесничим при движении/остановке/поворотах такой двуколки.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются древнейшие двухколёсные пароконные дышловые повозки Китая эпохи Шан, предметом – их пригодность для езды в стоячем и сидячем положении, главным используемым методом – анализ их параметров с точки зрения возможности их заимствования из степей Евразии от носителей археологических культур Синташты – Петровки – Алакуля, которые якобы, согласно «реконструкциям» урало-казахстанских археологов, создали первые в мире настоящие боевые колесницы [Новоженов и др., 2014, с. 101–107; Чечушков, Семьян, 2022; Chechushkov, Epimakhov, 2018].

Результаты и их обсуждение

Проф. Принстонского университета Р. Бэгли отмечает, что типичным примером древнейших шанских погребений с двухколёсными дышловыми пароконными повозками является могильная яма М52 в Гоцзячжуан, датируемая периодом Иньсюй 4 (1101–1046 гг. до н. э.). В ней находились «колесница», скелеты двух мужчин 25–30 лет и костяки двух лошадей. Повозка М52, несмотря на свои большие размеры, имеет стандартную конструкцию: два спицевых колеса с восемнадцатью спицами диаметром около 140 см, расположенная посередине между передним и задним краями кузова ось длиной 308 см и с расстоянием между колёсами 230 см, бронзовые колпаки оси с деревянными чеками для закрепления колёс на месте на оси, идущее от оси и изгибающееся вверх из-под кузова до высоты ярма дышло из квадратного деревянного бруса 268 см длиной, изогнутое ярмо 235 см длиной с перевёрнутыми V-образными седловинами хомутов на костях шеи лошадей перед холками (у всех остальных повозок Аньяна ярмо было прямое), сидящий на дышле и оси кузов с деревянным дном шириной в полтора метра между боковинами и около метра между передним и задним бортами с достаточным для размещения трёх стоящих на коленях пассажиров пространством, боковые бортики кузова в форме решёток из деревянных прутьев примерно 50 см высотой, расположенный сзади вход в кузов 40 см шириной, бронзовые седловины хомутов, колпаки оси, механизм для соединения дышла с кузовом и несколько небольших украшений. Р. Бэгли разъясняет, что конструкция ободов колёс «колесницы» из

Гоцзячжуан M52 осталась невыясненной, в то время как в других повозках Аньяна они были сделаны из как минимум двух изогнутых деревянных деталей, в которые были врезаны спицы. На дне и боковинах кузова повозки из Гоцзячжуан M52 обнаружены следы красного и чёрного лака, что может указывать на полную лакировку всех деревянных частей конструкции и парадный характер транспортного средства. Также Р. Бэгли указывает, что некоторые «колесницы» Аньяна имели дно из сплетённой кожи с несомненной целью смягчения тряски при передвижении [Bagley, 1999, p. 203–206; Barbieri-Low, 2000, p. 21, fig. 12].

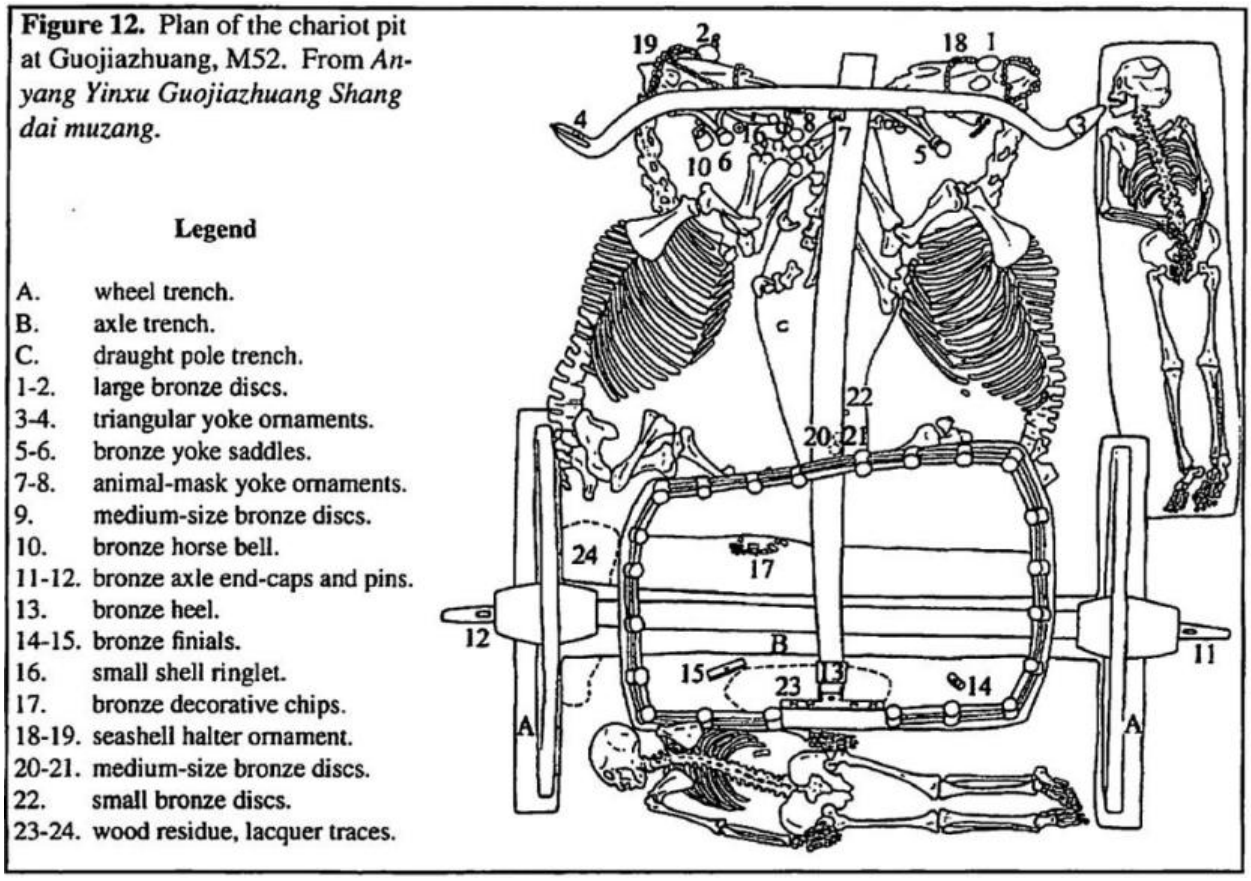

Рис. 1. Чертёж со спецификацией могильной ямы Guojiazhuang M52, Аньян, Yinxu 4, XI в. до н. э.
Fig. 1. Plan of the burial pit Guojiazhuang M52, Anyang, Yinxu 4, XI century B.C.

Очевидно, что двуколка из Гоцзячжуан M52 являлась не боевой стоячей колесницей, а прогулочной или военно-транспортной или ритуальной/парадной сидячей повозкой.

Казахстанский археолог В.А. Новоженов настаивает на возможности быстрой езды в положении стоя на одноместной шанской повозке типа Гоцзячжуан M52 без какой-либо опоры при одновременной стрельбе или бое с неё, что представляется нам малоубедительными и явно вызывает сомнения у самого автора: «Размеры кузова этих колесниц позволяют разместиться в нём одному стоящему колесничему. Это пароконные экипажи с маленькой округлой D-образной или прямоугольной площадкой, которая имеет невысокое ограждение, либо обходится вовсе без него. Одноместные колесницы первого типа всегда запрягались парой лошадей, мощности которых в две лошадиные силы вполне достаточно для довольно скоростной езды. Управление такой повозкой требовало серьёзных навыков, поскольку колесничий не имел никакой дополнительной опоры во время движения, кроме натянутых вожжей. Он должен был балансировать на оси колесницы, используя натяжение вожжей, постоянно отклоняясь назад, упираясь в платформу и при этом каким-то образом должен был освободить свои руки для стрельбы из лука или для использования другого

оружия. Поэтому неслучайна находка специальных приспособлений для фиксации ноги, отмеченная на платформе колесницы из Гоцзя[ч]жуан M52 (рис. 144:17), и ”моделей ярма“, прикреплённых к поясу, которые помогали держать устойчивость при движении и освободить руки от вожжей. Возможно, поводья просто привязывались к поясу, как это делали египетские фараоны, а управлять колесницей можно было поворотом туловища... Этот тип одноместных колесниц представляется наиболее архаичным во всём колесничном комплексе. Разделяется на два подтипа: 1.1. – С округлым или D-образным в плане кузовом. Колесницы этого подтипа обнаружены в шан-иньских памятниках Цяобей, Гоцзячжуан, M1003, практически неизвес[т]ны в западночжоуское время... 1.2. – С подпрямоугольным в плане кузовом. Колесницы этого подтипа происходят из шан-иньских памятников Гоцзячжуан, M52, Мейюаньчжуан, M41, Дасыкуньцун, M175 (рис. 133; 143; 144) и не зафиксированы в последующие периоды» [Новоженов, 2012, с. 221; см. также: с. 228, рис. 133,2; с. 242, рис. 144].

Сторонникам проникновения в Шан степных «колесниц» Синташты – Петровки – Алакуля, в т. ч. В.А. Новоженову [Новоженов, 2012, с. 281, 283, 285; см. также: Ван Пэн, 2019], совершенно необходимо доказать, что самые архаичные шанские повозки типа Гоцзячжуан M52 были именно боевыми. Однако если это были действительно одноместные двуконные стоячие двуколки без какой-либо опоры для возницы, то, судя по их характеристикам, они могли использоваться лишь при медленной торжественной езде во время парадов и ритуалов или для неспешных прогулок, но никак не в бою. Отсылка к практике привязывания фараонами поводьев к поясу некорректна, поскольку колесницы Нового Царства имели высокие передние (и боковые) перила для опоры стоящего возницы-колесничего. Споры о предназначении «моделей ярма» продолжаются [Ван Пэн, 2015]. То, что В.А. Новоженов на схеме в своей книге предположительно именует «хомут-крепление для ноги (?)», на китайском чертеже со спецификацией обозначено как «декоративные бронзовые кусочки» [Barbieri-Low, 2000, p. 21, fig. 12].

По мнению ряда специалистов, двуколка из Гоцзячжуан M52 не была стоячей боевой колесницей: «Отсутствие оружия в погребении и декор колесницы были приняты раскопщиками за указание того, что это скорее был пассажирский транспорт, а не военная колесница. Она структурно не отличается от колесниц, найденных в погребениях, которые всётаки содержат оружие, однако нет никакой причины предполагать, что колесницы, отправляемые в битву, были неукрашенными... В Аньяне не нашли колесничного кузова с более высокими бортами, и поскольку боковины кузова колесницы M52 доходили бы только до колен стоящего пассажира, кажется невероятным, что на колесницах Аньяна ездили стоя. Использование подобных колесниц в битве не доказано (uncertain). Они могли бы служить как демонстративный транспорт для командиров или как транспорт для быстрой переброски особых отрядов с одной части поля на другую; стоящие на коленях лучники, возможно, могли бы сражаться с них. Хотя пассажиры колесницы были иногда вооружены, отсюда не следует, что оружие, которое они несли, предназначалось для использования с движущихся колесниц; в обществе военных аристократов оружие является предметом одеяния (apparel)» [Bagley, 1999, p. 206]. См. также: «Раскопщики предполагают, что [повозка] M52 была транспортом для перевозки элиты, а не боевой колесницей. Я был бы склонен согласиться. Полное отсутствие оружия, роскошный декор и жёсткие доски днища – всё это говорит мне, что на этом транспортном средстве ездили на медленном параде или не ездили вообще» [Barbieri-Low, 2000, p. 31; см. также: p. 35].

С. Кучера указывает: «Сун Чжэнь-хао пересказывает содержание надписи на гадательной кости времён У-дина (1324–1266 или 1238–1180 [гг. до н. э.]), из которой следует, что для преодоления примерно 700 ли колесницам У-дина понадобилось одиннадцать дней, т. е. средняя скорость равнялась 60 или немногим больше ли в сутки… это расстояние составляет примерно 30 км – дистанцию, которую нормальный мужчина, не спортсмен, пройдет за 5–6 часов. Скорость движения колесниц была явно невысокой… В пользу последнего

предположения говорит… ограждение кузова. При высоте приблизительно в 50 см оно доходило примерно до колен стоящих на повозке людей, т. е. могло обеспечить их безопасность только при медленной и спокойной езде. При быстрой же, да ещё по не очень ровной поверхности, а другой тогда и не было, вероятность вылететь из повозки была довольно большой» [Кучера, 2010, с. 20–21].

Эксперимент М. Лоудза (Mike Loades) с репликой древнекитайской пароконной дышловой повозки на паре спицевых колёс и с перилами высотой ниже колена показал, что ездить в положении стоя без опоры, балансируя лишь на полусогнутых ногах, на такой двуколке, несомненно, трудно, но вот езда на коленях вполне комфортна, как и стрельба в таком же положении или стоя на одном колене из лука [Loades, 2023]. Остаётся вопрос о том, как долго сможет простоять человек на коленях в стремительно мчащейся, поворачивающейся и трясущейся повозке с тем, чтобы потом ещё (в том же самом положении или поднявшись на затёкшие ноги) участвовать в бою с необходимостью постоянного маневрирования. Правдоподобнее выглядит охота с луком с такого транспортного средства, используемого как возвышенная передвижная платформа для стрельбы стоя при остановке и как средство доставки охотника в положении сидя к объекту его охоты. Ср.: «Цари Шан использовали колесницы на конной тяге только для охоты, ритуала и, возможно, командования» [Xiang Wan, 2013, p. 167].

Настоящие стоячие колесницы появляются только к концу эпохи Шан ок. 1050 г. до н. э.: «Раскопщики M52 не нашли верхние перила и были вынуждены высчитывать конечную высоту. Некоторые раскопщики более поздних находок (Guojiazhuang 146/167; Meiyuanzhuang M1) смогли обнаружить верхние перила своих колесниц, подтверждающие, что 50–55 см действительно были предельной высотой кузова в эпоху Шан, редко превышающего верхушку колёс. Очень низкий характер колесничных кузовов Шан привёл некоторых учёных к предположению о том, что на этих колесницах можно было ездить только стоя на коленях, ибо было бы невозможно ехать на транспортном средстве на конной тяге, когда твоя единственная опора доходила [только] до коленей… Однако существует достаточно свидетельств наличия поручня в течение [периода] Западного Чжоу [ок. 1050–771 гг. до н. э.]… который был выше, чем боковые перила, и проходил сбоку через кузов. Недавние раскопки Аньяна (Liujiazhuang M348; Meiyuanzhuang M1/M40) показали, что этот поручень уже присутствовал в позднем аньянском периоде. На основании [раскопок] Meiyuanzhuang M40 [известно, что] он был около 5 см толщиной и был соединён с боковыми перилами, возвышаясь в форме арки и пересекая кузов колесницы. Он получал дополнительную опору от подпорной арки, соединённой с передними перилами. Он мог подниматься на высоту до 25–35 см над боковыми перилами, давая вознице возможность ездить в положении стоя». [Barbieri-Low, 2000, p. 29, note 70; см. также: Novozhenov, 2012, p. 204, fig. 119.1]

См. также: «Колесницы двухместные, появившиеся, очевидно, в конце шан-иньской эпохи, становятся самым массовым типом колесниц в западночжоуское время. Их принципиальное отличие от одноместных экипажей состоит в более крупной по размеру прямоугольной площадке с высоким, до полуметра, ограждением, при уменьшении габаритов колёсной базы и ярма-перекладины. Они снабжены удобным проёмом для выхода/входа в задней части кузова, прочным передним поручнем различных вариантов конструкции. Размеры кузова достаточные для двух человек, общей площадью не более одного кв. м. Площадка прямоугольной либо D-образной формы всегда имеет высокое ограждение, в передней части появляется поручень на уровне пояса колесничего (до 90 см высотой), который укрепляется специальной перемычкой, прикреплённой к дышлу, и имеет несколько вариантов конструкции… В конструкции учтены недостатки предшествующего вида колесниц, езда на них становится более комфортной благодаря появлению переднего поперечного поручня, к которому можно было привязать вожжи, пристегнуть себя за пояс и пристяжных коней, а также опереться на ухабах и резких разворотах. Поэтому этот важный поручень

укрепляется различными распорками, соединёнными с дышлом для более прочной связки всей конструкции кузова» [Новоженов, 2012, с. 221, 227–228].

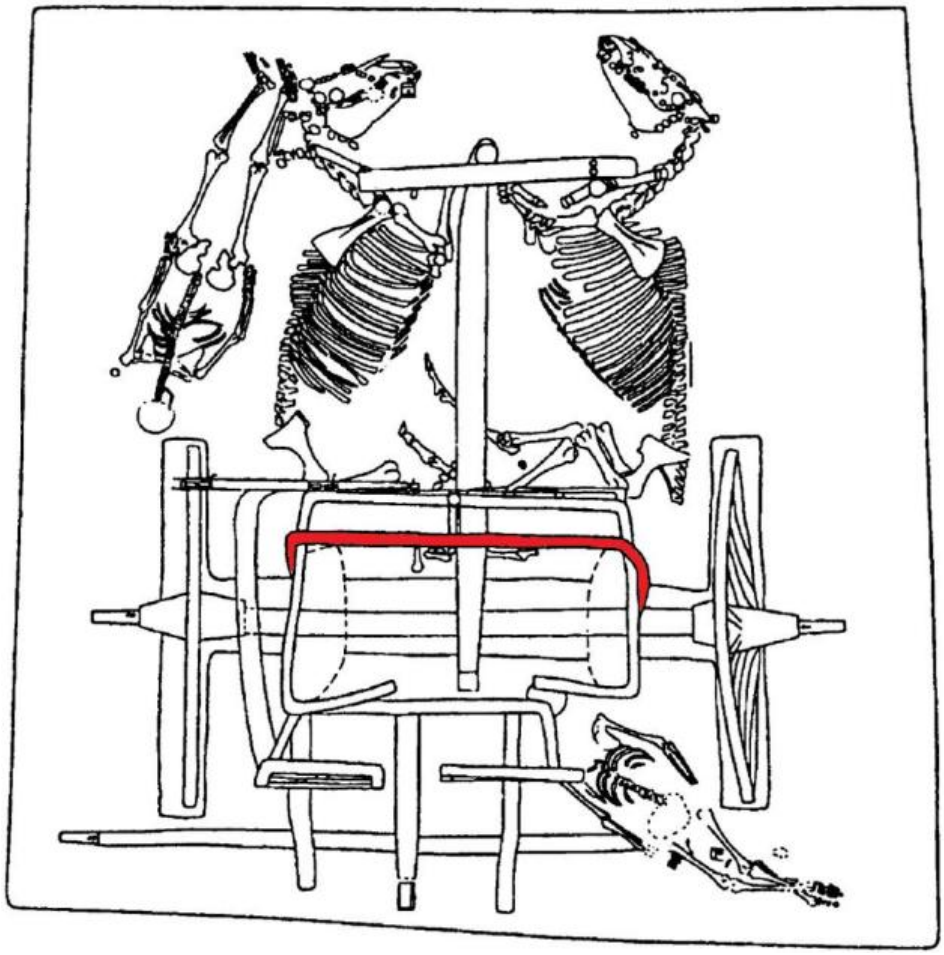

Рис. 2. Погребение Meiyuanzhuang M40 в Аньяне позднего аньянского периода (ок. 1050 г. до н. э.), прорисовка. Красным цветом обозначен поручень для стоящего колесничего
Fig. 2. Plan of the burial pit Guojiazhuang M40, Anyang, Yinxu 4, circa 1050 BCE. The red color indicates a handrail for a standing charioteer

Заключение

С учётом идеи археологов-бронзовиков о проникновении степных «колесниц» Синташты – Петровки – Алакуля в Китай очень странным выглядит то обстоятельство, что древнейшими китайскими дышловыми пароконными двухколёсными повозками стали и оставались на протяжении прим. 1300–1050 гг. до н. э. такие неприспособленные для быстрой манёвренной езды и боя в положении стоя транспортные средства, которые к моменту заимствования их шанцами по логике инвазионистов должны были уже за 800 лет с прим. 2100 г. до н. э. (времени их изобретения по радиоуглеродным датировкам) эволюционировать в более развитые в военно-практическом плане и потому привлекательные и желаемые для приобретения и воспроизведения разновидности. Очевидно, что сама возможность существования не боевой стоячей колесницы, а транспортно-прогулочной, ритуальной или охотничьей сидячей дышловой пароконной двухколёсной повозки в степях Евразии эпохи бронзы никак не рассматривается и не учитывается «реконструкторами» урало-казахстанских «боевых» «колесниц» Синташты – Петровки – Алакуля.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность проф. Г. Л. Тодду

Список литературы

Ван Пэн. 2015. Ещё раз об использовании инь-чжоуских изделий в форме лука. Вестник *Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* Т. 14. 4: Востоковедение: 24–36.

Ван Пэн. 2019. К вопросу о происхождении колесниц из Иньсюй. Пер. М.А. Кудиновой. Вестник *Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* Т. 18. 4: Востоковедение: 9–18.

Кучера С. 2010. К вопросу о техническом обеспечении шан-иньских переселений. *Учёные записки Отдела Китая Института востоковедения РАН.* Вып. 2. Москва: 9–30.

Кучера С. 2013. Повозка (車) в жизни древних китайцев. *Учёные записки Отдела Китая Института востоковедения РАН.* Вып. 11. Москва: 495–562.

Новоженов В.А. 2012. Чудо коммуникации и древнейший колёсный транспорт Евразии. Под ред. Е.Е. Кузьминой. Москва, Таус, 500 с.

Новоженов В.А. и др. 2014. Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. Алматы, Остров Крым, 454 с.

Чечушков И.В., Семьян И.А. 2022. Экспериментальное исследование степной колесницы (по материалам синташтинско-петровских памятников позднего бронзового века). *Российская археология*. 4: 21–34.

Bagley R. 1999. Shang Archaeology. The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 B.C. Eds. M. Loewe & E. L. Shaughnessy. Cambridge: 124–231.

Barbieri-Low A.J. 2000. Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (c. 2000–741 B.C.). Sino-Platonic Papers. № 99. Ed. by V. H. Mair. February: 103.

Chechushkov I.V., Epimakhov A.V. 2018. Eurasian Steppe Chariots and Social Complexity during the Bronze Age. Journal of World Prehistory. Vol. 31. 4: 435–483.

Loades M. Chinese Showreel. Available at: http://www.mikeloades.com/chinese-history/ (accessed: 08 August 2023).

Novozhenov V.A. 2012. Communications and the Earliest Wheeled Transport of Eurasia. Edited by E.E. Kuzmina. M., Taus Publishing, 500.

Shaughnessy E.L. 1988. Historical Perspectives on the Introduction of the Chariot into China. Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 48. 1: 189–237.

Todd G. Albums. Available at: https://www.flickr.com/photos/101561334@N08/albums/ (accessed: 08 August 2023).

Xiang Wan. 2013. The Horse in Pre-Imperial China. Philadelphia: 265 p.

References

Wang Peng. 2015. Eshchyo raz ob ispol'zovanii in'-chzhouskih izdelij v forme luka [Restudy on the Functions of the Bow-Shaped Objects]: Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya. T. 14. 4: Vostokovedeniye: 24–36.

Wang Peng. 2019. K voprosu o proiskhozhdenii kolesnic iz In'syuj [The Origin of Yinxu Chariots]. Transl. by M.A. Kudinova: Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya. T. 18. 4: Vostokovedeniye: 9–18.

Kuchera S. 2010. K voprosu o tekhnicheskom obespechenii shan-inskih pereselenii [On the Issue of Technical Support for Shan-Ying Resettlement]. *Ucheniye zapiski Otdela Kitaya Instituta vostokovedeniya RAN*. Vip. 2. Moscow: 9–30.

Kuchera S. 2013. Povozka (車) v zhizni drevnih kitaytsev [Cart (車) in the Life of the Ancient Chinese] *Ucheniye zapiski Otdela Kitaya Instituta vostokovedeniya RAN*. Vip. 11. Moscow: 495–562.

Novozhenov V.A. 2012. Chudo kommunikatsii I drevneyshii kolyesnii transport Evrazii [Communications and the Earliest Wheeled Transport of Eurasia]. Edited by E.E. Kuzmina. Moscow, Taus, 500.

Novozhenov V.A. i dr. 2014. Tainstvo etnicheskoy istorii drevneyshih nomadov stepnoy Evrazii [The Mystery of the Ethnic History of the Earliest Nomads of the Eurasian Steppe]. Almaty, Ostrov Krym, 454.

Chechushkov I.V., Semyan I.A. 2022. Eksperimentalnoye issledovaniye stepnoy kolesnitsi (po materialam sintashtinsko-petrovskih pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka) [Experimental Study of the Steppe Chariot (Based on Materials from the Sintashta-Petrovka Sites of the Late Bronze Age)]. *Rossiyskaya arheologiya*. 4: 21–34.

Bagley R. 1999. Shang Archaeology. The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 B.C. Eds. M. Loewe & E. L. Shaughnessy. Cambridge: 124–231.

Barbieri-Low A.J. 2000. Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (c. 2000–741 B.C.). Sino-Platonic Papers. № 99. Ed. by V. H. Mair. February: 103.

Chechushkov I.V., Epimakhov A.V. 2018. Eurasian Steppe Chariots and Social Complexity during the Bronze Age. Journal of World Prehistory. Vol. 31. 4: 435–483.

Loades M. Chinese Showreel. Available at: http://www.mikeloades.com/chinese-history/ (accessed: 08 August 2023).

Novozhenov V.A. 2012. Communications and the Earliest Wheeled Transport of Eurasia. Edited by E.E. Kuzmina. M., Taus Publishing, 500.

Shaughnessy E.L. 1988. Historical Perspectives on the Introduction of the Chariot into China. Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 48. 1: 189–237.

Todd G. Albums. Available at: https://www.flickr.com/photos/101561334@N08/albums/ (accessed: 08 August 2023).

Xiang Wan. 2013. The Horse in Pre-Imperial China. Philadelphia: 265 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.08.2023
Поступила после рецензирования 15.11.2023
Принята к публикации 17.11.2023

Received 20.08.2023
Revised 15.11.2023
Accepted 17.11.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семененко Александр Андреевич, кандидат исторических наук, учитель, МБОУ гимназия № 2, г. Воронеж, Россия
ORCID: 0009-0000-3897-4685

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Semenenko, Candidate of Sciences in History, Teacher, Gymnasium № 2, Voronezh, Russia

УДК 94
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-275-284
Оригинальное исследование

Образ Геракла на серебряной вазе IV в. до н. э. из Частых курганов (к семантике изображений)

Писаревский Н.П.
Воронежский государственный университет
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исторической интерпретации образа Геракла на знаменитой Воронежской серебряной вазе из Частых курганов под Воронежем, найденной в 1911 году, с изображениями героя, беседующего с тремя воинами в скифских одеждах. Изучение памятника имеет давнюю историографическую традицию, начинающуюся с акад. М.И. Ростовцева. На основании сопоставления данных мифологии по близкому кругу проблем, наиболее полно в античной традиции изложенных у Диодора Сицилийского, и свидетельств античной традиции высказывается предположение об отражённости в её изображениях эллино-скифского предания о происхождении скифов, смысл и содержание которого восходило к временам греко-арийской культурной общности на степной и лесостепной территории Восточной Европы. Данный вывод основывается на развернутой аргументации и широких аналогиях из индоиранской традиции.

Ключевые слова: этногонический миф, легенда, сингения, гелоны, агафирсы, скифы, эллины

Для цитирования: Писаревский Н.П. 2024. Образ Геракла на серебряной вазе IV в. до н. э. из Частых курганов (к семантике изображений). *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 275–284. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-275-284

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Image of Hercules on a Silver Vase of the IV century B.C. from Chastye Kurgany (on the Semantics of Images)

Nikolay P. Pisarevskiy
Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronez 394018, Russia
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the historical interpretation of the image of Hercules on the famous Voronezh silver vase from Chastye Kurgany near Voronezh, found in 1911, with images of the hero talking with three warriors in Scythian clothes. The study of the monument has a long historiographical tradition, starting with Acad. M.I. Rostovtsev. Based on a comparison of mythological data on a close range of problems, most fully set out in the ancient tradition by Diodorus Siculus, and evidence from the ancient tradition, it is suggested that the Hellenic-Scythian legend about the origin of the Scythians is reflected in its images, the meaning and content of which dates back to the times of the Greco-Aryan cultural communities in the steppe and forest-steppe territories of Eastern Europe. This conclusion is based on extensive argumentation and broad analogies from Indo-Iranian tradition. The work continues the series of publications by the author about the ancient Indo-European connections of the Greek, Iranian and Indo-Aryan traditions, which left traces in ancient mythology and monuments of the fine arts of Eastern Europe.

Keywords: ethnogonic myth, legend, syngeny, Gelons, Agafirsi, Scythians, Hellenes

© Писаревский Н.П., 2024

For citation: Pisarevsky N.P. 2024. The Image of Hercules on a Silver Vase of the IV century B.C. from Chastye Kurgany (on the Semantics of Images). *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 275–284 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-275-284

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Мы придём к пониманию всего
только путём его исторического объяснения.
В.И. Ленин

Эта непреложная истина имеет прямое отношение к Воронежскому серебряному сосуду скифского времени с позолоченными рельефными изображениями – одному из самых ярких, важнейших и труднообъяснимых памятников, который, несмотря на длительное время своего изучения и огромную историографию, так и остался не до конца понятым с точки зрения отображённой в них исторической информации.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является образ Геракла на знаменитой Воронежской серебряной вазе из Частых курганов под Воронежем, на котором изображён герой, беседующий с тремя воинами в скифских одеждах. Методологическая база исследования основана на стремлении соответствия принципу системности (предполагающему комплексное рассмотрение фактов с учетом их развития, опору на структурные и функциональные особенности предмета), принципу историзма (в основе которого лежит изучение исторических явлений, событий и процессов в соответствии с их хронологией и взаимосвязью), принципу объективности (основанному на том основании, что источники и факты имеют объективное содержание, позволяющее реконструировать историческое прошлое). Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

На поверхности грушевидного тулова сосуда находились изображения четырёх мужских фигур в скифских одеждах, связанных между собой общей сюжетной линией. На них просматривается один пожилой (бородатый и с двумя луками) персонаж, дискутирующий с тремя молодыми, причём, с каждым из них по отдельности.

Памятник художественной культуры был выявлен в ходе раскопок Частых курганов археологами ВУАК в 1911 г. под Воронежем. Он располагался у изголовья погребения конного воина-аристократа из кургана № 3, сопровождавшегося мечом, луком, стрелами и кожаными остатками ремней колчана. Сразу же после своего открытия он был подвергнут тщательному изучению одним из крупнейших отечественных и мировых антиковедов М.И. Ростовцевым. Он первым определил культовый характер сосуда [Ростовцев, 1914, с. 83–84]. Выделив в изобразительном ряду на его тулове три пары изображений, учёный пришёл, как оказалось впоследствии, к ошибочному заключению об их подобии, равноправии и равноценности, но вне связи друг с другом [Ростовцев, 1914, с. 85] [1].

Среди других замечаний М.И. Ростовцева необходимо отметить его мнение об ионийском стиле сосуда и его датировку концом IV – началом III в. до н. э. [Ростовцев, 1914, с. 86]. К этому следует добавить и его суждение об отражённости в изображениях Воронежского

[1] К интерпретации персонажей на сосуде обращались Б.Н. Граков, М.И. Артамонов, а недавно – и один из крупнейших отечественных учёных-скифологов Д.С. Раевский. См. об этом: [Медведев, 2002, с. 131–140; Писаревский, 2006, с. 72–85; Раевский, 2006, с. 35–45].

сосуда совсем иной исторической реальности Скифии по сравнению со временем Геродота [Ростовцев, 1914, с. 83]. Этот иной аспект жизни он усматривал в переходе от кочевничества к оседлости [Ростовцев, 1914, с. 83].

Рис. 1. Воронежский серебряный сосуд
Fig. 1. Voronezh silver vessel

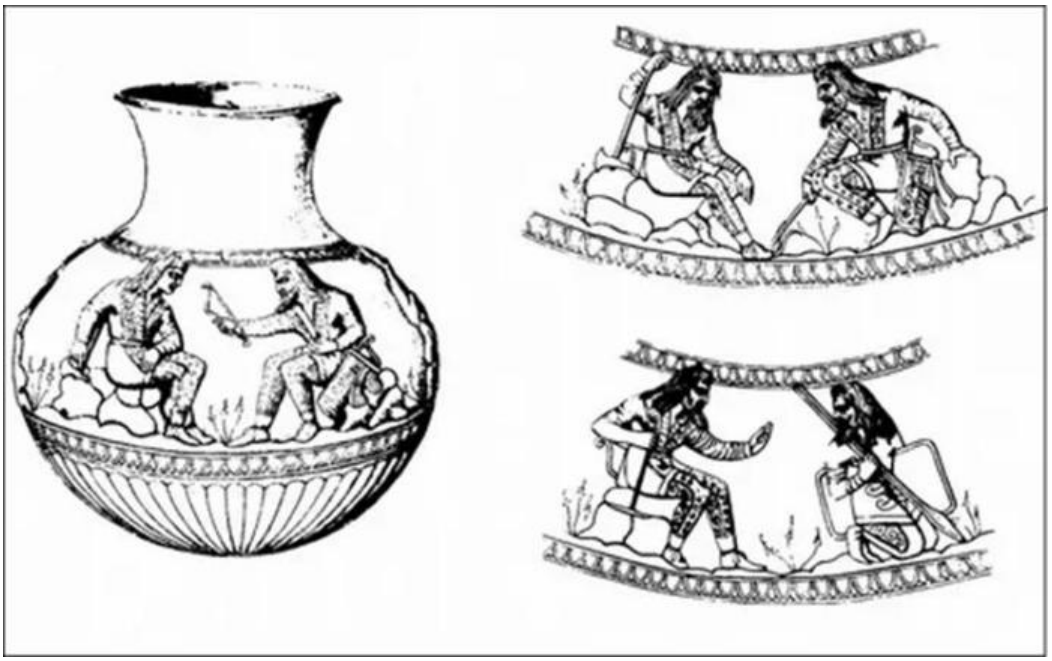

Рис. 2. Прорисовка сосуда М.В. Фармаковским
Fig. 2. The discharge of the vessel by M.V. Farmakovsky

Между тем сама компоновка, композиция и сюжетная соотнесённость изображений по тулову сосуда противоречили такому заключению. Единство композиции определялось присутствием во всех трёх сценах общего длинноволосого и бородатого персонажа, стандартность изобразительной позы и закодированный в них повествовательный сюжет.

На это указывает, во-первых, произносимая речь с протянутой рукой, два пальца которой загнуты к стоящему спиной к нему первому персонажу с такой же бородой. Во-вторых, сцена убеждения другого собеседника посредством демонстрации зажатой в руке

плётки. И, наконец, эпизод внушения известной истины третьему участнику беседы, сопровождаемой дарением боевого лука.

Только внимательное последующее изучение выявило существовавшее между ними единство темы и закодированного в изображениях представления. Было установлено, что оно выступало отображением сюжета из области скифской мифологии. Это позволило отождествить персонажей Воронежской серебряной вазы с изложенной у Геродота скифской версией их этногонического мифа [2]. Содержание картины, её тематика, тройственное членение сюжета, по мнению специалистов, являются убедительными доказательствами такой интерпретации (демонстрация центральным персонажем собеседнику числа 3 на пальцах; показ зажатой в руке плётки второму участнику собеседования; дарение одного из двух луков, ему принадлежащих, третьему).

Её самым весомым аргументом рассматривался тот, который как раз и был связан с передачей лука. Такая трактовка без каких-либо существенных изменений сохраняется вплоть до настоящего времени. Расхождения и полемика между скифологами и антиковедами наблюдается лишь на предмет этничности отображённых в сюжетах вазы древних сказаний (скифские или греческие).

Показательными и характеризующими современный этап представлений по этому вопросу являются исследования Д.С. Раевского. В интерпретации изобразительного сюжета он исходил из совмещенности отложившихся в нём двух (переработанных античным ремесленником) версий скифского этногенеза (скифской и греческой) [Раевский, 2006, с. 48].

Более того, оба этих варианта, по его мнению, отражали содержание основного скифского мифа, суть которого, просматривающаяся во всех версиях, выражала скифскую модель мира [Раевский, 2006, с. 69, 87]. В полном соответствии с этим находилась и интерпретация Д.С. Раевским самого этногонического мифа скифов в его греческом восприятии – заключение, которое учёный считал оправданным. Вместе с тем он категорически отрицал какую-либо связь как мифа, так и его изобразительного выражения на вазе с взаимоотношениями скифов с гелонами и агафирсами [Раевский, 2006, с. 97]. Напротив, он обратил внимание на важность индоиранских параллелей в трактовке основных персонажей скифского этногонического мифа, но не распространял это наблюдение ни на греческую версию, ни на сюжетные линии изображений воронежского сосуда из Частых курганов.

Подводя итоги результатам своего изучения, Д.С. Раевский писал: «…. её [скифской легенды – *Н.П.*] содержание значительно более универсально и широко, чем это признавалось до сих пор. Легенда эта, на мой взгляд, представляет не набор разновременных, более или менее логично увязанных между собой мотивов, а единое целое, центральный концептуальный миф скифской религиозно-мифологической системы» [Раевский, 2006, с. 103].

Соглашаясь с проницательностью выводов учёного, отметим ряд неиспользованных им возможностей, в том числе и в интерпретации изображений на воронежской вазе. Прежде всего, он отставил в сторону версию, исходящую из существования в античной традиции представлений о сингении персов и греков (скифы родственны персам и мидийцам по языку, а те, в свою очередь, происходят от носителей языков и культур племён индоиранской общности – древнейших ариев).

[2] Такое убеждение продолжает оставаться устойчивым вплоть до настоящего времени, искажая как отображённые в изобразительных рядах реалии, так и смысл свидетельств Геродота о гелонах, будинах и городе Гелоне, отстоящем на 15 дней пути вверх по Танаису от угла Меотийского озера (Азовского моря) [Березуцкий, 2016, с. 4]. По мнению автора газетной статьи, длительные и масштабные исследования воронежских курганов в 50–90-е годы прошлого века привели к оформлению точки зрения о будинах как об оседлых племенах с комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством, обитавших на укреплённых и неукреплённых поселениях. Гелоны, оставившие Частые и Мастюгинские курганы на Среднем Дону, согласно той же точке зрения, вели определяемый типом скотоводческого хозяйства кочевнический образ жизни.

Вот почему новое обращение к декодированию информации изобразительных сюжетов Воронежского серебряного сосуда IV в. до н. э. является не только актуальным, но и необходимым. В особенности в связи с тем, что родственная архаическая мифология этих народов, восходя к своим индоевропейским истокам, весьма заметно прослеживается в античных мифах, сохраняя при этом прежнее инвариантное содержание в новом её конкретно-историческом обрамлении. С особенной силой это проявляется в условиях установленного родства языков и эпической поэзии древних народов, в чём особенно были близки древние греки и древние индийцы [Nilsson, 1998, p. 71, 75; Stafford, 2017, p. 325].

С учётом данного обстоятельства отождествлению скифской и греческой версий скифского этногонического мифа можно дать и другую оценку. В них следует видеть не передачу двух вариантов (скифской и греческой версий), не смешение их, а изложение греко-скифского синкретического мифа с выделением в нём деталей, близких аудитории историка (афинской или италийской, на которую было рассчитано сравнение Тавриды и Япигии). В пользу этого можно сослаться на находку К. Карттунена, выявившего наличие оснований для отождествления взаимоотношений «скифской девы» (Ella) мифа о Геракле как родоначальнике трёх родственных племён с индийским верховным божеством Будхой, имевшего от неё сына, имя которого распространилось на народ, который его гостеприимно принял [Karttunen, 1992; Nagy, 2013, p. 334].

Констатация данного факта позволяет рассматривать в качестве аргумента фигуру, которая не нашла отображения, но упоминается Геродотом в его изложении греческой версии скифского этногонического мифа в связи с дочерью бога реки Борисфен Ехидной (Herod., IV, 9). О ней же в таком же контексте сообщают и авторы римского времени Диодор Сицилийский и Валерий Флакк (Diod., II, 43; Val. F1., VI, 48–68).

Если свидетельство Диодора можно рассматривать в качестве копии сообщения «отца истории», то в поэме римского автора полуженщине-полузмее приданы черты, характеризующие её не столько как хтоническое существо с телом полуживотного, сколько как критскую богиню II тыс. до н. э., которая своим зооморфным ликом и двумя змеями в руках напоминает женских potnia theron и таким образом свидетельствует в пользу восхождения представления понтийских эллинов о совместном рождении Агафирса, Гелона и Скифа к общей и единой традиции.

В дополнение к этому необходимо опереться на наблюдение относительно окончания слов и топопривязки племени агафирсов (тирсагетов Вал. Флакка (Flak. Val., VI, 48–68, 135–140) к культурам Юго-Западного Причерноморья энеолита-бронзы [3].

Второй аргумент, который следует привести, исходит из того, что скифы – носители иранских традиций культуры, в том числе религии и мифологии. С учётом той же сингении греков и персов в греческой версии этногонического мифа скифов проступают как черты, роднящие змеедеву с фигурой Драупади индийского эпоса, микенской Атаной и скифской Апи, последняя из которых, возможно, аккумулировала в себе ипостась матери героя и жены первочеловека Вселенной в иранской мифологии, что и объясняет дублирование этого образа как в греческой, так и в скифской мифологии [Писаревский, 2018а, с. 110].

О возможности такого развития представлений свидетельствует и ещё один факт. В том же аспекте весьма показательно соответствие Геракла и Ехидны аналогичной паре древнеиндийской мифологии – Бодину и Иле, которая, что примечательно, была связана с лесом (рощей). Происходившие из разных, но родственных племён, обитавших по соседству друг с другом, они в конечном итоге вступили в брак, от которого появился их сын Пуруравас – первочеловек и прародитель других эпических героев и царей. Особенно по-

[3] Учёные считают возможным тождество между Дионисом и персонажем по имени Тирс, которого рассматривают как фракийское воплощение водного духа, что роднит его в том числе и с Ехидной как непосредственного и близкого ей существа [Ventris, Chadwick, 1973, p. 91–121].

казательно сходство имени и роли Пурураваса месту и роли Форонея – героя мифов Арголиды (Греция, Пелопоннес), в которых тот становится общим предком восходящей к нему царской династии, открывая родословную рода Инаха, потомки которого проживали в Афинах и Фивах вплоть до V в. до н. э.) [Ventris, Chadwick, 1973, p. 44; Varto, 2004, p. 240–256].

Напомним в связи с этим, что к этой династии принадлежал и Данай, дочери которого назвали Пелопоннес Апией (τηλόθεν ἐξ ἀπίης γαίης (Hom., Il. 1, 270; Od. 8, 25; Aesch., Hic., 340) [Karttunen, 1992, p. 51–54; Lincoln, 2014, p. 31–33]. Название Апия производят из разных основ. Среди них называются личные имена мифологических царей. В частности, Апис, сын Форонея от нимфы Теледики, был первым до Пеласга царем Пелопоннеса, названного в его честь [Lambright, 2022, p. 15]. Был ли он египетского происхождения (т. е. был ли связан с мигрантами, которые двигались в Грецию через Египет, или прямо связывался со священным быком древних египтян), в настоящее время ещё не выяснено. Однако само присутствие «египетского следа», соединяющего отмеченный круг представлений с этногенетическими представлениями древних греков, весьма и весьма симптоматичен по причине родства с этногоническим мифом у скифов и ведийских ариев. Во всяком случае, его связь с именем Эпафа/Апопи – царя, который правил Египтом и, согласно греческим мифам, был потомком Зевса от Аргосской царевны, дочери Форонея, Ио, открывает аналогичный порядок происхождения царской власти и престолонаследия в Древнем Пелопоннесе (Apollod., Myth. Bybl., I, 1, 1) [Грейвс, 1992, с. 151, 165–166] [4].

Среди других фактов античной традиции и данных эпиграфических источников из Пилоса и Фив есть свидетельства, которые помогают объяснить встречающиеся в античной традиции разночтения, сопровождавшие этногоническую легенду скифов с участием Геракла/Таргитая в её греческой и скифской интерпретациях.

Дело в том, что античным авторам были знакомы два Геракла. Первый был сыном бога и земной женщины. Второй – богом, сыном Зевса (супругом Геры или её простым консортом) и претендентом на верховную власть отца по завещанию последнего. Такая амбивалентность образа нашла отображение как в кознях против Геракла, какие устраивала Гера, так и в том, что он был носителем «генов» Верховного (главного) бога, отставлявшего в сторону женское верховное божество, что нашло отображение в фиксации парных одноимённых божеств в табличках линейного письма В и изображениях в аттической вазописи [5]. Другая версия древнейших представлений о Геракле представляет те представления, в которых существует образ Геры как «суррогатной» матери Геракла: она стала его матерью в результате, как это засвидетельствовано Диодором, совершения соответствующего религиозного обряда.

Диодор свидетельствует: προσθετέον δ᾽ ἡμῖν τοῖς εἰρημένοις ὅτι μετὰ τὴν ἀποθέωσιν αὐτοῦ Ζεὺς Ἥραν μὲν ἔπεισεν υἱοποιήσασθαι τὸν Ἡρακλέα καὶ τὸ λοιπὸν εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον μητρὸς εὔνοιαν παρέχεσθαι, τὴν δὲ τέκνωσιν γενέσθαι φασὶ τοιαύτην: τὴν Ἥραν ἀναβᾶσαν ἐπὶ κλίνην καὶ τὸν Ἡρακλέα προσλαβομένην πρὸς τὸ σῶμα διὰ τῶν ἐνδυμάτων ἀφεῖναι πρὸς τὴν γῆν, μιμουμένην τὴν ἀληθινὴν γένεσιν: ὅπερ μέχρι τοῦ νῦν ποιεῖν τοὺς βαρβάρους ὅταν θετὸν υἱὸν ποιεῖσθαι βούλωνται / «Усыновление, – указывает историк, – происходило следующим образом: Гера взошла на ложе, и, приняв Геракла на своё тело, пропустила его под одеждами, пока тот не оказался на земле в подражание настоящим родам. Точно так поступают вплоть

[4] Такая ситуация была распространена в Микенской Греции, в частности в Пилосе [Бартонек, 1991, с. 194; Redondo, 2022, p. 167–186, note 26].

[5] Этот круг представлений отображал самые архаические черты образа Геракла. Они закодированы в его имени: название Ἡρακλῆς необязательно означает «слава Геры», как принято считать, но может быть прочитано как что-то вроде «слава, [достигнутая] в связи с Герой». Эпизоды, вообще не засвидетельствованные в античной традиции, но присутствующие в иконографических источниках начала V в. до н. э., по мнению специалистов, дают основание считать, что Гера вовсе не была враждебна по отношению к Гераклу, а, возможно, даже была его матерью, по причине чего и сформировалось само определение-эпитет, заключённый в его имени.

до нынешнего дня варвары, когда желают усыновить кого-либо» (Diod., IV, 39, 2–3) [Грейвс, 1991, с. 122] [6].

Учёт данного обстоятельства ставит всё на свои места. В первую очередь оно соединяет различные версии этногонического мифа в изложении античных авторов. Во-вторых, оно свидетельствует о первоначальной основе, которая, подвергаясь различной по форме и степени деформации, сохранила свою греко-арийскую, восходившую к индоевропейским истокам, концепцию. И это позволяет путём сопоставления идентифицировать сами персонажи, их имена, статус и функции, которые, находя подтверждение в разнотипных источниках, раскрывают ядро первоначального этногонического мифа, скрытого в изобразительных рядах Воронежского серебряного сосуда скифского времени.

Отметим и недостаточное внимание, которое отводится учёными разработке принципов интерпретации изобразительного ряда греческой версии представленного на вазе сюжета. Попытки, предпринятые в указанном направлении М.В. Скржинской и А.В. Подосиновым [Скржинская, 1989, с. 227–232; Скржинская, 2011, с. 469–476; Подосинов, 2020, с. 65–108], несмотря на свою полезность, оставили без внимания три обстоятельства:

1) контекст изложения Скифского логоса Геродотом и место, занимаемое в нём изложением греческой версии скифского этногонического сказания историком;

2) происхождение самой вазы из аристократического (если не царского) погребения в большом кургане на территории, которую большинство учёных размещают в бассейне р. Дон;

3) соотнесение донского гидроузла с отстоящими на 15 дней пути от угла Меотийского озера землями, на которых находится деревянный город Гелон, где проживают зависимые от скифов племена будинов и гелонов (Herod., IV, 108–109).

Несоответствия, присущие существующим трактовкам, проявляются практически во всём [Писаревский, 2018, с. 211, 316] [7]. Если обратиться к изложению «отцом истории» скифской версии о своём происхождении, то в ней ни о каком-либо луке нет и речи. Упоминаются плуг, ярмо, секира и чаша, изображения которых на вазе отсутствуют. Не сообщает ничего наш источник и о загнутых пальцах Геракла, беседующего с Агафирсом, Гелоном и Скифом (впрочем, как и о факте самой этой беседы тоже). А это означает, что указанная сцена является трактовкой ремесленником-греком мифологического сюжета изобразительными средствами, и, следовательно, использования иной информации в трактовке художественной образности изображений мастерами-торевтами [Nagy, 2013, p. 31; Redondo, 2022, p. 176].

Если это так, то становится понятной центральная позиция, занимаемая третьим по счёту изобразительным сюжетом на тулове сосуда, соответствующим рассказу «отца истории» о боевом луке, который был подарен Гераклом и который сумел натянуть третий из представленных персонажей. Это означает известное соответствие всей композиции изобразительного ряда версии скифской этногонической легенды, изложение которой выполнено Геродотом на основе рассказов понтийских эллинов. Собственно, упоминание о них,

[6] См. также: [Nagy, 2005, p. 74; Nagy, 2013, p. 325, n. 2–3]. Следует принять к сведению и сообщения античных авторов о самосожжении Геракла на горе Эта, которое обеспечивало ему бессмертие, что само по себе служит доказательством информационной многослойности мифа и наличия в реальной действительности погребального биритуализма у «исконных эллинов» Балканской Греции.

[7] Объяснение причин такой ситуации следует видеть в доказательствах, которые, являясь связанными с тремя методологиями (типологической, генеалогической и исторической), почему-то никогда не подвергаются сравнению. К этому следует прибавить и невнимание к тому обстоятельству, что изложение скифской этногонической легенды в двух «версиях» на самом деле представляет собой предпринятое «отцом истории» исследование, в котором с использованием устных источников информации ведётся разработка вопроса о происхождении скифов, во-первых, и что оно развёртывается в двух плоскостях, во-вторых: с точки зрения космологии и с позиций этногенетического мифа.

наряду с теми элементами, которые присутствуют как в изображениях вазы, так и в свидетельстве историка, говорит об этом.

Они позволяют, особенно в сопоставлении элементов обеих версий как между собой, так и с фактами греко-арийских параллелей, вывести заключение относительно их общих индоевропейских истоков. Более того – и в пользу общего происхождения предков скифов и древних греков, когда-то в прошлом проживавших на территории общей прародины. Только с учётом этого представления становится понятной обусловленность сохранения общих сюжетов далёкого исторического прошлого двух народов на уровне мифопоэтического сознания, которые в реальной жизни в качестве рудиментов находили отражение в материальной, художественной и духовной культуре племён периферии скифской ойкумены: синдов, меотов, «эллино-скифов», а также «скифов и проживающих среди них эллинов» [8].

Известным отголоском такой ситуации родства и сингении двух народов, отложившихся в их мифах, является результат сопоставления действующих лиц скифской и греческой версий мифа: Липоксай – Агафирс, Арпоксай – Гелон, Колаксай – Скиф. В таком же порядке следует понимать соответствие племени авхатов агафирсам, катиаров и траспиев – гелонам и будинам, а паралатов – скифам. Естественно, что к тому же ряду относится тождество скифского Таргитая греческому Гераклу.

Однако самым важным выступает несовпадающая аналогия, восходящая к единому общему источнику: родителями Таргитая были Зевс и дочь реки Борисфена. И хотя, по словам Геродота, он этому сказанию не верит, тем не менее сам излагает греческую версию почти таким же образом: Геракл производит потомство от брака с женщиной-змеёй. Иными словами, брачные отношения героя с автохтонной богиней-прародительницей зафиксированы в обеих версиях античного историка (IV, 5; 8–10). Насколько нам удалось доказать, они по своему существу совпадают с общим мифологическим источником множества других версий, являясь между собой самыми близкими.

Обращает на себя внимание и место действия. Судя по изложению Геродота, это не Скифия, а земля, куда Геракл пришёл откуда-то с Запада. Название страны историк определяет, используя термин «так называемая теперь страна скифов». А её главной достопримечательностью он называет местность Гилею, в которой и развёртывалось действие греческого изложения скифского мифа, напоминавшего общую индоарийскую, сохранившуюся в эпической поэзии Древней Индии, версию.

Заключение

Этот сюжет уже становился предметом нашего внимания. Сейчас важнее обратить внимание на то, что эллинская версия скифской этногонической легенды своим источником могла иметь мифологию, с которой знакомились проживавшие среди скифов эллины, во-первых, и жившие совместно с будинами в одноимённом городе гелоны, которых «отец истории» наделяет термином «исконные/первоначальные эллины» (Herod., IV, 108–109). Именно это определение представляет интерес первостепенного значения как с точки зрения этногенетического мифа самих греков, так и в контексте формирования их представлений о своём собственном прошлом [Ulf, 1996, S. 240–280]. Впрочем, данная проблема требует специального изучения.

Список литературы

Бартонек А. 1991. Златообильные Микены. Москва, Наука, 351.
Березуцкий В. 2016. Воронежский серебряный сосуд. В: Коммуна. 11 марта: 4.

[8] В специальной литературе допускается отложенность в греческой версии убеждения, согласно которому скифы родственны грекам, хотя и не полностью. См.: [Nilsson, 1998, с. 16; Duev, 2008, p. 223; Nagy, 2013, p. 26].

Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. Москва, Прогресс, 620.
Диодор Сицилийский. 2000. Греческая мифология. Москва, Лабиринт, 222.
Медведев А.П. 2002. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий. В: Античный мир и археология. Саратов. Вып. 11: 131–140.
Писаревский Н.П. 2006. О локализации Гелона (к интерпретации Herod., IV, 24; 108–109). В: Вестник ВГУ. Воронеж. Вып. 2: 72–85.
Писаревский Н.П. 2018. Гелон Геродота. Эллинский город в стране будинов. Санкт-Петербург, Алетейя, 358.
Писаревский Н.П. 2018а. Греко-арийские параллели. III Эллинская версия скифской этногонической легенды. В: Вестник ВГУ. Воронеж. Вып. 1: 107–112.
Подосинов А.В. 2020. Геракл скифский и Геракл кельтский: к истории одной генеалогической легенды. В: Труды кафедры древних языков МГУ. Москва. Вып. 6: 65–108.
Раевский Д.С. 2006. Мир скифской культуры. Москва, Наука, 600.
Ростовцев М.И. 1914. Воронежский серебряный сосуд. В: Материалы по археологии России. Вып. 34. Петроград: 79–93.
Скржинская М.В. 1989. Мифы о Геракле в Скифии. В: Древнейшие государства на территории СССР. 1987. Москва, Наука: 227–232.
Скржинская М.В. 2011. Происхождение двух этногенетических мифов в скифском Логосе Геродота. В: Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Санкт-Петербург, Наука: 469–476.
Duev R. 2008. Zeus and Dionysus in the Light of Linear B Records. In: Colloquium Romanum, Atti del XII colloquio internazionale di Micenologia, Roma, 20–25 febbraio 2006, vol. I–II. Pasiphae 1–2, Pisa: Roma, 223–230.
Karttunen K. 1992. Yonas and Yavanas in Indian Litterature. Helsinki, Finnish Eastern Society, 620.
Lambright T. 2022. In Search of the Pelasgians: Discursive Strategies and Greek Identities from the Archaic Period to the Roman Imperial Era. Diss. Jacksonville State University, 125.
Lincoln B. 2014. Once Again «the Scythian» Myth of Origins. In: Nordlit: 31–33.
Nagy G. 2005. The Epic Hero. In: Companion to the Ancient Epic. Oxford, UP: 71–75.
Nagy G. 2013. Ancient Greek Hero in 24 Hours. Harvard, University Press, 672.
Nilsson M.P. 1998. Minoan and Mycenaean Religion and its Preservation in Greek Religion. Leipzig, Oxford University Press, 622.
Redondo J. 2022. The Herodotean Myth on the Origin of the Scythians. In: Myth and History: Close Encounters. Berlin, De Gruyter: 167–186.
Stafford E. 2017. Herakles. London, Oxford University Press, 312.
Ulf Chr. 1996. Griechische Ethnogenese versus Wanderungen von Stämmen und Stammstaaten. In: Wege zur Genese griechischer Identität. Berlin, De Gruyter, 240–280.
Varto E.K. 2004. Early Greek Kinship. Vancouver, Phd, 256.
Ventris M., Chadwick J., 1973. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, Cambridge University Press, 463.

References

Bartonek A. 1991. Zlatoobilnye Mikeny [Zlatoobilnye Mycenae]. Moscow, Nauka, 261.
Berezutckiy V. 1991. Voronezhskij serebrjanyj sosud [Voronezh Silver Vessel]. In: Kommuna, 4.
Greivs R. Mify Drevney Gretcii [Myths of Ancient Greece]. Moscow, Progress, 1992. 620 p.
Diodor Sitciliyskiy. 2000. Grecheskaya mifologiya [Greek Mythology]. Moscow, Labirint, 222.
Medvedev A.P. 2002. Gelon Gerodota: k problem sootnosheniya antichnogo narrative I istoriko-archeologicheskih realiy [Gelon of Herodotus: on the Problems of the Relationship between Ancient Narrative and Historical and Archaeological Realities]. In: Antichnyi mir I arheologiya [Ancient World and Archaeology], Vyp. 11: 131–140.
Pisarevskiy N.P. 2006. O lokalizacii Gelona (k interpretazii Herod. IV, 24; 108–109) [On the Localization of Gelon (to Interpretation of IV, 24; 108–109]. Voronezh, VSU: 72–85.
Pisarevskiy N.P. 2018. Gelon Gerodota. Ellinskiy gorod v strane budinov [Gelon of Herodotus. Hellenic City in the Country of the Budins]. Saint-Petersburg, Aletheya, 258.
Pisarevskiy N.P. 2018a. Greko-ariyskiye paralleli. III. Ellinskaya versiya skifskoy etnogonicheskoy legendy [Greco-Aryan Parallels. III Hellenic Version of the Scythian Ethnogonic Legend]. In: Vestnik VGU, Voronezh: 107–112.

Podosinov A.V. 2020. Gerakl skifskij i Gerakl kel'tskij: k istorii odnoj genealogicheskoj legendy [Scythian Hercules and Celtic Hercules: on the History of a Genealogical Legend]. Moscow, MGU.Vyp. 6: 65–108.
Raevskiy D.S. 2006. Mir Skifskoy kultury [The World of Scythian Culture]. Moscow, Nauka, 600.
Rostovtzev M.I. 1914. Voronezhskiy serebryannyi sosud [Voronezh Silver Vessel]. In: Materialy po archeologii Rossii [Matherials on Archaeology of Russia]. № 34. Petrograd, 79–93.
Skrzhinskaya M.V. 1989. Mify o gerakle v Skifii [Myths about Hercules in Scythia]. In: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1987 [The Most Ancient States on the Territory of the USSR. 1987]. Moscow, Nauka, 227–232.
Skrzhinskaya M.V. 2011. Proishozhdeniye dvuh etnogeneeticheskih mifov v Skifskom logose Gerodota [The Origin of Two Ethnogenetic Myths in the Scythian Logos of Herodotus]. In: Indoevropeiskoe yazykoznanie I klassicheskaya filologiya – XV [Indo-European Linguistics and Classical Philology – XV]. St. Petersburg, Nauka, 469–476.
Duev R. 2008. Zeus and Dionysus in the Light of Linear B Records. In: Colloquium Romanum, Atti del XII colloquio internazionale di Micenologia, Roma, 20–25 febbraio 2006, vol. I–II. Pasiphae 1–2, Pisa: Roma, 223–230.
Karttunen K. 1992. Yonas and Yavanas in Indian Litterature. Helsinki, Finnish Eastern Society, 620.
Lambright T. 2022. In Search of the Pelasgians: Discursive Strategies and Greek Identities from the Archaic Period to the Roman Imperial Era. Diss. Jacksonville State University, 125.
Lincoln B. 2014. Once Again «the Scythian» Myth of Origins. In: Nordlit: 31–33.
Nagy G. 2005. The Epic Hero. In: Companion to the Ancient Epic. Oxford, UP: 71–75.
Nagy G. 2013. Ancient Greek Hero in 24 Hours. Harvard, University Press, 672.
Nilsson M.P. 1998. Minoan and Mycenaean Religion and its Preservation in Greek Religion. Leipzig, Oxford University Press, 622.
Redondo J. 2022. The Herodotean Myth on the Origin of the Scythians. In: Myth and History: Close Encounters. Berlin, De Gruyter: 167–186.
Stafford E. 2017. Herakles. London, Oxford University Press, 312.
Ulf Chr. 1996. Griechische Ethnogenese versus Wanderungen von Stämmen und Stammstaaten. In: Wege zur Genese griechischer Identität. Berlin, De Gruyter, 240–280.
Varto E.K. 2004. Early Greek Kinship. Vancouver, Phd, 256.
Ventris M., Chadwick J., 1973. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, Cambridge University Press, 463.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.04.2024
Поступила после рецензирования 24.05.2024
Принята к публикации 27.05.2024

Received 25.04.2024
Revised 24.05.2024
Accepted 27.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Писаревский Николай Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия
ORCID: 0009-0008-4524-0688

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay P. Pisarevsky, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World, Voronezh State University, Voronezh, Russia

УДК 94(569.4)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-285-296
Оригинальное исследование

Опрамоас из Ликии – крупнейший частный эвергет Римской империи эпохи благоденствия (II в.)

Болгов Н.Н. [1], **Славогородская Е.П.** [2]
[1)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
[2)] Алексеевская СОШ Белгородской обл.,
309850, Белгородская область, г. Алексеевка, ул. Л. Толстого, д. 10
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru, 1336443@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка анализа надписи Опрамоаса (IGR, III, 739; TAM, II, 905) – частного благотворителя II века. Опрамоас оказал колоссальную помощь большинству городов провинции Ликия в случае чрезвычайной нужды или в плановом порядке. Будучи совокупностью самоуправляющихся общин, Римская империя эпохи Антонинов достигла вершины развития античной цивилизации, добившись высокого уровня жизни граждан городских общин. Это было осуществлено за счет многовековой отлаженной системы частной благотворительности, выросшей из литургий раннего полиса. Эта филантропия при помощи государства создавала эффективную систему частно-государственного партнерства. Опрамоас не приумножал богатство путем спекуляции. Скорее всего, он был успешным землевладельцем и, возможно, торговцем. При этом Опрамоас отличается от многих коллег только значительной благотворительностью, чем занимались всё же не все богатые граждане.

Ключевые слова: Малая Азия, Ликия, благотворительность, империя, Опрамоас, благоденствие, надпись

Для цитирования: Болгов Н.Н., Славогородская Е.П. 2024. Опрамоас из Ликии – крупнейший частный эвергет Римской империи эпохи благоденствия (II в.). *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 285–296. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-285-296

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Opramoas of Lycia – the Largest Private Evergetian of the Roman Empire During the Era of Prosperity (2nd Century A.D.)

Nikolay N. Bolgov [1], **Ekaterina P. Slavogorodskaya** [2]
[1)] Belgorod State National Research University,
14 Studencheskaya St., Belgorod 308007, Russia
[2)] Alekseevskaya Secondary School of the Belgorod region,
10 L. Tolstoy St., Alekseevka 309850, Belgorod region, Russia
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru, 1336443@bsu.edu.ru

Abstract. The article attempts to analyze the inscription of Opramoas (IGR, III, 739; TAM, II, 905), a private benefactor of the 2nd century. The private philanthropist provided enormous material benefits to most cities of his province of Lycia, both in cases of emergency (liquidation of the consequences of an earthquake) and in a planned manner. Being a collection of self-governing communities, the Roman Empire of the Antonine era reached the pinnacle of development of ancient civilization, achieving the highest standard of living for citizens of urban communities in all ancient times. To a large extent, this was

© Болгов Н.Н., Славогородская Е.П., 2024

achieved through a centuries-old, well-functioning system of private charity that grew out of the liturgies of the early polis. This philanthropy was supplemented by the state where necessary, creating an effective system of public-private partnerships. It is difficult to judge the sources of Oprahmoas's. He did not make money through speculation or anything extremely profitable. Most likely, he was just a successful landowner and possibly a merchant. At the same time, Oprahmoas differs from many of his colleagues only in his significant charity, which, apparently, not all rich citizens did.

Keywords: Asia Minor, Lycia, charity, empire, Opramoas, prosperity, inscription

For citation: Bolgov N.N., Slavogorodskaya E.P. 2024. Opramoas of Lycia – the Largest Private Evergetian of the Roman Empire During the Era of Prosperity (2nd Century A.D.). *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 285–296 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-285-296

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Ликия – историческая область, расположенная на территории юго-запада Малой Азии. Будучи еще в доэллинистический период тесно интегрированной с греческим миром, впоследствии, даже в римское время, Ликия сохранила много своеобразия. Это многочисленные города, собранные на труднодоступной и изолированной территории, прочный союз городов (Ликийский койнон), особенности погребального обряда (скальные гробницы).

В период великого благоденствия при Антонинах на Римском Востоке как бы не было истории, так как население неуклонно богатело, ширилось общественное строительство, расцвела благотворительность. Все это исключало крупные исторические события, такие как войны, восстания, вторжения извне; почти не было и заметных природных катастроф.

Одним из крупнейших эвергетов империи этого времени был уроженец и житель небольшого городка Родиаполя в Ликии [Веретенникова, 2022] Опрамоас (Опрамой) – филантроп и миллионер, оставивший, по всей видимости, одну из самых крупных известных нам надписей в истории римской эпиграфики, в которой он перечисляет свои благодеяния (но не от первого лица, а в виде официальных посланий и документов).

Ни сам благотворитель, ни его надпись еще не были предметом исследования в отечественной историографии, в целом весьма слабо интересовавшейся Римским Востоком времен процветания [Ранович, 1949], в отличие от историографии зарубежной, в которой история общественных щедрот, частной благотворительности уже обозначилась как отдельное направление изучения римской Малой Азии [Zuiderhoek, 2009; Zuiderhoek, 2011; Zuiderhoek, 2020, etc.].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является филантропическая деятельность крупнейшего римского частного (гражданского) благотворителя II в. из Ликии Опрамоаса (Опрамоя), засвидетельствованная в эпиграфике и материальной культуре региона.

Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация, а также на специальные исторические методы: историко-биографический, сравнительно-исторический и метод контент-анализа.

Результаты и их обсуждение

Римская Ликия была одним из наиболее своеобразных регионов Восточного Средиземноморья – компактных, урбанизированных, четко отделенных от соседних [Ramsay, 1908; Magie, 1950; Levick, 1967; Jones, 1971]. Вместе со всей империей Ликия вступает в период великого благоденствия и процветания (II в.), сохраняя свою региональную специфику. Одной из наиболее ярких черт последней был феномен появления здесь богатейших

филантропов-эвергетов, засвидетельствованных в источниках. Трудно сказать, характерен ли этот феномен для остальной Малой Азии в той же мере; во всяком случае, для других ее областей имеется значительно меньше информации такого рода.

Надпись Опрамоаса. Деятельность наиболее крупного из всех эвергетов римского времени – Опрамоаса из Родиаполя – описана в обширной греческой надписи на стенах его мавзолея в Родиаполе. Это самая длинная надпись в Ликии и Малой Азии (IGR, III, 739; TAM, II, 905) и едва ли не самая длинная в империи, ознаменовывающая благодеяния и многочисленные почести, оказанные Опрамоасу за его благотворительную деятельность [Kokkinia, 2000; Kokkinia, 2001].

Эта греческая надпись была найдена в 1842 г. в Кумлудже, небольшом городке в юго-восточной части Ликии, между Мирой и Олимпом, немного южнее руин Родиаполя. Первоначально она занимала три внешние стены небольшого четырехугольного здания, расположенного недалеко от театра Родиаполя (рис. 1).

Рис. 1. Родиаполь
Fig. 1. Rodiapolis

К началу XXI в. здание было полностью руинировано, и для археологов и других ученых было большим достижением восстановить текст из отдельных камней, которые лежат на земле. Для полноценной реконструкции аутентичных камней ныне не хватает, но попытка воссоздания здания была предпринята (рис. 2).

Первоначальная функция здания неизвестна; согласно гипотезе, это был мавзолей (героон) Опрамоаса. Если гипотеза верна, это означает, что Опрамоас получил отступление от общего греческого правила, которое запрещало хоронить покойных в городских стенах. Такая исключительная честь была близка к присвоению ему посмертного статуса городского героя в порядке, который регулировал подобные случаи в эпоху принципата.

В 1892–1894 гг. Э. Калинка, Р. Хеберди и Э. Хула изучали надпись Опрамоаса [Heberdey, Kalinka, 1897]. Первый том Tituli Asiae Minoris (TAM I – Tituli Lyciae) был опубликован в 1901 г. Э. Калинкой и охватывал находки в Ликии от Термесса до Родиаполя.

Рис. 2. Мавзолей Опрамоаса, октябрь 2016 г. Dick Osseman (https://pbase.com/dosseman/image/164398824)
Fig. 2. Oprahmoas Mausoleum, October 2016. Dick Osseman (https://pbase.com/dosseman/image/164398824)

Кристина Коккиния в 2000 г. основала свое новое издание на изучении прежде всего материалов архивов, оттисков, рисунков и заметок, оставленных предыдущими издателями и хранившихся в Вене, а также оставшихся фрагментов на месте (их значительно меньше, чем копий в архивах). Она смогла добавить 115 новых фрагментов к ранее известному тексту. Сегодня большая часть фрагментов текста надписи может быть изучена именно в рисунках XIX в. [Kokkinia, 2000].

Текст состоит примерно из 20 столбцов по 100 строк каждый, 36 000 букв или 7 260 слов, что делает его одной из важнейших надписей, дошедших от античности (70 документов в этом новом издании: 32 указа Ликийского койнона [Jameson, p. 832–833] и 38 писем из разных городов, от императора Антонина Пия и от одного прокуратора).

Ученые обнаружили в тексте всего 13 ошибок, которые можно отнести к камнерезу. Следовательно, ремесленник обладал высокой квалификацией. Надпись также выделяется своим языком: редкие выражения и избранная лексика, иногда трогательная многословность. Текст свидетельствует о высокой грамотности и образованности. Создатели этого документа вложили в него много заботы и денег.

Что касается содержания, то надпись представляет собой копию 70 различных документов: 32 указов регионального собрания (койнона) и 38 писем из разных городов, от императора Антонина Пия, от римских губернаторов провинций и от одного римского прокуратора. Все эти документы так или иначе касаются одного человека, Опрамоаса, и его деяний или, точнее, его щедрых поступков и оказанных ему почестей. На западной стороне мавзолея было помещено 38 документов, на южной – 19, на восточной – 13 (илл. 3).

Следует подчеркнуть, что сам Опрамоас не написал ни одного слова от первого лица из этой надписи, которая полностью посвящена ему. Эта «биография» образована совокупностью официальных документов, и тем самым она уникальна.

Помимо «биографии» надпись в целом также отражает дань доброжелательности императора по отношению к городам провинций.

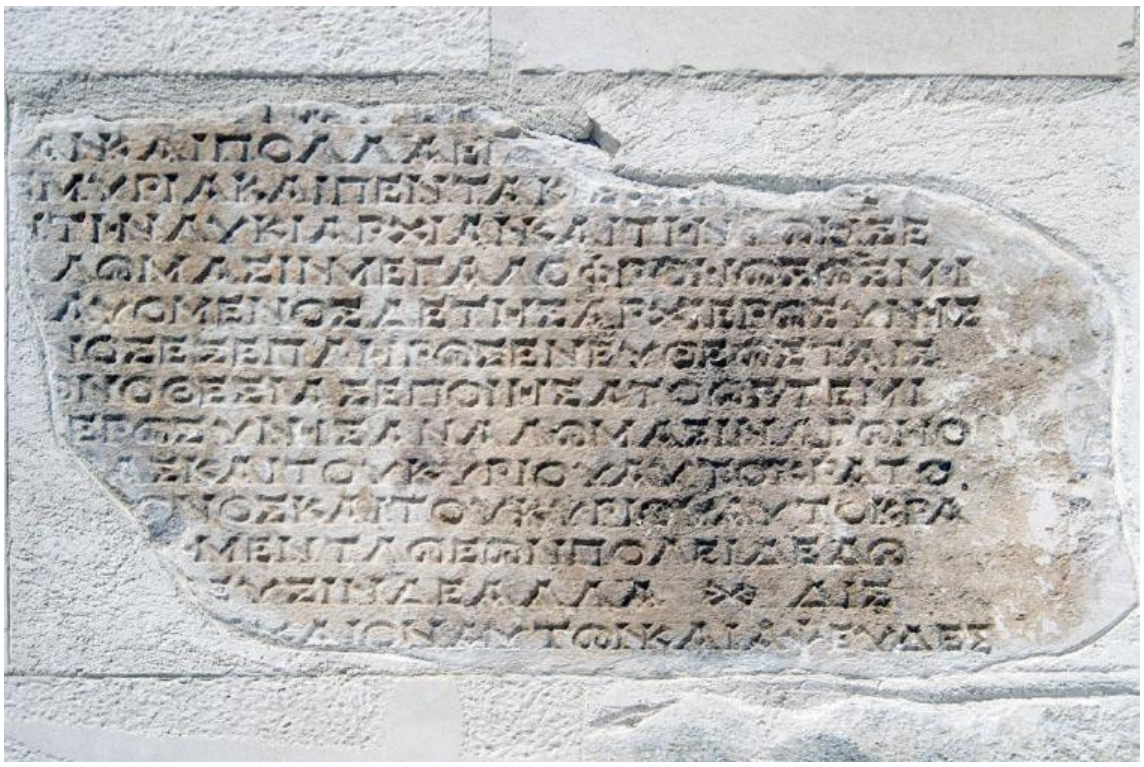

Рис. 3. Фрагмент надписи Опрамоаса в стене мавзолея, октябрь 2016 г. Dick Osseman (https://pbase.com/dosseman/image/164398822)
Fig. 3. Fragment of the Opramoas inscription in the wall of the mausoleum, October 2016. Dick Osseman (https://pbase.com/dosseman/image/164398822)

Упоминание в надписи Антонина Пия и других римских чиновников позволяет датировать документ примерно 150 годом. Цитируя tribunicia potestas императора Антонина Пия, некоторые документы можно точно датировать, всего их 12: док. № 39 – 139 г., док. № 40 – 140 г., док. № 41 – 143 г., док. № 45 – 150 г., док. № 47–51 – 151 г. Остальные документы относятся как минимум к 16 годам до 139 г. или к одному году после 151 г. Соответственно, перед нами документы от 123 г. до 152 г., т. е., охватывают период по меньшей мере в 29 лет [Ritterling, 1920, p. 35–45].

Хронологическая последовательность документов была несколько нарушена, чтобы акцентировать документы императора Антонина Пия. Они выставлены на передней стороне здания и на фасадном архитраве: это неудивительно, так как памятник Опрамоасу также является данью уважения к императору со стороны жителей империи [Cramme, 2010]. Есть и другие следы редактирования и отбора документов, такие как формула «agathe Tyche».

Большая часть документов состоит из почетных указов и писем. Почетные указы, всего их 32, являются особыми указами Ликийского союза и относятся к четырем разрядам. Отправителем 38 текстов является в большинстве случаев правитель Ликии и Памфилии, иногда прокуратор, а в 12 случаях дело касается императора Антонина Пия. Помимо койнона, получателями являются различные ликийские города. Из их содержания ясно, что письма представляют собой ответы римских правителей на запросы союзного правительства или городов относительно почестей, которые должны быть оказаны Опрамоасу. Нередко речь идет об исполнении религиозных (жреческих) обязанностей [Letta, 1994; Reitzenstein, 2011].

По-видимому, только одно письмо возникло по инициативе отправителя. Примечательно, что это также единственное письмо, не имеющее прямого отношения к наградам.

Надпись Опрамоаса примечательна тем, что на ней представлены документы из разных источников. Для надписи на камне такой подход крайне редок и по характеру напоминает скорее папирусный документ. Стоит задаться вопросом, как, кем и почему была собрана такая коллекция. Вызывает некоторое недоумение и то, что Опрамоас ни разу не появляется от первого лица в более чем 7 000 словах надписи.

Опрамоас неизвестен из письменных источников, но упоминается в некоторых других надписях. Тем не менее из-за имеющихся свидетельств, помимо обозначенной в надписи щедрости, он остается достаточно призрачной фигурой. Можно лишь приблизительно обозначить основные моменты, касающиеся его реальной биографии.

Богатство его семьи, похоже, насчитывает немного поколений. Видимо, в значительной степени Опрамоас сам создал свое богатство. Но у нас нет никаких указаний на природу его феноменального богатства даже не ликийского, а имперского масштаба, что тем более удивительно для столь малого ликийского города, как Родиаполь [Kokkinia, 2012]. В империи того времени такое богатство могло быть основано прежде всего на поместьях и сельском хозяйстве, хотя мы не можем исключить коммерческую деятельность [Frezouls, 1985]. Однако вокруг Родиаполя, да и в Ликии в целом, не так много места для сельскохозяйственных угодий. Мы тоже мало что знаем о его образовании и культурном уровне. Остается предположить, что такой выдающийся человек не просто умел читать и писать (школа грамматика), но, возможно, получил и риторическое образование, благо что практически в каждом городе империи такое обучение было организовано.

Следует подчеркнуть еще один момент: нигде в этой длинной надписи не кажется, что Опрамоас извлекал прямую и непосредственную выгоду из римского гражданства, несмотря на его связи с римскими официальными лицами и, в отличие от некоторых членов его семьи, которые действительно достигли такого статуса, которому завидовали окружающие. Однако Опрамоас стал почетным гражданином нескольких городов, которым он помог своими пожертвованиями. Он был выдающейся частью местной элиты Ликии.

В тесной связи с благотворительностью Опрамоаса находится его общественное служение: он избирался верховным жрецом императорского культа в Ликии, ликиархом – главой Ликийского койнона (союза городских общин), а также исполнял ещё ряд должностей в союзе.

Благодеяния Опрамоаса. Семьи Опрамоаса и еще одного филантропа – Гераклита символизируют блестящую эпоху города Родиаполя, всей Ликии и всей империи во II в. [D'Hautcourt, 2003]. Большинство зданий, возведенных в Родиаполе, были построены по заказу этих людей.

Опрамоас пожертвовал около 500 000 динариев 28 городам Ликии (из 36) на восстановление ущерба, нанесенного землетрясением, между 140 и 143 гг. Он также профинансировал строительство двух храмов в Родиаполе [Coulton, 1987; D'Hautcourt, 2003]. Одним из главных его проектов стало восстановление театра в Ксанфе. «... Помимо его подарков в виде игр и множества общественных зданий, … он оплатил начальное обучение всех детей-граждан Ксанфа, мальчиков и девочек ...; он дал средства для погребения нуждающихся и выплаты приданого дочерям из бедных семей» [Courtils, Cavelier, 2001].

Список пожертвований Опрамоаса из-за характера источника неизбежно неполон и неточен. В силу жанра источника в нем обязательно есть некоторая избыточность и повторение: некоторые благотворительные акции, упомянутые как приносящие прибыль региональному собранию, также упоминаются как приносящие пользу отдельному городу. Также не следует исключать, что нечеткость информации иногда является преднамеренной: сделки между благотворителями и теми, кто извлекает выгоду, постоянно согласовывались и пересматривались, и нечеткость условий могла быть инструментом в ходе этих обсуждений.

1. *Благотворительность, признанная союзным собранием городов Ликии (койнон):*

– Опрамоас выполнял несколько общественных поручений в своем городе;

– дал деньги региональному собранию или отдельным городам-членам, точная сумма не сообщается (док. 6; 16; 18; 23; 24; 26; 27; 29; 31; 45; 54; 61; 62; 63; 65; 66; 67; 68; 69);

– создал фонд в 55 000 динариев для организации регулярных раздач денег делегатам, присутствующим на собрании койнона (док. 19; 21; 22; 27?; 28; 31; 34; 53; 54; 55; 57?; 58; 60; 64);

– помог некоторым городам после землетрясения деньгами и зданиями (док. 41; 43; 47; 54; 56; 59; 60; 61; 64);

– профинансировал несколько зданий в разных городах, без дополнительного уточнения (док. 31; 33; 65; 66; 67; 68; 69);

– помогал городам собирать и платить некоторые налоги, причитающиеся Риму, и выделял на это часть своих денег (док. 6; 13; 16; 18);

– организовывал игры для областного собрания в разных городах (док. 54; 60);

– отдал 5 000 динариев на «размен денег»; деньги не были потрачены и были использованы по иному назначению: раздача денег (см. фонд в 55 000 динариев) (док. 19);

– собрание проголосовало за чествование Опрамоаса статуями и портретами, и он заплатил за некоторые из этих почестей (док. 6; 31);

– финансировал несколько шествий (док. 31; 60);

– финансировал раздачу денег (док. 31);

– учредил фонды для ежегодного распределения денег в отдельных городах (док. 33) или все вместе для региональной ассамблеи (док. 33);

– раздал немного зерна и пшеницы (док. 69).

2. *Благотворительность отдельным городам:*

1) Акалисс: дал не менее 3 000 динариев (док. 60; 64?);

2) Антифелл: дал 5 000 динариев (док. 64);

3) Аперлы: дал 30 000 динариев (док. 64);

4) Арнеи: дал 6 000 динариев (док. 60; 64?);

5) Ариканда: дал 10 000 динариев (док. 60; 64);

6) Бальбура: дал 7 000 динариев; дальнейшие подробности неизвестны (док. 60; 64);

7) Бубон: дал 2 000 динариев по неизвестной причине (док. 60; 64?);

8) Хома: дал 6 000 динариев (док. 60); дал 7 000 динариев на строительство портика и храма римскому императору (док. 64);

9) Гаги: полностью профинансировал общественную баню (док. 51); дал 8 000 динариев (док. 60) и/или 18 000 динариев (док. 64);

10) Кадианда: дал 10 000 динариев после землетрясения (док. 54); дал 15 000 динариев (док. 64);

11) Калинда: дал 9 000 динариев с неизвестной целью (док. 60; 64?);

12) Коридалла: выполнял несколько общественных функций, иногда принимая на себя расходы, связанные с одной функцией (док. 31; 56; 64); помог городу после землетрясения (док. 48; 60?); дал 60 000 динариев и создал общественный фонд для закупки зерна (док. 64);

13) Крия: текст слишком поврежден, чтобы понять природу благотворительности (док. 60; 64);

14) Кианеи: дал 15 000 динариев (док. 60; 64);

15) Лимира: помог городу после землетрясения (док. 47: текст очень неопределенный); дал 10 000 динариев (док. 60);

16) Мира: финансировал религиозную процессию (док. 54; 60; 64); финансировал некоторые игры и спектакли (док. 54; 60; 64); помог отстроить несколько зданий, пострадавших от землетрясения (док. 54; 56); дал 100 000 динариев на святилище и другие цели (док. 60); профинансировал строительство зданий, пожертвовал оливковые деревья и некоторые произведения искусства, на что отдал более 22 000 динариев (док. 64); дал деньги, назначение средств неизвестно (док. 39) [Worrle, 1975, p. 159];

17) Ниса (Нейса): неизвестное благодеяние, возможно, помощь после землетрясения (док. 49; 64?);

18) Ойноанда: дал не менее 10 000 динариев на строительство общественной бани и на некоторые другие цели (док. 60; 64);

19) Олимп: дал 12 000 динариев на финансирование религиозной процессии (док. 54; 56; 60; 64);

20) Патара: дал немного денег на восстановление старого оракула (док. 54; 56; 60; 64); финансировал религиозные процессии (док. 54; 56; 60); финансировал некоторые игры и спектакли (док. 54; 60; 64); дал немного денег, чтобы помочь городу уплатить римский налог (док. 54; 64?); дал 18 000 динариев на портик в гавани и обещал полностью профинансировать строительство (док. 60; 64); после землетрясения он дал 20 000 динариев или 38 000 динариев;

21) Фаселида: подарок в виде денег, но камень слишком поврежден, чтобы узнать сумму (док. 64);

22) Фелл: дал 5 000 динариев (док. 64);

23) Пинара: предложил 5 000 динариев, чтобы помочь восстановить некоторые здания после землетрясения (док. 54; 60; 64);

24) Подалия: текст сильно поврежден, и благотворительность остается неизвестной (док. 64);

25) Родиаполь: выполнял несколько общественных функций (док. 16, 18; 54; 56; 64); профинансировал два храма богам (Тихе и Немезида) (док. 54; 56; 60; 64); потратил много денег на пользу Родиаполю. Сумма не указана (док. 16);

26) Сидима: текст сильно поврежден, благотворительность остается неизвестной (док. 64);

27) Симбра: текст слишком поврежден, чтобы знать характер и количество благотворительности (док. 64);

28) Тельмесс: дал 30 000 динариев после землетрясения (док. 54; 56?); дал 35 000 динариев на строительство общественной бани и еще одного здания (док. 60?; 64);

29) Тлос: дал 60 000 динариев на разные постройки (док. 54; 56; 64); дал 50 000 динариев с неизвестной целью (док. 40);

30) Ксанф: дал 30 000 динариев на строительство театра (док. 60; 64) [Kokkinia, 2000].

Благотворительность Опрамоаса исключительна по размеру и в целом по количеству городов-получателей. Он принадлежал к слою эвергетов, действия которых достигли регионального уровня и вышли на уровень комплекса провинций (Малая Азия). Обычные благотворители были довольны тем, что помогали своей родине (городу); более богатые могли помочь одному или двум соседним городам, но мы знаем лишь очень немногих из них, которые могли бы помочь более чем двадцати городам. Только императоры, члены их семей и некоторые члены римской элиты могли превзойти Опрамоаса, распространив свои пожертвования по всей Римской империи, не ограничиваясь одним регионом или комплексом провинций.

Опрамоас служил городам дарами, наличными деньгами или натурой, но также выполнял общественные функции, традиционно называемые магистратурами. В каждом городе были свои институты и свой способ регулирования деятельности учреждений, и обсуждение этой темы заслуживает отдельного исследования. Не сказать, что государственная функция могла быть обременительной: ее обладатели должны были делать взносы своими личными деньгами, что не означает, что не было государственного фонда, привязанного к одной функции. К каждой должности был прикреплен бюджет, и были запланированы государственные расходы, но магистраты должны были исполнять этот бюджет своими собственными фондами.

Также стоит отметить, что наиболее часто упоминаемое индивидуальное пожертвование Опрамоаса – это денежный подарок региональному собранию союза городов (койнону) для создания фонда. Этот фонд был разработан таким образом, чтобы на регулярной основе можно было организовать раздачу денег в пользу людей, принимавших участие в собрании. Эти люди были представителями разных городов и членами их гражданской элиты [Larsen,

1957]. Следовательно, это пожертвование было не благотворительным жестом, а актом социальной значимости: для Опрамоаса это был способ напомнить своим согражданам о своей доброжелательности, акт щедрости, социально ограниченный людьми, которые прямо не нуждались в деньгах. Раздача была и способом подтверждения социального статуса людей, получавших деньги. Это следует иметь в виду, поскольку экономическое значение частной щедрости иногда было сопоставимо с государственными доходами [Frezouls, 1985].

Наконец, большинство благотворительных пожертвований Опрамоаса было совершено после чрезвычайной ситуации – землетрясения 141 г., и они являются следствием исключительных условий. Это еще одна важная характеристика, которую следует учитывать при анализе отношений между государственными доходами и частной филантропией.

Монументальная гробница Опрамоаса, построенная в Родиаполе рядом с восточной стороной Себастейона как часть того же комплекса рядом с городским театром [Coulton, 1987; D'Hautcourt, 2003], является уникальным зданием не только в городе, но и в регионе, посвященным местной ведущей семье.

Здание было ориентировано с СЗ на ЮВ. Однако ориентация его стен в текстовых изданиях всегда упоминается как западная вместо юго-западной, южная вместо юго-восточной и восточная вместо северо-восточной, что сохранено здесь для простоты.

Он был построен в стиле простого храма в антах, чьи двойные стены состояли из восьми слоев камня и имели высоту 5 м. По найденным внутри кирпичам первые исследователи пришли к выводу о том, что здание имело сводчатый потолок. Они предполагали, что изначально в плане здания присутствовал перистиль, но от колонн ни тогда, ни сейчас ничего не сохранилось. По плану и размерам здание Опрамоаса сравнимо с погребальным храмом-простилем в Термессе.

Очень плотная застройка в Родиаполе вела к тому, что стены и функции многих зданий оказывались совмещенными. Так, стоя Опрамоаса и театр соседствуют с западной стороны, создавая беспрецедентный пример организации входа-выхода и движения посетителей за пределами театра.

Единственная ровная площадка без цистерны в этом холмистом городе – это терраса, на которой стоит монументальная гробница-мавзолей Опрамоаса. Предполагается, что эта терраса театра, существовавшая с эллинистического периода, была повторно использована в римский период.

Монументальная гробница и стоя Опрамоаса расположены в самом привилегированном месте в центре. Мавзолей и ионическая стоя, окружающая его с двух сторон, занимают всю площадь перед театром [9]. Хотя монументальная гробница нарушает городскую ткань и сужает площадь театра, эта привилегия была предоставлена Опрамоасу за особые заслуги [Coulton, 1987].

Построенный в самом неудобном, но ярком месте в центре города, этот памятник символизирует безграничный авторитет местной городской знати [Coulton, 1987; D'Hautcourt, 2003].

Предпринятая в последние годы реконструкция мавзолея не позволяет в должной мере собрать здание из аутентичных камней, их слишком мало. Но в заново построенной реконструкции оригинальные камни расположены в приблизительно восстанавливаемом порядке.

Заключение

Итак, для истории римской Малой Азии важнейшим историческим источником является надпись частного благотворителя-эвергета из Ликии Опрамоаса. Благодаря этим документам мы можем наглядно представить широкий спектр деятельности самого эвергета, а также круг взаимоотношений с императорской властью по вопросам финансирования об-

[9] Театр Родиаполя стоит на склоне холма рядом с постройкой Опрамоаса. Он был полностью раскопан в 2006–2009 гг. [Çevik, 2008]. Театр тесно и органично связан со стоями и агорой. Западный парод театра и стоя Опрамоаса находятся в полной органической связи, как если бы они были спланированы вместе.

щественно значимых проектов и сооружений в провинциях империи [Cramme, 2010]. Деятельность Опрамоаса в качестве частного эвергета показывает, насколько высоким был уровень жизни в Римской империи II столетия. Именно в это время античная цивилизация как совокупность самоуправляющихся общин реализовала все свои потенциальные возможности и обеспечила благосостояние большинству граждан муниципальных общин. Феномен эвергесии в Ликии далеко не единичен [Hall, Milner, Coulton, 1996], как и в Малой Азии в целом. Он сохранится в Восточном Средиземноморье и в последующий период поздней античности [Roueche, 1997].

Список источников

Перевод док. № 1–5 из надписи Опрамоаса.

Западная сторона

1. [1B] В течение года в должности союзного жреца Клавдия Телемаха [(в месяце) ...]. Помпей Фалькон приветствует архонтов, совет и народ Родиаполя. Вы поступите правильно, когда [почтите] тех, кто снисходителен к вам. (Поэтому) мне приятно [видеть, что ваш город пишет об Опрамоасе (?)]. Прощай!
2. [1C] [В год пребывания в должности] союзный жрец [(имя ВР, имя отправителя)] приветствует [(имя получателя)]. Вознаграждая [щедрость (?)] отличившихся (?) почестями, которые являются обычными для них, ты поступаешь правильно. [Прощай!]
3. [В год службы союзного жреца (имя союзного жреца, имя отправителя)] приветствует [(имя получателя). Опрамоас], сын Аполлония [II] и правнук Каллиада, хороший [человек, о котором ты] так подробно свидетельствуешь [-------- (3 строки) ------] я испытал [---] почетное (?) и похвальное (?) и ответил на [твое] рекомендательное письмо. Прощай!
4. [(Отправитель)] приветствует Нейкополема, сына Диомеда (?), императорского жреца города Родиаполя. Я был в городе и принял к сведению решение народа и [одновременные] почести Аполлонию и Опрамоасу [--- --- (2 строки) ------ согласно] подтверждаю [эти (почести)]. Прощай!

Записано [в год правления союзного жреца] Клавдия [Сакердота (?)).

5. В год правления союзного жреца [Клав(дия)] Сакердота [(в месяце) Панеме (?) (сентябрь)]. Тиб(ерий) [Юлий Фруги], легат-пропретор Августа, приветствует совет Родиаполя. Опрамоас, сын Аполлония II и правнук Каллиада, который, как вы свидетельствуете, пожертвовал великолепно и согласно своему происхождению, архифилаксу [ликийцев], исполнявшему (должность?) [----- - -----(3 строки) ----------. Прощайте!]

Список литературы

Веретенникова Е.П. 2022. Родиаполь и внутренняя Ликия в римско-ранневизантийское время. В: Via in tempore. История. Политология. 49(2): 292–301.

Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. Москва, АН СССР, 273.

Coulton J.J. 1987. Opramoas and the Anonymous Benefactor. In: Journal of Hellenic Studies. 107: 171–178.

Cramme S. 2010. Die Bedeutung des Euergetismus für die Finanzierung städtischer Aufgaben in der Provinz Asia. Diss. Koln, 322.

D'Hautcourt A. 2003. Public Finances and Private Generosity. The Example of Opramoas in Roman Lycia. In: Journal of Economics, Business and Law. 5: 39–62.

Frezouls E. 1985. Les ressources de l'evergetisme. Le cas d'Opramoas de Rhodiapolis. In: L'origine des richesses depensees dans la ville antique (Actes du Collogue organise a Aix-en-Provence, 1984). Aix-en-Provence, 111–113.

Hall A.S., Milner N.P., Coulton J.J. 1996. The Mausoleum of Licinnia Flavilla and Flavianus Diogenes of Oinoanda: Epigraphy and Architecture. In: Anatolian Studies, 46: 111–114.

Heberdey R., Kalinka E. 1897. Opramoas, inschriften vom Heroon zu Rhodiapolis. Wien, Kalinowski, 201.

Jameson S. 1980. The Lycian League: Some Problems in its Administration. In: Aufstieg und Niedergang der romischen Welt 2.7.2. Berlin: 832–855.

Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 564.

Kokkinia C. 2000. Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien. Bonn, Habelt, 274.
Kokkinia C. 2012. Opramoas' Citizenships: The Lycian Politeuomenos-Formula. In: Patrie d'origine et patries électives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine (Actes du colloque international de Tours, 6-7 novembre 2009). Bordeaux: 327–339.
Kokkinia C. 2001. Verdiente Ehren. Zu den Inschriften für Opramoas von Rhodiapolis und Iason von Kyaneai. In: Antike Welt, 32: 17–23.
Larsen J.A.O. 1957. Lycia and Greek Federal Citizenship. In: Symbolae Osloenses 33: P. 5–26.
Levick B. 1967. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxford, Clarendon. 205.
Letta C. 1994. Il dossier di Opramoas e la serie dei legati e degli Archiereis di Licia. In: Aspetti e problemi dell' Ellenismo. Atti del Convegno di Studi Pisa 6–7 novembre 1992. Pisa: 203–245.
Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, UP, 1662.
Ramsay W.M. 1908. Cities of St. Paul: Their Influence on His Life and Thought. New York, A.C. Armstrong, 506.
Reitzenstein D. 2011. Die lykischen Bundespriester. Repräsentation der kaiserzeitlichen Elite Lykiens. Berlin, Akademie Verlag, 280.
Ritterling E. 1920. Zur Zeitbestimmung ciniger Urkunden vom Opramoas-Denkmal. In: RhM. 73: 35–45.
Roueche C.M. 1997. Benefactors in the Late Roman Period: the Eastern Empire. In: Actes du Xe Congrès International d'Épigraphie Grecque et Latineю Paris: 353–368.
Worrle M. 1975. Zum Wiederaufbau von Myra mit Hilfe des Lykiarchen Opramoas nach dem Erdbeben von 141 n. Chr. In: Myra. Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin: 159–165.
Zuiderhoek A. 2009. The Politics of Munificence in the Roman Empire. Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor. Cambridge, UP, 186.
Zuiderhoek A. 2011. Oligarchs and Benefactors: Elite Demography and Euergetism in the Greek East of the Roman Empire. In: Political Culture in the Greek City after the Classical Age. Groningen-Royal Holloway Studies on the Greek City after the Classical Age, II. Leuven, Peeters: 185–195.
Zuiderhoek A. 2020. Benefactors and the Poleis in the Roman Empire: Civic Munificence in the Roman East in the Context of the Longue Durée. In: Benefactors and the Polis. The Public Gift in the Greek Cities from the Homeric World to Late Antiquity. Cambridge, UP: 222–242.

References

Veretennikova E.P. 2022. Rodiapol' i vnutrennjaja Likija v rimsko-rannevizantiĭskoe vremja [Rodiapolis and Inner Lycia in Roman-Early Byzantine Times]. V: Via in tempore. Istorija. Politologija. 49(2): 292–301.
Ranovich A.B. 1949. Vostochnye provincii Rimskoj imperii v I–III vv. [Eastern Province of the Roman Empire in I–III Cent. A.D.]. Moscow, AN SSSR, 273.
Coulton J.J. 1987. Opramoas and the Anonymous Benefactor. In: Journal of Hellenic Studies. 107: 171–178.
Cramme S. 2010. Die Bedeutung des Euergetismus für die Finanzierung städtischer Aufgaben in der Provinz Asia. Diss. Koln, 322.
D'Hautcourt A. 2003. Public Finances and Private Generosity. The Example of Opramoas in Roman Lycia. In: Journal of Economics, Business and Law. 5: 39–62.
Frezouls E. 1985. Les ressources de l'evergetisme. Le cas d'Opramoas de Rhodiapolis. In: L'origine des richesses depensees dans la ville antique (Actes du Collogue organise a Aix-en-Provence, 1984). Aix-en-Provence, 111–113.
Hall A.S., Milner N.P., Coulton J.J. 1996. The Mausoleum of Licinnia Flavilla and Flavianus Diogenes of Oinoanda: Epigraphy and Architecture. In: Anatolian Studies, 46: 111–114.
Heberdey R., Kalinka E. 1897. Opramoas, inschriften vom Heroon zu Rhodiapolis. Wien, Kalinowski, 201.
Jameson S. 1980. The Lycian League: Some Problems in its Administration. In: Aufstieg und Niedergang der romischen Welt 2.7.2. Berlin: 832–855.
Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 564.
Kokkinia C. 2000. Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien. Bonn, Habelt, 274.
Kokkinia C. 2012. Opramoas' Citizenships: The Lycian Politeuomenos-Formula. In: Patrie d'origine et patries électives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine (Actes du colloque international de Tours, 6-7 novembre 2009). Bordeaux: 327–339.

Kokkinia C. 2001. Verdiente Ehren. Zu den Inschriften für Opramoas von Rhodiapolis und Iason von Kyaneai. In: Antike Welt, 32: 17–23.
Larsen J.A.O. 1957. Lycia and Greek Federal Citizenship. In: Symbolae Osloenses 33: P. 5–26.
Levick B. 1967. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxford, Clarendon. 205.
Letta C. 1994. Il dossier di Opramoas e la serie dei legati e degli Archiereis di Licia. In: Aspetti e problemi dell' Ellenismo. Atti del Convegno di Studi Pisa 6–7 novembre 1992. Pisa: 203–245.
Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, UP, 1662.
Ramsay W.M. 1908. Cities of St. Paul: Their Influence on His Life and Thought. New York, A.C. Armstrong, 506.
Reitzenstein D. 2011. Die lykischen Bundespriester. Repräsentation der kaiserzeitlichen Elite Lykiens. Berlin, Akademie Verlag, 280.
Ritterling E. 1920. Zur Zeitbestimmung ciniger Urkunden vom Opramoas-Denkmal. In: RhM. 73: 35–45.
Roueche C.M. 1997. Benefactors in the Late Roman Period: the Eastern Empire. In: Actes du Xe Congrès International d'Épigraphie Grecque et Latineю Paris: 353–368.
Worrle M. 1975. Zum Wiederaufbau von Myra mit Hilfe des Lykiarchen Opramoas nach dem Erdbeben von 141 n. Chr. In: Myra. Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin: 159–165.
Zuiderhoek A. 2009. The Politics of Munificence in the Roman Empire. Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor. Cambridge, UP, 186.
Zuiderhoek A. 2011. Oligarchs and Benefactors: Elite Demography and Euergetism in the Greek East of the Roman Empire. In: Political Culture in the Greek City after the Classical Age. Groningen-Royal Holloway Studies on the Greek City after the Classical Age, II. Leuven, Peeters: 185–195.
Zuiderhoek A. 2020. Benefactors and the Poleis in the Roman Empire: Civic Munificence in the Roman East in the Context of the Longue Durée. In: Benefactors and the Polis. The Public Gift in the Greek Cities from the Homeric World to Late Antiquity. Cambridge, UP: 222–242.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.01.2024
Поступила после рецензирования 11.03.2024
Принята к публикации 14.03.2024

Received 10.01.2024
Revised 11.03.2024
Accepted 14.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0003-0478-5565

Славогородская Екатерина Павловна, учитель истории, Алексеевская СОШ Белгородской области, г. Алексеевка, Россия
ORCID: 0000-0002-5688-7056

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Ekaterina P. Slavogorodskaya, Teacher of History, Alekseevskaya Secondary School of the Belgorod region, Alekseevka, Russia

УДК 94(03)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-297-308
Оригинальное исследование

Римский император в образе египетских богов в изображениях и текстах

Качан С.А.
Высшая школа экономики,
Россия, 109028, г. Москва, Покровский б-р, 11
E-mail: sergey-md@list.ru

Аннотация. В данном исследовании автор обращает свое внимание на изображения богов Анубиса и Хора в римском Египте. Данные боги могли включать в свой образ иконографические черты римского императора. Хор и Анубис выступали в качестве непобедимых воинов, утверждающих справедливый порядок в мире, вселенских божеств и цивилизаторов народов. Эти функции соответствовали образу римского императора, который утверждает Pax Romana, что позволяло отождествить владыку Рима и этих божеств. Придание Анубису и Хору иконографических черт императора находило свое подтверждение в папирусных и храмовых текстах, было следствием желания жителей долины Нила инкорпорировать образ императора в религиозную сферу Египта и результатом адаптации религиозных представлений египтян ко вкусам греко-римского населения Нильской долины. Одновременно придание египетским богам римских черт могло быть следствием перенесения сакрального статуса царя на божеств долины реки Нил, хотя полностью исключить правителей Рима из египетской религиозной системы, которые как египетские фараоны должны были обеспечивать справедливый порядок вещей («Маат»), не представлялось возможным для сознания египтян.

Ключевые слова: императорский культ, римский Египет, Анубис, Хор, Амон, Ра, Сет

Для цитирования: Качан С.А. 2024. Римский император в образе египетских богов в изображениях и текстах. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 297–308. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-297-308

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Roman Emperor in the Guise of the Egyptian Gods: Images and Texts

Sergey A. Kachan
Higher School of Economics,
11 Pokrovsky Blvd., Moscow 109028, Russia,
E-mail: sergey-md@list.ru

Abstract. The author draws his attention to the images of the gods Anubis and Horus in Roman Egypt in this study. These gods could include in their image the iconographic features of the Roman emperor. Horus and Anubis acted as invincible warriors, asserting a fair order in the world, universal deities and civilizers of peoples. These functions corresponded to the image of the Roman emperor, who established the Pax Romana, which made it possible to identify the ruler of Rome and these deities. Giving to Anubis and Horus the iconographic features of the emperor, that was confirmed in papyrus and temple texts, was a consequence of the desire of the inhabitants of the Nile Valley to incorporate the image of the emperor into the religious sphere of Egypt and the result of the adaptation of the religious ideas of the Egyptians to the

© Качан С.А., 2024

tastes of the Greco-Roman population of the Nile Valley. At the same time, giving of the Roman features to the Egyptian gods could be a consequence of transferring the sacred status of the king to the deities of the Nile River Valley, although it was not possible for the Egyptians to completely exclude the rulers of Rome from the Egyptian religious system, who, as Egyptian pharaohs, were supposed to ensure a fair order of things («Maat»).

Keywords: imperial cult, Roman Egypt, Anubis, Horus, Amon, Ra, Seth

For citation: Kachan S.A. 2024. Roman Emperor in the Guise of the Egyptian Gods: Images and Texts. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 297–308 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-297-308

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

После захвата Египта Октавианом Августом в долину реки Нил стали проникать римские религиозные представления, которые входили в синтез с египетскими и греческими верованиями [Vandorpe, Clarysse, 2019, p. 419–421]. Синкретический характер религии римского Египта оказал воздействие на образы египетских богов, которые вбирали черты римских и греческих божеств и с которыми отождествлялся правитель Египта – римский император. Одновременно в долине реки Нил утверждался императорский культ [Pfeiffer, 2019, S. 435–438], который вбирал в себя греко-римские элементы и египетские черты, позволявшие сформировать региональные египетские особенности в поклонение правителю и входившие в общую структуру богопочитания владыки Рима. Императорский культ формировал в Римской державе представление об империи как Patria communis для разных народов, входивших в ее состав, с ее единым календарем, принесением клятвы правителю, религиозным почитанием императора и, как следствие, проявлением лояльности провинциалов к власти правителя Рима [Ando, 2000]. Формирование императорского культа в Египте как коммуникативного феномена стало результатом взаимодействия египетских жрецов и римской администрации в инкорпорации образа императора в религиозно-культовую сферу долины реки Нил [Dörner, 2014, S. 153–154]. Под воздействием влияния греко-римских религиозных представлений, соединившихся с египетскими верованиями, в долине реки Нил формировались культовые действия и формы, которые стали проявлением «стереотипного присвоения»: жрецы римского Египта, используя традиционные египетские верования и культовые действия долины Нила, приспосабливали их к вкусам греко-римского населения Египта [Frankfurter, 2000]. Схожие процессы могли происходить в культе императора, который отождествлялся с египетскими богами. Итак, в данном исследовании будут рассмотрены следующие проблемы: какие формы, приспособленные к вкусам разноэтничного населения Египта, сформировались в Египте в поклонении правителю, отождествленному с богами Хором и Анубисом, какие черты образа римского правителя соответствовали этим богам и как данные представления отражались в изображениях и текстах римского Египта.

Объект и методы исследования

Объект исследования: разнообразные изображения богов Хора и Анубиса, которые включали в свой образ иконографические черты римских императоров. Методология включает в себя сравнительный анализ изображений этих божеств с иллюстративными памятниками, представляющими правителей Рима, а также изучение храмовых, античных нарративных и папирусных текстов, в которых находится подтверждение идей, позволявших придавать Хору и Анубису римские иконографические черты.

Результаты и их обсуждение

В римское время бог Хор изображался в качестве победителя крокодилов, образ которых символизировал поверженного врага сокологолового бога – Сета. В храме Дендеры Хор представлен стоящим перед Осирисом, рядом с которым Исида и Нефтида, и сокологоловый бог своим копьем протыкает крокодила. Данное изображение сопровождается надписью: (Ḥr s³ Js.t s³ Wsjr jwʿt mnḫ prj m Js.t nḏ jt=f sḫr rs.t (n) ḫn.t s³ n ḫftj.w≠f) «Хор, сын Исиды, сын Осириса, наследник превосходный, выходящий из Исиды, защищающий отца своего, низвергающий врагов места отдыха (гробница), защита против врагов своих» [Mariette, 1870, pl. 43] (рис. 1). Здесь бог Хор выступает защитником своего отца – Осириса, который был коварно убит божеством зла – Сетом (Plut. De Iside et Osiride. 13). Итак, образ Хора, повергающего врагов, был тесно связан с функцией защиты, а сам сокологоловый бог в качестве мстителя за своего отца выступал в образе всадника (Plut. De Iside et Osiride. 19). Данная идея находила свое подтверждение в папирусных источниках, в которых Хор, восседающий на коне, выступает гарантом плодородия и правосудия (PDM XIV. 1219–1227).

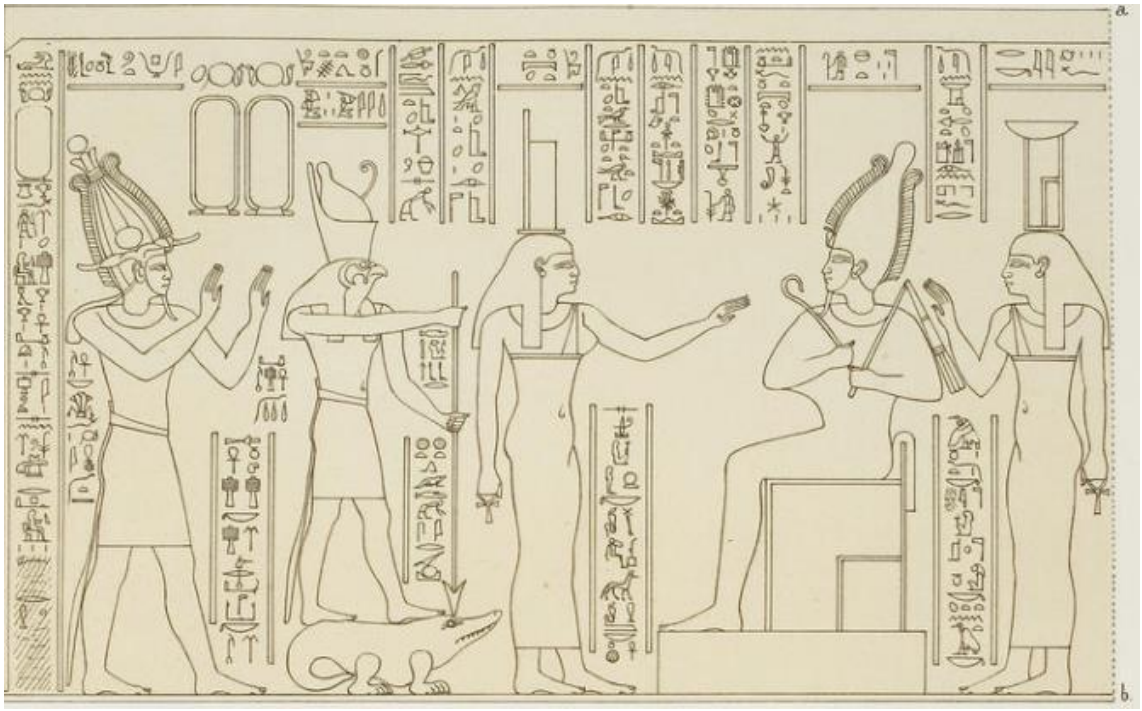

Рис 1. Бог Хор, сын Исиды, протыкающий копьем крокодила. Храм Дендеры
Fig. 1. God Horus, son of Isis, piercing a crocodile with a spear. Temple of Dendera

Римский император, который мыслился земным воплощением бога Хора, изображался в качестве победителя крокодилов. В храме Дендеры римского времени император в образе египетского фараона представлен пронзающим крокодила копьем. Он стоит перед Хором Бехдетским [Mariette, 1870, pl. 75, a–b]. В сцене А бог Хор назван (Ḥr Bḥdty nṯr ᶜ³ nb pt nb Msn k³ nḫt prj m Is.t nb mʿb³ sḫr ḫfty.w ḫn.t ḥr stp-s³ n ḫfty.w) «Хор Бехдетский, бог великий, господин небес, господин Месена; сильный бык, исходящий из Исиды; господин копья, поражающий врагов места отдыха (гробница), защищающий от врагов». Хор Бехдетский говорит римскому правителю: (dj.(tw)≠k pḥ.ty mj s³ Is.t ḫfty.w.≠k sḫr ḫr tb.ty≠(k)) «дарует тебе сила подобно сыну Исиды, враги твои низвергнуты под сандалии (твои)» (рис. 2). Таким образом, император, являвшийся земным воплощением бога Хора, выступал в качестве победителя крокодилов и в этой связи выступал, подобно сокологоловому богу, гарантом защиты, плодородия и правосудия. В образе поработителя крокодила изображался на

александрийских монетах (130–131 или 134–136 гг.) Адриан: фигура императора, повернутая вправо, одета в римский военный костюм. Адриан держит правой рукой меч-паразоний, левой – копье, правой ногой попирает крокодила (рис. 3). Здесь образ поверженного крокодила переплетался с идеей военных побед Адриана [Levi, 1948, p. 30–31, 33. Fig.1] [10], а появление подобных монет могло быть формой подражания императору Августу. Первый император после военной победы над Египтом выпустил в Италии монеты: на аверсе изображена голова Октавиана Августа, на реверсе – крокодил (легенда – AEGYPTO CAPTA), образ которого символизировал Египет [Herklotz, 2012, p. 18] (рис. 4).

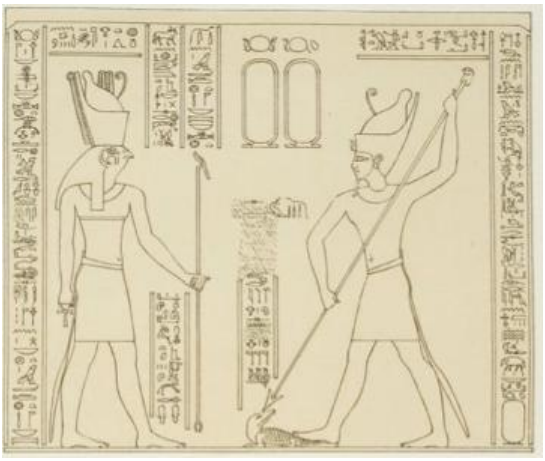

Рис. 2. Римский император в образе египетского фараона, протыкает крокодила. Храм Дендеры
Fig. 2. The Roman emperor in the guise of an Egyptian pharaoh piercing a crocodile. Temple of Dendera

Рис. 3. Император Адриан, попирающий крокодила. Александрийская монета (130–131 или 134–136 гг.)
Fig. 3. The Emperor Hadrian trampling on a crocodile. Alexandrian coin (130–131 or 134–136)

Рис. 4. Серебряный денарий времени правления Октавиана, посвященный захвату Египта.
Fig. 4. Silver denarius of Octavian, dedicated to the capture of Egypt.

Функции римского правителя как победителя отображены в Хоровом имени императора: «Да живет Хор-Ра, мощный дланью, великий мощью, прекрасный юноша (ʿnḫ Ḥr-Rʿ ṭmʒ-ʿ wr pḥ.ty ḫwnw nfr)…Утвердил он законы по всей земли, подобно Тоту, совершая Маат

[10] Примечательно, что на римских ауреусах и сестерциях 215 г. император Каракалла был представлен в схожем образе: правитель Рима одет в римский военный костюм, одной ногой он попирает крокодила, правой рукой держит копье. При этом Каракалла получает от Исиды связку пшеницы – символ плодородия [Levi 1948, p. 32–33. Fig. 2–3]. Появление этих монет римской чеканки могло быть осуществлено под влиянием образа Адриана и было проявлением Imitatio Hadriani.

(бога) Ра, охватывающую Обе Земли (Египет), (он) – римлянин, возлюбленный всеми богами Египта (smn.n≠f hp.w n t³ ḏr≠f mj Ḏhwty hr jr.t m³ʿ.t n Rʿ jṯ ṯ³.wy ḥrmys mrj nṯr.w nb.w B³ḳ.t) [Herklotz, 2007, S. 416. H 7]. Хорово имя императора, разработанное еще при Августе, стало стандартным для последующих правителей Рима [Grenier, 1989], а идеи, которые вкладывались в Хорово имя, были частью культового образа последующих императоров. Необходимо отметить, что в Хоровом имени римский правитель отождествлялся с богами Ра и Хором, единение образов которых демонстрировало вселенский характер (PGM I. 145) и подходило образу императора, претендующего на господство над всей ойкуменой. Римские правители изображались с иконографическими чертами бога Амона-Ра. Так, император Август изображался частными лицами в образе Зевса-Амона [Pfeiffer, 2009, S. 72–73. Abb. 2] (рис. 5), который контаминировался с Ра, а победоносный Хор включал в себя черты бога Амона [Frankfurter, 1998, p. 4]. В Египте произносились клятвы, в которых правитель отождествлялся с Зевсом-Аммоном, именем «Цезаря императора, сына бога, Зевса Элевтерия, Августа» (BGU XVI. 2591) [Pfeiffer, 2019, S. 437]. В ходе «Праздника пустынной долины», посвященного еще со времен XI династии богу Амону [Павлова, 1984, с. 82] и сохранившегося в римское время (Diod. I. 97. 8–9), император отождествлялся с этим божеством. Этот праздник засвидетельствован в «Книге прохождения в вечность», датируемой временем правления Нерона. Как и в прежние времена, чествование Амона в ходе драматических действий сопровождалось почитанием мертвых [Klotz, 2012, p. 389–391], при этом в тексте «Книги» отражаются коронационные мотивы: (m³³≠k ḥḏ.t m jmy-jrty jm≠f dšr.t ḫr ḫfʿ ḥm.f ptr≠k nsw.t-nṯr.w m sšt³≠f) «видишь ты белую корону, поскольку капитан находится в ней (в барке), и красную корону, держащую руль, ты видишь царя богов (Амона) в его таинственном облике» [Klotz, 2012, p. 390]. О существовании этих культовых действий может свидетельствовать александрийская монета: на аверсе изображен Нерон с лучистой короной на голове – знак обожествления (и сопоставления с Ра-Гелиосом, или Сараписом), на реверсе – барка с легендой ΣΕΒΑΣΤΟΦΟΡΟΣ [O'Neill, 2011, p. 197. Fig. 34] (рис. 6). Нерон также сопоставлялся с богом (Ἡλίωι Ἀρμάχει) Гелиосом-Хармахисом (Гором Двугоризонтным), обеспечивающим плодородие и разливы Нила, что было отражено в частной стеле из деревни Бусирис (OGIS II.666) [Heinen, 2007, S. 192]. При этом Нерон, озаренный солнцем с самого рождения (Suet. Nero.6.1), рассматривался как воплощение солярного божества на земле.

Рис. 5. Император Октавиан Август, изображенный на частной стеле в образе Зевса-Амона, стоит перед крокодилоголовым богом Сокнопаем
Fig. 5. The emperor Octavian Augustus, depicted on a private stele as Zeus-Amon, stands before the crocodile-headed god Soknopaios

Рис. 6. Александрийская тетрадрахма времени правления Нерона: аверс – бюст императора с лучистой короной, слева – барка
Fig. 6. Neronian tetradrachm from Alexandria: obverse – bust of the emperor with a radiant crown, reverse – a bark

Итак, римский император выступал в качестве победителя крокодилов в храмах римского времени, проявляя себя как земное воплощение бога Хора – гаранта законности, плодородия и защиты. Эти функции соответствовали образу правителя Рима в Египте, что отражалось в Хоровом имени римских правителей. Одновременно образ императора вбирал черты бога Амона, который выступал как царь богов и отождествлялся с Хором. Отождествление Хора и Амона-Ра принимало вселенский характер и оказывало влияние на образ императора.

В римском Египте образы императора, протыкающего копьем крокодила и выступающего в качестве земного воплощения сокологолового бога, и Хора-всадника нашли свое воплощение в терракотовой статуэтке, которая изображает Хора в римской броне, восседающего на коне и вонзающего в крокодила копье (Луврский музей. Инв. № X5130) [Frankfurter, 1998, title page] (рис. 7).

Это изображение является примером проявления влияния Pax Romana, который несет император, являющийся победителем врагов и утверждающий справедливый порядок вещей – Маат. Необходимо отметить, что, согласно античной литературе, Аполлон-Хор выступал в качестве бога, который наряду с Осирисом распространяет цивилизованный образ жизни (Diod. I. 17. 3). Данная функция была присуща образу императора, несущему миру Золотой век и цивилизованный образ жизни, сопровождаемый победой над врагами (Victoria), утверждением мира (Pax) и согласия (Concordia), избавлением от страданий (Salus), успехом (Fortuna). Необходимо отметить, что бог Хор изображался частными лицами в образе египетского фараона с поднятой правой рукой, который носит корону Верхнего и Нижнего Египта и включает в свой образ черты императора – римскую броню, что было формой Interpretatio Imperatorum в образе сокологолового бога [Kantorowicz, 1961, p. 372–373, Fig. 10] и влиянием Pax Romana на образ Хора (рис. 8). Похожие статуэтки представлены в коллекции ГМИИ им А.С. Пушкина, где находятся бронзовые изображения стоящего бога Хора в римской броне и короне Верхнего и Нижнего Египта с поднятой вверх правой рукой, которая должна была держать копье, повергающее врага (изображение врага не сохранилось – статуэтка с инв. № I, 1а 2985) или крокодила (инв. № I, 1а 2985) [Ладынин, 2023, с. 225–226. Рис. 1–2]. И.А. Ладынин полагает, что изображения бога Хора в одежде римского воина и с царскими инсигниями было продолжением религиозных представлений египтян, уходящих корнями в период персидского господства, о том, что личность иностранного монарха, признанного сакральным правителем Египта, в силу воплощения в нем божества поглощается богом Хором. Статуэтки Хора с римскими чертами изображали не конкретного императора, а были имперсональными [Ладынин, 2023, с. 231–232]. Таким образом объявлялось, что сам Хор правит Египтом, тесно связанный с римскими императорами, которых невозможно было исключить из религиозной системы Египта. В этой связи обращает на себя внимание стела Каирского музея (CG 27573) (рис. 9), на которой изображены (слева направо) александрийская триада (Исида, Сарапис, между ними Харпократ), бог Хор с короной царя Верхнего и Нижнего Египта в императорском одеянии, бог Амон-Ра или Ра-Хорахти и бородатая фигура императора без короны, восседающего на коне (над головой правителя парит сокол, как бы защищающий его). Все фигуры изображены с поднятой вверх правой рукой (корме Сараписа, который поднимает левую руку), как будто держат копье (или, возможно, подняли руки в форме adlocutio). Под этими фигурами представлены изображения собаки, обезьяны и крокодила. Данное изображение демонстрирует победоносные образы божеств и императора, который отождествляется или сопоставляется с богами [Tallet, 2021, p. 563–564. Fig. 5.4.] (рис. 9). На этой стеле правитель изображен в образе всадника, поражающего крокодила, но без царских инсигний, тогда как божества (в том числе Хор), которые также представлены в победоносном образе, носят царские короны. Это говорит о том, что царский сакральный статус египтяне переносили на египетских богов, но не могли полностью исключить римского императора, который традиционно обеспечивал победы страны и поддерживал справедливый порядок вещей Маат из религиозной системы Египта.

Рис. 7. Бог Хор, восседающий на коне и поражающий крокодила, в римской броне. Луврский музей
Fig. 7. God Horus, riding a horse and piercing a crocodile, in Roman armor. Louvre Museum

Рис. 8. Бог Хор в короне царя Верхнего и Нижнего Египта, в римской броне
Fig. 8. God Horus wearing the crown of the king of Upper and Lower Egypt, in Roman armor

Рис. 9. Частная стела из Каирского музея, изображающая египетских богов и римского императора
Fig. 9. Private stele from the Cairo Museum depicting Egyptian gods and a Roman emperor

Необходимо отметить, иконографически близкой изображениям Хора с царскими инсигниями, поражающего копьем крокодила (или врага), была статуэтка крылатого Сета в короне царя Верхнего и Нижнего Египта (Позднее царство) с поднятой правой рукой [Leibovitch, 1944, p. 101. Pl. XIII] (рис. 10). Традиционно Хор и Сет рассматривались божественными прототипами земного правителя, в образе которого эти божества-антагонисты были примирены [Helck, 1967, S. 71–72], и данное представление сохранилось в греко-римское время в папирусных документах, согласно которым бог Сет объявляется, наряду с Хором, небесным божеством (PGM IV. 180–200). Итак, изображение Хора в римской броне в короне царя Верхнего и Нижнего Египта уходит своими корнями в фараоновское время, находит египетские прототипы и является стремлением жителей Нильской долины инкорпорировать римского правителя, считавшегося земным воплощением сокологолового бога, в религиозную сферу Египта.

Рис. 10. Бог Сет в образе крылатого божества
Fig. 10. God Seth in the image of a winged deity

Следует добавить, что образ победоносного Хора-всадника в римской броне находит параллель в изображении эллинистических правителей Египта. Так, стела из Рафии, установленная в птолемеевское время, изображает Птолемея IV с короной царя Верхнего и Нижнего Египта, восседающего на коне и своим копьем поражающего врагов [Brophy, 2015, p. 12–13. Fig. 2].

Итак, изображение Хора-всадника также становится проявлением стремления египетских жрецов инкорпорировать образ императора, который фактически отсутствовал в римском Египте, в религиозную систему Нильской долины и приспособлением образов храмовых изображений к вкусам разноэтничного населения Египта, которое подверглось влиянию египетских и греко-римских верований.

Традиционно бог Хор отождествлялся с Анубисом, который, подобно сокологоловому божеству, выступал сыном богини Исиды (De Iside et Osiride. 44), являвшейся божественной матерью римских императоров в Египте. Собакоголовый бог, как и римский правитель, отождествлялся с Осирисом, фараоном мира мертвых и загробным судьей, и Ра, небесным божеством и царем богов (PGM I. 250–255). Отождествление Анубиса с Ра и Осирисом говорит о вселенском характере образа собакоголового бога, который находится «под землей, на земле и в небесах» (PGM. XVIIa). Эта идея соответствовала образу императора, который мыслился правителем всей ойкумены, объединяющим под своей властью покоренные народы. Образ Анубиса включал в себя функции правителя: он был фараоном Загробного царства (p3 Pr-ʿ n t3 Dw3.t) – Дуата (PDM XIV, 528–583=P. Dem. London and Leiden, XVIII, 7–32), а также фараоном страны Запада (p3 Pr-ʿ n t3 Imntyw) [Grenier, 1977, p. 31]. Согласно античной литературе, Анубис, наряду с Осирисом, отправился в военный поход с целью привить человечеству цивилизованный образ жизни (Diod. I. 18. 1). Данная роль собакоголового бога также соответствовала образу императора, который являлся проводником Pax Romana и Золотого века, утверждающим цивилизованный, римский образ жизни.

Царские черты образа Анубиса позволяли изображать собакоголового бога с иконографическими чертами императора. В гробнице из Ком-эль-Шукафа в Александрии Анубис представлен в образе римского воина с копьем в руке, а нижняя часть тела бога имеет змеевидную форму [Kantorowicz, 1961, p. 375. Fig. 16] (рис. 11). Данное изображение показывает в собакоголовом боге гаранта Pax Romana и защитника мертвых [Grenier, 1977, p. 38–40], который выступает держателем ключей от ворот Загробного царства (ὁ τὰς κλεῖδας ἔχων τῶν καθ' Ἅιδου «тот, который хранит ключи от (врат) Аида») [Grenier, 1977, p. 34–37] и, подобно Хору, поражает своих врагов копьем. Итак, Анубис, играя традиционную роль божества мертвых, включал в себя императорские черты и проявлял себя как защитник Загробного царства, уничтожающий врагов, что тесно было связано с идеями обеспечения плодородия и торжества справедливого порядка вещей – Маат. Стремление изображать Анубиса с иконографическими чертами императора также было проявлением желания жителей долины Нила включать образ римского правителя в религиозную жизнь Египта, а также результатом адаптации египетских верований ко вкусам греко-римского населения Александрии.

Рис. 11. Змеевидный бог Анубис из гробницы Ком-эль-Шукафа, в римской броне
Fig. 11. Serpentine god Anubis from the tomb of Kom el-Shukafa, in Roman armor

Заключение

Итак, боги Хор и Анубис в римское время выступали в качестве победоносных воинов, которые утверждают справедливый порядок – Маат, проявляли себя как божества, несущие цивилизованный образ жизни, были вселенскими богами, которые присутствуют во всем мире. Данные черты соответствовали образу римского императора, который мыслился в качестве победоносного воина, утверждающий Pax Romana и Золотой век, и выступал как вселенское божество, присутствующее и утверждающее свою власть во всей ойкумене (Verg. Georg. I, 25–27). Изображение Анубиса и Хора с иконографическими чертами императора являлось следствием стремления инкорпорировать образ римского правителя в религиозную жизнь Нильской долины, без которого не мыслилось правильное, угодное богам совершение ритуала. При этом включение иконографии императора в образ Анубиса и

Хора стало результатом адаптации египетских верований ко вкусам греко-римского населения Египта. Присутствие иконографических черт римского правителя в образах Хора и Анубиса показывало, что император незримо присутствует в Нильской долине, а придание этим божествам черт и титулов фараона демонстрировало, что Египтом на самом деле управляют египетские боги. Необходимо отметить, что в восточных провинциях Римской империи храмовые изображения императора, повергающего своих врагов, были нацелены на то, чтобы вызвать у местного населения идею о непобедимости римского правителя и тщетности восстания против него [Rubin, 2008]. Такие храмовые рельефы, которые изображают римских императоров – Октавиана Августа, Тиберия и Траяна, повергающих своих врагов, в традиционном образе египетского фараона, не имеют широкого распространения и представлены всего тремя случаями – в храмах в Филах и Эсне [Coppens, 2021, p. 476–479]. Придание победоносным богам Анубису и Хору иконографических черт императора могло вызывать у населения Египта ощущение, что римский правитель непобедим.

Список литературы

Ладынин И.А. 2023. Хор и другие египетские божества в обличье римских воинов: к возможной интерпретации. *Восток (Oriens)*. 5: 224–235.

Павлова О.И. 1984. Амон Фиванский: ранняя история культа (V–XVII династии). Москва, Наука, 143.

Ando C. 2000. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley, University of California Press, 515.

Brophy E. 2015. Royal Statues in Egypt 300 B.C. – A.D. 200: Context and Function. Oxford, Archaeopress Archaeology, 163.

Coppens F. 2021. The Ptolemaic Basileus and the Roman Emperor Slaying the Enemies of Egypt. The sm³ sbi̯/ḫftyw/ḫ³swt/sṯt Ritual Scene in Context. In: Continuity, Discontinuity and Change Perspectives from the New Kingdom to the Roman Era. Ed. F. Coppens. Prague, Charles University: 405–490.

Dörner N. 2014. Feste und Opfer für den Gott Caesar. Kommunikationsprozesse im Rahmen des Kaiserkultes im römischen Ägypten der julisch-claudischen Zeit (30 v. Chr.–68 n. Chr.). Rahden, Verlag Marie Leidorf, 551.

Frankfurter D. 1998. Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance. Princeton, Princeton University Press, 315.

Frankfurter D. 2000. The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious World and Actors. In: Archive für Religionsgeschichte. Bd. 2. Ed. J. Assman. Teubner: 162–194.

Grenier J-C. 1977. Anubis alexandrin et romain. Leiden, Brill, 212.

Grenier J-C. 1989. Les titulatures des empereurs romains dans les documents en langue égyptienne. Bruxelles, Fondation égyptologique reine Elisabeth, 122.

Heinen H. 2007. Ägypten im Römischen Reich, Beobachtungen zum Thema Akkulturation und Identität. In: Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz. Hsrg. S. Pfeiffer. Frankfurt am Main, Verlag Antike: 186–207.

Helck Te W. 1967. Seth, God of Confusion. Leiden, Brill, 168.

Herklotz F. 2007. Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten. Frankfurt am Main, Verlag Antike, 506.

Herklotz F. 2012. AEGYPTO CAPTA. Augustus and the Annexation of Egypt. In: The Oxford Handbook of Roman Egypt. Ed. C. Riggs. Oxford: Oxford University Press: 11–21.

Kantorowicz E.H. 1961. Gods in Uniform. In: Proceedings of the American Philosophical Society. № 4. Vol. 105: 368–393.

Klotz D. 2012. Caesar in the City of Amon: Egyptian Temple Construction and Theology in Roman Thebes. Turnhout, Brepols, 476.

Leibovitch J. 1944. Une statuette du dieu Seth. In: Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Vol. 44: 101–107.

Levi A.C. 1948. Hadrian as a King of Egypt. In: The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society. № 1/2. Vol. 8. Ser. 6: 30–38.

Mariette A. 1870. Dendérah: Description générale du grand temple de cette ville. Vol. II. Paris, Librairie A. Franck, pl. 1–87.
O'Neill S.J 2011. The Emperor as Pharaoh: Provincial Dynamics and Visual Representations of Imperial Authority in Roman Egypt, 30 B.C. – A.D. 69. PhD Thesis. Cincinatti, 322.
Pfeiffer S. 2009. Octavian Augustus und Ägypten. In: Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-romischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen. Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart. Bd.14. Hsrg. A. Coskun, H. Heinen, S. Pfeiffer. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, Peter Lang Verlag: 55–79.
Pfeiffer S. 2019. A Successful Ruler and Imperial Cult. In: A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt. Ed. K. Vandorpe. Hoboken, John Wiley & Sons: 429–438.
Rubin B.B. 2008. (Re)presenting Empire: the Roman Imperial Cult in Asia Minor, 31 B.C. – A.D. 68. PhD Thesis. Michigan, 205.
Tallet G. 2021. La splendeur des dieux. Quatre études iconographiques sur l'hellénisme égyptien. Vol. I. Leiden, Boston, Brill, 1309.
Vandorpe K., Clarysse W. 2019. Cults, Creeds, and Clergy in a Multicultural Context. In: A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt. Ed. K. Vandorpe. Hoboken, John Wiley & Sons: 407–427.

References

Ladynin I.A. 2023. Hor i drugie egipetskie bozhestva v oblich'e rimskih voinov: k vozmozhnoj interpretacii [Horus and Other Egyptian Deities in the Guise of Roman Warriors: A Possible Interpretation]. *Vostok (Oriens)*. 5: 224–235.
Pavlova O.I. 1984. Amon Fivanskij: rannyaya istoriya kul'ta (V–XVII dinastii) [Amon of Thebes: the Early History of the Cult (V-XVII Dynasties)]. Moscow, Nauka, 143.
Ando C. 2000. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley, University of California Press, 515.
Brophy E. 2015. Royal Statues in Egypt 300 B.C. – A.D. 200: Context and Function. Oxford, Archaeopress Archaeology, 163.
Coppens F. 2021. The Ptolemaic Basileus and the Roman Emperor Slaying the Enemies of Egypt. The sm³ sbi̯/ḫftyw/ḫ³swt/st̠t Ritual Scene in Context. In: Continuity, Discontinuity and Change Perspectives from the New Kingdom to the Roman Era. Ed. F. Coppens. Prague, Charles University: 405–490.
Dörner N. 2014. Feste und Opfer für den Gott Caesar. Kommunikationsprozesse im Rahmen des Kaiserkultes im römischen Ägypten der julisch-claudischen Zeit (30 v. Chr.–68 n. Chr.). Rahden, Verlag Marie Leidorf, 551.
Frankfurter D. 1998. Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance. Princeton, Princeton University Press, 315.
Frankfurter D. 2000. The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious World and Actors. In: Archive für Religionsgeschichte. Bd. 2. Ed. J. Assman. Teubner: 162–194.
Grenier J-C. 1977. Anubis alexandrin et romain. Leiden, Brill, 212.
Grenier J-C. 1989. Les titulatures des empereurs romains dans les documents en langue égyptienne. Bruxelles, Fondation égyptologique reine Elisabeth, 122.
Heinen H. 2007. Ägypten im Römischen Reich, Beobachtungen zum Thema Akkulturation und Identität. In: Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz. Hsrg. S. Pfeiffer. Frankfurt am Main, Verlag Antike: 186–207.
Helck Te W. 1967. Seth, God of Confusion. Leiden, Brill, 168.
Herklotz F. 2007. Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten. Frankfurt am Main, Verlag Antike, 506.
Herklotz F. 2012. AEGYPTO CAPTA. Augustus and the Annexation of Egypt. In: The Oxford Handbook of Roman Egypt. Ed. C. Riggs. Oxford: Oxford University Press: 11–21.
Kantorowicz E.H. 1961. Gods in Uniform. In: Proceedings of the American Philosophical Society. № 4. Vol. 105: 368–393.
Klotz D. 2012. Caesar in the City of Amon: Egyptian Temple Construction and Theology in Roman Thebes. Turnhout, Brepols, 476.
Leibovitch J. 1944. Une statuette du dieu Seth. In: Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Vol. 44: 101–107.

Levi A.C. 1948. Hadrian as a King of Egypt. In: The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society. № 1/2. Vol. 8. Ser. 6: 30–38.
Mariette A. 1870. Dendérah: Description générale du grand temple de cette ville. Vol. II. Paris, Librairie A. Franck, pl. 1–87.
O'Neill S.J 2011. The Emperor as Pharaoh: Provincial Dynamics and Visual Representations of Imperial Authority in Roman Egypt, 30 B.C. – A.D. 69. PhD Thesis. Cincinatti, 322.
Pfeiffer S. 2009. Octavian Augustus und Ägypten. In: Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-romischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen. Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart. Bd.14. Hsrg. A. Coskun, H. Heinen, S. Pfeiffer. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, Peter Lang Verlag: 55–79.
Pfeiffer S. 2019. A Successful Ruler and Imperial Cult. In: A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt. Ed. K. Vandorpe. Hoboken, John Wiley & Sons: 429–438.
Rubin B.B. 2008. (Re)presenting Empire: the Roman Imperial Cult in Asia Minor, 31 B.C. – A.D. 68. PhD Thesis. Michigan, 205.
Tallet G. 2021. La splendeur des dieux. Quatre études iconographiques sur l'hellénisme égyptien. Vol. I. Leiden, Boston, Brill, 1309.
Vandorpe K., Clarysse W. 2019. Cults, Creeds, and Clergy in a Multicultural Context. In: A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt. Ed. K. Vandorpe. Hoboken, John Wiley & Sons: 407–427.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.03.2024
Поступила после рецензирования 16.05.2024
Принята к публикации 17.03.2024

Received 15.03.2024
Revised 16.05.2024
Accepted 17.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Качан Сергей Александрович, преподаватель Центра подготовки иностранных слушателей, Высшая школа экономики, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2390-0637

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kachan, Teacher at the Center for the Training of Foreign Students, Higher School of Economics, Moscow, Russia

УДК 94(495).1
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-309-316
Оригинальное исследование

Декаполис в письменной традиции (римский период и Поздняя античность)

Жукова Н.В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: zzzzhnv@gmail.com

Аннотация. Среди пласта письменных сведений о Декаполисе можно выделить ряд сочинений, в которых отражены сведения о городах, входящих в исследуемую область. Их можно разделить на следующие группы: сочинения историко-географического характера, путевые заметки и путеводители, церковные истории, официальные документы. Несмотря на то, что разные источники говорят о различном составе городов Декаполиса и их численности, есть разночтения в отнесении к определенным административным единицам. В данном исследовании особое место занимают письменные сведения о городе Гадара, который на данный момент является уникальным по сохранности комплексом, который заслуживает большего внимания в современных исследованиях региона Декаполис. Кроме того, значимую роль в изучении Декаполиса представляют археологические источники. Немалую часть сведений можно обнаружить в нумизматике и эпиграфике.

Ключевые слова: Декаполис, Евсевий Кесарийский, Стефан Византийский, Скифополь, Гадара, путеводитель

Для цитирования: Жукова Н.В. 2024. Декаполис в письменной традиции (римский период и Поздняя античность). *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 309–316. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-309-316

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Decapolis in the Written Tradition (the Roman Period and Late Antiquity)

Nina V. Zhukova
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: zzzzhnv@gmail.com

Abstract. Among the stratum of written information about Decapolis we can select a number of works, which reflect information about the cities included in the researched area. They can be divided into the following groups: historical and geographical works, travel notes and guidebooks, church histories, and official documents. Despite the fact that different sources speak about the different composition of the cities of Decapolis and their number, there are discrepancies in the attribution to certain administrative units, the information is important for us. In this study, a special place is given to the written information about the city of Gadara, which is currently a unique complex in terms of preservation that deserves more attention in modern studies of the Decapolis region. It is important to note that in the late antique period the number of written sources about the region increases – these are Eusebius of Caesarea, Stephen of Byzantium, Hierocles and a number of others. At the same time, early Byzantine authors rely heavily on the previous tradition of Roman times.

© Жукова Н.В., 2024

Keywords: Decapolis, Eusebius of Caesarea, Stephen of Byzantium, Scythopolis, Gadara, guidebook

For citation: Zhukova N.V. 2024. Decapolis in the Written Tradition (the Roman Period and Late Antiquity). *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 309–316 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-309-316

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Декаполис (Десятиградие) – это название группы городов, принятое в эллинистическо-римское время, в отношении области Заиорданья, в основном к востоку от р. Иордан и Галилейского моря. Исключение составлял лишь город Скифополь, который находился по западную сторону от р. Иордан. Декаполис представлял собой важный центр сохранения и распространения греко-римской культуры в регионе, начиная с восточного похода Александра Македонского (334–325 гг. до н. э.). С середины I в. до н. э. был подвержен римскому влиянию. С IV в. – закат римской культуры в регионе и начало христианизации.

На протяжении конца XIX и XX веков исследователи рассматривали Декаполис в качестве созданного объединения или конфедерации эллинистических городов, которое было направлено на противостояние местному семитскому (еврейскому, арабскому и набатейскому) окружению [Smith, 1920; Avi-Yonah, 1966; Kraeling, 1998].

Благодаря анализу письменной традиции, эпиграфическому, нумизматическому материалу, а также археологическим раскопкам исследователи пришли к выводу о том, что Декаполис не являлся непосредственно политическим союзом городов.

Декаполис стал использоваться в большей мере в качестве топонима для античного микрорегиона на Ближнем Востоке [Parker, 1975].

Цель создания городов, характер взаимоотношений между ними, его роль в регионе и состав Декаполиса остается до конца невыясненным. Даже многие античные писатели оставили несколько противоречивые свидетельства о том, сколько и какие города образовали Декаполис.

Один из городов региона – Гадара, который расположен на территории современной Иордании. Он был основан в 200 г. до н. э. как укрепление на границе между державой Птолемеев на юге и империей Селевкидов на севере. Это место сохраняло свое значение как городской центр в регионе при различных правителях Римской империи и Поздней античности [Keller, 2010, p. 505].

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются письменные свидетельства авторов римского периода и Поздней античности о городах, входящих в регион Декаполис. В частности, в исследовании выделяются сведения о Гадаре, которая стала играть заметную роль как член Десятиградия с правления Помпея (64/63 г. до н. э.).

Исследование основано на общенаучных методах, таких как анализ, синтез, обобщение. Применен сравнительно-исторический метод, который позволил провести историческое сравнение сведений авторов в различных письменных источниках римского периода и Поздней античности**.** В результате анализа информации можно выяснить топографию города, его географическое положение относительно других городов региона, а также роль в определенный период в составе административных единиц Сирии, Палестины.

Результаты и их обсуждение

Важнейшими авторами римского времени, упоминающими Декаполис, являются Плиний Старший (I в.) и Клавдий Птолемей, географ II в. (вероятно, 100–180 гг.).

Одно заметное различие между списком Птолемея и списком Плиния заключается в количестве городов, перечисленных в каждом из них. Плиний называет только десять: «…регион Декаполиса, так называемый по числу его городов… большинство включают в состав Дамаск… Филадельфию, Рафану (все эти трое отошли к Аравии), Скифополь (ранее Ниса), Гадару, Гиппос, Дион, Пеллу, богатую своими водами, Герасу, Канату».

Птолемей называет 18 городов, называя наряду с десятью городами Плиния следующие: «Абила, Капитолии, Гелиополь, Саана, Ина, Самулис, Адра, Лисаний...» Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что Плиний обозначает десять городов, которые дали название «Декаполису» (или которые, по его мнению, так и были). Птолемей же, с другой стороны, включал все полисы (или, по крайней мере, те, о которых он мог подумать), которые располагались в пределах географической области, известной как Десятиградие.

Декаполис был разделен на две части в ходе провинциальной реорганизации Траяна в 105/106 г. Набатейское государство было присоединено и превращено в провинцию Аравия вместе с Адраа, Филадельфией и Герасой, возможно, также с Дионом. То, что первоначально включало или заключало в себе Десятиградие, возможно, было неясно для более поздних авторов, таких как Птолемей. Этим также можно объяснить расхождение между двумя списками. Возможно, Птолемей объединил два списка, поскольку первые четыре или пять названий относятся к городам Келе-Сирии, а большая часть остальных относится к области Десятиградия.

Еще одна вещь, на которую следует обратить внимание в списке Птолемея, – это орфография. Написание Ибара могло возникнуть в результате путаницы, однако предполагаемое чтение – это Гадара. По координатам Птолемея (68°, 32°10') очевидно, что он имеет в виду Гадару Десятиградия.

В своем сборнике библейских мест «Ономастикон» Евсевий Кесарийский [Das Onomastikon, 1904] делает следующую запись о местах, упомянутых в Евангелиях: «Гадара (Матфея 8:28) – город за Иорданом, напротив Скифополя и Тивериады, на холме к востоку. У подножия холма расположены термальные ванны». Описание Евсевия хорошо соответствует топографической ситуации (даже если он дает ее лишь в общих чертах). На некотором расстоянии он находит горячие источники Аль-Хамме (Гадара). Хотя Евсевий цитирует Матф. 8:28, он ничего не говорит об исцелении бесноватых, но оставляет этот комментарий для своей следующей статьи о Гергесе. В записи о Декаполисе Евсевий упоминает три из его городов: «Десятиградие (Мф. 4:25): в Евангелиях. Это область, которая лежит рядом с Переей, землей вокруг Гиппоса, Пеллы и Гадары». Почему в списке указаны только три города, неясно. Они находятся непосредственно к северу от Переи и образуют прочное соединение между ней и Галилейским морем. Возможно, Евсевий верил (или следовал традиции), что эти районы представляли собой самое дальнее восточное распространение служения Иисуса в языческие земли за Иорданом. Также возможно, что эти три округа, поскольку они были ближе всего к территории к западу от реки Иордан, были наиболее знакомыми из тех, что составляли Десятиградие, и поэтому использовались как partes pro toto.

В примечании к записи Евсевия о Гергесе, «городе» (как он его называет) гиргашитов из Второзакония 7:1, есть следующее: «Гергеса (Второзаконие 7:1): За Иорданом находится город Галаад, который взяло колено Манассии. Говорят, что это Гергеса, выдающийся город Аравии. Но некоторые говорят, что это Гадара. И в Евангелии упоминаются герасены».

Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., XIV, 8, 14) в 353 г. сообщает о территории Палестины, включая Заиорданье, следующее: «Последняя из сирийских провинций – Палестина... Тот же Помпей обратил в провинцию и эти области после победы над иудеями и взятия Иерусалима и установил в них римское управление. С Палестиной соседствует Аравия… Помимо небольших городов здесь находятся и огромные: Бостра, Гераса и Филадельфия, которые защищены крепкими стенами…».

Иоанн Малала (VI в.) также упоминает о территориальных изменениях на территории Палестины к концу IV в.: «Император Феодосий создал провинцию Новый Эпир, отделив ее от Старого, предоставив статус столицы и должность губернатора городу Диррахию. Также он отделил Вторую Палестину от Первой и создал провинции, придав статус метрополии и должность губернатора местечку под названием Скифополь» (Malal. XIII, 16).

Епифаний (ок. 315–483), епископ Констанции (совр. Саламин на Кипре) с 367 г. до своей смерти в сочинении «Панарион» («Adversus Haereses») рассматривает 80 ересей, возникших к его времени. В разделе об эвионитах Епифаний рассказывает историю посещения бань близ Гадары: «Во всяком случае, они прибыли в Гадару, на термальные воды. Там каждый год проводится фестиваль. И приезжают отовсюду желающие купаться несколько дней ради излечения от своих болезней, что является поистине дьявольским замыслом. Ибо где свершились чудеса от Божии, там уже противник раскинул сети губительные. Мужчины и женщины купаются там вместе» (Panar. 1. 2 Haer. 30. 7). Это бани в Аль-Хамме на Ярмуке. Отчет Епифания сообщает кое-что об их использовании (особенно в Гадаре) в IV веке. Видимо, проходил какой-то ежегодный фестиваль здоровья. Епифаний не говорит об этом ничего большего, чем то, что есть в тексте. Однако он продолжает разъяснять свой последний комментарий о том, что мужчины и женщины купались вместе. В ранние дни империи такой практики не было. Если женщины не мылись дома, для них были отдельные заведения [Balsdon, 1969, p. 28].

Ряд упоминаний о Гадаре встречается в корпусе раввинских сочинений. Один из них можно найти в Палестинском Талмуде, документе, окончательная редакция которого, судя по всему, произошла где-то в первой половине V века. «Рабби Йонатан отправился с рабби Иудой-принцем в Хамату Гадаринскую, где он научил, что потомство действительное… Рабби Езекия сказал: «Я знаю его начало и его конец. Рабби Хама бар Ханина шел к горячим источникам Хаматы в Гадаре. Он пришел к своему отцу и сказал ему: «Знай, что там есть больные люди, и не оскорбляйте их» (pQid 64c) [Maxwell, 1990, p. 73]. Еврейская конструкция указывает на то, что горячие источники были частью территории Гадары (Хаммат Гедера/Гадары). Хаметан – другое название места бань (Хаммат-Гадер), которое находилось примерно в 3 км к северо-западу от Гадары и включало изменение высоты от примерно 360 м над уровнем моря до примерно 200 м ниже уровня моря. Причина различий между жителями двух городов заключается в том, что Гадара была «большим» городом, а Хаммат – «маленьким». Гадер – это горячие источники Хаммата, которые, вероятно, были более известны в древности, чем источники в Тверии или Бираме (Каллироэ). Этот горячий источник, очевидно, относится к баням Хаммат-Гадера. Контекст указывает на то, что в банях также велась немалая коммерческая деятельность по продаже продовольствия посетителям.

Упоминание о городах Декаполиса можно обнаружить в связи с актом административно-территориальных преобразований в начале V века в рескрипте Гонория и Феодосия, регламентирующем взаимоотношения армии и государства, встречается формула «по Первой, Второй и Третьей Палестине» [Грушевой, 1991, с. 126]. Поэтому к V в. образование трех провинций: Палестина Первая (Прима), включавшая Иудею, Самарию, Идумею со столицей Кесария; Палестина Вторая (Секунда) – Галилею и Декаполис со столицей Скифополь. Образование провинции Палестина Секунда до 400 г. включило многие города, которые когда-то принадлежали Декаполису, в одну административную единицу: юрисдикция распространялась на Пеллу, Гадару, Гиппос, Абилу и Капитолии [Walmsley, 1992, p. 344]. Палестина Третья (Салютарис) включила в состав Негев, Синай и южное Заиорданье со столицей Петра.

Труд VI века «Синекдем» Иерокла, который, судя по его полному названию, представляет собой правительственный список политических единиц, называет Гадару среди городов провинции Палестина Секунда [Maxwell, 1990, p. 78]: «54. Провинция Палестина II … одиннадцать городов. Скифополь, Пелла, Гадара, Абила, Капитолия, Гиппос, Тверия, Эленополь, Епархия, Максимианополь, Габея» [Hippos-Sussita of the Decapolis… 2013,

p. 61]. Работа, кажется, ориентирована на провинциальное управление, но она в тщательном географическом порядке отображает политическую ситуацию империи в начале правления Юстиниана (527–565). По словам А.Х.М. Джонса [Jones, 1937, p. 503], хотя Иерокл жил во времена правления Юстиниана, он, вероятно, пользовался списком, составленным во время правления Феодосия II (408–450).

Стефан Византийский, греческий грамматик, живший, вероятно, в Константинополе в VI веке, составил географический словарь и посвятил его Юстиниану (482–565 гг.). В эту работу он включает запись под названием «Гадара»: «Гадара, город Келе-Сирии, который называется также Антиохией и Селевкией. Народ – гадаринский, как и женщина, и регион. Менипп сатирик родом оттуда. Еще есть деревня в Македонии под названием Гадара» (Ethnica, s.v. Gadara). Его обозначение Гадары как «Антиохии» и «Селевкии» может отражать традицию, согласно которой Гадара была основана Селевком I (311–281 до н. э.) (App. II, 57). Примечательно также, что Стефан упоминает поселение в Македонии с таким же названием. На такую традицию, принадлежащую Пелле, может указывать тот факт, что город зародился, когда в IV в. до н. э. здесь поселились ветераны армии Александра.

Также Стефан Византийский оставил запись о Филадельфии, которая была греческим городом в дни Птолемея II Филадельфа, о чем свидетельствует и ее имя [Чериковер, с. 162]. Есть версия, что город был основан в первой половине III в. до н. э. на месте более древнего поселения, которое датируется поздним периодом халколита и которое было почти непрерывно заселено на протяжении бронзового и железного веков [Lichtenberger, 2013, p. 5244]. Филадельфия – самый южный город Десятиградия (совр. Амман – столица Иордании; в античных памятниках упоминается как Раббат-Аммон).

Согласно Стефану Византийскому, город Пелла первоначально имела название Бутис. Немецкий историк и археолог А. Лихтенбергер [Lichtenberger, 2004, p. 30] говорит о двух версиях происхождения наименования города: одна из версий утверждает, что Стефан Византийский в месте упоминания сирийской Пеллы дает сведения о македонском городе Пелла с первоначальным названием Буномос. Стефан Византийский является единственным автором, который свидетельствует о прежнем топониме, который мог произойти от слова «bous» («бык»).

В первые века н. э., несомненно, было много путешественников, которые по тем или иным причинам отправлялись в Палестину и оставили описания своих путешествий. В Itinerarium Antonini, «путеводителе», датируемом от III до IV в. [Itinerarium Antonini Augusti, 1848], встречаются два упоминания о Гадаре. Первое – о путешествии из Эвмари (город в Сирии между Дамаском и Хомсом/Эмесой) в Неаполь (в Палестине, ок. 10 км к юго-востоку от Наблуса/Сабасте/Самарии). Другое упоминание встречается в маршруте от Серианы (также в Сирии, между Хомсом и Алеппо) до Скифополя. Согласно обоим маршрутам, Гадара находилась в 16 римских милях (около 23,7 км) от Капитолии и в 16 от Скифополя. Это соответствует расстоянию, рассчитанному по современным дорогам (которые обычно повторяют древние). Эти маршруты также показывают, что Гадара находилась на одном из основных маршрутов между Сирией и западной Палестиной.

В VI веке архидиакон по имени Феодосий [Itineraria et alia geographica, 1965] написал итинерарий [Itinera Hierosolymitana, 1898] под названием «De situ terrae Sanctae», в котором упоминает Гадару: «В Аравии есть города, разрушенные, где остались амореи, гергасеи и фереситы. Тринадцать – это Иункта, Волумта, Медеуа, Музика, Филадельфия, Гераса, Генара, Бостра, Дамаск, Гадара, Абила, Капитолия и Астра» (De situ t.s. 24). Об авторе почти ничего не известно. По содержанию документа ему были известны здания, построенные императором Анастасием (491–518), но не здания Юстиниана (527–565). Соответственно, этот трактат он написал, вероятно, в 520-х или 530-х годах. В это время Гадара находилась на пике своей древней истории вместе с некоторыми другими городами Десятиградия, которые называет Феодосий: Филадельфия, Гераса, Генара, Востра (Бостра), Дамаск, Авила (Абила), Капитулия и Астра (Адраа).

Еще одно путешествие, которое совершил другой Антонин из Плаценции, произошло где-то между 551 и 614 годами. Из своего родного города Плацентии (совр. Пьяченца в северной Италии) он и его спутники отправились в Птолемаиду (Акко) через Константинополь и Берит. Оттуда они посетили гору Кармил, а затем отправились в Кану, Назарет и другие места Галилеи, прежде чем переправиться через реку Иордан, которая вытекает из южного конца Тивериадского озера [Stewart, 1896]. Переправившись через реку, Антонин пишет: «Вернувшись потом, мы пришли к тому месту, где Иордан выходит из озера. В этом месте мы перешли Иордан. Мы вошли в город, который называется Гадара, который также называется Гаваон. В той части Иордана, в трех милях от города, находятся теплые воды, называемые банями Гелия, где очищаются прокаженные, которые [термы] для развлечения чужеземцев имеют общественные удовольствия… Теплая река, которая называется Гадера, спускается потоком и впадает в Иордан, а от него Иордан увеличивается и становится больше» (Itin. Ant. Plac. 6). Гаваон – это не Гадара, а город примерно в 10 км к северо-западу от Иерусалима. Возможно, Антонин в целом «писал по памяти после своего возвращения и был слишком ленив или невежественен», чтобы ссылаться на свои путевые заметки. Если «Gabao[nl» – правильное прочтение, то, скорее всего, это именно такая ошибка. С другой стороны, Антонин мог спутать имя Гадары с именем Газары. Далее Антонин продолжает рассказывать о «Термах Гелия», но, к сожалению, больше ничего не говорит о Декаполисе.

Последнее известное свидетельство о Гадаре периода Поздней античности исходит от епископа Евхерия, который следующим образом описывает две границы Галилеи: «на востоке Гиппена и Гадара остаются в своих границах. А границы области гавланитов и царства Агриппы были прописаны еще в старину. На южной стороне Скифополь и Самария получают свои территории и не позволяют им распространяться за пределы рек Иордана» (De situ Hier. 21–22). Об авторе почти ничего не известно, кроме того, что он жил после Иеронима, поскольку он использовал Иеронима как один из своих источников. Остается неясным, использовал ли Беда (ок. 675–735) это сообщение или наоборот, но самое позднее мы, вероятно, можем предложить terminus ad quem где-то в VII или VIII веке. Поскольку Евхерий утверждает, что является епископом в Иерусалиме, и не упоминает об исламском завоевании, кажется разумным предположить, что он написал свой труд где-то до середины VII века. Ничего нового к сведениям о Гадаре Евхерий не прибавляет. По его собственному свидетельству (De situ Hier. 21), в приведенных выше сведениях он полагался на Иосифа. Его описание очень похоже на описание Иосифа Флавия в Bell. III. 37.

После потери левантийских провинций Византийской империи перед наступающими мусульманскими армиями в VII веке упоминаний о Гадаре Десятиградия стало меньше.

Выводы

Таким образом, одной из важнейших составляющих изучения географического, топографического, административного состояния городов является обращение к письменным источникам [Жукова, 2018, с. 20–22]. По сведениям письменной традиции можно отметить, что существуют вариации в количестве и составе городов Декаполиса. В античных памятниках список городов доходит до 18, например, сообщает об этом Клавдий Птолемей (который отнес к данной области города, которые, по его мнению, могли располагаться в пределах области Декаполис). Обратившись к сочинению древнеримского писателя Плиния Старшего, отметим, что он включил в область Декаполис 10 городов, которые, вероятно, дали название Десятиградию.

Среди письменных источников, повествующих об определенных городах союза, – чаще всего о Гадаре, выделяются путеводители и путевые заметки с указанием географических сведений, которые стали результатом следования по маршруту посещения святых мест Палестины.

В некоторых источниках можно получить сведения о гражданских объектах на территории города: так, в «Панарионе» Евсевия отражена история посещения бань близ Гадары:

Основной пласт сочинений содержат географические и административные сведения о Гадаре: труд Иерокла «Синекдем», который представляет собой правительственный список политических единиц, а также географический словарь Стефана Византийского с включением записи под названием «Гадара».

Ряд упоминаний о Гадаре встречается в корпусе раввинских сочинений.

Список литературы

Грушевой А.Г. 1991. История формирования византийской провинции Палестина Третья. В: Византийский временник. Т. 56: 124–131.

Жукова Н.В. 2018. Декаполис в античной письменной традиции. В: Белгородский диалог – 2018. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сборник материалов X Международного молодежного научного форума, г. Белгород, 18–23 апреля 2018 г. Белгород: 20–22.

Чериковер В. 2010. Эллинистическая цивилизация и евреи. Санкт-Петербург, ИЦ Гуманитарная Академия, 640.

Avi-Yonah M. 1996. The Holy Land: From the Persian to the Arab Conquest (536 B.C. to A.D. 640): a historical geography. Grand Rapids, 249.

Balsdon J.P.V.D. 1969. Life and Leisure in Ancient Rome. New York, McGraw-Hill, 463.

Das Onomastikon der biblischen Ortsnamen, 1904, ed. Erich Klostermann. Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte, vol. 3. Leipzig, JC Hinrichs'sche Buchhandlung, 243.

Hippos-Sussita of the Decapolis. 2013. The First Twelve Seasons of Excavations 2000–2011. Volume I. Haifa, 323.

Itinera Hierosolymitana: Saeculi IIII–VIII. 1898, ed. Paul Geyer. In: Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, vol. 39. Prague; Vienna; Leipzig, F. Tempsky, G. Freytag, 500.

Itineraria et alia geographica. 1965. Corpus Christianorum, Series Latina, vol. 175. Turnhaut, Brepols, 494.

Itinerarium Antonini Augusti et Hierosolymitanum, 1848, ed. G. Parthey, M. Pinder. Berlin, Friederich Nicolai, 403.

Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 595.

Keller D.R. 2010. Umm Qeis/Gadara. Archaeology in Jordan, 2008 and 2009 seasons. In: American Journal of Archaeology. № 114: 505–545.

Kraeling C.H. 1936. Gerasa: City of the Decapolis. New Haven, 616.

Lichtenberger A. 2013. Philadelphia. In: The Encyclopedia of Ancient History: 5244–5245.

Lichtenberger A. 2004. City Foundation Legends in the Decapolis. In: Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society. Vol. 22: 23–34.

Maxwell L. 1990. Gadara of the Decapolis. St. Louise: 77–89.

Parker S.T. 1975. The Decapolis Reviewed. In: Journal of Biblical Literature. Atlanta: Society of Biblical Literature. Vol. 94, № 3: 437–441.

Smith G.A. 1920. The Historical Geography of the Holy Land. New York, 596.

Stewart A. 1896. Of the Holy Places Visited by Antoninus Martyr (circ. 560–570 A.D.). Palestine Pilgrims' Text Society. London, 44.

Walmsley A. 1992. Vestiges of the Decapolis in North Jordan during the Late Antique and Early Islamic Periods. In: ARAM Periodical. Vol. 4(1–2), 344.

References

Grushevoy A.G. 1991. Istoriya formirovaniya vizantijskoj provintsii Palestina Tret`ya [History of the Formation of the Byzantine Province of Palestine the Third]. V: Vizantijskij Vremennik [Byzantine Temporary]. T. 56: 124–131.

Zhukova N.V. 2018. Dekapolis v antichnoi pismennoi tradicii [Decapolis in the Ancient Written Tradition]. V: Belgorodskii dialog – 2018. Problemi filologii, vseobschei i otechestvennoi istorii: sbornik materialov X Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma, g. Belgorod, 18–23 aprelya 2018 g. [Belgorod Dialogue – 2018. Problems of Philology, General and National History: Collection

of Materials of the X International Youth Scientific Forum, Belgorod, April 18–23, 2018]. Belgorod: 20–22.
Cherikover V. 2010. Ellinisticheskaya civilizaciya i evrei [Hellenistic Civilization and the Jews]. Sankt Peterburg: IC Gumanitarnaya Akademiya, 640.
Avi-Yonah M. 1996. The Holy Land: From the Persian to the Arab Conquest (536 B.C. to A.D. 640): a historical geography. Grand Rapids, 249.
Balsdon J.P.V.D. 1969. Life and Leisure in Ancient Rome. New York, McGraw-Hill, 463.
Das Onomastikon der biblischen Ortsnamen, 1904, ed. Erich Klostermann. Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte, vol. 3. Leipzig, JC Hinrichs'sche Buchhandlung, 243.
Hippos-Sussita of the Decapolis. 2013. The First Twelve Seasons of Excavations 2000–2011. Volume I. Haifa, 323.
Itinera Hierosolymitana: Saeculi IIII–VIII. 1898, ed. Paul Geyer. In: Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, vol. 39. Prague; Vienna; Leipzig, F. Tempsky, G. Freytag, 500.
Itineraria et alia geographica. 1965. Corpus Christianorum, Series Latina, vol. 175. Turnhaut, Brepols, 494.
Itinerarium Antonini Augusti et Hierosolymitanum, 1848, ed. G. Parthey, M. Pinder. Berlin, Friederich Nicolai, 403.
Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 595.
Keller D.R. 2010. Umm Qeis/Gadara. Archaeology in Jordan, 2008 and 2009 seasons. In: American Journal of Archaeology. № 114: 505–545.
Kraeling C.H. 1936. Gerasa: City of the Decapolis. New Haven, 616.
Lichtenberger A. 2013. Philadelphia. In: The Encyclopedia of Ancient History: 5244–5245.
Lichtenberger A. 2004. City Foundation Legends in the Decapolis. In: Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society. Vol. 22: 23–34.
Maxwell L. 1990. Gadara of the Decapolis. St. Louise: 77–89.
Parker S.T. 1975. The Decapolis Reviewed. In: Journal of Biblical Literature. Atlanta: Society of Biblical Literature. Vol. 94, № 3: 437–441.
Smith G.A. 1920. The Historical Geography of the Holy Land. New York, 596.
Stewart A. 1896. Of the Holy Places Visited by Antoninus Martyr (circ. 560–570 A.D.). Palestine Pilgrims' Text Society. London, 44.
Walmsley A. 1992. Vestiges of the Decapolis in North Jordan during the Late Antique and Early Islamic Periods. In: ARAM Periodical. Vol. 4(1–2), 344.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.01.2024
Поступила после рецензирования 02.04.2024
Принята к публикации 06.04.2024

Received 27.01.2024
Revised 02.04.2024
Accepted 06.04.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жукова Нина Васильевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0002-4261-7768

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina V. Zhukova, Post-graduate Student, Department of World History, Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-317-322
Обзорная статья

Кефалайя. Гностический трактат Евагрия Понтийского как один из источников оригенистских идей IV в.

Стржалковская А.Д.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Евагрий Понтийский интересен нам как сторонник оригенизма. «Кефалайя гностическая» (γνωστικὰ Κεφάλαι) IV века – это один из трудов Евагрия, ставший источником оригенистских идей. «Кефалайя гностическая» переводится как «положения о знании», состоит из 6 книг с 90 положениями (главы). Изначально богословие Евагрия берет свое начало в православной традиции каппадокийских отцов Василия Великого и Григория Богослова. Представленная в данном трактате аскетическая система Евагрия встроена в неоплатоническую космологию. Первым действием Бога, вне времени, было мгновенное сотворение всех посредством первого естественного созерцания. Разум может быть существенно изменен или очищен созерцанием гнозиса. Созерцая телесную природу, аскет может, по милости Божьей, очистить свой ум настолько, чтобы он был способен созерцать бестелесные существа… Рассмотрев данные умозаключения, можно увидеть, что в системе Евагрия присутствует весьма серьезная неортодоксальность, которая синтезирована с неоплатонизмом, стоицизмом, христианством и даже некоторыми уникальными александрийскими элементами. Анафемы против оригенизма в VI веке были направлены главным образом против доктрин, выдвинутых в «Кефалайе гностической».

Ключевые слова: трактат, источник, оригенизм, автор, Евагрий

Для цитирования: Стржалковская А.Д. 2024. Кефалайя. Гностический трактат Евагрия Понтийского как один из источников оригенистских идей IV в. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 317–322. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-317-322

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Kefalaya. Gnostic Treatise by Evagrius of Pontus as One of the Sources of Origenistic Ideas of the IV Century

Anastasiya D. Strzhalkovskaya
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

Abstract. Evagrius of Pontus interests us as a supporter of Origenism. «Kefalaya Gnostic» (γνωστικὰ Κεφάλαι) of the IV century is one of the works of Evagrius, which became a source of orenistic ideas. «Kefalaya Gnostic» – translated as «provisions on knowledge», consists of 6 books with 90 provisions (chapters). Initially, the theology of Evagrius originates in the Orthodox tradition of the Cappadocian fathers Basil the Great and Gregory the Theologian. The Evagrius ascetic system presented in this treatise is embedded in Neoplatonist cosmology. The first action of God, out of time, was the instantaneous creation of all through the first natural contemplation. By contemplating the corporeal nature, an ascetic can, by the grace of God, purify his mind so that he is able to contemplate disembodied beings…

© Стржалковская А.Д., 2024

Having considered these conclusions easily, one can see that there is a very serious heterodoxy in the Evagrius system, which is synthesized with Neoplatonism, Stoicism, Christianity and even some unique Alexandrian elements. Anathemas against Origenism in the sixth century were directed mainly against the doctrines put forward in the «Kefalaya Gnostic».

Keywords: treatise, source, origenism, author, Evagrius

For citation: Strzhalkovskaya A.D. 2024. Kefalaya. Gnostic Treatise by Evagrius of Pontus as One of the Sources of Origenistic Ideas of the IV Century. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 317–322 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-317-322

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Монах и аскет Евагрий Понтийский интересен нам как сторонник оригенизма. Как известно, Евагрий был осужден наравне с Оригеном на V Вселенском соборе. Также он известен как христианский писатель, имеющий множество трудов, и один из них – «Кефалайя гностическая» (γνωστικὰ Κεφάλαι) IV века. Фрагменты данного трактата содержат четкие и очевидные подтверждения оригенизма у Евагрия [10]. Осуждение его оказало влияние на дальнейшую судьбу его трудов, которые в основном своем составе подверглись уничтожению, а если и сохранились, только как упоминания у других церковных авторов. Однако некоторые отрывки доступны для перевода и исследования. «Кефалайя гностическая» – переводится как «положения о знании», состоит из 6 книг с 90 положениями (главы). Для исследования доступна ее сирийская рукопись.

Объект и методы исследования

Кефалайя гностическая выходит за рамки какого-либо философского, теологического и исторического обсуждения, поэтому в данный момент мы коснемся только тех аспектов, которые будут полезны в понимании теологии Евагрия и явно связаны с оригенизмом. Точнее с теориями о Сотворении Мира.

Дескриптивный метод использован при описании данного трактата Евагрия как объекта исследования в контексте истолкования религиозной парадигмы.

Результаты и их обсуждение

Изначально богословие Евагрия берет свое начало в православной традиции каппадокийских отцов Василия Великого и Григория Богослова.

При изучении жизнеописания мы знаем, что Евагрий занимался учительстом при святом Василии Великом и рукоположен в сан диакона святым Григорием Назианзином. Он также присутствовал на Втором Вселенском соборе в 381 г. Примерно через год он пришел к выводу, что желает отказаться от мирских соблазнов Константинополя и стать монахом-пустынником. Он стал монахом в Иерусалиме в 383 г. в том же монастыре, что и Руфин Аклейский, а затем переехал в Египет, где изучал богословие Климента Александрийского и Оригена у Дидима Слепого.

Некоторые христианские богословы, к примеру Феофан-затворник, отмечают у Евагрия повышенное внимание к каппадокийским отцам и их утверждению о природе Бога – непознаваемой, даже по аналогии, ни через Его творения, ни через мудрость творения. Однако Евагрий также считал, что созерцание может принести интуитивное знание или гнозис божественной природы, хотя это и не равносильно полному интеллектуальному пониманию [Кефалайя, т. I, гл. III, 4, 1].

В своем труде «Кефалайя гностическая» Евагрий использует термин «гнозис» – в православном смысле как интуитивное знание, дарованное божественной благодатью. Это был

смысл, развитый Климентом Александрийским в противовес египетским гностикам-еретикам, которые сделали «гнозис» средством спасения и даже персонифицировали мудрость как субстанциальный ореол или духовную силу. Для Евагрия, как и для Климента, гнозис – это знание, отличное от того, что известно, а высший духовный гнозис – это дар Святого Духа, а не что-то, чего можно достичь человеческими усилиями или мистическими действами.

Представленная в данном трактате аскетическая система Евагрия встроена в неоплатоническую космологию, которую попытаемся кратко изложить следующим образом.

Первым действием Бога, вне времени, было мгновенное сотворение всех посредством первого естественного созерцания, то есть созерцания первопричин всего или «логосов» (бестелесных природ). Одна из этих природ стала Христом, другая – дьяволом, в то время как другие стали бы ангелами, демонами и людьми. Сначала все эти природы жили в состоянии «гнозиса», созерцая «Единство», которое Евагрий, по-видимому, отождествляет с Богом Отцом. Далее один из логосов, которому предстояло стать дьяволом, совершил поступок, называемый «отступление», тем самым отвернулся от Единства и породил этим поступком невежество. Все остальные, за исключением того, кому предстояло стать Христом, в той или иной степени следовали за дьяволом в его отступлении, тем самым все более отделяя себя от Единства [Творения аввы Евагрия, 1994].

У Евагрия имеется более пространное описание вероятной природы Троицы. Говоря о том, что Единый разум, который не участвовал в отступлении, оставался в полном созерцании Единства и был помазан гнозисом Единства, благодаря которому он стал Христом. Этот гнозис Единства и есть Слово Божье; таким образом, Слово Божье предшествует Христу, а не тождественно ему. После этого Движения Бог отныне будет действовать только через Христа, единственный дом, в котором было Слово Божье [Творения аввы Евагрия, 1994].

Попытаемся выделить некий второй этап в описании становления мира. Посредством второго естественного созерцания, то есть созерцания причин или логосов телесных природ, Христос создал тела для всех остальных «ноэ» и «миры», соответствующие природе этих тел. На этом этапе утверждения Евагрия становятся еще более неясными. У всех, видимо, исходя из этого, теперь есть тела, даже у ангелов и демонов. У небесных сил есть тела из огней. Ангелы постоянно пребывают в созерцании, будучи ориентированы на разум и живую стихию огня. Люди пребывают в созерцании лишь несколько раз и ориентированы на животное желание (эпитумия) и землю, в то время как демоны отвергают всякое созерцание и ориентированы на воздух и вспыльчивый аппетит или тумос (например, ненависть). Это распределение тел и миров по различным нотам и есть первое суждение. В этой жизни разумные существа оживляются созерцанием телесной и бестелесной природы. Таким образом, мы можем прийти к познанию мудрости Бога в творении, но это не то же самое, что сущностная мудрость или сущностный гнозис, которым является Сам Бог. Видение Бога или прямое интуитивное знание о Божестве отличается от простого интеллектуального знания о Боге [Творения аввы Евагрия, 1994, V, 26]. Евагрий не считал, что мы можем достичь видения Бога своими собственными усилиями.

Хотя Движение является причиной порока, оно также дало повод для добродетели. Это связано с тем, что Движение привело к появлению названий (т. е. формальных сущностей) и способов бытия, поэтому ноты стали индивидуализированными и дифференцированными. Имена и способы поведения могут быть причинами добродетелей, хотя добродетель, в отличие от порока, существовала всегда. Ангелам даны духовные тела, в то время как людям даны одушевленные тела, называемые телами практики, поскольку они делают возможной практику, то есть очищение посредством аскетических практик.

Материальные существа (то есть тела и миры) неспособны к гнозису. «Ноты», по своей собственной природе, по сути своей не имеют тела или места, однако, будучи привязанными к телу или миру, можно сказать, что в этом месте присутствует гнозис [О молитве Иисусовой; I, 61–62]. Разумные существа (логики) имеют свое существование, определенное Творцом, но смертность зависит от их воли, независимо от того, присоединены ли они к тому или

иному телу или миру [О молитве Иисусовой; I, 63]. Логики живы постольку, поскольку они действуют в соответствии со своей природой, и мертвы, когда действуют вопреки своей природе [О молитве Иисусовой; I, 64].

Разум может быть существенно изменен или очищен созерцанием гнозиса. Созерцая телесную природу, аскет может, по милости Божьей, очистить свой ум настолько, чтобы он был способен созерцать бестелесные существа. Познание Бога требует самого чистого разума из всех, и этого достигают только те, кому оно дано Божьей милостью.

Далее мы находим следующее, что гнозис исцеляет разум, любовь – тумос, а целомудрие – эпитюмия [О молитве Иисусовой; III, 35]. Нам помогают умопостигаемые звезды, которые являются разумными натурами, освещающими тех, кто находится во тьме [О молитве Иисусовой; III, 62]. Душа озаряется бесстрастием, а разум – гнозисом [О молитве Иисусовой; I, 81]. Порок и невежество, напротив, противостоят рациональной природе и ведут к еще более падшему состоянию. Души людей пали из разряда ангелов и могут еще больше опуститься до уровня демонов из-за избытка тумоса [О молитве Иисусовой; V, 11]. С другой стороны, те, кто избавляется от страсти, больше не будут получать образы от органов чувств и будут жить в новом мире, далеком от чувственного [О молитве Иисусовой; V, 12].

Хотя те, у кого есть тела практики, занимают второе место по своему происхождению, они первые по своему суверенитету, поскольку они будут править грядущим миром, в то время как ангелы правят только нынешними мирами [О молитве Иисусовой; I, 11]. В совершенстве дома не останется ничего от материи, и раздетый разум станет видящим Троицу [О молитве Иисусовой; III, 15].

При окончательном восстановлении всего сущего все тела и миры будут уничтожены по мере совершенствования «нот». Даже имена (то есть формальные сущности) будут упразднены, поскольку «ноты» вернутся к единству в видении Бога [О молитве Иисусовой; II, 17]. На страшном суде демоны и их последователи заплатят за свое зло, наказание не будет вечным. Действительно, все ноты, даже the damned, будут очищены и восстановлены в своем первоначальном недифференцированном единстве. Тогда у всех будет видение Бога, но невежеству не будет конца, ибо познание Бога безгранично.

Заключение

Рассмотрев данные умозаключения, можно увидеть, что в системе Евагрия присутствует весьма серьезная неортодоксальность, которая синтезирована с неоплатонизмом, стоицизмом, христианством и даже некоторыми уникальными александрийскими элементами. И всё это заключено в громоздкой, хотя и деликатно утонченной системе. В своем труде Евагрий не виновен в гностицизме, поскольку его представление о гнозисе совершенно ортодоксально, и при этом он отвергает пантеизм, говоря, что Бог повсюду через Свою мудрость, но не как какая-то часть. Он не следует за Пелагием в утверждении, что мы можем стать бесстрастными или достичь познания Бога собственными аскетическими усилиями, но всегда настаивает на условии Божьей благодати. Тем не менее в его учении о предсуществующем недифференцированном «нет», его христологии и его эсхатологии мы находим отход от религии Воплощенного Слова. Вместо этого мы видим радикальный отказ от телесности, который лишь поверхностно совместим с доктринами Воплощения и воскресения мертвых.

Анафемы против оригенизма в VI веке были направлены главным образом против доктрин, выдвинутых в «Кефалайе гностической».

Список литературы

Беневич Г.И. 2017. Евагрий Понтийский и палестинская философско-богословская традиция. ACTA ERUDITORUM. 24: 10–15.

Бунге Г., иером. 2005. Академия: Духовное учение Евагрия Понтийского об унынии. Рига, Изд-во Сретенского монастыря, 140 с.

Добротолюбие в русском переводе. Авва Евагрий. Москва, Типо-Литография И. Ефимова. Большая Якиманка. Собственный дом. 638 с.
Дунаев А.Г., Фокин А.Р. 2007. Евагрий Понтийский. Православная энциклопедия. Москва, «Сибирская Благозвонница». Том 16. 557 с.
Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина. Перевод с латинского священника М.И. Хитрова. 1898. Сергиев Посад, «Сибирская Благозвонница». 205 с.
История египетских монахов. Под. ред. Кулькова И.А. 2001. Москва, Издательство «ПСТБИ» 128 с.
Карташев А.В. 2008. Вселенские соборы. Минск, Изд. Белорусский Экзархат, Харвест, 639 с.
Кефалайя Гностическая. 2022. Перевод Калвесмаки Д. Париж. 512 с.
Мейендорф И.Ф. 2001. Введение в Святоотеческое Богословие. Минск, Изд-во Фонд «Христианская жизнь». 448 р.
О молитве Иисусовой: Поучения свт. Феофана Затворника. 2001. Москва, «Даниловский благовестник». 220 с.
Полное собрание творений святых Отцов Церкви и церковных писателей. 2007. Москва, Изд-во «Сибирская Благозвонница». 423 с.
Сидоров А.И. 1998. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. Москва, «Сибирская Благозвонница». 135–137 с. 528 с.
Сидоров А.И. 2002. У истоков культуры святости: Памятники древнецерковной аскетической и монашеской письменности. Москва, Паломник. 478 с.
Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. 1994. Пер. А.И. Сидорова. Москва, Изд-во Мартис. 362 с.
Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. 2000. Москва, Изд-во «Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры». 179 с.
Циркин Ю.Б. 2003. История Библейских стран. Москва, Астрель. 577 с.
Шафф Филип. 2010. История Христианской Церкви. Санкт-Петербург, «Библия для всех». 558 с.
Яблонская О.В. 2017. К вопросу о споре Иеронима Стридонского и Руфина Аквилейского. Таврический научный обозреватель. 4 (21): 49–51.
Gombos St.C. 2012. Divine Providence in the Thought of Evagrius. Chicago.
Harmless William. 2004. Desert Christians: an Introduction to the Literature of Early Monasticism. Oxford New York, Oxford University Press.
Kephalaia Gnostika. Les six Centuriesdes Kephalaia Gnostika d'Evagre le Pontique. Ed. A. Guillaumont. 1958. Patrologia Orientalis. V. XXVIII. Fasc. 1. № 134. Paris.
Ó Laughlin M.W. 1987. Origenism in the Desert. Cambridge. Mass., 6–71 p.
Tischendorf C. 1860. Notitia editionis codicis bibliorum Sinaitici. Lpz., 76–122 p.

References

Benevich G.I. 2017. Evagrij Pontijskij i palestinskaya filosofsko-bogoslovskaya tradiciya [Evagrius of Pontus and the Palestinian Philosophical and Theological Tradition]. ACTA ERUDITORUM. 24: 10–15.
Bunge G. Jerome. 2005. Akediya: Duhovnoe uchenie Evagriya Pontijskogo ob unynii [Akedia: The Spiritual Teaching of Evagrius of Pontus on Despondency]. Riga, Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 140 p.
Dobrotolyubie v russkom perevode. Avva Evagrij [Dobrotolubie in Russian Translation. Abba Evagri]. Moscow, Typo-Lithography of I. Efimov. Big Yakimanka. Own house. 638 p.
Dunaev A.G., Fokin A.R. 2007. Evagrij Pontijskij. Pravoslavnaya enciklopediya [Evagrius of Pontus]. The Orthodox Encyclopedia. Moscow, «Siberian Blagozvonnitsa». Volume 16, 557 p.
Zhizn' pustynnyh otcov. Tvorenie presvitera Rufina. Perevod s latinskogo svyashchennika M.I. Hitrova. [The Life of Desert Fathers. The Creation of Presbyter Rufinus. Translated from the Latin by the Priest M.I. Khitrov]. 1898. Sergiev Posad, «Siberian Blagozvonnitsa». 205 p.
Istoriya egipetskih monahov [The History of the Egyptian Monks]. 2001. Moscow, 71–72 p.
Kartashev A.V. 2008. Vselenskie sobory [Ecumenical Councils]. Minsk, Izd. Belorusskiy Ekzarkhat, Kharvest, 639 p.
Kefalaji Gnosticheskaya [Kefalaya is Gnostic]. 2022. Translated by Kalvesmaki D. Paris. 512 p.
Meyendorf I.F. 2001. Vvedenie v Svyatootecheskoe Bogoslovie [Introduction to Patristic Theology]. Minsk, Publishing House of the Christian Life Foundation. 448 p. (in Belorusian).

O molitve Iisusovoj: Poucheniya svt. Feofana Zatvornika [On the Jesus Prayer: The Teachings of St. Theophan the Recluse]. 2001. Moscow, «Danilovsky evangelist». 220 p.
Polnoe sobranie tvorenij svyatyh Otcov Cerkvi i cerkovnyh pisatelej [The Complete Collection of the Works of the Holy Fathers of the Church and Church Writers]. 2007. Moscow, Publishing House «Siberian Blagozvonnitsa». 423 p.
Sidorov A.I. 1998. Drevnekhristianskij asketizm i zarozhdenie monashestva [Ancient Christian Asceticism and the Origin of Monasticism]. Moscow, The Pilgrim. 478 p.
Sidorov A.I. 2002. U istokov kul'tury svyatosti: Pamyatniki drevnecerkovnoj asketicheskoj i monasheskoj pis'mennosti [At the Origins of the Culture of Holiness: Monuments of Ancient Church Ascetic and Monastic Writing]. Moscow, Pilgrim.
Tvoreniya avvy Evagriya. Asketicheskie i bogoslovskie traktaty [The Creations of Abba Evagrius. Ascetic and Theological Treatises]. 1994. Per. A.I. Sidorova. Moscow, Martis Publishing House». 362 p.
Tvoreniya prepodobnogo otca nashego Nila Sinajskogo [The Creations of Our Venerable Father Nile of Sinai]. 2000. Moscow, Publishing House of the Moscow Compound of the Holy Trinity Sergius Lavra. 179 p.
Tsikin Y.B. 2003. Istoriya Biblejskih stran [The History of the Biblical Countries]. Moscow, Astrel. 577 p.
Schaff Philip. 2010. Istoriya Hristianskoj Cerkvi [The History of the Christian Church]. St. Petersburg, «The Bible for all». 558 p.
Yablonskaya O.V. 2017. K voprosu o spore Ieronima Stridonskogo i Rufina Akvilejskogo [On the Issue of the Dispute between Hieronymus of Stridon and Rufinus of Aquileia]. The Tauride Scientific Observer. 4 (21): 49–51 p.
Gombos St.C. 2012. Divine Providence in the Thought of Evagrius. Chicago.
Harmless William. 2004. Desert Christians: an Introduction to the Literature of Early Monasticism. Oxford New York, Oxford University Press.
Kephalaia Gnostika. Les six Centuriesdes Kephalaia Gnostika d'Evagre le Pontique. Ed. A. Guillaumont. 1958. Patrologia Orientalis. V. XXVIII. Fasc. 1. № 134. Paris (in France).
Ó Laughlin M.W. 1987. Origenism in the Desert. Cambridge. Mass., 6–71 p.
Tischendorf C. 1860. Notitia editionis codicis bibliorum Sinaitici. Lpz., 76–122 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.09.2023
Поступила после рецензирования 06.12.2023
Принята к публикации 08.12.2023

Received 22.09.2023
Revised 06.12.2023
Accepted 08.12.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стржалковская Анастасия Дмитриевна, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0001-5277-3812

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia D. Strzhalkovskaya, Associate Professor of the Russian Language Department of Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(569.4)"70/638"
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-323-336
Обзорная статья

Кесария и Иерусалим: соперничество двух палестинских кафедр в эпоху Поздней античности

Сухова Ж.М., Ващева И.Ю.
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
E-mail: zhanna-suhova@mail.ru, jmsuhova44@gmail.com, vasheva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории соперничества и борьбы за первенство в регионе двух палестинских кафедр в эпоху Поздней античности – Кесарии и Иерусалима. Автор отмечает слабую изученность темы и приходит к заключению, что соперничество Иерусалима и Кесарии началось в начале IV столетия и продолжалось вплоть до официального объявления на Халкидонском соборе в 451 году Иерусалима сверхмитрополией, а епископа иерусалимского – патриархом. Процесс возвышения иерусалимских епископов невозможно рассматривать как мгновенный, свершившийся лишь во время правления одного епископа Иерусалима, но как процесс, протекавший почти полтора столетия. В ходе борьбы важную роль сыграли сам город Иерусалим, который постепенно становился Святым городом; апостольское происхождение иерусалимского престола; непосредственно сама ситуация в христианской церкви (в особенности действия таких могущественных иерархов, как папа Римский, патриархи Антиохии и Александрии); догматические споры и, наконец, личные качества и амбиции епископов двух городов. Высокое значение последнего епископа и первого патриарха Иерусалима Ювеналия, подкрепленное действиями предшественников, позволило поставить точку в соперничестве с Кесарией и навсегда возвыситься над ее епископами.

Ключевые слова: соперничество за первенство, епископ иерусалимский, митрополит кесарийский, кафедра, Палестина, Кесария, Иерусалим, Поздняя античность, апостольский престол, Святой город

Для цитирования: Сухова Ж.М., Ващева И.Ю. 2024. Кесария и Иерусалим: соперничество двух палестинских кафедр в эпоху Поздней античности. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 323–336. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-323-336

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Caesarea and Jerusalem: The Rivalry for Primacy of Two Palestinian Cathedrae in the Era of Late Antiquity

Zhanna M. Sukhova, Irina Yu. Vashcheva
Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University,
31a Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia
E-mail: zhanna-suhova@mail.ru, jmsuhova44@gmail.com, vasheva@mail.ru

Abstract. The article is about the history of the rivalry for primacy between two Palestinian cathedrae in Late Antiquity. The author notes that the topic is poorly researched and concludes that the rivalry between Jerusalem and Caesarea began in the early IV century and continued until the official declaration of Jerusalem as an autocephalous Church at the Council of Chalcedon in 451, and the bishop of Jerusalem as the patriarch. The process of the rise of the bishops of Jerusalem cannot be considered as instantaneous, took place only during the reign of one bishop of Jerusalem, but as a process that took place for almost a century and a half. During this confrontation, some things played an important role: firstly the city of Jerusalem itself which gradually became a Holy City; secondly the apostolic origin of the see of Jerusalem;

© Сухова Ж.М., Ващева И.Ю., 2024

thirdly the situation in the Christian Church, especially the actions of such powerful hierarchs as the Pope, the patriarchs of Antioch and Alexandria; fourthly dogmatic disputes and, finally, the personal qualities and ambitions of the bishops of the two cities. The high importance of the last bishop and the first patriarch of Jerusalem, Juvenal, reinforced by the actions of his predecessors, made it possible to put an end to the rivalry with Caesarea and rise above its bishops forever.

Keywords: rivalry for primacy, bishop of Jerusalem, metropolitan bishop of Caesarea, cathedra, Palestine, Caesarea Maritima, Jerusalem, Late Antiquity, Apostolic see, Holy City

For citation: Sukhova Zh.M., Vashcheva I.Yu. 2024. Caesarea and Jerusalem: The Rivalry for Primacy of Two Palestinian Cathedrae in the Era of Late Antiquity. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 323–336 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-323-336

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Эпоха Поздней античности является по-своему специфичной и уникальной среди остальных исторических эпох: это время появления Византийской империи, стремительного экономического развития и впечатляющего культурного процветания, это эпоха духовных и интеллектуальных дебатов и время становления христианства [Селунская, 2004; Ващева, 2009; Brown, 1971; Cameron et al., 2008]. Одним из важных аспектов становления христианства была институционализация церкви и оформление ее основных институтов. Далеко не сразу обозначились пять основных епископских престолов, которые образовали систему пентархии. Впервые о значимости епископских престолов на общецерковном уровне было сказано на Никейском соборе 325 года, и особый статус тогда был признан только за Александрийской, Римской и Антиохийской Церквями – митрополиями [11, 12], а также подразумевалось, что гражданские провинции (ἐπαρχίαι, provinciae) составят основу территориального устройства христианской церкви [13]. Столица каждой провинции зачастую была таким местом, где впервые звучала христианская проповедь, откуда она распространялась по окрестным городам и селам, а выделенные Церкви Рима, Антиохии и Александрии вдобавок отличались своим апостольским происхождением [Л'Юилье, 2005, с. 86]. И здесь наиболее четко обозначилась проблема утверждения церковной иерархии в Палестине: с одной стороны, епископом митрополии в провинции являлся епископ города Кесария, таким образом, данный город объединял в себе гражданское и церковное управление. С другой стороны, в Палестине находился ещё один епископский город, которому было под силу бороться за региональное первенство – это Иерусалим. Его епископы четко понимали это и в связи с официально начавшимся оформлением церковной иерархии стали прилагать большие усилия для получения особого статуса в регионе и в христианской церкви. Поэтому целью данной статьи является изучение соперничества кафедр Кесарии и Иерусалима за региональное первенство (примат), которое стало частью процесса институционализации христианской церкви в эпоху Поздней античности, отражает специфику церковного управления данного периода и которое существенно влияло на религиозную жизнь региона.

Слабый интерес исследователей к данной проблематике объясняется несколькими причинами. Во-первых, источниковая база не богата и, что важнее, фрагментарна. Здесь следует подчеркнуть недостаток источников, оставленных кесарийскими епископами: кроме Евсевия Кесарийского, со стороны его преемников, других позднейших епископов

[11] В 4 правиле Никейского Собора впервые появляется термин «епископ-митрополит» (μητροπολίτης επίσκοπος), чаще употребляется выражение «епископ митрополии» (επίσκοπος της μητροπόλεως), и в конечном итоге устанавливается более краткая форма «митрополит» (μητροπολίτης). См.: Л'Юилье, архиепископ Петр. 2005. Правила первых четырех Вселенских Соборов. Пер. с франц. 84.

[12] Acta Conciliorum Oecumenicorum, I. XI. 6.

[13] Там же, I. XI. 4.

Кесарии, почти не сохранилось никаких записей, что отчасти обуславливается их арианской позицией, из-за чего может сложиться однобокое впечатление борьбы только Иерусалима за свое положение. Эта проблема нами частично решается за счет сведений из церковных историй, которые содержат записи общего характера о соперничестве и смещениях епископов, и сохранившихся писем, которые писали оппоненты иерусалимских епископов. Во-вторых, в историографии уже давно сложился определенный взгляд на проблему. В отечественной исторической науке ещё со времен В.В. Болотова установилось мнение, что соперничество палестинских кафедр не было чем-то выдающимся, ведь в конечном итоге только одному Ювеналию Иерусалимскому (422–458 гг. – здесь указаны годы епископства и патриаршества вместе) удалось возвысить Иерусалим над Кесарией и навсегда закрепить статус патриархов за иерархами Святого города [Болотов, 1918, с. 242–243]. Примерно в то же время в зарубежной историографии благодаря работам Ф. Шаффа утвердился иной взгляд на рассматриваемую проблему: изучалось не соперничество кафедр, а путь становления Иерусалимского патриархата и его борьба за место в церковной структуре в целом [Schaff, 1899, p. 89–90]. В обоих фундаментальных исследованиях ситуация никогда не рассматривалась с точки зрения Кесарии или, по крайней мере, Кесария не воспринималась исследователями в качестве серьезного соперника. Только в современных научных работах, в особенности среди специалистов по Поздней античности, эта проблема получает большее освещение. Наиболее близко к решению данной проблемы подошел Г.И. Беневич в статье «Св. Кирилл Иерусалимский и борьба за возвышение Иерусалимской кафедры в IV в.» [Беневич, 2015, с. 75–85]. В ней рассматривается история и характер борьбы Кирилла Иерусалимского (ок. 350–386 гг. – здесь и далее указаны годы епископства) за возвышение Иерусалимской кафедры и за повышение ее влияния в Церкви и в регионе. Акцент исследования смещен на наиболее важные факты биографии епископа Кирилла, хотя Г.И. Беневич рассматривает состояние Иерусалимской кафедры до и после деятельности этого епископа [Беневич, 2015, с. 75]. В монографии Э. Хонигмана, посвященной епископу иерусалимскому Ювеналию, написанной в середине прошлого столетия, справедливо отмечается неясное положение Иерусалимской кафедры после принятия некоторых правил на Никейском соборе и дается общая характеристика борьбы между епископами [Honigmann, 1950, p. 211–212]. В статье Я.-М. Кеттера, опубликованной в 2022 году, кратко отмечены основные вехи тернистого пути Иерусалимской кафедры к доминированию в регионе, в ней автор подчеркнул, что получение статуса патриархата было бы невозможным без триумфа над Кесарией [Kötter, 2022, p. 241–243]. Однако оба исследователя – и Э. Хонигман, и Я.-М. Кеттер – сосредоточили внимание в основном на изучении деятельности иерусалимского епископа Ювеналия в достижении им статуса патриарха. Таким образом, проблема, рассматриваемая в данной статье, ещё не становилась предметом специального и исчерпывающего исследования.

Объекты и методы исследования

Настоящая работа опирается на концепцию Поздней античности – передовой в исторической науке подход к изучению событий и явлений в период примерно с III по VII столетия, согласно которому указанное время невозможно рассматривать исключительно как период упадка и разрушения, но как специфичную эпоху, время изменений и трансформаций, эпоху особого культурного разнообразия и экономического подъема, становления христианства, время, которому невозможно дать только однозначную, однобокую оценку [Селунская, 2004; Ващева, 2009; Brown, 1971; Cameron et al., 2008]. Нахождение и соперничество двух по-своему значимых кафедр в одном регионе и в последствии в одной провинции стало уникальным феноменом становления и развития институтов христианской церкви, который оказывал существенное влияние на религиозную жизнь региона и отражает специфику Поздней античности как эпохи в целом.

Результаты и обсуждения

До начала эпохи Поздней античности Иерусалим носил название Элия Капитолина [Opper, 2009, s. 90]. Причиной изменения названия стали иудейский войны и, в частности, восстание Бар Кохбы против римлян. За это Иерусалим и был сурово наказан императором Адрианом (117–138 гг.): за разрушением города и за сменой названия последовало выселение евреев за его пределы, а затем основание римской колонии с соответствующими правами [Schäfer, 2003, p. 36], которая сразу стала заселяться преимущественно языческим населением; здесь также проживало немало ветеранов, прибывших из близлежащих регионов, здесь же базировался X Охраняющий пролив легион [Drijvers, 2004, p. 2]. Показательное отношение со стороны римской администрации к Иерусалиму демонстрирует история, рассказанная Евсевием Кесарийским в «Книге о Палестинских мучениках»: на одном из допросов христиан наместник Иудеи Фирмилиан, спросив о городе, из которого происходят заключенные, ответил, что никогда не слышал о Иерусалиме (хотя заключенные имели в виду под своим родным городом Небесный Иерусалим) [14]. Вместо Иерусалима отныне Кесария Палестинская служила надежным, верным императорам политическим и религиозным центром Иудеи, как и было принято в целом по всей империи (когда столица провинции, как правило, была и религиозным центром) [Dvornik, 1958, p. 4–5], а близость этого города к морю добавляла ему стратегическое значение: при необходимости сюда можно было быстро перебросить дополнительные войска и начать восстанавливать контроль над неспокойным регионом. Епископы иерусалимские перестали занимать то положение в Церкви, какое принадлежало им в первые десятилетия христианства, они подчинялись епископам кесарийским из столицы провинции [Isaac, 1997, p. 15; Hansen et al., 2000, p. 292].

Ситуация начала меняться в IV веке. В 313 году был принят Миланский эдикт, который отныне позволял свободно исповедовать христианскую веру. Это событие запустило процесс укрепления христианской церкви и ускорило процесс ее институционализации и возвышения отдельных епископских митрополий. Далее, в 325 году, состоялся Первый Вселенский собор, на котором было принято одно важное решение, касающееся епископов иерусалимских: всеми архиереями был утвержден 7 канон. В начале этого канона говорится об установившемся обычае и древнем предании (συνήθεια κεκράτηκε και παράδοσις αρχαία) всегда воздавать особое уважение епископу Святого города, и отныне епископ Элии Капитолины также должен был иметь утраченное после событий I–II столетия «почетное достоинство», а митрополия, то есть Кесария, должна была сохранить «свои, принадлежащие ей права» [15]. Обычно этот отрывок трактуется как признание за иерусалимскими епископами первенства чести (την άκολουθίαν της τιμής) среди всех остальных областных епископов [Милаш, 2001, с. 205–206], хотя это не означало перехода управления Церковью в Палестине в руки епископов Иерусалима. Такое положение иерусалимских епископов можно назвать неясным, скорее двусмысленным, поскольку другие города империи, такие как Александрия, Тарс, Антиохия, Карфаген, Рим и другие, имели как авторитет во всей христианской церкви, так и права митрополии в своей провинции [Honigmann, 1950, p. 211–212]. Обсуждая этот вопрос, епископ Макарий Иерусалимский (312–335 гг.) на соборе вступил в дискуссию с епископом митрополии кесарийским Евсевием (314–339 гг.), рассчитывая на его слабость как сторонника арианства (хотя в конечном итоге Евсевий подписал Никейский символ веры). Обсуждение арианского учения было одной из главных целей Никейского собора, а потому на заседаниях Евсевию Памфилу приходилось уделять особое внимание вопросам веры [Wallace-Hadrill, 1960, p. 28]. Однако Макарий встретил сопротивление епископов других могущественных митрополий, таких как Антиохийская, Александрийская и Римская, которые сами боролись за первенство в христианской церкви в целом и которые не

[14] Eusebius. De martyribus Palaestinae, 11. 8.
[15] Acta Conciliorum Oecumenicorum, I. XI. 7.

желали иметь еще одного конкурента. Поэтому 7 канон в данной формулировке, очевидно, является найденным в рамках собора компромиссом. Несмотря на то, что Евсевий Кесарийский был личным свидетелем всего, что происходило на соборе, в повествовании о нем он чрезвычайно краток и ограничивается только общими указаниями [16]. Макарий Иерусалимский также не оставил никаких свидетельств о произошедших на соборе событиях.

Кроме того, после принятия Миланского эдикта христианская церковь могла открыто демонстрировать свои святыни. Главным свидетелем жизни и страстей Иисуса Христа был Иерусалим. Относительно его названия в Позднюю античность наблюдается следующая ситуация: с одной стороны, в широкую практику вновь входит употребление названия Иерусалим, с другой стороны, даже после событий в Никее не последовало никакого указа о его переименовании, хотя языческое «Капитолина», обозначающее трех капитолийских богов, в официальных источниках исчезает и остается только «Элия». Согласно нумизматическим данным – монетам, сохранившимся со времен правления императора Адриана (117–138 гг. – годы правления) и до середины III столетия (рис. 1), четко понятно, что в течение этого времени город сохранял название Элия Капитолина (тем примечательнее, что во время восстания Бар Кохбы чеканились монеты с надписью «Иерусалим» и даже «Свободный Иерусалим») [Zlotnik, 2012, p. 22]. После чеканка монет в регионе прекращается на 150 лет [Zlotnik, 2012, p. 24] и вновь возобновляется в Иерусалиме, однако данные об этом немногочисленны: известно, по крайней мере, что в начале VII столетия имелись монеты с упоминанием Иерусалима [Sear, 1987. P. 19, 22], а данные о V–VI столетии постепенно обновляются, и пока на них нет упоминания Иерусалима [Ariel, 2020, p. 165–180]. Если мы обратимся к письменным источникам, то, например, на первом Никейском соборе упоминается именно название Элия[17].

Рис. 1. Монета, посвященная основанию COL[ONIA] AEL[IA] CAPIT[OLINA] COND[ITA] с изображением императора Адриана
Fig. 1. A coin, dedicated to founding of COL[ONIA] AEL[IA] CAPIT[OLINA] COND[ITA] in which is represented Emperor Hadrian

В сочинениях позднеантичных авторов, например, у Иеронима Блаженного (около 345–420 гг. – годы жизни), упоминается только название Иерусалим [18, 19], для паломников Святым городом был, несомненно, Иерусалим, а не Элия [20]. Кирилл Александрийский (412–444 гг.) в письме Иоанну Антиохийскому (429–441 гг.) называет епископа Иерусалима «епископом элиейским» [21], хотя для епископов Иерусалима характерен эпитет «иерусалимский». В арабских источниках также сохранилось название Элия, при Омейядах упоминается уже Иерусалим вместо Элии [Jacobson, 2020, p. 6–7]. Этот феномен отчасти объясняется отрицанием древней столицы иудеев [Jacobson, 2020, p. 3] и церковными спорами о

[16] Acta Conciliorum Oecumenicorum, I. XVII.
[17] Там же, I. XI. 7.
[18] Hieronymus. Chronicon.
[19] Hieronymus. Epistulae, 44, 53.
[20] Там же, 44.
[21] Там же, III. XVII.

первенстве, а также, возможно, и представлениями о Иерусалиме как о Небесном городе – Небесном Иерусалиме. Тем не менее с IV столетия наименование города Иерусалим широко входит в практику среди жителей империи, и в это же время начинается формирование его образа Святого города, о чем речь пойдет ниже.

Здесь необходимо рассмотреть значимость паломничества по Палестине матери императора Константина Елены (ок. 246/248–330 гг. – годы жизни августы), которое она совершила примерно в 326 году и после которого в Палестину хлынуло большое число желающих увидеть христианские святыни и значимые места. Согласно историкам церкви, она основывала много храмов на символичных местах: в Иерусалиме, например, это Храм Вознесения на Елеонской горе [22, 23]. Легенду об обретении Креста Господня следует прокомментировать отдельно. Это событие в исторических источниках датируется по-разному, а сами сообщения об обретении Креста записаны не современниками или очевидцами событий. Она появляется в книгах и сочинениях второй половины IV столетия, а само начало почитания Креста исследователи связывают с другим епископом иерусалимским Кириллом (около 347–386 гг.) и указывают, что именно в годы его епископства христиане со всей империи стремились посетить Иерусалим, чтобы увидеть эту реликвию [Беневич, 2015, с. 77]. Мы не можем причислять обретение Креста ко времени епископства Макария, как и не можем быть до конца уверены в основании храмов матерью Константина, но очевидно, что благодаря паломничеству августы Елены продолжалось формирование образа Палестины как Святой земли, Иерусалима – как Святого города.

Не подлежит сомнению, что паломничество в город Христа в IV веке сделалось общеимперским явлением [Голубцов, 1894, с. 449]. Однако если мы обратимся к сочинениям Евсевия Кесарийского – современника Константина и Елены, то для него не характерно именование Иерусалима «святым городом» и приложения к нему тех мест Ветхого Завета, которые говорят о нём как о Священном городе; он сосредоточен лишь на отдельных святынях (например, на храме Гроба Господня), что в контексте начала борьбы между Кесарией и Иерусалимом выглядит вполне органично. Тем не менее Евсевий Памфил упоминает, что первым иерусалимским епископом был Иоаков – апостол от семидесяти и «брат Господень», и приводит список всех епископов Иерусалима, точно так же, как и Рима, Александрии и Антиохии, что впоследствии будет использоваться епископами иерусалимскими в качестве доказательства апостольского происхождения своего престола [24]. А пока в первой трети IV века первым областным городом оставалась Кесария, церковно-областное управление продолжало сосредоточиваться там же, где и государственное, власть митрополита сохранялась за иерархами Кесарии [Милаш, 2001, с. 218–225]. И все же в 325–326 гг. произошли символичные перемены в истории Иерусалима, которые определили его становление в качестве религиозного центра империи, эти изменения стали катализатором других последовавших в будущем изменений.

Иерусалиму также надлежало быть украшенным самыми искусными и потрясающими воображение простого человека храмами и церквями, одним из которых стал храм Гроба Господня, построенный на месте, рассказывающем христианскую историю, – на месте распятия и воскресения Иисуса Христа. По сообщению церковного историка Сократа Схоластика, стройку император Константин поручил лично епископу иерусалимскому Макарию и также просил его украшать город другими прекрасными и лучшими постройками, ведь «самое дивное место в мире должно быть и украшено, как следует…» [25]. Из послания августа ясно, что Макарий по собственному усмотрению мог требовать любых художников, ремесленников, мастеров, самые лучшие материалы для стройки и многое другое. Отметим

[22] Eusebius. De vita Constantini, III. 42.
[23] Socrates. Historia Ecclesiastica, I. 17.
[24] Eusebius. Historia Ecclesiastica, II. I. 2; III. XXXV; V, XII, 1; VII. XXXII. 29.
[25] Socrates. Historia Ecclesiastica, I. 9.

здесь, что в то же время Созомен приводит историю, согласно которой император Константин отправил письмо с другим важным поручением к епископу митрополии. Евсевию Памфилу (persona gratissima) август поручил лично проконтролировать написание 50 томов священных текстов в городе Кесария и позволил использовать любые ресурсы для этого [26]. Приведение обоих сюжетов в источнике можно считать чистым совпадением, однако в контексте начавшегося соперничества поручения этим двум палестинским иерархам выглядят вполне органично: возможно, это было сделано с целью уравновесить притязания каждого из них.

Следующим епископом на иерусалимском престоле был Максим Иерусалимский (около 335–347 гг.). Кесарийскую кафедру в это время занимали Евсевий Памфил и его преемник Акакий (339–366 гг.). Максим так же, как и его предшественник, поддерживал идею первенства иерусалимского епископа в Палестине. Несмотря на то, что время его епископства слабо задокументировано, известен один показательный случай. Во время возвращения александрийского епископа митрополии Афанасия Великого из ссылки около 346 года, в которую он был отправлен как непримиримый противник арианского учения, именно Максим созвал синод в Иерусалиме из шестнадцати палестинских епископов, которые приветствовали александрийца. Сократ Схоластик сообщает [27], что на этом синоде Максим самолично «восстановил общение и сан» Афанасию и оказал ему поддержку против ариан; Созомен эту информацию подтверждает [28] без подробностей [29]. Нет сомнений в том, что Афанасий Великий, будучи одним из самых бескомпромиссных противников арианства, заслуживал подобного приема и отношения со стороны других ортодоксальных епископов. Однако обладал ли Максим Иерусалимский правами на подобные действия? Очевидно, что пытался обладать ими, опираясь именно на статус «первенства чести» [Wirgman, 2008, p. 219; Bright, 1903, p. 199]. Кроме этого, он умело воспользовался спорами никейцев и ариан: митрополиты Кесарии Евсевий Памфил и Акакий симпатизировали арианам, Акакий Кесарийский был одним из лидеров ариан после смерти Евсевия, который активно выступал за пересмотр решений Никейского собора [30]. Без ответа действия епископа иерусалимского не остались: Акакий Кесарийский и арианский епископ Патрофил Скифопольский (епископ третьего по значимости в Палестине города) поспешили собрать новый собор и поставили на место епископа Максима Кирилла, который казался близким им по взглядам, согласно церковным историкам Созомену [31] и Сократу [32]. Руфин Аквилейский упоминает только то, что рукоположение было каким-то «неправильным» [33]. Скорая смена епископа может объясняться не только религиозными противоречиями, постановление Кирилла в качестве нового епископа Иерусалима было также частью борьбы за первенство между Кесарией и Иерусалимом.

Епископство Кирилла Иерусалимского проходило как под знаком активного формирования образа Иерусалима как Святого города, так и борьбы со своими митрополитами. Феодорит Кирский дал такую оценку борьбе между Акакием и Кириллом: «Спор этих двух епископов о первенстве был причиною величайших зол для церкви» [34]. Об этом сообщает

[26] Там же, I. 9.

[27] Там же, II. 24.

[28] Sozomenus. Historia Ecclesiastica, III. 21–22.

[29] Мы не согласны с Ю.В. Шелудченко, который в своем исследовании пишет, что Акакий Кесарийский и Патрофил Скифопольский присутствовали на этом собрании, что, во-первых, не указано ни в одном источнике, и, во-вторых, было не в их интересах (как сторонников арианских идей) восстанавливать Афанасия в сане (через несколько лет они собрали новый собор и осудили это восстановление Максимом александрийца, поборника арианства в сане). См.: Шелудченко Ю.В. 2017. Христианская церковь ранневизантийского Скифополя. Научные ведомости. Серия История. Политология. Выпуск 42, 8 (257): 50.

[30] Socrates. Historia Ecclesiastica, II. 38–40.

[31] Sozomenus. Historia Ecclesiastica, IV. 20.

[32] Socrates. Historia Ecclesiastica, II. 38–40.

[33] Rufinus. Historia Ecclesiastica, X. 23.

[34] Theodoretus. Historia Ecclesiastica, II. 26.

и Созомен, добавляя, что Кирилл спорил с Акакием о правах епископа митрополии «как предстоятель апостольского престола» [35], что говорит о более четком понимании значения статуса своего престола как епископского, и здесь Кирилл, конечно, апеллирует к понятию «апостольский престол» так же, как это делали, например, папы римские, но с поправкой на свою ситуацию: Кирилл не претендовал ровно на такой же статус, как папы римские, а лишь на большее, чем кесарийские епископы. В своих проповедях, в «Поучениях огласительных» [36], он называет Иоакова «епископом этой церкви», то есть Иерусалимской, самым первым предстоятелем апостольской церкви в Иерусалиме и подчеркивает значимость своей Церкви святынями и деяниями Спасителя в Иерусалиме, формируя образ Иерусалима как Святого города, а своей Церкви – как отличающейся среди всех остальных: «…здесь, в Иерусалиме, в том месте, где горняя во имя апостолов Церковь. *Мы имеем все преимущества*: здесь Христос сошел с небес; здесь Дух Святой сошел с небес; и поистине весьма прилично было бы и о Духе Святом говорить в этой горней Церкви, так как мы о Христе и Голгофе говорим на сей Голгофе…» [37], добавляя в другом месте «…в этом граде Иерусалиме (и это преимущество имеем мы; блага, о которых говорим мы, *не где-то ниспосланы*, *а у нас дарованы*), в день, говорю, Пятидесятницы, когда они были вместе, сошел с неба Утешитель, хранящий и освящающий Церковь…» [38]. Это серьезное изменение в осознании епископами Иерусалима значимости своего места, и это очень сильно начинает контрастировать с Кесарией, поскольку кесарийская кафедра не могла похвастаться подобным прошлым и святынями.

В целом конкретных и подробных сообщений о соперничестве кафедр во время епископства Кирилла Иерусалимского и Акакия Кесарийского встречается немного, не сохранилось никаких записей со стороны митрополита Кесарии, хотя известно, что Акакий, как муж ученый, оставил много сочинений [39]; это может объясняться антиникейскими взглядами Акакия. Однако мы можем воспользоваться сочинениями церковных историков и сочинениями епископа иерусалимского, чтобы представить себе события и характер борьбы. Мы уже знаем, что сначала Акакий видел в Кирилле своего сторонника и рукоположил его как своего союзника, но через некоторое время после рукоположения Кирилл проявил свои религиозные взгляды несколько более четко или же переменил их. Сочинения самого Кирилла тоже вызывают вопросы относительно его взглядов: он не употребляет важные понятия Никейского символа веры, но идеи, которые он доносит другими словами, не выходят за рамки символа веры, что не позволяет решительно заключать что-либо конкретное о его взглядах. Ни одного другого епископа Акакий Кесарийский так упорно не старался сместить, как именно Кирилла: в источниках смещение зафиксировано 3 раза. Епископы других палестинских городов, видимо, порой сами не понимали чьей стороны им держаться. Так, в первый раз Кирилл был лишен статуса епископа иерусалимского в 357 году, однако после этого он был восстановлен в статусе решением более крупного Селевкийского собора 359 года, на котором Акакий не мог влиять на всех собравшихся [40]. Епископ кесарийский даже отказывался присутствовать на соборе, пока Кирилл находился там. Во второй раз Акакий сместил Кирилла, добившись отмены решения Селевкийского собора лично у августа Констанция (337–361 гг. – годы правления), с которым у епископа митрополии были хорошие отношения и схожие религиозные взгляды. Церковный историк Феодорит Кирский описывает встречу императора и Акакия следующим образом: «Возвратившись с Запада, Констанций был в Константинополе. Во многом обвиняя перед царем Селевкийский собор…, Акакий возбудил гнев в царе и не менее раздражил его также своею клеветою на

[35] Sozomenus. Historia Ecclesiastica, IV. 25.
[36] Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные, 4. 28; 14. 21.
[37] Там же, 16. 4.
[38] Там же, 17. 13.
[39] Sozomenus. Historia Ecclesiastica, III. 14.
[40] Theodoretus. Historia Ecclesiastica, II. 26.

Кирилла. Он клеветал, будто Кирилл продал ту священную златотканую ризу, которую всехвальный царь Константин, желая почтить иерусалимскую церковь, подарил архиерею того города Макарию, чтобы он облачался в нее для совершения службы в день таинственного крещения, и будто ту ризу купил какой-то театральный плясун и надел ее, но, прыгая в ней на театре, упал, расшибся и умер…» [41]. Заявить, что Кирилл продал такой драгоценный и символичный подарок, преподнесенный отцом правящего императора, – достаточно серьезное обвинение вне зависимости от того, продал ли на самом деле Кирилл ризу или нет. В третий раз Кирилл Иерусалимский был осуждён Константинопольским собором 360 года и отправлен в изгнание; только при императоре Юлиане (361–363 гг. – годы правления) Кирилл вновь занял место епископа Иерусалима [42].

В свою очередь, Кирилл Иерусалимский тоже пытался добиться расположения императора Констанция, и ему тоже удалось сместить преемника Акакия с кесарийской кафедры. Императору он представил письмо, в котором растолковал знамение креста над Иерусалимом как знак того, что Бог на стороне Констанция, что позволило бы августу легитимизировать власть с религиозной точки зрения во время борьбы с узурпатором Магненцием [43]. Нетрудно распознать в письме и попытку Кирилла возвысить достоинство своего епископского престола, он надеялся на поддержку императора в своих церковных распрях с Акакием Кесарийским [Trampedach, 2022, p. 18–19]. Однако поддержка Констанцием полуариан исключила этот вариант развития событий. Только после смерти императора Констанция и самого Акакия Кесарийского Кириллу удалось дважды поменять епископа митрополии, причем в последний раз он сумел поставить своего племянника Геласия и заявить о приоритете Иерусалимской кафедры над Кесарийской [44]. После смерти такого сильного и авторитетного митрополита, как Акакий, Кирилл сумел потрясти основы Кесарийской кафедры и достаточно её ослабить.

Дополнительные сведения об использовании понятия «Святой город» в отношении Иерусалима мы получаем, обратившись к сочинениям самого иерусалимского епископа. Так, в «Поучениях огласительных» [45], в отличие от предшественников, Кирилл уже без всякого ограничения именует современный ему Иерусалим «Святым градом» [Walker, 1990, p. 86–89]. В своих проповедях в качестве аргументов в богословии или просто при оглашении в пользу христианского учения Кирилл Иерусалимский, помимо цитат из Священного Писания, часто приводит доводы из библейской, чаще всего новозаветной археологии, и для него, по выражению Г.И. Беневича, свидетельства библейской археологии являются своего рода пятым Евангелием [Беневич, 2015, с. 84]. В своем сочинении, судя по его повествованию о чудесах, имевших место в Иерусалиме при явлении Креста в небе и при неудачной попытке иудеев построить заново Храм, он придает Иерусалиму исключительное значение в духовной топографии империи, что важно и в контексте его старого прошлого – это трактуется Кириллом как новый поворот в истории города как христианского. С Иерусалимом он связывает и эсхатологические чаяния, причем обращенные к ближайшему будущему, тогда как для Евсевия Кесарийского эсхатологические чаяния отодвинуты в неопределенное будущее, а духовным центром его проповеди является, как и у Оригена, небесный Иерусалим [Беневич, 2015, с. 84]. Здесь превращение Иерусалима в Святой город шло параллельно с возвышением роли и статуса епископского престола.

В конце IV столетия Палестина была поделена на три провинции, что ослабило положение Кесарии как политического и религиозного центра в регионе [Honigmann, 1950, p. 213]. Во главе каждой из них теперь стояли другие епископы, хотя епископом митрополии все же оставался кесарийский иерарх. При этом не было выделено провинции, во главе

[41] Там же, II. 27.
[42] Там же, III. 14.
[43] Cyrillus Hierosolymitanus. Epistula ad Constantinum, 3, 4.
[44] Epiphanius. Adversus haereses, 66. 20. 3.
[45] Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные.

которой бы находился Святой город: в Палестине Приме главным городом считалась Кесария и в ней же располагался и Иерусалим, Палестина Секунда сосредоточила управление в Скифополе, а Палестина Терция – в Петре, что не улучшало положения епископов иерусалимских. Последние продолжали настаивать на первенстве, и во время правления следующего епископа иерусалимского Иоанна (ок. 387–417 гг.) также были случаи неподчинения епископу митрополии. Так, в «Книге против Иоанна, к Паммахию» Иероним укоряет епископа Святого города за то, что для решения конфликтной ситуации с Епифанием Саламинским Иоанн обратился с письмом к патриарху Александрийской кафедры, ведь «...там (в канонах) определяется то, чтобы митрополиею Палестины была Кесария, а всего Востока – Антиохия» [46]. Он подчеркивает, что Иоанн «…предпочёл обеспокоить занятые уши, чем отдать должную честь своему митрополиту» [47]. Упрек Иеронима справедлив, формальности должны были быть соблюдены. Интереснее, почему для решения спорной ситуации Иоанн обратился к патриарху Александрии, а не к антиохийскому. Вторая половина IV столетия для Антиохии прошла под знаком схизмы, ее Церковь была раздираема спорами епископов [Миронов, 1999, с. 107]. Поскольку в Антиохийской Церкви не было порядка, за решением проблемы Иоанн, видимо, решил обратиться к Александрии, которая находилась на пике своего влияния [Миронов, 1999, с. 109–111]. Тем не менее подобные действия были бы недопустимы для любой другой кафедры по отношению к своим вышестоящим иерархам. Мы можем предположить, что Иоанн, в отличие от его ранних предшественников, действовал уже с полным пониманием того, что он управляет Святым городом, местом паломничества, и занимает апостольский престол (его предшественник Кирилл Иерусалимский продемонстрировал это всей христианской церкви), особенно в условиях, когда Константинопольская кафедра на Вселенском соборе 381 года по значению была признана второй сразу после Римской [48], хотя та и не имела никаких апостольских связей [49]. В этом контексте Иоанн уже не особо считался с ослабевшей Кесарией, хотя никаких официальных шагов для превращения Иерусалима в митрополию он не принял.

Действия предшественников подготовили почву для борьбы на завершающем этапе, время которого приходится на годы епископства Ювеналия Иерусалимского (примерно 422–458 гг.). Поскольку Кесария была митрополией, зависевшей от патриарха Антиохийского, Ювеналий признал, что недостаточно бороться против своего митрополита, как это делали его предшественники, но «он жаждал того, что позже было названо патриаршим достоинством», чего он в результате и добился [Honigmann, 1950, p. 213–214]. Уже показательно, что на Вселенский собор в Эфесе в 431 году значительное количество епископов Палестины прибыло под начальством епископа иерусалимского, самого епископа Кесарии на соборе не было [Болотов, 1918, с. 302]. На этом соборе Ювеналий занимал высокое положение ещё по одной причине: он был вторым из лидеров-союзников Кирилла Александрийского, во многих документах Ювеналий упоминается сразу же после папы Римского и патриарха Александрийского, он всегда подписывал документы сразу же после них [Honigmann, 1950, 222–223]. Здесь мы должны вспомнить, как проходил сам собор и для чего этот собор был собран: собор главным

[46] Иероним. Книга против Иоанна, к Паммахию, 37.
[47] Там же, 37.
[48] Acta Conciliorum Oecumenicorum, II. II. 3.
[49] Тот факт, что не имеющая практически никаких христианских святынь и апостольского престола кафедра могла стоять по значимости после Рима и перед Александрией и Антиохией, конечно, мог быть примером для других таких же кафедр без христианского прошлого со времен апостолов (как, например, Кесария Палестинская), некоторыми христианскими епископами высказывалась точка зрения, что происхождение кафедры не должно иметь решающего значения, поскольку епископы вне зависимости от происхождения их кафедр «занимают кафедру Петру». Подробнее см.: Захаров Г.Е. 2012. «Апостольский престол» в творениях свт. Либерия Римского и свт. Афанасия Великого. Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ, 47: 63. Однако факт происхождения кафедры сильно влиял, когда речь заходила о положении какой-либо кафедры в христианской церкви в целом.

образом был созван для осуждения константинопольского патриарха Нестория. На заседаниях Ювеналий всегда находился вместе с Кириллом Александрийским, которого поддерживал в осуждении патриарха Константинополя и в борьбе с патриархом антиохийским. Собор начал заседание, не дождавшись прибытия антиохийской делегации, а Несторий как патриарх константинопольский не явился на собрание, что было в интересах Кирилла Александрийского и его союзников. Поддерживая св. Кирилла, Ювеналий рассчитывал на большие привилегии. Больше всего нас интересует обсуждение проблемы подчинения епархий своим иерархам: для того, чтобы обрести бóльшую самостоятельность в рамках своей епархии, необходимо было подтвердить древнюю самостоятельность церкви; поскольку иерусалимская Церковь обладает апостольским престолом, то Ювеналий Иерусалимский без труда сумел доказать независимость своей кафедры в первые века христианства, более того, Ювеналий стал считать себя митрополитом ex usu не только трех Палестин, но и двух Финикий и Аравии [Болотов, 1913, с. 244–245.]. Такой поворот событий многих возмутил: антиохийские епископы протестовали против этого [Honigmann, 1950, p. 224], папские делегаты были возмущены, однако давнее противостояние Александрии и Антиохии привело к тому, что Кирилл готов был поддержать любого противника Антиохии, что и получилось. Э. Хонигман подчеркивает в этом деле роль императора Феодосия (408–450 гг. – годы правления) в качестве покровителя Ювеналия: благодаря документам августа епископу иерусалимскому не раз позволялось совершать такие действия, за которые епископы других областей лишились бы сана [Honigmann, 1950, p. 215–217, 232]. Только после осуждения монофизитства на Халкидонском соборе 451 года и показательного раскаяния Ювеналия [50], бывшего одним из главных участников Разбойничьего собора 449 г., состоялось важное заседание, на котором Ювеналий Иерусалимский и патриарх Максим Антиохийский обсудили каждый свои права и договорились о том, что антиохийская кафедра вновь получала под свою юрисдикцию Аравию и Финикию, а иерусалимская кафедра управляла тремя Палестинами, и, наконец, права иерусалимского епископа были уравнены с правами остальных первопрестольных патриархов. Последняя договоренность означала, что епископ Иерусалима получал статус патриарха, контроль и право постановления епископов Кесарии.

Заключение

Соперничество Иерусалима и Кесарии за первенство в Палестине началось в начале IV столетия и продолжалось вплоть до официального объявления Иерусалима главной митрополией в регионе на Халкидонском соборе в 451 году, а иерарха Иерусалима – патриархом. Очевидно, что во времена епископства Евсевия Кесарийского и Макария Иерусалимского серьезные изменения в соотношении статусов были невозможны. Сам процесс возвышения иерусалимских епископов нельзя рассматривать как мгновенный, свершившийся лишь во время правления одного епископа (Ювеналия или Кирилла Иерусалимского), но как процесс, протекавший почти полтора столетия и благодаря усилиям практически всех иерусалимских епископов. В ходе этого процесса важную роль сыграл сам город Иерусалим, который постепенно становился Святым городом – местом библейских событий и деяний Иисуса Христа и апостолов (а не иудейской истории), городом с великолепными церквями и святынями, важными для каждого христианина, «пятым Евангелием». В круг веских аргументов со временем вошло понятие «апостольский престол», что означало происхождение иерусалимской Церкви от апостола. Такое положение Иерусалима позволяло ему конкурировать уже не просто с Кесарией, а с Александрией, Римом и Антиохией. Однако еще на Никейском соборе ни один из иерархов указанных городов не желал возвышения Иерусалима, поскольку это означало бы появление еще одного конкурента. Честь и первенство иерусалимского епископа видными церковными руководителями, такими как папа

[50] Socrates. Historia Ecclesiastica, II. 6.

Римский, патриархи Антиохии и Александрии и другие известные современники, оценивалась в основном в зависимости от ситуации в самой христианской церкви. Наконец, в борьбе за первенство особую роль сыграли церковные споры, и порой трудно отделить действия епископов, направленные на утверждение своего первенства, от реальных догматических претензий и обвинений, а также и от личных амбиций епископов двух городов. Таким образом, высокое значение и положение Ювеналия как епископа иерусалимского опирались на результаты действий предшественников. Используя политические и церковные обстоятельства своего времени, ссылаясь на преимущества своей Церкви и опираясь на личные качества и амбиции, он сумел окончательно поставить точку в соперничестве с Кесарией и навсегда возвыситься над ее епископами, добившись статуса сверхметрополии для Иерусалима, а для себя как епископа – статуса патриарха, которому отныне по праву подчинялись все священнослужители Палестины.

Список литературы

Беневич Г.И. 2015. Св. Кирилл Иерусалимский и борьба за возвышение Иерусалимской кафедры в IV в. В кн.: Научная сессия ГУАП (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения). Сборник докладов. В 3-х частях. Санкт-Петербург, [б. и.]: 75–85.

Болотов В.В. 1913. Лекции по истории Древней Церкви. Том 3. Петроград, 340 с.

Болотов В.В. 1918. Лекции по истории Древней Церкви. Том 4. Петроград, 599 с.

Ващева И.Ю. 2009. Концепция Поздней Античности в современной исторической науке. Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 6 (1): 220–231.

Голубцов А.П. 1894. О путешествиях древних христиан и наших старинных паломников в св. землю, Рим и Царьград. Богословский вестник, I (3): 446–462.

Захаров Г.Е. 2012. «Апостольский престол» в творениях свт. Либерия Римского и свт. Афанасия Великого. Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ, 47: 62–69.

Л'Юилье, архиепископ Петр. 2005. Правила первых четырех Вселенских соборов. Пер. с фр. Москва, Срет. монастырь: Моск. духов. акад., 528 с.

Милаш, епископ Никодим. 2001. Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Пер. с серб. Москва, Отчий дом. 650 с.

Миронов А. 1999. История Антиохийской схизмы в IV в.: евстафиане, мелетиане и аполлинариане. Христианское чтение, 17: 88–113.

Селунская Н.А. 2004. Осень средневековья и поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, 13: 232–246.

Ariel D.T. 2020. The Byzantine Coins. In: Jerusalem. Excavations in the Tyropoeon Valley (Giv'ati Parking Lot) II, The Byzantine and Abbasid Periods. Part 1: Stratum V – The Byzantine Period (IAA Reports 66). Jerusalem: 159–182.

Bright W. 1903. The Age of the Fathers: Being Chapters in the History of the Church During the Fourth and Fifth Centuries. Longmans, Green, 543 p.

Brown. P. 1971. The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad. London, 216 p.

Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. 2008. The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600. Cambridge University Press, 1101 p.

Drijvers J. 2004. Cyril of Jerusalem: Bishop and City. Leiden-Boston, 214 p.

Dvornik F. 1958. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, 342 p.

Hansen I.L., Wickham C. 2000. The Long Eighth Century. Brill, 388 p.

Honigmann E. 1950. Juvenal of Jerusalem. Washington, DC: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 279 p.

Isaac B.H. 1997. The Near East Under Roman Rule: Selected Papers. Brill, 484 p.

Jacobson D.M. 2020. The Enigma of the Name Īliyā (= Aelia) for Jerusalem in Early Islam. Available at: https://www.academia.edu/38981188/The_Enigma_of_the_Name %C4%AAliy%C4%81 Aelia for Jerusalem in Early Islam (accessed 8 September 2023).

Kötter J.-M. 2022. Palestine at the Periphery of Ecclesiastical Politics? The Bishops of Jerusalem after the Council of Chalcedon. In: City of Caesar, City of God. Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity. De Gruyter: 241–259.

Opper T. 2009. Hadrian: Machtmensch und Mäzen. Darmstadt, 256 p.
Sear D. 1987. Byzantine Coins and Their Values. London, 528 p.
Schaff Ph. 1899. The Seven Ecumenical Councils. New York, 1500 p.
Schäfer P. 2003. The Bar Kokhba war Reconsidered: New Perspectives on the Second Jewish Revolt against Rome. Mohr Siebeck, 313 p.
Trampedach K. 2022. The Making of the Holy Land in Late Antiquity. In: City of Caesar, City of God. Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity. De Gruyter: 11–38.
Walker P. 1990. Holy City Holy Places? Christian Attitudes to Jerusalem and the Holy Land in the Fourth Century. Oxford: Clarendon Press, 438 p.
Wallace-Hadrill D.S. 1960. Eusebius of Caesarea. London, 224 p.
Wirgman A.T. 2008. The Constitutional Authority of Bishops in the Catholic Church: Illustrated by the History and Canon Law of the Undivided Church from the Apostolic Age to the Council of Chalcedon, A.D. 451. Fisher Press, 219 p.
Zlotnik Y. 2012. The Minting of Coins in Jerusalem during the Roman Period. Available at: https://www.academia.edu/9828968/ The Minting of Coins in Jerusalem during the Roman Period (accessed 14 September 2023).

References

Benevich G.I. 2015. Sv. Kirill Ierusalimskij i bor'ba za vozvyshenie Ierusalimskoj kafedry v IV v. [St. Cyril of Jerusalem and His Struggle for the Elevation of the See of Jerusalem in the 4-th Century]. In: Nauchnaja sessija GUAP (Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ajerokosmicheskogo priborostroenija). Sbornik dokladov. V 3-h chastyah. Saint Petersburg, [b. i.]: 75–85.
Bolotov V.V. 1913. Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi. Tom 3 [Lectures on the History of the Ancient Church. Vol. 3]. Petrograd, 340 p.
Bolotov V.V. 1918. Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi. Tom 4 [Lectures on the History of the Ancient Church. Vol. 4]. Petrograd, 599 p.
Vashcheva I.Ju. 2009. Koncepciya Pozdnej Antichnosti v sovremennoj istoricheskoj nauke [Concept of Late Antiquity in the Modern Historical Science]. Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 6 (1): 220–231.
Golubcov A.P. 1894. O putechestvijah drevnih hristian i nashih starinnyh palomnikov v sv. zemlju, Rim i Car'grad [About the Travels of Ancient Christians and Our Ancient Pilgrims to the Holy Land, Rome and Constantinople]. Bogoslovskij vestnik, I (3): 446–462.
Zaharov G.E. 2012. "Apostol'skij prestol" v tvorenijah svt. Liberija rimskogo i svt. Afanasija Velikogo ["Apostolic Throne" in the Writings of st. Liberius of Rome and st. Athanasius the Great]. Vestnik PSTGU. Serija 2: Istorija. Istorija RPC, 47: 62–69.
L'Juil'e, arhiepiskop Petr. 2005. Pravila pervyh chetyreh Vselenskih soborov [The Rules of the First Four Ecumenical Councils]. Per. s fr. Moscow, Sret. monastyr': Mosk. dukhov. akad. 528 p.
Milash, episkop Nikodim. 2001. Pravila pravoslavnoj cerkvi s tolkovanijami Nikodima, episkopa Dalmatinsko-Istrijskogo [The Rules of the Orthodox Church with the Interpretations of Nicodemus Bishop of Dalmatian-Istria]. Per. s serb. Moscow, Otchiy dom, 650 p.
Mironov A. 1999. Istorija Antiohijskoj shizmy v IV v.: evstafiane, meletiane i apollinariane [The History of the Antiochian Schism in the Fourth Century: Eustathians, Meletians and Apollinarians]. Hristianskoe chtenie, 17: 88–113.
Selunskaja N.A. 2004. Osen' srednevekov'ja I pozdnjaja antichnost': kak antikovedy s medievistami istoriju delili [The Autumn of the Middle Ages and Late Antiquity: how the Antiquarians Shared History with the Medievalists]. Sialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii, 13: 232–246.
Ariel D.T. 2020. The Byzantine Coins. In: Jerusalem. Excavations in the Tyropoeon Valley (Giv'ati Parking Lot) II, The Byzantine and Abbasid Periods. Part 1: Stratum V – The Byzantine Period (IAA Reports 66). Jerusalem: 159–182.
Bright W. 1903. The Age of the Fathers: Being Chapters in the History of the Church During the Fourth and Fifth Centuries. Longmans, Green, 543 p.
Brown. P. 1971. The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad. London, 216 p.
Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. 2008. The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600. Cambridge University Press, 1101 p.
Drijvers J. 2004. Cyril of Jerusalem: Bishop and City. Leiden-Boston, 214 p.

Dvornik F. 1958. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, 342 p.
Hansen I.L., Wickham C. 2000. The Long Eighth Century. Brill, 388 p.
Honigmann E. 1950. Juvenal of Jerusalem. Washington, DC: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 279 p.
Isaac B.H. 1997. The Near East Under Roman Rule: Selected Papers. Brill, 484 p.
Jacobson D.M. 2020. The Enigma of the Name Īliyā (= Aelia) for Jerusalem in Early Islam. Available at: https://www.academia.edu/38981188/The_Enigma_of_the_Name %C4%AAliy%C4%81 Aelia for Jerusalem in Early Islam (accessed 8 September 2023).
Kötter J.-M. 2022. Palestine at the Periphery of Ecclesiastical Politics? The Bishops of Jerusalem after the Council of Chalcedon. In: City of Caesar, City of God. Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity. De Gruyter: 241–259.
Opper T. 2009. Hadrian: Machtmensch und Mäzen. Darmstadt, 256 p.
Sear D. 1987. Byzantine Coins and Their Values. London, 528 p.
Schaff Ph. 1899. The Seven Ecumenical Councils. New York, 1500 p.
Schäfer P. 2003. The Bar Kokhba war Reconsidered: New Perspectives on the Second Jewish Revolt against Rome. Mohr Siebeck, 313 p.
Trampedach K. 2022. The Making of the Holy Land in Late Antiquity. In: City of Caesar, City of God. Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity. De Gruyter: 11–38.
Walker P. 1990. Holy City Holy Places? Christian Attitudes to Jerusalem and the Holy Land in the Fourth Century. Oxford: Clarendon Press, 438 p.
Wallace-Hadrill D.S. 1960. Eusebius of Caesarea. London, 224 p.
Wirgman A.T. 2008. The Constitutional Authority of Bishops in the Catholic Church: Illustrated by the History and Canon Law of the Undivided Church from the Apostolic Age to the Council of Chalcedon, A.D. 451. Fisher Press, 219 p.
Zlotnik Y. 2012. The Minting of Coins in Jerusalem during the Roman Period. Available at: https://www.academia.edu/9828968/ The Minting of Coins in Jerusalem during the Roman Period (accessed 14 September 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.03.2024
Поступила после рецензирования 15.15.2024
Принята к публикации 17.05.2024

Received 10.03.2024
Revised 15.05.2024
Accepted 17.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухова Жанна Михайловна, аспирант кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0009-0002-6807-6549

Ващева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0000-0001-6190-954X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanna M. Sukhova, Graduate Student of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod N.A. Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

Irina Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Nizhny Novgorod N.A. Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-337-343
Оригинальное исследование

Репрезентация власти женщин эпохи Феодосия II по данным позднеантичных источников

Сапожникова М.Г.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: sapozhnikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Правление Феодосия II было одним из самых долгосрочных за всю историю Ранней Византии, несмотря на то, что он стал императором в семилетнем возрасте. Поэтому для государства было необходимо продумать такой тип пропаганды, который помогал бы удерживать власть в руках данной династии. В статье рассматриваются некоторые виды изображения царской семьи и способы их трансляции в народ. Первым был образ императорского дома как мощного, нерушимого монолита; вторым – царской четы как продолжателей свв. Константина и Елены. Также в работе показывается, как менялась концепция репрезентации императорской власти и роль в этом женщин на протяжении правления Феодосия Младшего. Представляется, что в целом режим Феодосия II непрерывно разрабатывал последовательный курс публичной репрезентации власти и адаптировал её к происходившим изменениям при императорском дворе – от восшествия на престол ребёнка-императора до предположительной ссылки Евдокии и Пульхерии. Возможно, отчасти благодаря этим успешным образам пропаганды правление Феодосия Младшего было столь длительным.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Феодосий II, Элия Пульхерия, Афинаида-Евдокия, власть, благотворительность

Для цитирования: Сапожникова М.Г. 2024. Репрезентация власти женщин эпохи Феодосия II по данным позднеантичных источников. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 337–343. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-337-343

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Representation of the Women's Power in the Era of Theodosius II According to Late Antique Sources

Maria G. Sapozhnikova
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
Email: sapozhnikova@bsu.edu.ru

Abstract. The reign of Theodosius II was one of the longest in the history of Early Byzantium, despite the fact that he became emperor at the age of seven. Therefore, it was necessary for the state to think of a type of propaganda that would help keep power in the hands of this dynasty. The article discusses some types of images of the royal family and ways to broadcast them to the people. The first was the image of the imperial house as a powerful, indestructible monolith; the second was the royal couple as the successors of the Holy Church. Konstantin and Elena. The work also shows how the concept of representation of imperial power and the role of women in this changed during the reign of Theodosius the Younger. It seems that, in general, the regime of Theodosius II continuously developed a consistent course of public representation of power and adapted it to the changes taking place at the imperial court – from the accession of the child emperor to the alleged exile of Eudocia and Pulcheria. Perhaps partly because of these successful propaganda images, the reign of Theodosius the Younger was so long.

© Сапожникова М.Г., 2024

Keywords: Early Byzantium, Theodosius II, Elia Pulcheria, Athenais-Evdokia, power, charity

For citation: Sapozhnikova M.G. 2024. Representation of the Women's Power in the Era of Theodosius II According to late Antique Sources. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 337–343 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-337-343

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Позднеантичная историческая традиция часто описывает такое явление, как репрезентация власти императриц. Одна из главных функций такого образа власти – коммуникация с обществом [Барышева, 2011, с. 124], т. к. она позволяет транслировать народу государственную идеологию. И эти образы чаще всего выражались в каких-либо материальных объектах: строительстве богаделен, больниц и церквей и т. д. [Иваницкая, Болгов, 2010; Болгов, Сбитнева, 2011; McClanan, 2016].

Начиная с Феодосия I в имперской идеологии наметился сдвиг в сторону её демилитаризации. Кеннет Холам выдвинул теорию о том, что в это время власть стала зависеть от желания и готовности народа подчиняться своему императору, а не от его управленческих способностей. Теперь василевс не только воин, но и слуга Божий. Поэтому потребовались и новая государственная идеология, и другие способы её трансляции подданным [Holum, 1982, p. 34]. Именно с этого времени на политическую сцену выходят женщины Феодосиевой династии: Флацилла, Галла Плацидия, Евдоксия, Пульхерия и Афинаида-Евдокия.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является появление и развитие концепций имперской идеологии в эпоху Феодосия II (401–450 гг.), а также способов её трансляции населению.

Одним из основных подходов стал гендерный, который позволил выявить роль женщин правящей династии в формировании и распространении официальной пропаганды. Поскольку придворный церемониал непосредственно связан с трансляцией образа правителя, был использован и культурологический подход: Кристофер Келли и Питер Ван Наффелен сравнивали ранневизантийских императоров с профессиональными актёрами, которые должны постоянно играть свою роль перед зрителями, в данном случае – народом [Van Nuffelen, 2012, 192–193; Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity, 2013, 228–230], о развитии придворного церемониала в V в. писал Майкл МакКормик [McCormick, 2001]. Также в методологическую базу исследования вошли историко-биографический, сравнительно-исторический и историко-описательный методы.

Результаты и их обсуждение

В историографическую традицию, с подачи ранневизантийских авторов, Феодосий II вошёл как слабовольный и неумелый политик [Гиббон, 2008, с. 543]. К настоящему времени ряд учёных оспаривает такую точку зрения [Александрова, 2018; Millar, 2007; Mitchell, 2007; Kelly, 2014 и др.]. Действительно, за сорокалетнее правление императора государство процветало, даже несмотря на разрушительные набеги варварских племён. Тем не менее в этом была отчасти заслуга и ближайшего женского окружения Феодосия – его жены и старшей сестры, которые нередко выполняли ещё и важные церемониальные функции [McEvoy, 2013, p. 226].

Основной ролью женщин императорской семьи в Ранней Византии была поддержка благочестия своих супругов. Все августы, от Елены до Евдоксии, были известны подвижничеством. Особенно почиталась и ставилась в пример мать Константина Великого, известная своей благотворительной деятельностью, строительством многочисленных церквей, а

также первым паломничеством на Святую Землю, совершённым женщиной, представительницей правящего дома (Euseb. Vit. Const. III. 42–47).

Молодая жена Феодосия II Элия Евдокия продолжила линию Евдоксии, покойной матери императора. В «Греческой антологии» (Anthologia Graeca) сообщается о строительстве в Константинополе церкви св. Полиевкта (Anth. Gr. I. 10). Храм изначально не был таким величественным и богато украшенным – это уже заслуга правнучки августы, Аникии Юлианы (462–528).

Императрица Евдокия по происхождению была, скорее всего, гречанкой и до замужества носила языческое имя «Афинаида». Существует древний христианский обычай имянаречения – при пострижении в монахи мирское имя менялось на новое, но начиналось с той же буквы [Успенский, Успенский, 2017, с. 11]. Но юной августе после крещения дали имя «Евдокия», что в переводе с греческого означает «благоволение», «милость». Этот выбор был не случайным – дело в том, что в переводе с греческого Ευδοκία означает «благоволение».

Считается, что одной из идей имперской пропаганды эпохи Феодосия Младшего было его сопоставление с Константином Великим [Александрова, 2016б, с. 372]. Это можно проследить в трудах Эрмия Созомена и Сократа Схоластика, которые при описании каждого важного для империи события проводили параллели между этими двумя правителями.

Одним из наиболее освящённых эпизодов жизни Евдокии было первое паломничество на Святую Землю в 438 г. Сократ Схоластик называет главной причиной этого путешествия клятву императрицы: «А супругу свою Евдокию послал он в Иерусалим, так как и она дала такой обет, если увидит дочь свою в супружестве» (Soc. VII. 47). Однако на деле это мероприятие имело более глубокие основания. Паломничество стало частью проводимой имперской идеологии – подражание константиновской эпохе. После св. Елены ни одна императрица не посещала Иерусалим.

Во время первого паломничества в Иерусалим Евдокия посетила и Антиохию. Как сообщают ранневизантийские историки, «она даровала деньги на город в Сирии для хлебного питания и отправилась к святым местам» (Mal. XIV. 8; Chr. Pasch., p. 585). Евагрий Схоластик добавляет, что по инициативе императрицы были расширены антиохийские стены (Evagr. I. 20).

Кстати, в этом городе Евдокия применила ещё один свой излюбленный способ репрезентации императорской власти – произнесение торжественной речи. Впервые подобное выступление состоялось после победы Феодосия Младшего над Персией в 422 г.: «Да и сама супруга царя написала стихи героическим размером, потому что почиталась женщиной умной» (Soc. VII. 21). Для того времени это было скорее исключением, нежели обычной практикой.

Между 441 и 442 г. Евдокия покинула своего супруга уже окончательно. Что послужило поводом к разрыву отношений, до сих пор неизвестно. В «Хронографии» Иоанна Малалы рассказан казус с «яблоком Павлина». Феодосию II подарили огромное фригийское яблоко, которое он велел послать жене. В это время заболел общий друг императорской четы, магистр Павлин, и, чтобы его поддержать, августа отправила ему этот подарок. В итоге злополучное яблоко вернулось снова к Феодосию. Сложившаяся ситуация вызвала подозрения и ревность у императора, а для магистра история закончилась печально – он был казнён в 444 г. Однако исследователи предлагают свою трактовку удаления Евдокии в Иерусалим. Так, Т.Л. Александрова считает, что царица, во-первых, была морально истощена после потери своих детей и свадьбы единственной выжившей дочери и её переезда в Рим. Во-вторых, императрица была уже немолода, следовательно, вероятность зачать и выносить ребёнка была низкой. Поэтому для благочестивой четы не было смысла жить как муж и жена [Александрова, 2017, с. 192].

В «Житии Петра Ивера» переезд Евдокии в Иерусалим трактуется следующим образом: «Императрица Евдокия, которая была женой набожного императора Феодосия Младшего, переняв рвение Мелании, о которой мы упоминали ранее, также стремилась к спокойствию и пребыванию в Святом городе, чтобы быть рядом и лично поклоняться спасительным страстям Христа, Царя Славы, [который он претерпел] ради нас. Она совершила путешествие, которое, подобно царице, она прошла через все города, и прибыла в Иерусалим, к которому

она стремилась, и была достойной поклонения [там]» (Vita Pet. 71). Поэтому можно предположить, что и удаление Афинаиды-Евдокии со двора было частью имперской идеологии, согласно которой императрица должна олицетворять добродетельную христианку.

Тем не менее, проживая постоянно в Иерусалиме, августа сохранила за собой ряд привилегий, характерных для её статуса, а также, судя по её деятельности, продолжала получать немалое содержание. За эти годы она воздвигла храм св. Стефана, покровителя императорской четы, церковь св. Петра, построила несколько богаделен и башню на горе Мунтер.

Во время второго т. н. паломничества Евдокия, видимо, снова выступала с торжественной речью по случаю реставрации городских стен в Иерусалиме. Примечательна игра слов императрицы, акцентирующая ещё раз неслучайность в избрании имени бывшей язычницы: «Обо мне пророк Давид сказал, что по твоему благоволению (εὐδοκία), Господи, будут воздвигнуты стены Иерусалима» (Mal. XIV, 8). К тому же подчёркивается связь между царём Давидом и императорской властью.

Начиная с конца IV – первой половины V вв., особенно после взятия Аларихом Рима в 410 г., возрастает значение культа Богородицы как защитницы народа, покровительницы воинов и помощницы императоров в борьбе с язычниками [Степаненко, 2000, с. 199–200]. Эта традиция сохранялась в Византии вплоть до XII в. Поэтому правящей династии было необходимо подчёркивать связь Девы Марии и императорской семьи.

Евдокия транслировала Богородицу как Мать, потерявшую Сына. Ей самой был близок этот образ. Выдвигаются гипотезы, что августа после смерти Аркадия II пыталась утвердить культ младенца, но не успела [Александрова, 2016а, с. 84; Александрова, 2017; с. 152]. Не случайно Созомен пересказывает сюжет о ребёнке, погребённом вместе со св. Захарием, и упоминает иудейского царя Иоаса: «В ногах его, вне гроба, лежало дитя, удостоенное царского погребения; ибо на голове его был золотой венец, сандалии на нем также золотые, одежда драгоценная. Сказывают, что, когда мудрецы и иереи недоумевали, кто был это дитя, откуда оно и почему так облачено, начальник монашеской обители в Герарах Захарий нашел случайно древнюю еврейскую книгу, не значащуюся в числе признанных Церковию. Из этой книги открылось, что спустя несколько времени по убиении пророка Захарии иудейским царем Иоасом царь был поражен тяжким домашним несчастием; именно в седьмой день по смерти пророка внезапно скончался любимейший сын его. Видя в этом бедствии наказание Божие, Иоас повелел погребсти дитя в ногах пророка, чтобы чрез то искупить причиненную ему несправедливость» (Soz. XVII. 3–4).

В конце 430-х гг. наблюдается особое почитание Евдокией пророка Захарии – его мощи переносятся в базилику св. Лаврентия, расположенную недалеко от дворца императрицы; в более поздних источниках упоминается, что царица переложила на стихотворный лад не только легенду о св. Киприане, но и житие Захария (Phot. Bibliotheca, CLXXXIV).

На протяжении первой половины V в. «Патрии Константинополя» сообщают, что Феодосий Младший построил храм Богородицы в столичном районе Халкопратия, предварительно изгнав оттуда еврейскую общину (Patr. Const. III. 32). Хотя в других источниках возведение этой церкви приписывается уже Пульхерии (Theod. Anag. Epit. 363).

Культ Приснодевы Марии продвигала и другая влиятельная женщина эпохи – старшая сестра императора, Элия Пульхерия [Chew, 2006, p. 208]. Ещё в юном возрасте она дала обет целомудрия, заявив, что таким образом обезопасит власть своего брата (Soz. IX.1). Этот поступок соответствовал идее Феодосия Великого о том, что основной задачей императриц является не только деторождение, но и трансляция официальной идеологии. Вступление Пульхерии в ряды невест Христовых было сопровождено пышной церемонией: «она в память своего девства и правления брата поставила в церкви Константинопольской священную трапезу, чудное произведение, сделанное из золота и драгоценных камней и прекрасное на вид, и то же написала на передней стороне трапезы для всеобщего сведения» (Soz. IX. 1).

Конечно, в стремлении оставаться девственницей мог быть и психологический аспект. Пульхерия рано лишилась матери, которая умерла при родах. В источниках причиной трагической кончины жены императора Аркадия называется конфликт между Евдоксией и Константинопольским архиепископом Иоанном Златоустом. Именно с этим эпизодом связано перенесение мощей святого в столицу и внесение имени Златоуста в церковные диптихи. Но это было личной инициативой Феодосия II. Пульхерия изменила праздную жизнь дворца на строгое подчинение почти монастырскому уставу, чтобы соответствовать учениям Иоанна Златоуста, который высмеивал изысканность и роскошь образа жизни её матери.

Общеизвестно соперничество Пульхерии и её невестки. Спустя год после рождения дочери Феодосий даровал своей супруге титул августы. Теперь она становилась равным соправителем, а царевне была уготовлена роль «матери». Феофан Исповедник описывает один любопытный анекдотический казус, в котором император представлен не с лицеприятной стороны: «Феодосий был государь легковерный, всяким ветром носимый, от того часто подписывал бумаги, вовсе не читавши их. Между прочим, премудрая Пульхерия раз предложила ему бумагу об отдаче ей в рабство супруги его, Евдокии, которую он, не читавши, подписал, за что потом она укоряла его» (Theoph. AM5941). А ведь это, по сути, был прямой намёк на неверность императрицы, т. к. по закону в случае измены жена становилась рабыней (CTh. IX. 1.3). Ещё одним косвенным доказательством неприязни август друг к другу может служить тот факт, что статуя Пульхерии стояла отдельно, в северной части Месы, а статуи Евдокии и Феодосия II – в южном портике (Patr. Const. II. 28(9); 32).

Однако нет официального подтверждения вражды между двумя августами. К тому же царский двор постоянно старался показать единство семьи. Сохранились монеты того периода, на которых изображены все три представителя династии. На первом солиде на аверсе изображён сам Феодосий Младший в воинском облачении и венце. На реверсе помещена Победа, в руках которой был длинный крест. Монеты Пульхерии и Евдокии имеют аналогичный реверс [Holum, 1977, pl. 2].

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что публичный образ царского двора Феодосия Младшего был основан на христианском благочестии как самого императора, так и август. Средствами пропаганды являлись пышные церемонии, возведение новых храмов и церквей в честь святых покровителей правящей династии, изображения на монетах и т. д.

Если сравнивать данные нумизматики и письменных источников, то можно выделить новый образ изображения царской семьи – представление единства императора и его двух женщин, сестры и жены. Удаление обеих август со двора могло быть тоже своего рода ловким политическим ходом, целью которого стала демонстрация вынужденной жертвы ради благополучия империи. Евдокия, проживавшая в Иерусалиме, была примером добродетельной христианки, молившейся за своё государство до конца жизни. А переезд Пульхерии в Евдомон опять-таки должен был иллюстрировать намерение августы обезопасить императорскую власть от посягательств.

В целом режим Феодосия II сумел разработать грамотную стратегию репрезентации императорской власти, которая позволила сохранять в Восточной Римской империи относительную стабильность.

Список литературы

Александрова Т.Л. 2017. Императрица Афинаида-Евдокия: путь к трону. Проблемы истории, филологии, культуры 1: 75–87.

Александрова Т.Л. 2018. Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450). Санкт-Петербург, Алетейя. 416 с.

Александрова Т.Л. 2016а. Дитя, вознесенное в воздух (к вопросу о существовании сына Феодосия II и Евдокии, Аркадия II). Cursor mundi. Вып. 8: 67–85.

Александрова Т.Л. 2016б. Феодосий II и Пульхерия в изображении Созомена (к проблеме датировки «Церковной истории»). Вестник Древней истории 2: 371–387.

Барышева Е.В. 2011. Репрезентация власти как форма политического конструирования социальной среды. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения 1 (62): 123–131.

Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н. 2011. Соматические рефлексии и репрезентации ранневизантийской женщины. Античная древность и средние века. Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. Екатеринбург, Изд-во Урал. Ун-та: 31–39.

Гиббон Э. 2008. История упадка и разрушения Великой Римской империи: закат и падение Римской империи. Т. 3. Москва, ТЕРРА. 404 с.

Иваницкая Я.Ю., Болгов Н.Н. 2010. Репрезентация имперской идеологии в позднеантичных памятниках Константинополя: императорские колонны IV–V вв. Via in tempore. История. Политология 19 (90): 39–52.

Степаненко В.П. 2000. Военный аспект культа Богоматери в Византии (IX–XII вв.). Античная древность и средние века 31. Екатеринбург, Урал. гос. Ун-т: 198–221.

Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. 2017. Иноческие имена на Руси. Москва, Институт славяноведения РАН. 340 с.

Chew K. 2006. Virgins and Eunuchs: Pulcheria, Politics and the Death of Emperor Theodosius II. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte 2: 207–227.

Holum K.G. 1977. Pulcheria's Crusade A.D. 421–422 and the Ideology of Imperial Victory. Greek-Roman and Byzantine Studies 18: 153–172.

Holum K.G. 1982. Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkeley – Los Angeles.

McClanan A. 2016. Representations of Early Byzantine Empresses: Image and Empire. Springer.

McCormick M. 2001. Emperor and Court. In A. Cameron, B. Ward-Perkins and M. Whitby, eds. The Cambridge Ancient History: Volume Fourteen, Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600, Cambridge and New York: Cambridge University Press: 135–163.

McEvoy M.A. 2013. Child Emperor Rule in the Late Roman West, A.D. 367–455. Oxford: Oxford University Press.

Millar F.A. 2006. Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II (408–450). Univ. of California Press.

Mitchell S. 2007. A History of the Later Roman Empire. A.D. 284–641. Blackwell Publishing.

Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity. Kelly C. ed. Cambridge and New York: Cambridge University Press.

Van Nuffelen P. 2012. Playing in the Ritual Game in Constantinople (379–457). In L. Grig, and G. Kelly, eds. Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. Oxford and New York: Oxford University Press: 183–200.

References

Aleksandrova T.L. 2017. Imperatritsa Afinaida-Evdokiia: put' k tronu [Empress Athenaida-Eudokia: the Path to the Throne]. Problemy istorii, filologii, kul'tury 1: 75–87.

Aleksandrova T.L. 2018. Vizantiiskaia imperatritsa Afinaida-Evdokiia: zhizn' i tvorchestvo v kontekste epokhi pravleniia imperatora Feodosiia II (401–450) [Byzantine Empress Athenaida-Eudokia: Life and Work in the Context of the Reign of Emperor Theodosius II (401–450)]. Sankt-Peterburg, Aleteiia. 416 p.

Aleksandrova T.L. 2016a. Ditia, voznesennoe v vozdukh (k voprosu o sushchestvovanii syna Feodosiia II i Evdokii, Arkadiia II) [Child Ascended into the Air (on the Question of the Existence of the Son of Theodosius II and Eudokia, Arkady II)]. Cursor mundi. Vyp. 8: 67–85.

Aleksandrova T.L. 2016b. Feodosii II i Pul'kheriia v izobrazhenii Sozomena (k probleme datirovki «Tserkovnoi istorii») [Theodosius II and Pulcheria in the Depiction of Sozomen (to the Problem of Dating the «Church History»)]. Vestnik Drevnei istorii 2: 371–387.

Barysheva E.V. 2011. Reprezentatsiia vlasti kak forma politicheskogo konstruirovaniia sotsial'noi sredy [Representation of Power as a Form of Political Construction of the Social Environment]. Vestnik RGGU. Seriia: Politologiia. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia 1 (62): 123–131.

Bolgov N.N., Sbitneva Iu.N. 2011. Somaticheskie refleksii i reprezentatsii rannevizantiiskoi zhenshchiny [Somatic Reflections and Representations of the Early Byzantine Woman]. Antichnaia drevnost' i srednie veka 40: K 50-letiiu Ural'skoi shkoly vizantinovedeniia. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. Un-ta: 31–39.

Gibbon E. 2008. Istoriia upadka i razrusheniia Velikoi Rimskoi imperii: zakat i padenie Rimskoi imperii [The History of the Decline and Destruction of the Great Roman Empire: the Decline and Fall of the Roman Empire]. T.3. Moskva, TERRA. 404 p.

Ivanitskaia Ya.Yu., Bolgov N.N. 2010. Reprezentatsiia imperskoi ideologii v pozdneantichnykh pamiatnikakh Konstantinopolia: imperatorskie kolonny IV–V vv. [Representation of Imperial Ideology in the Late Antique Monuments of Constantinople: Imperial Columns of the 4th–5th Centuries]. Via in tempore. Istoriia. Politologiia 19 (90): 39–52.

Stepanenko V.P. 2000. Voennyi aspekt kul'ta Bogomateri v Vizantii (IX–XII vv.) [The Military Aspect of the Cult of the Mother of God in Byzantium (IX–XII Centuries)]. Antichnaia drevnost' i srednie veka 31. Ekaterinburg, Ural. gos. Un-t: 198–221.

Uspenskii B.A., Uspenskii F.B. 2017. Inocheskie imena na Rusi [Monastic Names in Rus']. Moskva, Institut slavianovedeniia RAN. 340 p.

Chew K. 2006. Virgins and eunuchs: Pulcheria, politics and the death of Emperor Theodosius II. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte 2: 207–227.

Holum K.G. 1977. Pulcheria's Crusade a.d. 421–422 and the Ideology of Imperial Victory. Greek-Roman and Byzantine Studies 18: 153–172.

Holum K.G. 1982. Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkeley – Los Angeles.

McClanan A. 2016. Representations of early Byzantine empresses: Image and Empire. Springer.

McCormick M. 2001. Emperor and Court. In A. Cameron, B. Ward-Perkins and M. Whitby, eds. The Cambridge Ancient History: Volume Fourteen, Late Antiquity: Empire and Successors, AD 425-600, Cambridge and New York: Cambridge University Press: 135–163.

McEvoy M.A. 2013. Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455. Oxford: Oxford University Press.

Millar F.A. 2006. Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II (408–450). Univ of California Press.

Mitchell S. 2007. A History of the Later Roman Empire. AD 284–641. Blackwell Publishing.

Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity. Kelly C. ed. Cambridge and New York: Cambridge University Press.

Van Nuffelen P. 2012. Playing in the Ritual Game in Constantinople (379–457). In L. Grig, and G. Kelly, eds. Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. Oxford and New York: Oxford University Press: 183–200.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.01.2024
Поступила после рецензирования 15.03.2024
Принята к публикации 17.03.2024

Received 16.01.2024
Revised 15.03.2024
Accepted 17.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапожникова Мария Григорьевна, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0003-1714-4281

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria G. Sapozhnikova, Assistant of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(495).02; 94(495).03
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-344-353
Оригинальное исследование

Этники и ксеники, наемники и союзники: к проблеме византийской терминологии в отношении иностранных наемников в середине IX–XI вв.

Карашайски К.М.
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4
E-mail: kemkarr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме византийской терминологии, использовавшейся для обозначения иностранных солдат-наемников, служивших в вооруженных силах Византийской империи в середине IX–XI вв., а именно содержанию и соотношению четырех основных терминов: «иностранцы» (οἱ ἐθνικοὶ), «чужеземцы» (οἱ ξένοι, οἱ ξενικοί), «союзники» (οἱ σύμμαχοι) и «наемники» (οἱ μισθοφόροι). Исследование основывается на системно-институциональном подходе при комплексном анализе сведений и лексики византийских источников, представленных военно-политическими трактатами, тактиконами, легендами моливдовулов, нормативно-правовыми актами и историческими сочинениями. Кратко приводятся основные взгляды на проблему, выраженные в работах Дж. Шепарда, Г. Феотокиса, Э. Калделлиса и С. Кириакидиса. Автор приходит к выводу, что официальным обозначением для иностранных солдат в византийском государстве рассматриваемого периода являлся термин «этники» (οἱ ἐθνικοὶ). Неофициально подобные контингенты именовались либо иноплеменниками, иноземцами и чужестранцами, что указывало на их этническую инаковость и чуждость народу и империи ромеев, либо наемниками и союзниками, то есть словами, отражавшими их военно-политический и социально-правовой статус. Ставится под сомнение существование и использование византийскими авторами модели четкого разграничения воинских контингентов союзников и наемников. Предполагается, что оба термина применялись в качестве равнозначных.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, военное наемничество, наемники, союзники, иностранцы, чужеземцы, терминология

Для цитирования: Карашайски К.М. 2024. Этники и ксеники, наемники и союзники: к проблеме византийской терминологии в отношении иностранных наемников в середине IX–XI вв. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 344–353. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-344-353

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Ethnikoi and Xenikoi, Mercenaries and Allies: To the Problem of Byzantine Terminology in Relation to Foreign Mercenaries in the Middle of the 9th – 11th Centuries

Kemran M. Karashayski
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Akademik Vernadskiy Ave., Simferopol 295007, Russia
E-mail: kemkarr@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of Byzantine terminology used to designate foreign mercenary soldiers who served in the armed forces of the Byzantine Empire in the middle of the 9th – 11th centuries, namely to the content and correlation of the four main terms: «foreigners» (oi ethnikoi), «strangers» (oi xenoi, oi xenikoi),

© Карашайски К.М., 2024

«allies» (oi symmachoi) and «mercenaries» (oi misthophoroi). The research is based on a systemic-institutional approach in a comprehensive analysis of the information and lexicon of Byzantine sources represented by military-political treatises, taktikons, legends of seals, regulations and historical writings. The main views on the problem expressed in the works of J. Shepard, G. Theotokis, A. Kaldellis and S. Kyriakidis. The author concludes that the official designation for foreign soldiers in the Byzantine state of the considered period was the term «oi ethnikoi». Unofficially such contingents were called either strangers or foreigners, indicating their ethnic otherness and foreignness to the people and empire of the Romans, and either mercenaries and allies, i.e. words reflecting their military-political and socio-legal status. The existence and use by Byzantine authors of a model of a clear distinction between the military contingents of the allies and mercenaries is questioned. It is assumed that both terms were used as equivalent.

Keywords: Byzantium, Byzantine army, military mercenarism, mercenaries, allies, foreigners, strangers, terminology

For citation: Karashayski K.M. 2024. Ethnikoi and Xenikoi, Mercenaries and Allies: To the Problem of Byzantine Terminology in Relation to Foreign Mercenaries in the Middle of the 9th – 11th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 344–353 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-344-353

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Период середины IX–XI вв. стал временем активного привлечения Византийской империей контингентов иноэтничных наемников в свои вооруженные силы. Данный процесс сопровождался складыванием особого византийского института военного наемничества, включавшего специальные практики и принципы вербовки, организации и использования иностранных отрядов, взаимоотношений с наемниками и правительствами их стран, выстраивания системы командования, специальных титулов и должностей. Одна из ключевых проблем в рамках этой темы заключается в содержании и соотношении терминов, посредством которых византийское государство и авторы исторических сочинений, военных и политических трактатов обозначали иноземных воинов и их службу.

Объекты и методы исследования

Объектом настоящей статьи является специальная терминология, применяемая византийцами для отражения статуса иностранных солдат, находившихся на имперской военной службе. Она включает четыре основных термина: «иностранцы» (οἱ ἐθνικοὶ), «чужеземцы» (οἱ ξένοι, οἱ ξενικοί), «союзники» (οἱ σύμμαχοι) и «наемники» (οἱ μισθοφόροι).

Исследование основано на системно-институциональном подходе при опоре на комплексный анализ данных документальных, повествовательных и сфрагистических источников византийского происхождения. Первоочередное значение, на наш взгляд, имеют материалы официального характера, в которых использовалась строго определенная лексика, применяемая на государственном уровне, а также произведения, принадлежащие авторству персон, занимавших руководящие военные посты и потому хорошо знакомых со специальной терминологией. В то же время нужно учитывать, что авторы исторических сочинений, следуя аттицизирующему стилю, часто склонялись к украшательству и архаизации собственных текстов, далеко не всегда ставили своей целью терминологическую точность и однородность, объективность выражений и характеристик, из личных симпатий или антипатий придавали отдельным эпизодам и суждениям порицательный или, наоборот, оправдательный тон.

Результаты и их обсуждение

Специфика слов «иностранец» и «чужеземец» представляется понятной – она отображает этническую чуждость, инаковость, *неромейскость* человека. Термины же «наемник» и «союзник» указывают на статус в отношении империи и место в ее вооруженных силах. Первый появляется в лексиконе византийских авторов достаточно поздно, приблизительно с середины

XI в. Его содержание предельно ясно: это солдат-иностранец, служивший за вознаграждение, плату (ὁ μισθός). Сложности возникают с интерпретацией понятия «союзник», применение которого было достаточно вариативным в рамках официально-дипломатических практик империи. Таким образом обозначались и независимые субъекты военно-политической коалиции, и клиентские Византии политии, и этносы, переселявшиеся в приграничные области империи для несения воинской службы в обмен на покровительство и регулярные выплаты со стороны Константинополя – фактически в статусе федератов [Оболенский, 1998, с. 293–294; Obolensky, 1963, p. 56–58; Obolensky, 1971, p. 276–277]. Иноземные воинские контингенты, входившие в состав византийских войск, вне зависимости от того, были ли они направлены дружественным империи правительством или пришли самостоятельно, также могли именоваться союзными.

Британский исследователь Дж. Шепард полагает, что термин «союзники» являлся не просто эвфемизмом, к которому византийские авторы прибегали с целью скрыть реальное положение дел в военной сфере XI в., где Византия все в большей степени полагалась на отряды иноэтничных наемников, но был призван отделить силы, служившие по повелению или под предводительством собственных правителей, от воинских групп, представлявших собой «вольные компании». Однако сам Дж. Шепард справедливо указывает, что и те и другие служили не просто из дружественных отношений, но всегда в силу материального интереса. Именно от получения вознаграждения в конечном счете зависело согласие оставаться в армии и участвовать в сражениях [Shepard, 1993, p. 280–281].

Подобного взгляда придерживается и турецкий исследователь Г. Феотокис. Он связывает начало применения византийскими авторами обозначения «наемники» с изменениями в способе вербовки иностранных контингентов, имевшими место в 1025–1056 гг. По его мнению, воинские силы, предоставляемые по договору дружественными или зависимыми от империи странами для участия в конкретной военной кампании, в этот период сменяются независимыми группами «солдат удачи», «материально заинтересованными добровольцами», чей срок пребывания на службе зависел исключительно от финансовых возможностей нанимавшей их стороны [Theotokis, 2012, p. 125–127].

В свою очередь, американский византинист Э. Калделлис призывает к сдержанности в интерпретации самого термина «наемник» применительно к солдатам византийских вооруженных сил. Он настаивает на наличии сущностных различий между профессиональными солдатами-ромеями, получавшими плату, но сражавшимися за интересы собственного государства, войсками союзников и отрядами иностранных наемников, чьи интересы ограничивались получением материальной выгоды. Э. Калделлис считает, что наличие последних было характерно для византийских вооруженных сил «эпохи коллапса» (конец 1050-х – начало 1080-х гг.), особенно после разгрома «национальной» армии в 1070-х гг. [Kaldellis, 2017, p. 9, 11–12, 275–276].

Наконец, в своей недавней работе греческий исследователь С. Кириакидис рассмотрел использование выражения «наемники» в исторических сочинениях Михаила Пселла, Михаила Атталиата и Никифора Вриенния, придя к выводу о его редком применении данными авторами. С. Кириакидис отметил их склонность выделять солдат более по принципу этногеографического происхождения или посредством общих терминов «иностранцы» и «союзники». Причину этого исследователь усматривает в резкости слова «наемники», идущего вразрез с византийской военно-политической практикой, заключавшейся в том, что все солдаты и командиры, как ромеи, так и иноземцы, в обязательном порядке получали вознаграждение за службу, участие в боевых действиях и ради обеспечения их лояльности императору. При этом ромеи в качестве наемников не расценивались. Нельзя также не отметить важный тезис С. Кириакидиса об отсутствии четких границ между наемничеством самим по себе и службой, исходящей из воинского этоса XI в. [Kyriakidis, 2021, p. 93–94].

Итак, рассмотрим данные и лексику византийских источников.

Согласно «Тактике» императора Льва VI (886–912), византийский стратиг второй половины IX – начала X вв. может иметь дело с силами союзников [Тактика Льва, 2012, с. 215, 248, 274, 279, 315, 319, 329; The Taktika of Leo VI, 2010, p. 300–301, 386–387, 452–453, 464–465, 558–

559, 568–569, 592–593], дополнявшими имперские войска недостаточной численности или действовавшими обособленно от ромеев. Автор «Тактики» прямо пишет о том, что союзники служат ради получения денег (τῶν χρημάτων) [Тактика Льва, 2012, с. 315; The Taktika of Leo VI, 2010, p. 558–559]. Лексикон трактата относительно иноземцев, присутствующих в византийском войске, включает выражения «иностранный» (εθνικός) [The Taktika of Leo VI, 2010, p. 10–11, 474–475], «иноплеменный» (ἀλλογενής, ἀλλόφυλος) и «соплеменный [противнику]» (ὁμογενής, ὁμόφυλος) [The Taktika of Leo VI, 2010, p. 266–267, 280–281, 430–431].

Тексты, датируемые концом IX – серединой X вв., входящие в корпус трактата «О церемониях» (963 г.), используют обозначение «иностранцы»: «действующие отряды иностранцев» / «τῶν χαρακιωτῶν τῶν ἐθνικῶν» [Haldon, 2000, p. 212–213]; «люди императора из числа иностранцев» / «βασιλικοὺς ἀνθρώπους ἐθνικοὺς πάντας»; «иностранцы этерии [корпуса императорских телохранителей]» / «οἱ ἐθνικοὶ τῆς ἑταιρείας» [The Book of Ceremonies, 2012, p. 660–661, 670, 749, 772]. Термин «этники» применительно к иностранным наемникам император Константин VII (945–959) использует и в своем «Обращении к восточным стратигам» – военной речи, направленной весной-летом 958 г. командованию византийских войск, сражавшихся против сил Хамданидов на юго-восточном пограничье [Δημηγορία Κωνσταντίνου βασιλέως πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς στρατηγούς; Ahrweiler, 1967, p. 402; Markopoulos, 2012, p. 51].

Идентичное обозначение встречается в «Стратегике» (ок. 965 г.) императора Никифора II Фоки (963–969) и «Тактике» Никифора Урана (ок. 1000 г.) [Стратегика, 2019, с. 7; McGeer, 1995, p. 14–15, 90–91].

Ряд должностей, известных по данным византийских тактиконов (официальные иерархические списки имперских титулов и должностей) и легенд моливдовулов (подвесные свинцовые печати, содержащие имена, титулы и должности их владельцев), которые могут быть связаны с осуществлением управления и командования частями иностранных наемников в последней трети X – начале XII вв., конструировался посредством термина «οἱ ἐθνικοὶ». В частности, это должности этнарха (ὁ ἐθνάρχης) [Oikonomidès, 1972, p. 271; Oikonomidès, 1986, p. 102–103; Eustathios epi tou kanikleiou, ethnarches and grand droungarios of the fleet; Stephen ethnarches; Theophylaktos Ergodotos, Hypatos and Ethnarch], т. е. «предводителя этников» (ὁ ἄρχων τῶν ἐθνικῶν), великого примикирия этников (ὁ μέγας πριμικήριος τῶν ἐθνικῶν) [Шандровская, 1971, с. 32–34; Zacos, 1984, p. 345–346; Borilos proedros and grand primikerios of the ethnikoi; Borilos proedros and grand primikerios of the ethnikoi (2); Kühn, 1991, S. 267–269] и экзарха этников (ὁ ἐξάρχος τῶν ἐθνικῶν) [John patrikios, judge of the Velum and exarch of the ethnikoi].

При перечислении конкретных этнических тагм византийской армии императорские хрисовулы (грамоты, нормативно-правовые акты) второй половины XI в. используют единственное общее их обозначение – «τῶν ἐθνικῶν» [Бибиков, 2018, с. 38, 41, 153, 156, 157, 167; Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, 1890, p. 2, 47; Actes de Lavra, 1970, p. 198, 243, 258; Actes de Vatopédi, 2001, p. 113].

Автор «Советов и рассказов» (1075–1078 гг.), византийский военачальник средней руки Кекавмен (ок. первой половины 1020-х – ок. 1080-х гг.), писал в тексте своего сочинения лишь об этниках: обычных солдатах-иноземцах и «иностранных воинах, окружавших императора» / «οἱ περὶ τὴν βασιλικὴν ἐθνικοί». Причиной их службы, согласно Кекавмену, было стремление к получению материального вознаграждения и обеспечения (денег, одежды, пищи), а также сопутствовавших этому титулов и должностей [Кекавмен, 2003, с. 292–301].

Наряду с выражениями «союзники» и «войско союзников» (τὸ συμμαχικὸν) [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 111, 123, 129; Nicéphore Bryennio, 1975, p. 236–237, 258–259, 268–269] применительно к варангским, норманнским, печенежским, турецким и аланским контингентам, византийский полководец Никифор Вриенний (ок. 1064/1080 г. – ок. 1136–1138 гг.), вопреки выводу С. Кириакидиса, вполне активно использовал термины «наемники» и «наемное войско» (τὸ στράτευμα μισθοφόρον) как эквивалентные [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 23, 69, 78; Nicéphore Bryennio, 1975, p. 90–91,

168–171, 182–183, 232–233]. Обратим внимание на то, каким образом автор «Исторического материала» (после 1118 г.) характеризует печенежских воинов, участвовавших в апостасии Никифора Вриенния Старшего 1077–1078 гг.: «*не чужих* и *наемных*, но давно перешедших под власть ромейской державы» / «*οὐ τῶν ξένων* και *μισθοφόρων*, ἀλλὰ τῶν πρὸ πολλοῦ αὐτομοληsάντων ὑπὸ τὴν βασιλείαν Ῥωμαίων» [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 108; Nicéphore Bryennio, 1975, p. 232–233]. Абсолютно справедливым, на наш взгляд, следует признать мнение С. Кириакидиса, указавшего, что печенеги в данном случае выступали как раз таки в роли наемников, нанятых за деньги, а пассаж Вриенний Младшего носит оправдательный оттенок, выступая в противовес критическому замечанию, сделанному на этот счет Михаилом Атталиатом [Kyriakidis, 2021, p. 91–92]. Упоминая приближенных императора Никифора III (1078–1081), Борила и Германа, являвшихся политическими противниками Комнинов, Вриенний использовал выражение «мужи, купленные за сребро» / «ἀργυρωνύτοις ἀνδράσι» [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 58–59].

Важнейшее значение для исследуемой нами проблемы имеют сведения «Исторического материала» о шеститысячном аланском корпусе под руководством Никифора Палеолога, использовавшемся в борьбе против взбунтовавшегося предводителя норманнских наемников Руселля де Байоля около 1073–1075 гг. Аланское войско было набрано (либо же предоставлено) с позволения союзника империи эксусиократора Алании Дорголела (ок. 1065 – ок. 1075 гг.) [Виноградов, Чхаидзе, 2021, с. 127]. Следуя концепции Дж. Шепарда и Г. Феотокиса, аланы в этом случае должны были твердо рассматриваться в качестве союзников, однако Вриенний четко называет их «наемным войском» (τὸ στράτευμα μισθοφόρον), которое требовало «платы по соглашению» (τὸν συμφωνηθέντα μισθόν). Не получив денег, большинство алан отказалось сражаться и покинуло византийскую армию [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 78; Nicéphore Bryennio, 1975, p. 182–183]. Данный пример, по нашему убеждению, является яркой иллюстрацией того факта, что византийские авторы не придерживались модели четкого разделения, используя термины «οἱ σύμμαχοι» и «οἱ μισθοφόροι» как синонимы.

В своей «Хронографии» (ок. 1057–1077 гг.) Михаил Пселл (1018 – последняя треть 1070-х / последняя треть 1090-х гг.) использовал следующие обозначения для отрядов иностранцев на византийской службе: «чужеземные силы» (αἱ ξενικαὶ δυνάμεις), «союзные силы» (αἱ συμμαχικαὶ δυνάμεις), «войска чужеземцев и союзников» (ξενικόν τε καὶ συμμαχικὸν) [Михаил Пселл, 2003, с. 12, 27, 64, 144, 149, 346; Michael Psellus I, 1967, p. 9, 36, 102; Michael Psellus II, 1967, p. 89, 97; Michael Psellus, 1990, p. 96]. В отдельных местах упоминаются «вид наемного воина» (τὸν μισθοφόρων τρόπον) и «начальник наемных отрядов» (τὰ πρῶτα τῶν μισθοφόρων) [Михаил Пселл, 2003, с. 52, 118; Michael Psellus I, 1967, p. 80; Michael Psellus II, 1967, p. 42].

В тексте «Обозрения историй» (первая половина 1060-х гг. / ок. 1095 г.) Иоанна Скилицы (ок. 1040–1050 – ок. 1101–1110 гг.) термины «наемники» и «войско наемников» (τὸ μισθοφορικὸν) [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 318, 319, 333, 367, 443, 476, 481; John Skylitzes, 2010, p. 302, 314–315, 347, 417, 443, 449] начинают встречаться при описании событий с последней четверти X в. наряду с обозначениями «союзники» и «тагмы союзников» (τὰ τάγματα τῶν συμμάχων) [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 204, 268, 336, 355, 443, 457, 491; John Skylitzes, 2010, p. 198, 257, 319, 337, 417, 457]. Например, в отношении «родича» князя Владимира Святославича, некоего Хрисохира, Скилица отмечает, что он «прибыл в Константинополь, видимо, чтобы стать наемником» / «ἦλθεν εἰς Κωνσταντινούπολιν ὡς τάχα μισθοφορήσων» [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 367; John Skylitzes, 2010, p. 347]. Говоря о франках и варангах как о союзниках в одном отрывке [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 471; John Skylitzes, 2010, p. 440], в другом Скилица указывает: «народ кельтский варанги служат ромеям в качестве наемников» / «γένος δὲ Κελτικὸν οἱ Βάραγγοι μισθοφοροῦντες Ῥωμαίοις» [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 481; John Skylitzes, 2010, p. 449].

Иноплеменники (ἀλλογενείς) [Michael Attaleiates, 2012, p. 268–269, 454–455], чужеземцы (οἱ ξενικοί) [Michael Attaleiates, 2012, p. 484–485], иностранцы (οἱ ἐθνικοὶ) [Michael Attaleiates, 2012, p. 502–503, 536–537] и варвары (οἱ βάρβαροι) [Michael Attaleiates, 2012, p. 540–541], в частности печенеги, поселенные на территориях империи, венгры, турки, норманны и варанги, в

«Истории» (1079 г. / после 1081 г.) Михаила Атталиата (ок. 1020–1035 – ок. 1079–1085 гг.) именуются и союзниками [Michael Attaleiates, 2012, p. 158–159, 178–179, 310–311, 528–529], и наемниками [Michael Attaleiates, 2012, p. 222–223, 230–231, 268–271, 284–285, 482–483, 492–493].

Частота употребления рассматриваемых терминов крайне высока в «Алексиаде» (после 1148 г.) Анны Комнины (1083 – ок. 1153–1154 гг.), которая, исходя из контекста повествования, использует слова «наемники» и «союзники», а также их производные как эквивалентные. Организация и проведение военных кампаний в эпоху Алексея I (1081–1118) включали призыв и использование союзников [Анна Комнина, 2017, с. 5–6, 11–12, 15, 53, 173, 184, 348; Annae Comnenae, 2001, p. 11, 13, 19, 21, 24, 72, 228, 234, 456] и «союзников из-за границы» (τῆς ξυμμαχίας ἐξ ἀλλοδαπῶν) [Анна Комнина, 2017, с. 82; Annae Comnenae, 2001, p. 110], наемников, «наемного войска» (τό μισθοφορικὸν, τοῦ μισθοφορικοῦ στρατεύματος) и «наемного войска из-за границы» (τό μισθοφορικὸν ἐξ ἀλλοδαπῶν) [Анна Комнина, 2017, с. 106, 108, 111, 113, 116, 166, 175, 182, 186, 352–353; Annae Comnenae, 2001, p. 141, 144, 148, 151, 154, 219, 230, 241, 245, 461–463], «войска иностранцев» (τὸ ἐθνικὸν στράτευμα) и «сил иностранцев» (τῶν ἐθνικῶν δυνάμεις) [Анна Комнина, 2017, с. 99, 235; Annae Comnenae, 2001, p. 132, 309], «чужеземных сил» (τὰς ξενικὰς δυνάμεις) и «чужеземцев из-за границы» (τὰς ξενικὰς ἐξ ἀλλοδαπῶν) [Анна Комнина, 2017, с. 106, 279; Annae Comnenae, 2001, p. 141, 369]. Исполнение «чужеземными варварами» (οἱ ξενικοί βάρβαροι) [Анна Комнина, 2017, с. 82; Annae Comnenae, 2001, p. 110] своей службы в обязательном порядке требовало оплаты деньгами (τὰ χρήματα) [Анна Комнина, 2017, с. 82, 107–108; Annae Comnenae, 2001, p. 110, 143–144].

Заключение

Таким образом, анализ источников позволяет заключить, что официальным термином для обозначения иностранных солдат, служивших по найму в армии Византийской империи второй половины IX–XI вв., служило слово «иностранцы»/«этники» (οἱ ἐθνικοὶ) и его производные. Исключением является стратегикон императора Льва VI, в тексте которого применяется термин «союзники» (οἱ σύμμαχοι). Причина этого кроется, вероятно, в опоре автора «Тактики» на материал и лексику более раннего военного трактата, «Стратегикона» императора Маврикия (582–602) [Тактика Льва, 2012, с. 26–28; McMahon, 2014, p. 65–67].

Неофициальное обозначение наемников-этников осуществлялось через термины, указывающие на их *неромейскость* (иноплеменники, чужеземцы, иноземцы) и статус (союзники, наемники), а также их производные: силы или войска иноземцев/чужеземцев/союзников/наемников. В связи с этим можно отметить, например, вывод А.М. Филипчука касательного того, что контингенты росов на службе империи именовались «наемный корпус» (τὸ ξενολογικὸν), а процесс их найма – «вербовкой наемников» (ξενολογέω) [Филипчук, 2010, с. 13].

Авторы византийских исторических сочинений не придерживались твердой разграничительной концепции, позволявшей четко отделять союзные войска от отрядов наемников, и пользовались терминами «союзники» и «наемники» как синонимами. Об этом, в частности, ярко свидетельствует описание войска алан в сочинении Никифора Вриенния. Появление слова «οἱ μισθοφόροι» в византийском лексиконе около середины XI в. связано, по нашему мнению, не с изменениями в способах вербовки наемников, а с прогрессирующим ростом их численности и значения в армии империи на протяжении этого столетия и закономерным стремлением византийских авторов к большей точности в передаче сущности их службы. При этом важно подчеркнуть, что термин не стал доминирующим и не вытеснил иных обозначений.

Разумеется, воинские группы, прибывавшие в империю от имени властей своих стран, отличались от вольных компаний, действовавших самостоятельно, но данное отличие заключалось в фигуре агента найма, представленной либо правительством, либо независимыми лидерами наемного контингента и отдельными индивидами. И в том и в другом случае солдат-наемник требовал вознаграждения за свои услуги как на рубеже IX–X вв., так и в конце XI в.

Список литературы

Анна Комнина. Алексиада. 2017. Пер. и коммент. Я.Н. Любарского. Санкт-Петербург, Алетейя, 683.

Бибиков М.В. 2018. Byzantinorossica III. Свод византийских актовых свидетельств о Руси (византийские акты X–XIII вв.). Москва, Языки славянской культуры, 304.

Виноградов А.Ю., Чхаидзе В.Н. 2021. Печать Константина, сына протопроедра и эксусиократора всей Алании (ок. 1065–1075 гг.). Античная древность и средние века. Вып. 49. Екатеринбург, Издательство Уральского университета: 115–134.

Исторические записки Никифора Вриенния (976–1087). 1858. Под ред. В.Н. Карпова. Санкт-Петербург, Типография Г. Трусова, 156.

Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. 2003. Подгот. текста, введение, пер. и коммент. Г.Г. Литаврина. Санкт-Петербург, Алетейя, 711.

Лев VI Мудрый. Тактика Льва. 2012. Изд. подгот. В.В. Кучма; отв. ред. Н.Д. Барабанов. Санкт-Петербург, Алетейя, 368.

Михаил Пселл. Хронография. Краткая история. 2003. Пер., статья, прим. Я.Н. Любарского; пер. Д.А. Черноглазова, Д.Р. Абрахмановой. Санкт-Петербург, Алетейя, 397.

Никифор II Фока. Стратегика. 2019. Пер. и коммент. А.К. Нефедкина. Санкт-Петербург, Алетейя, 288.

Оболенский Д. 1988. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. Москва, Янус-К, 655.

Филипчук О.М. 2010. Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Чернівці, Чернівецький нац. ун-т ім. Ю. Федьковича, 20.

Шандровская В.С. 1971. Некоторые исторические деятели «Алексиады» и их печати. Палестинский сборник. Вып. 23(86). Ленинград, Наука: 28–45.

Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204. 1970. Éd. diplomatique par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. Paris, P. Lethielleux, 447.

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. 1890. Ed. F. Miklošich, J. Müller. Vol. 6. Vindobonae, Carolus Gerold, 452.

Actes de Vatopédi I. Des origines à 1329. 2001. Éd. diplomatique par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros. Paris, P. Lethielleux, 475.

Ahrweiler H. 1967. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. Travaux et Mémoires. T. 2. Paris, Éd. E. de Boccard: 393–404.

Annae Comnenae Alexias. 2001. Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Vol. I. Berlin, N.Y., de Gruyter, 505.

Borilos proedros and grand primikerios of the ethnikoi [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1955.1.2257/view

Borilos proedros and grand primikerios of the ethnikoi (2) [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1951.31.5.1273/view

Constantine Porphyrogennetos: The Book of Ceremonies. 2012. Ed., trans. by A. Moffatt, M. Tall. Leiden, Boston, Brill, 870.

Eustathios epi tou kanikleiou, ethnarches and grand droungarios of the fleet [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1955.1.4060/view

Haldon J. F. 2000. Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies. Travaux et Mémoires. T. 13. Paris, Éd. E. de Boccard: 201–352.

Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. 1973. Rec. I. Thurn. Berolini, Novi Eboraci, de Gruyter, 580.

John Patrikios, Judge of the Velum and Exarch of the Ethnikoi [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1951.31.5.2342/view

John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History 811–1057. 2010. Trans. by J. Wortley. Cambridge, Cambridge University Press, 491.

Kaldellis A. 2017. Streams of Gold, Rivers of Blood: The Rise and Fall of Byzantium, 955 A.D. to the First Crusade. Oxford, Oxford University Press, 399.

Kyriakidis S. 2021. Byzantine Concepts of Mercenaries in the Eleventh Century (988–1081). In: War in Eleventh-Century Byzantium. Ed. by G. Theotokis, M. Meško. London, N. Y., Routledge: 81–97.

Kühn H.-J. 1991. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, Verlag Fassbaender, 326.

Markopoulos A. 2012. The Ideology of War in the Military Harangues of Constantine VII Porphyrogennetos. Byzantine War Ideology between Roman Imperial Concept and Christian

Religion: Akten des Internationalen Symposiums. Bd. XXX. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften: 47–56.
McGeer E. 1995. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Trustees for Harvard University, 405.
McMahon L. 2014. The Foederati, the Phoideratoi, and the Symmachoi of the Late Antique East (ca. A.D. 400–650). Ottawa, University of Ottawa, 86.
Michael Attaleiates. The History. 2012. Trans. by A. Kaldellis and D. Krallis. London, Harvard University Press, 636.
Michael Psellus. Chronographie où Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077). 1967. Texte établi et trad. par E. Renauld. T. I. Paris, Les Belles Lettres, 155.
Michael Psellus. Chronographie où Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077). 1967. Texte établi et trad. par E. Renauld. T. II. Paris, Les Belles Lettres, 200.
Michael Psellus. Historia Syntomos. 1990. Rec. W.J. Aerts. Berolini, Novi Eboraci, de Gruyter, 239.
Nicéphore Bryennio Histoire. 1975. Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, Byzantion, 409.
Obolensky D. 1971. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. N.Y. Washington, Praeger Publ., 445.
Obolensky D. 1963. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy. Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. T. I. Beograd, Comité yougoslave des études byzantines: 45–61.
Oikonomidès N. 1972. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introd., texte, trad. et comment. N. Oikonomidès. Paris, Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 403.
Oikonomidès N. 1986. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 175.
Shepard J. 1993. The Uses of Franks in Eleventh-Century Byzantium. Anglo-Norman Studies. Vol. XV. Woodbridge, The Boydell Press: 275–305.
Stephen Ethnarches [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1951.31.5.2059/view
The Taktika of Leo VI. 2010. Trans. and Comment. by G. Dennis. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 690.
Theophylaktos Ergodotos, Hypatos and Ethnarch. In: Roma Numismatics: Auction IX (London, 22 March 2015): 246.
Theotokis G. 2012. Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the Service of the Byzantine Emperors (9th–11th c.): Numbers, Organisation and Battle Tactics in the Operational Theaters of Asia Minor and the Balkans. Byzantina Symmeikta. Vol. 22. Athens, The National Hellenic Research Foundation: 125–156.
Zacos G. 1984. Byzantine Lead Seals. Vol. 2. Berne, Benteli Publishers, 543.
Δημηγορία Κωνσταντίνου βασιλέως πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς στρατηγούς [Электронный ресурс]. URL: https://greekdownloads3.files.wordpress.com/2014/09/de-contionibus-militaribus.pdf

References

Anna Komnina. Aleksiada [Anna Komnene. Alexiad]. 2017. Per. i komment. Ya.N. Lyubarskogo. Saint Petersburg, Aleteyya, 683.
Bibikov M.V. 2018. Byzantinorossica III. Svod vizantiyskikh aktovykh svidetel'stv o Rusi (vizantiyskie akty X–XIII vv.) [Byzantinorossica III. Corpus of Byzantine Testimonies About Rus' (Byzantine Acts of the 10th–13th Centuries)]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 304.
Vinogradov A.Yu., Chkhaidze V.N. 2021. Pechat' Konstantina, syna protoproedra i eksusiokratora vsey Alanii (ok. 1065–1075 gg.) [Seal of Konstantinos, the Son of the Protoproedros and Exousiokrator of All Alania (ca 1065–1075)]. Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages]. Vyp. 49. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: 115–134.
Istoricheskie zapiski Nikifora Vrienniya (976–1087) [Nikephoros Bryennios. Material for a History]. 1858. Pod red. V.N. Karpova. Saint Petersburg, Tipografiya G. Trusova, 156.
Kekavmen. Sovety i rasskazy. Pouchenie vizantiyskogo polkovodtsa XI veka [Kekaumenos. Strategikon]. 2003. Podgot. teksta, vvedenie, per. i komment. G.G. Litavrina. Saint Petersburg, Aleteyya, 711.
Lev VI Mudryy. Taktika L'va [Leo VI the Wise. Tactica]. 2012. Izd. podgot. V.V. Kuchma; otv. red. N.D. Barabanov. Saint Petersburg, Aleteyya, 368.

Mikhail Psell. Khronografiya. Kratkaya istoriya [Michael Psellos. Chronographia. Historia syntomos]. 2003. Per., stat'ya, prim. Ya.N. Lyubarskogo; per. D.A. Chernoglazova, D.R. Abrakhmanovoy. Saint Petersburg, Aleteyya, 397.

Nikifor II Foka. Strategika [Nikephoros II Phokas. Praecepta Militaria]. 2019. Per. i komment. A.K. Nefedkina. Saint Petersburg, Aleteyya, 288.

Obolenskiy D. 1988. Vizantiyskoe Sodruzhestvo Natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov [The Byzantine Commonwealth. Six Byzantine Portraits]. Moscow, Yanus-K, 655.

Filipchuk O.M. 2010. Rusi sered «viys'k narodiv» u Vizantiï IX–XI st.: naymantsi ta soyuzniki: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.01 [Rus' Among the «Armies of Ethnikoi» in Byzantium of the 9th – 11th Centuries: Mercenaries and Allies. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Chernivtsi, Chernivets'kiy nats. un-t im. Yu. Fed'kovicha, 20 (in Ukrainian).

Shandrovskaya V.S. 1971. Nekotorye istoricheskie deyateli «Aleksiady» i ikh pechati [Some of the Historical Figures of the Alexiad and Their Seals]. Palestinskiy sbornik [Palestinian collection]. Vyp. 23(86). Leningrad, Nauka: 28–45.

Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204. 1970. Éd. diplomatique par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. Paris, P. Lethielleux, 447.

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. 1890. Ed. F. Miklošich, J. Müller. Vol. 6. Vindobonae, Carolus Gerold, 452.

Actes de Vatopédi I. Des origines à 1329. 2001. Éd. diplomatique par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros. Paris, P. Lethielleux, 475.

Ahrweiler H. 1967. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. Travaux et Mémoires. T. 2. Paris, Éd. E. de Boccard: 393–404.

Annae Comnenae Alexias. 2001. Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Vol. I. Berlin, N.Y., de Gruyter, 505.

Borilos proedros and grand primikerios of the ethnikoi [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1955.1.2257/view

Borilos proedros and grand primikerios of the ethnikoi (2) [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1951.31.5.1273/view

Constantine Porphyrogennetos: The Book of Ceremonies. 2012. Ed., trans. by A. Moffatt, M. Tall. Leiden, Boston, Brill, 870.

Eustathios epi tou kanikleiou, ethnarches and grand droungarios of the fleet [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1955.1.4060/view

Haldon J. F. 2000. Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies. Travaux et Mémoires. T. 13. Paris, Éd. E. de Boccard: 201–352.

Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. 1973. Rec. I. Thurn. Berolini, Novi Eboraci, de Gruyter, 580.

John Patrikios, Judge of the Velum and Exarch of the Ethnikoi [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1951.31.5.2342/view

John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History 811–1057. 2010. Trans. by J. Wortley. Cambridge, Cambridge University Press, 491.

Kaldellis A. 2017. Streams of Gold, Rivers of Blood: The Rise and Fall of Byzantium, 955 A.D. to the First Crusade. Oxford, Oxford University Press, 399.

Kyriakidis S. 2021. Byzantine Concepts of Mercenaries in the Eleventh Century (988–1081). In: War in Eleventh-Century Byzantium. Ed. by G. Theotokis, M. Meško. London, N. Y., Routledge: 81–97.

Kühn H.-J. 1991. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, Verlag Fassbaender, 326.

Markopoulos A. 2012. The Ideology of War in the Military Harangues of Constantine VII Porphyrogennetos. Byzantine War Ideology between Roman Imperial Concept and Christian Religion: Akten des Internationalen Symposiums. Bd. XXX. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften: 47–56.

McGeer E. 1995. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Trustees for Harvard University, 405.

McMahon L. 2014. The Foederati, the Phoideratoi, and the Symmachoi of the Late Antique East (ca. A.D. 400–650). Ottawa, University of Ottawa, 86.

Michael Attaleiates. The History. 2012. Trans. by A. Kaldellis and D. Krallis. London, Harvard University Press, 636.

Michael Psellus. Chronographie où Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077). 1967. Texte établi et trad. par E. Renauld. T. I. Paris, Les Belles Lettres, 155.
Michael Psellus. Chronographie où Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077). 1967. Texte établi et trad. par E. Renauld. T. II. Paris, Les Belles Lettres, 200.
Michael Psellus. Historia Syntomos. 1990. Rec. W.J. Aerts. Berolini, Novi Eboraci, de Gruyter, 239.
Nicéphore Bryennio Histoire. 1975. Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, Byzantion, 409.
Obolensky D. 1971. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. N.Y. Washington, Praeger Publ., 445.
Obolensky D. 1963. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy. Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. T. I. Beograd, Comité yougoslave des études byzantines: 45–61.
Oikonomidès N. 1972. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introd., texte, trad. et comment. N. Oikonomidès. Paris, Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 403.
Oikonomidès N. 1986. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 175.
Shepard J. 1993. The Uses of Franks in Eleventh-Century Byzantium. Anglo-Norman Studies. Vol. XV. Woodbridge, The Boydell Press: 275–305.
Stephen Ethnarches [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1951.31.5.2059/view
The Taktika of Leo VI. 2010. Trans. and Comment. by G. Dennis. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 690.
Theophylaktos Ergodotos, Hypatos and Ethnarch. In: Roma Numismatics: Auction IX (London, 22 March 2015): 246.
Theotokis G. 2012. Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the Service of the Byzantine Emperors (9th–11th c.): Numbers, Organisation and Battle Tactics in the Operational Theaters of Asia Minor and the Balkans. Byzantina Symmeikta. Vol. 22. Athens, The National Hellenic Research Foundation: 125–156.
Zacos G. 1984. Byzantine Lead Seals. Vol. 2. Berne, Benteli Publishers, 543.
Δημηγορία Κωνσταντίνου βασιλέως πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς στρατηγούς [Электронный ресурс]. URL: https://greekdownloads3.files.wordpress.com/2014/09/de-contionibus-militaribus.pdf

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.03.2024
Поступила после рецензирования 15.05.2024
Принята к публикации 17.05.2024

Received 19.03.2024
Revised 15.05.2024
Accepted 17.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карашайски Кемран Меметович, аспирант кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия
ORCID: 0009-0008-5022-6354

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kemran M. Karashayski, Postgraduate Student of the Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

УДК 94(450).05
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-354-364
Оригинальное исследование

Фигура купца в тосканской новелле эпохи премодерна

Евстюнин В.А.
Тюменский государственный университет,
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: v.a.evstiunin@utmn.ru

Аннотация. В статье приводится первый русскоязычный перевод с итальянского языка средневековой тосканской новеллы о купцах и кошках, описываются истории ее создания и изучения, отмечается наличие нескольких версий произведения. Показывается, что выведенные в ней персонажи купцов представляют собой типичные репрезентации фигуры купца в культуре свободных городов Италии эпохи премодерна как периода, непосредственно предшествовавшего Новому Времени и включившего Позднее Средневековье и Раннее Новое Время. Персонажи созданы на основе реальных исторических прототипов, являвшихся типичными представителями социальной группы средневековых итальянских купцов. Прототипами одного из героев новеллы являлись купцы из Прато Никколао ди Пьеро Гатти и, согласно исследовательским интерпретациям, Франческо ди Марко Датини (1335–1410), являвшиеся типичными представителями социальной группы средневековых итальянских купцов.

Ключевые слова: Средневековая Италия, народные итальянские сказки, фигура купца, Никколао ди Пьеро Гатти, Франческо Датини

Для цитирования: Евстюнин В.А. 2024. Фигура купца в тосканской новелле эпохи премодерна. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 354–364. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-354-364

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01592, https://rscf.ru/project/23-28-01592/, https://rscf.ru/en/project/23-28-01592/

The Figure of a Merchant in Tuscan Story of the Pre-modern Era

Vladislav A. Evstiunin
Tyumen State University,
6 Volodarsky St., Tyumen 625003, Russia
E-mail: v.a.evstiunin@utmn.ru

Abstract. This article contains the first Russian-language translation from Italian of a medieval Tuscan tale about merchants and cats. The author also describes the history of the creation and study of the fairy tale, and notes the presence of several versions of the text. The author shows that the characters from the tale are typical representations of the figure of the merchant in the culture of the Italian city-states in the pre-modern era, which includes the Late Middle Ages and Early Modern Period, that preceded modern era. They had real historical prototypes, which were typical representatives of the social group of medieval Italian merchants. The tale has a humorous plot and tells how one Tuscan merchant arrived at the port of a foreign state, was received by its king, gave the king a cat, received for this jewelry as a valuable gift, and returned to his homeland. Some versions of the work retain the fictitious names of the merchants. The prototypes of one of those were the merchants from Prato Niccolao di Piero Gatti and, according to research interpretations, Francesco di Marco Datini (1335–1410), who were typical representatives of the social group of medieval Italian merchants.

Keywords: Medieval Italy, Italian folk tales, the figure of a merchant, Niccolao di Piero Gatti, Francesco Datini

For citation: Evstiunin V.A. 2024. The Figure of a Merchant in Tuscan Story of the Pre-modern Era. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 354–364 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-354-364

© Евстюнин В.А., 2024

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01592, https://rscf.ru/project/23-28-01592/, https://rscf.ru/en/project/23-28-01592/

Введение

Подъем городов Западной Европы и обретение некоторыми из них независимости в периоды Высокого и Позднего Средневековья в социальном аспекте были во многом обусловлены деятельностью наиболее действенных и созидательных групп средневековых горожан – купцов [Еманов, 2018, с. 8], занимавшихся международной (преимущественно морской) торговлей, организацией производств с использованием наемного труда и обратившихся к финансовой деятельности [Эрс, 2018, с. 73]. В рамках социологических интерпретаций истории, целью которых является лучшее постижение изучаемых процессов, данные исторические периоды объединяются в парадигму «премодерна» как периода, непосредственно предшествовавшего Новому времени, в течение которого были заложены основы современного общества. При этом порой термином «премодерн» обозначаются все периоды человеческой истории, предшествовавшие Новому времени, что символизирует принципиальное обновление всех сфер человеческой деятельности в рассматриваемый период [Lidz, Parsons, 1972].

Особенно преуспевали купцы географически выгодно расположенных свободных городов Апеннинского полуострова. Их действия в Средиземноморье и соприкасавшемся с Золотой Ордой Причерноморье [Еманов, 2023, с. 625], а также контакты с Северной Европой [Карпов, 2010, с. 297, 298, 325], обеспечивали торговый и культурный обмен в масштабе всего Старого Света и способствовали развитию мореплавания [Карпов, 2010, с. 474–475], что подготавливало основу для Великих географических открытий, символически обозначивших наступление Раннего Нового времени [Карпов, 2010, с. 614].

Фигура купца была широко представлена в произведениях городской культуры той эпохи, на Апеннинском полуострове связанной со становлением Итальянского Возрождения [Карпов, 2010, с. 632–633]. Здесь не только произведения гуманистов, «пишущих купцов» и иных образованных горожан, но также менее изученные памятники устной городской культуры, создававшиеся на религиозные, мистические, приключенческие, бытовые, романтические, юмористические сюжеты [Карпов, 2010, с. 602–604]. Они являлись альтернативой церковным проповедям [Ле Гофф, 2005, с. 73, 534], что свидетельствовало о рационализации остававшегося религиозным человеческого мышления под воздействием бытового прагматизма, вырабатывавшегося средневековой городской жизнью [Карпов, 2010, с. 602–603]. Часто эти произведения записывались позднее времени их создания. Одним из таких является не имеющая названия сказка о купцах и кошках [Mazzei, 1880, p. VIII–X], возникшая в одном из городов Тосканы в период Позднего Средневековья, впервые записанная во второй половине XVI в. и получившая определенную известность, главным образом благодаря ассоциированию одного из ее героев с одним средневековых купцов, Франческо ди Марко Датини из Прато (1335–1410), прославившимся благодаря изумительной сохранности его архива, доступного для изучения онлайн [Bensa, 1928; Archivio di Stato di Prato. F. Datini; Melis, 1962; Nigro, 2010; Origo, 2017].

Родной город Датини Прато в начале XIV в. принял сюзеренитет Неаполитанского королевства, а в 1351 г. был передан в управление Флорентийской республике, в период Позднего Средневековья наиболее могущественного государства Тосканы, исторической области в центре Италии, носящей такое название со времени Раннего Средневековья и в рассматриваемый период состоявшей из свободных городов-государств, ставших такими в период Высокого Средневековья, после поражения Священной Римской империи в борьбе за инвеституру [Карпов, 2010, с. 439–441]. Основными занятиями жителей городов Тосканы в рассматриваемый период являлись сукноделие, торговля суконными изделиями и финансовые операции [Origo,

2017, p. 55, 57]. Морская торговля осуществлялась главным образом через порт Пизанской республики, в 1406 г. подчиненной Флоренции, и более мелкие порты [Карпов, 2010, с. 442].

Культура экономически и социально развитого региона процветала. Так, Флоренция стала колыбелью Итальянского Возрождения, а разговорный язык тосканцев, тосканский volgare, стал основой современного литературного итальянского языка, на котором в период Позднего Средневековья и Раннего Нового времени были написаны как всемирно известные шедевры итальянской литературы, так и малоизвестные произведения культуры [Карпов, 2010, с. 632], одно из которых подлежит рассмотрению в данной статье.

Объект и методы исследования

Культура свободных городов Апеннинского полуострова Позднего Средневековья является как объектом классических позитивистских штудий, что подразумевает ее детальную реконструкцию и изучение, главным образом в связи с развитием Итальянского Возрождения, так и становится объектом изучения новейших постмодернистских направлений исторической науки, исторической антропологии [Ле Гофф, 2005; Ле Гофф, 2015; Bacci, 2004] и новой социальной истории [Turner, 1985; Plamper, 2015; Boddice, 2018].

Историческая антропология подразумевает сосредоточение усилий на изучении менталитета (мышления) человека эпохи, а новая социальная история занимается, помимо прочего, изучением мышления не представителей знати и тех, кто целенаправленно занимался интеллектуальным трудом, но «людей повседневности» [Ле Гофф, 2005, с. 534], обычных горожан – купцов, ремесленников, моряков, являвшихся главными созидателями исторического процесса и порой обнаруживавших способности к творчеству. Такими являлись, в частности, жители Прато и иных городов Тосканы, создавшие сказку, позднее записанную интеллектуалами.

Также необходимо отметить сосредоточение усилий историков первой четверти XXI в. на изучении интеллектуального наследия итальянских «пишущих купцов», не гуманистов, получавших блестящее образование, но образованных представителей «людей повседневности», достигавших высокого уровня интеллектуального развития, главным образом благодаря рациональной бытовой прагматике, вырабатывавшейся городской жизнью. Плодами их творчества являются, в частности, «семейные хроники» и дидактические трактаты, содержащие наставления в купеческом ремесле, описание его составляющих, в частности рационального мышления, познаний в математике и бухгалтерском учете, а также своего рода профессиональную саморефлексию [Kneil, 1906; Краснова, Тельменко, 2014].

Авторами данных трактатов были выведены модели поведения «доброго купца» (итал. buono mercante) [Краснова, Тельменко, 2014] и «идеального купца» (итал. mercante perfetto) [Kneil, 1906] как ценностные ориентации, содержащие совокупность познаний в торговом ремесле и личностные качества, присущие купцу, среди которых религиозность, умеренность и стремление к благотворительности [Краснова, Тельменко, 2014, с. 44–46].

В рамках исторической антропологии и новой социальной истории интеллектуальное наследие и плоды творчества «повседневных людей» эпохи изучаются также в сопоставлении с этими моделями и сквозь призму различных этических теорий, среди которых, в частности, «теория этоса», содержащая восприятие этоса как зародившейся в Западной культуре в период Античности ценностной ориентации, включающей любовь к ближнему, основанной на сочетании религиозности и рациональности путем высвобождения последней в результате развития математики [Ганопольский, 2011].

В данном исследовании предпринята попытка определить в тексте сказки признаки и качества, которыми ее авторы наделяли купцов, сопоставить это с накопленными исторической наукой данными о культуре эпохи, выработанными в рамках этой культуры ценностными ориентациями «доброго купца» и «идеального купца», а также с социологической моделью «теории этоса». Описанное позволит сделать вывод, какой была репрезентация фигуры купца в культуре

свободных городов Италии Позднего Средневековья и Раннего Нового Времени, а также сопоставить присущие купцам признаки и качества со сформулированными в качестве свойственных людям общества Западного образца в рамках теории этоса. В качестве основного исследовательского метода для работы с текстом был использован метод лингвистического анализа.

История изучения сказки была реконструирована во второй половине XIX в. итальянским историком, филологом и писателем, уроженцем Прато Чезаре Гуасти, работавшим с документами, поныне неоцифрованными и потому доступными для изучения лишь в итальянских библиотеках. Он поместил ее вместе с воспроизведенным им текстом сказки в сборнике писем, полученных Франческо Датини от ближайшего друга, нотария сера Лапо ди Маццеи [Guasti, 1880, p. X–XI].

Согласно Гуасти, наиболее ранняя рукописная версия сказки была создана в 1577 г. Ладзаро дель Сега из Прато, о биографии которого отсутствуют какие-либо сведения. Она не сохранилась, но в первой половине XVIII в. была скопирована пратским религиозным деятелем и историком Микеланджело Мартини также в формате рукописи. Ныне копия Мартини доступна для изучения в неоцифрованном собрании рукописей этого ученого, хранящемся в Библиотеке Роньчоньано в Прато. Гуасти реконструировал текст сказки, ориентируясь именно на эту рукопись, но в качестве прямой цитаты из нее им приводится лишь фрагмент на тосканском volgare, содержащий начало произведения [51].

Мартини подчеркивал, что дель Сега не писал о Датини, но отмечал, что в устных версиях сказки в качестве героя к XVIII в. часто представал именно Датини. В качестве одного из купцов, торговавших кошками, в версии дель Сега выступает Никколао ди Пьеро Гатти из Прато. Династия купцов Гатти существовала в Прато и ко времени второй половины XIX в. Исследовательские интерпретации связывают происхождение их фамилии [52] с изложенным в этой сказке.

Иной вариант сказки был обнаружен Гуасти в написанных в XVII в. письмах итальянского философа Эпохи Просвещения Лоренцо Магалотти, родившегося в Риме и ушедшего из жизни во Флоренции. Данная версия вносит в повествование географический и политический аспекты, а также называет новые имена главных героев – не пратских, но флорентийских купцов. Так, действие происходит на Канарских островах «во времена, когда наш Америго Веспуччи открыл новую землю» [53]. Имя первого купца в данной версии Ансальдо дельи Орманни, а имя второго – Джокондо де Фифанти. Впрочем, относительно политического аспекта повествования из пояснений Гуасти остается неясным, осуществляли ли купцы взаимодействие с коренным населением островов либо с европейскими наместниками после покорения их Королевством Кастилии в XV в. [Guasti, 1880, p. XI].

В 1880 г. вышла публикация Гуасти [Guasti, 1880], содержащая изложенную выше историю изучения сказки и ее текст, реконструированный им по рукописи дель Сега, скопированной Мартини. Именно этот текст, подлежащий изучению и переводу на русский язык в рамках данной статьи, является объектом данного исследования. Необходимо отметить, что в тексте, приведенном Гуасти, отсутствует имеющееся у дель Сега начало, а также упоминания имен купцов и каких-либо политических и географических аспектов. Гуасти определяет жанр произведения. Это сказка (итал. favoleggiare) [Guasti, 1880, p. VIII]. Впрочем,

[51] Тоск. volgare. «E' mi narro uno della Montagna di Pistoia da Sa' Marcello, ch' ave' sentino dire, che un merchatante pratese aveva fatto mercanzia di gatte, e che li venne ben fatto, e che ancora quella casata riteneva il nome de' Gatti: e non sapendo se lui diceva questo per infamare la terra di Prato, ec.» – «И мне говорил один с горы [близ] Сан-Марчелло-Пистойезе, [от] которого я слышал, как он говорил, как один купец из Прато торговал кошками, и как он хорошо это делал, и что его дом до сих пор сохранил имя Гатти: и не знаю, говорил ли он это, чтобы очернить землю Прато и т. д.» [Guasti, 1880, p. X].

[52] Gatti – от итал. Gatto – кошка.

[53] Итал. «nei tempi che il nostro Amerigo Vespucci discoperse la nuova terra» [Guasti, 1880, p. XI]. Т. е. в начале XVI в.

данную сказку вполне можно счесть новеллой (итал. novelette, короткая разновидность истории). Этот жанр городской литературы сложился на основе устных анекдотов, «фацеций» (лат. facetia – шутка), юмористических рассказов о последних городских новостях, событиях городской жизни, происшествиях с горожанами [Монье, 1904, с. 363].

Также в 1957 г. Айрис Ориго в одной из самых популярных книг, посвященных Датини и истории итальянского Средневековья в целом, был приведен сокращенный англоязычный пересказ произведения со ссылкой на публикацию Гуасти. Действие в нем также происходило на Канарских островах, главным действующим лицом был лишь один купец, сам Франческо Датини. Последнее переиздание этой книги на языке оригинала было осуществлено в 2017 г. [Origo, 2017, p. 31–32].

Результаты и их обсуждение

Текст сказки из публикации Чезаре Гуасти 1880 г., в которой он приведен на современном итальянском языке как пересказ устной речи [Guasti, 1880, p. VIII–X]:

Arrivati ad un porto, il signore di esso mandò per il padrone della nave per vederlo, e da lui intendere d'onde che lui era, e che mercanzie aveva. Ed essendo venuto, gli fece gran carezze, e lo costrinse la mattina a pranzar seco: et il mercante essendo insieme a parlare, venne il tempo che il signore con il mercante furono chiamati per andare a mensa. Il mercante veggendo la mensa apparecchiata con li tovaglioli, sopra di essi una mazzuola di un braccio (del che il mercante non sapeva); et essendo posti a mensa, e venendo le vivande, all'odore delle quali quivi compariva quantità di topi, che bisognava con quella mazza cacciarli, se volevano mangiare; assai l'increbbe al mercante che il signore avessi tale soggettitudine: ed avendo pranzato, il mercante ringraziò il signore. E ritornatosi alla nave, la mattina vegnente il mercante ritornò, portando seco nella manica una gatta. E quando cominciò a venire le vivande, comparirno li topi: et il mercante cavò della manica la gatta, la quale in poco tempo ammazzò venticinque o trenta topi, e li altri tutti si fuggirouo. E dicendo il signore al mercatante. Questo animiale è celeste! soggiunse il mercatante: Signore mio, avendo vostra signoria fatto tanta cortesia, non posso ristoraria con altro, che farli presente di questa gatta: che così si domanda. Qual graziosamente l'acettò; dicendo al mercante, ch'avanti si partisse li facessi molto. E così raunò li suoi consiglieri, e propose loro il caro presente aveva ricevuto da questo mercatante[54], e che lo consigliassino quello che lui dovessi ricompensare al gran presente riceuto; e che non voglio esser tenuto ingrato. A cui il proposto disse: Vostra signoria ha qua nel vostro regno una cosa, che a voi è poco, e al mercatante sarà assai utile: e questo sia delle gioie. Imperò il re li mandò gioie per quattromila scudi: e lui l'accettò volentieri, e tornossene in Toscana; che penso ne cavassi diecimilia o più. E ritornato l'anno vegniente al detto porto, et andato a visitare il detto re, quale li vide volentieri, al quale disse: Signore mio, per l'obrigo quale lengo con quella, m' è parso di farvi donativo d'uno compagno a quella gatta; chè, ciò sia che tali animali hanno corta vita, multiplicheranno pure assai. E cavolli della manica il gatto, e con reverenzia lo presenta al re. Onde ricorse alli detti consiglieri: quali consigliorno, che essendo questo mastio d'importanza, dove per la gatta vostra signoria dette gioie per quattromila scudi, diciamo che a questo mastio ne donassi per seimila; e sarete tenuto persona liberale, e non arete più il fastidio di esse topi. E così lui donò tal presente al mercatante, quale allegramente si ritornò in Toscana. E spargendosi la fama, come per un donativo fatto di dua gatti a quel re era arricchito grossamente; onde mosso uno a considerare, se facessi maggior presente a quel re, e come di statura era grande; et intendendo come si domandava quel porto e come si domandava quel re, et appetendo al guadango; e perchè lui non era danaroso, vendè un suo podere, e fece fare una bellissima veste di broccato, secondo la sua statura, cioè di quel re; ìa quale era molto signorile e bella, che stava ritta da sè: e mettendosi a ordine, andò a quel porto, et andò a trovare quel re, portando quella bella e ricca vesta, e gliene fece presente. Il quale allegramente l'accettò; dicendoli non si partissi senza farli motto. E ragunati li suoi savi consiglieri,

[54] В оригинале «mereatante».

mostrò loro la bella veste riceuta, e quello pareva loro dovessi dare in ricompensa di tal vesta; i quali giudicorno che si dovessi dare quelli dua gatti avuti, conciò sia che c'è di loro seme. E così il re mandò a quel mercante quelli gatti; e lui si parti iscontento.

Перевод на современный русский язык:

«По прибытии [корабля] в порт, господин его послал ко владельцу корабля, чтобы увидеть [того] и узнать от него, какими волнами был он принесен и какие товары имел [предложить]. И по приходу его [господин] оказал ему большие милости и велел ему утром принять с ним пищу: и купец с ним говорил, [и] пришло время, когда господина и купца позвали к столу. Купец увидел стол, накрытый салфетками, над ними [был] одноручный молоточек (которого купец не приметил); и [их] усадили за стол, и принесли еду, на запах которой тут же появилось множество мышей, которых нужно было этим молотом отгонять, чтобы поесть; купца очень раздражало, что у господина были такие сотрапезники: и, откушав, купец поблагодарил господина. И [он] вернулся на корабль, на следующее утро купец вернулся [к господину], принеся в рукаве кошку. И когда начала подаваться еда, появились мыши: и купец выпустил из рукава кошку, которая за короткое время убила двадцать пять или тридцать мышей, а все остальные убежали. И сказал господин купцу: «Это животное божественно!» Купец добавил: «Мой господин, поскольку ваша милость проявила большую любезность, ничем иным [я] не могу ответить, кроме как подарить [вам] эту кошку, которая так [вас] заинтересовала». Тот с благодарностью принял [подарок]; сказав купцу, что прежде, чем тот отбудет, он [его] отблагодарит. И вот он созвал своих советников и представил им дорогой подарок, полученный от этого купца, и [велел им,] чтобы они посоветовали ему, чем он должен ответить на полученный грандиозный подарок; поскольку [он] не хотел остаться неблагодарным. На это [один] советник сказал: «Ваша милость имеет здесь, в вашем королевстве, одну вещь, которая для вас мала, а для купца может быть очень полезна: и [вещь] эта из драгоценностей». И король послал [купцу] драгоценностей на четыре тысячи скуди: и он принял [их] охотно, и вернулся в Тоскану; как думаю, выручив [за них] десять тысяч или больше. И вернулся [купец] в следующем году в означенный порт, и нанес визит означенному королю, который был рад их [55] видеть, [и] которому он сказал: «Мой господин, [я] почел это за обязательство, мне показалось, что нужно сделать подарок в виде партнера для той кошки; ведь, насколько эти животные имеют короткие жизни, настолько же они размножаются». И [он] вынул из рукава кота и с почтением преподнес его королю. После чего тот обратился к своим советникам, которые сказали, что эта порода имеет ценность, [и] раз за [ту] кошку ваша милость дала драгоценностей на четыре тысячи скуди, скажем, что за этого самца следует дать на шесть тысяч; и вы будете щедрым человеком и более не будете иметь неприятностей из-за этих мышей. И вот он передал этот подарок купцу, который радостно вернулся в Тоскану. И распространилась молва, как сильно [купец] обогатился, подарив тому королю кошку и кота; это побудило другого [купца] осуществить новое предприятие, [что,] если сделать этому королю бóльший подарок, и как велик он был ростом; [и он] интересовался, каков тот порт, и каков тот король, и как [он] жаждет наживы; и потому, что он [56] не был богатым, он продал одно свое земельное владение и заказал сделать прекрасную парчовую мантию, соответствующую его росту, то есть того короля, очень изящную и красивую, которая стояла прямо сама по себе: и, приведя себя в порядок, он направился в тот порт, и прибыл к тому королю, и принес эту красивую и роскошную вещь, и презентовал ее ему. Тот с радостью принял [подарок]; сказав [купцу] не отбывать без благодарности. И, созвав своих мудрых советников, он показал им полученную красивую одежду и [спросил,] что, по их мнению, должно быть дано за такую одежду; и те решили, что нужно дать тех кота и кошку, потому как от них есть потомство. И послал король этому купцу этих кошек; и тот отбыл недовольным».

[55] Визитеров.
[56] Купец.

Ознакомление с содержанием сказки позволяет заключить об отсутствии в ней географической или политической информации, за исключением упоминания региона Тоскана как родины купцов. Так нельзя даже с уверенностью утверждать, что порт, в который прибывали купцы, был расположен в Средиземноморье. При этом в сказке содержится информация, пригодная для изучения в аспекте истории культуры, здесь, в частности, признаки и качества, которыми их наделили авторы.

Так, первому купцу были присущи обходительность [57], рациональный расчет и искреннее желание оказать помощь ближнему [58]. Его желание подарить королю кошку можно интерпретировать как в большей степени стремление заключить сделку, нежели оказать бескорыстную помощь, поскольку из текста сказки явственно прочитывается предугадывание им высокой вероятности ответного подарка со стороны короля с возможным расчетом, что подарок будет дорогим. Аналогично можно интерпретировать и второе посещение им порта. Впрочем, необходимо отметить также искреннее желание оказать королю помощь, даже с учетом понимания крайне низкой вероятности отсутствия ответного подарка. Велика была роль удачи, счастливого случая, позволившего первому купцу получить аудиенцию у короля и совершить незапланированное торговое предприятие, оказавшееся очень выгодным [59].

Второму купцу были присущи наблюдательность и рациональный расчет [60]. В рамках сюжета сказки для него не было создано обстоятельств, которые бы позволили ему проявить любовь к ближнему. Так, он направлялся к королю, прослышав, как разбогател первый купец, сознательно стремясь заключить выгодную сделку и предварительно к этому подготовившись. Ориентируясь на текст сказки, можно заключить, что неудача его предприятия была обусловлена скорее неверным расчетом относительно личных качеств и уровня интеллектуального развития короля, нежели простым невезением.

---

[57] Купец добавил: «Мой господин, поскольку ваша милость проявила большую любезность, ничем иным [я] не могу ответить, кроме как подарить [вам] эту кошку, которая так [вас] заинтересовала».

Итал. «...Soggiunse il mercatante: Signore mio, avendo vostra signoria fatto tanta cortesia, non posso ristoraria con altro, che farli presente di questa gatta: che così si domanda».

«...[и] которому он сказал: ”Мой господин, [я] почел это за обязательство, мне показалось, что нужно сделать подарок в виде компаньона для той кошки; ведь, насколько эти животные имеют короткие жизни, настолько же они размножаются“».

Итал. «...Al quale disse: Signore mio, per l'obrigo quale lengo con quella, m' è parso di farvi donativo d'uno compagno a quella gatta».

[58] Купца очень раздражало, что у господина были такие сотрапезники: и, откушав, купец поблагодарил господина. И [он] вернулся на корабль, на следующее утро купец вернулся [к господину], принеся в рукаве кошку.

Итал. «...assai l'increbbe al mercante che il signore avessi tale soggettitudine: ed avendo pranzato, il mercante ringraziò il signore. E ritornatosi alla nave, la mattina vegnente il mercante ritornò, portando seco nella manica una gatta».

[59] «По прибытии [корабля] в порт, господин его послал ко владельцу корабля, чтобы увидеть [того] и узнать от него, какими волнами был он принесен и какие товары имел [предложить]. И по приходу его [господин] оказал ему большие милости и велел ему утром принять с ним пищу: и купец с ним говорил, [и] пришло время, когда господина и купца позвали к столу».

Итал. «Arrivati ad un porto, il signore di esso mandò per il padrone della nave per vederlo, e da lui intendere d'onde che lui era, e che mercanzie aveva. Ed essendo venuto, gli fece gran carezze, e lo costrinse la mattina a pranzar seco: et il mercante essendo insieme a parlare, venne il tempo che il signore con il mercante furono chiamati per andare a mensa».

[60] «И распространилась молва, как сильно [купец] обогатился, подарив тому королю двух кошек; волны побудили одного [купца] подумать, [что,] если сделать этому королю больший подарок, и как велик он был ростом; [и он] интересовался, каков тот порт, и каков тот король, и как [он] жаждет наживы; и потому, что он не был богатым, он продал одно свое земельное владение и заказал сделать прекрасную парчовую мантию, соответствующую его росту, то есть того короля, очень изящную и красивую, которая стояла прямо сама по себе: и, приведя себя в порядок, он направился в тот порт, и прибыл к тому королю, и принес эту красивую и роскошную вещь, и презентовал ее ему».

Итал. «E spargendosi la fama, come per un donativo fatto di dua gatti a quel re era arricchito grossamente; onde mosso uno a considerare, se facessi maggior presente a quel re, e come di statura era grande; et intendendo come si domandava quel porto e come si domandava quel re, et appetendo al guadango; e perchè lui non era danaroso, vendè un suo podere, e fece fare una bellissima veste di broccato, secondo la sua statura, cioè di quel re; ìa quale era molto signorile e bella, che stava ritta da sè: e mettendosi a ordine, andò a quel porto, et andò a trovare quel re, portando quella bella e ricca vesta, e gliene fece presente».

Заключение

Если интерпретировать присущие купцам признаки и качества в аспекте этики как присущие им ценностные ориентации, то можно заключить, что в новелле выведены два противоположных типа купцов: «добродетельный» и «греховный». Образ первого купца сочетается с теоретическими моделями «доброго купца» и «идеального торговца», сформулированными «пишущими купцами» в их «семейных хрониках» и дидактических сочинениях и с присущими купцам в рамках «теории этоса». Так, первый купец способен думать о благе других, а второй сконцентрирован исключительно на своем благе; поэтому первому воздается сторицей, второй при этом теряет последнее – землю, которая его кормила.

Один из прототипов героев сказки, Франческо Датини из Прато (1335–1410), сочетал в себе черты, присущие обеим моделям купцов. Это, в частности, можно прочитать в его переписке с ближайшим другом. Так обсуждение жуткого сновидения о стервятнике, терзавшем гниющую плоть грешника, сопровождалось им рассуждениями о жирных куропатках, которых друзья намеревались съесть за бокалом красного вина [Еманов, Евстюнин, 2021, с. 151]. При этом Датини в большей степени все же склонялся к добродетельности, о чем свидетельствует его обращение к благотворительности [Еманов, Евстюнин, 2021, с. 146]. Относительно удачи как одного из ключевых признаков, присущих купцу, необходимо отметить, что она сопутствовала Франческо на протяжении всей его жизни, даже в моменты тяжелых испытаний, среди которых гибель многих компаньонов и близких людей во время эпидемии чумы [Еманов, Евстюнин, 2021, с. 152]. Датини, названный исследователями «возможно, самым известным средневековым торговцем» [Fried, 2009, p. 401], в ходе исследований документов архива, выявивших присущие ему признаки и качества, был признан типичным представителем социальной группы средневековых купцов [Origo, 2017, p. 292].

Изложенное позволяет сделать вывод, что выведенные в сказке персонажи являются типичными аутентичными репрезентациями фигуры купца в культуре тосканских городов эпохи премодерна, равно как и Франческо Датини являлся типичным представителем этой социальной группы.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01592, https://rscf.ru/project/23-28-01592/, https://rscf.ru/en/project/23-28-01592/

Список источников

Archivio di Stato di Prato. F. Datini. Available at: http://datini.archiviodistato.prato.it/

Bensa, E. 1928. Francesco di Marco da Prato: notizie e documenti della mercatura italiana del secolo XIV. Milano: Treves, 487.

Mazzei, L. Per cura di Cesare Guasti. 1880. Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e documenti. Firenze, Le Monnier, 604.

Список литературы

Ганопольский М.Г. 2011. От этики места к этике дела (смена акцентов в трактовке этоса). Социальные ценности и выбор общества. Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора С.М. Шалютина. Курган, Изд-во КурГУ, 22–25.

Гуревич А.Я. 1990. Средневековый купец. Одиссей. Человек в истории: Личность и общество. Москва, Наука, 97–131.

Евстюнин В.А. 2021. Документы архива Датини как источник изучения этических представлений делового человека эпохи премодерна. Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 7. 4 (28): 219–235.

Еманов А.Г. 2018. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. Санкт-Петербург, Алетейя, 368.

Еманов А.Г., Евстюнин В.А. 2021. Франческо Датини в эпистолярной рефлексии. Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 7. 1 (25): 144–158.

Еманов А.Г. 2023. Черноморские порты Золотой Орды по кастильской «Книге знаний всех царств» XIV века. Золотоордынское обозрение. Т. 11. 3: 611–635.

Карпов С.П. 2005. История Средних веков: в 2 т. Т. 1: Учебник (Классический университетский учебник). Москва, Изд-во Моск. Ун-та, Наука, 681.

Карпов С.П. 2010. Рец. на кн.: Francesco di Marco Datini. L'uomo ed il mercante / a cura di G. Nigro. Firenze. Средние века. Т. 71. 3–4: 424–425.

Краснова И.А. 1997. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв.: занятия, образ жизни и обыденное сознание: автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 45.

Краснова И.А., Тельменко Е.П. 2014. Конструирование образа «доброго купца» во Флоренции XIV–XV вв. Вестник Института Дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 1 (29): 44–51.

Краснова И.А. 2018. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. Москва, Санкт-Петербурга, Центр гуманитарных инициатив (Серия «Mediaevalia»), 494.

Ле Гофф Ж. Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. 2015. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. Санкт-Петербург, ЕВРАЗИЯ, 224.

Ле Гофф Ж. Пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева. 2005. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, У-Фактория (Серия «Великие цивилизации»), 560.

Монье Ф. Пер. с франц. К.С. Шварсалона. 1904. Опыт литературной истории Италии XV века: Кваттроченто. Санкт-Петербуг, Л.Ф. Пантелеев, 592.

Рутенбург В.И. 1965. Три книги о Датини (Обзор литературы о раннем капитализме в Италии). Средние века. Вып. 27: 230–240.

Эрс Ж. Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. 2018. Рождение капитализма в Средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. Санкт-Петербург, ЕВРАЗИЯ, 320.

Bacci M. Ed. by E. Thuno and G. Wolf. 2004. Portolano Sacro. Santuario e immagini sacre lungo le rotte di navigazione del Mediterraneo tra tardo Medioevo e prima età moderna. The Miraculous Image in the Late Middle Ages and Rennaissance: Papers from a Conference. Rome, L'Erma di Bretschneider, Publisher, 223–248.

Boddice R. 2018. The History of Emotions. Manchester: Manchester University Press, 248.

Fried J. 2009. Das Mittelalter: Geschichte und Kultur; 3. Auflage. München: Verlag C.H. Beck, 606.

Kneil C.P. 1906. Benedetto Cotrugli Ragueo. Ein Beitrag zur Geschichte der Buchhandlung. Wien: Manzsche k. u. k. Hof-Verlags und Universitäts Buchhandlug, 43.

Lidz V.M., Parsons T. 1972. Readings on Premodern Societies. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 353.

Melis F. 1962. Aspetti della vita economica medievale (Studi nell'archivio Datini di Prato). Siena: Monte dei Paschi di Siena, 731.

Nigro G. 2010. Francesco di Marco Datini. L'uomo il mercante. Firenze: Firenze University Press, 752.

Origo I. 2017. The Merchant of Prato: Daily Life in a Medieval Italian City. London: Penguin Books, 400.

Plamper J. 2015. The History of Emotions: an Introduction. Oxford: Oxford University Press, 352.

Turner V. 1985. Liminality, Kabbalah, and the Media. Cambridge, Massachusetts: Academic Press, 120.

References

Ganopolsky M.G. 2011. Ot etiki mesta k etike dela (smena akcentov v traktovke etosa) [From Ethics of Place to Ethics of Business (Change of Emphasis in the Interpretation of Ethos)]. Social Values and Society's Choice. Materials of the 5th International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Doctor of Philosophy, Professor S.M. Shalyutin. Kurgan, Kurgan State University Publishing House, 22–25.

Gurevich A.Ya. 1990. Srednevekovyj kupec [Medieval Merchant]. Odysseus. Man in History: Personality and Society. Moscow, Science, 97–131.

Evstiunin V.A. 2021. Dokumenty arhiva Datini kak istochnik izucheniya eticheskih predstavlenij delovogo cheloveka epohi premoderna [Datini Archive Documents as a Source for Studying the Ethical

Concepts of the Premodern Business Man]. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28): 219–235.

Emanov A.G. 2018. Mezhdu Polyarnoj zvezdoj i Poludennym Solncem: Kafa v mirovoj torgovle XIII–XV vv. [Between the Polar Star and the Midday Sun: Caffa in World Trade in the 13th–15th Centuries]. Saint Petersburg, Aletheia, 368.

Emanov A.G., Evstiunin V.A. 2021. Franchesko Datini v epistolyarnoj refleksii [Francesco Datini in Epistolary Reflection]. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25): 144–158.

Emanov A.G. 2023. Chernomorskie porty Zolotoj Ordy po kastil'skoj «Knige znanij vsekh carstv» XIV veka [Black Sea Ports of the Golden Horde According to Castilian "Libro del conosçimiento de todos los reynos" of the 14th Century]. Zolotoordynskoe obozrenie. Golden Horde Review, vol. 11, no. 3: 611–635.

Karpov S.P. 2005. Istoriya Srednih vekov: v 2 t. T. 1: Uchebnik (Klassicheskij universitetskij uchebnik) [History of the Middle Ages: in 2 Volumes. Vol. 1: Textbook (Classical University Textbook)]. Moscow, Moscow State University Herald, Science, 681.

Karpov S.P. 2010. Rec. na kn.: Francesco di Marco Datini. L'uomo ed il mercante / a cura di G. Nigro. Firenze [Review: Francesco di Marco Datini. L'uomo ed il mercante. A cura di G. Nigro]. Middle Ages. Studies on Medieval and Early Modern History, vol. 71 (3–4): 424–425.

Krasnova I.A. 1997. Delovye lyudi Florencii XIV–XV vv.: zanyatiya, obraz zhizni i obydennoe soznanie: avtoref. diss. … d-ra ist. nauk [Business People of Florence 14th–15th Centuries: Activities, Lifestyle and Routine Consciousness. Cand. Sci. (Hist.) diss]. Stavropol, 45.

Krasnova I.A., Telmenko E. P. 2014. Konstruirovanie obraza «dobrogo kupca» vo Florencii XIV–XV vv. [Construction of the Image of a "Good Merchant" in Florence of the 14th–15th Centuries]. Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus Herald. Theory of Economics and National Economy Management, vol. 1 (29), 44–51.

Krasnova I.A. 2018. Florentijskoe obshchestvo vo vtoroj polovine XIII–XIV v.: grandy i popolany, «dobrye» kupcy i rycari [The Florentine Society in the Second Half of the 13th–14th Centuries: The Nobility and Common People, "Good" Merchants and Knights]. Moscow, Center for humanitarian initiatives (Series "Mediaevalia"), 494.

Le Goff J. Translation from French by M.Yu. Nekrasov. 2015. Srednevekov'e i den'gi: ocherk istoricheskoj antropologii [The Middle Ages and Money: An Essay in Historical Anthropology]. Saint Petersburg, EURASIA, 224.

Le Goff J. Translation from French by V. A. Babintsev. 2005. Civilizaciya srednevekovogo Zapada [The Civilization of the Medieval West]. Ekaterinburg, U-Factoria (Series "Great Civilizations"), 560.

Monier F. Translation from French by K.S. Shvarsalon. 1904. Opyt literaturnoj istorii Italii XV veka: Kvattrochento [Experience in the Literary History of Italy in the 15th Century: Quattrocento]. Saint Petersburg, L.F. Panteleev, 592.

Rutenburg V.I. 1965. Tri knigi o Datini (Obzor literatury o rannem kapitalizme v Italii) [Three Books on Datini (Review of Literature on Early Capitalism in Italy)]. Middle Ages, vol. 27, 230–240.

Ers J. Translation from French by M.Yu. Nekrasov. 2018. Rozhdenie kapitalizma v Srednie veka: menyaly, rostovshchiki i krupnye finansisty [The Birth of Capitalism in the Middle Ages: Money Changers, Money Lenders and Big Financiers]. Saint Petersburg, EURASIA, 320.

Bacci M. Ed. by E. Thuno and G. Wolf. 2004. Portolano Sacro. Santuario e immagini sacre lungo le rotte di navigazione del Mediterraneo tra tardo Medioevo e prima età moderna. The Miraculous Image in the Late Middle Ages and Rennaissance: Papers from a Conference. Rome, L'Erma di Bretschneider, Publisher, 223–248.

Boddice R. 2018. The History of Emotions. Manchester: Manchester University Press, 248.

Fried J. 2009. Das Mittelalter: Geschichte und Kultur; 3. Auflage. München: Verlag C.H. Beck, 606.

Kneil C.P. 1906. Benedetto Cotrugli Ragueo. Ein Beitrag zur Geschichte der Buchhandlung. Wien: Manzsche k. u. k. Hof-Verlags und Universitäts Buchhandlug, 43.

Lidz V.M., Parsons T. 1972. Readings on Premodern Societies. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 353.

Melis F. 1962. Aspetti della vita economica medievale (Studi nell'archivio Datini di Prato). Siena: Monte dei Paschi di Siena, 731.

Nigro G. 2010. Francesco di Marco Datini. L'uomo il mercante. Firenze: Firenze University Press, 752.

Origo I. 2017. The Merchant of Prato: Daily Life in a Medieval Italian City. London: Penguin Books, 400.
Plamper J. 2015. The History of Emotions: an Introduction. Oxford: Oxford University Press, 352.
Turner V. 1985. Liminality, Kabbalah, and the Media. Cambridge, Massachusetts: Academic Press, 120.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.11.2023
Поступила после рецензирования 15.02.2024
Принята к публикации 17.02.2024

Received 03.11.2023
Revised 15.02.2024
Accepted 17.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евстюнин Владислав Анатольевич, лаборант-исследователь Центра урбанистики Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
ORCID: 0000-0001-9535-3172

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav A. Evstiunin, Research Laboratory Assistant at the Urban Center of the Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University, Tyumen, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).026
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-365-374
Обзорная статья

Легендарные «Мономаховы дары» как одна из форм визуализации верховной власти и их отражение в отечественной публицистике первой половины XVI века

Соломин В.А., Кулабухов В.С.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1200751@bsu.edu.ru; kulabuhov@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования мифов и легенд для легитимизации государственной власти. Использование формулы «translatio imperii» позволяло Ивану IV решить как ряд внешнеполитических вопросов, так и обосновать свой царский статус. В связи с вышеуказанными факторами он и его соратники используют набиравшую популярность в данный период легенду о «Мономаховых дарах». Описаны отражённые в отечественной публицистике обстоятельства передачи даров из Византии в Киевскую Русь, а также состав коронационных регалий. Дана характеристика инсигний и вероятные их обстоятельства попадания в Россию. Был проведён анализ их символического значения как царских регалий и их значимости для верховной власти.

Ключевые слова: регалии, Иван Грозный, легенда, Мономаховы дары, власть, коронация

Для цитирования: Соломин В.А., Кулабухов В.С. 2024. Легендарные «Мономаховы дары» как одна из форм визуализации верховной власти и их отражение в отечественной публицистике первой половины XVI века. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 365–374. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-365-374

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Legendary "Gifts of Monomach" as One of the Forms of Visualization of the Supreme Power and Their Reflection in Domestic Publishing of the First Half of the XVI Century

Vladimir A. Solomin, Vladimir S. Kulabuhov
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1200751@bsu.edu.ru; kulabuhov@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the use of myths and legends to legitimize state power. The foreign policy circumstances in which Russia found itself at the beginning of the reign of Ivan the Terrible are assessed. It is revealed how the use of the formula "translatio imperii" allowed Ivan IV to solve both a number of foreign policy issues and justify his royal status. To implement it, he and his associates use the legend of the "Monomakh

© Соломин В.А., Кулабухов В.С., 2024

Gifts", which was gaining popularity during this period. The main points of this legend are indicated. The circumstances of the transfer of gifts from Byzantium to Kievan Rus, reflected in Russian publishing, as well as the composition of the coronation regalia, are described. The characteristics of the insignia and their probable circumstances of entry into Russia are given. An analysis of their symbolic significance as royal regalia and their significance for the supreme power was carried out. Against the background of the analysis of regalia, their image was formed as state-forming symbols.

Keywords: regalia, Ivan the Terrible, legend, Monomakh's gifts, power, coronation

For citation: Solomin V.A., Kulabukhov V.S. 2024. The Legendary "Gifts of Monomach" as One of the Forms of Visualization of the Supreme Power and Their Reflection in Domestic Publishing of the First Half of the XVI Century. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 365–374 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-365-374

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

XVI век ознаменован формированием политической теории Российского государства. Одним из трудов, внёсших значительный вклад в развитие официальной теории государственной власти, было «Сказание о князьях Владимирских». Вышеупомянутое произведение представляло из себя литературно-публицистический памятник XVI века, использовавшийся российскими великими князьями и царями в политической борьбе [Дмитриева, 1987, с. 370].

За основу данного труда были взяты две легенды: о происхождении династии Рюриковичей от семьи первого римского императора Августа и передаче Владимиру Мономаху царских регалий из Византии, с помощью которых он венчался на царство [Зезина, 1990, с. 77]. Использование данных легенд при написании данного публицистического труда было необходимо для обоснования права на законность царского титула и преемственность царей по отношению к киевским князьям, что добавляло авторитет правящей династии. Наиболее значимой целью было формирование представления о значимости места России в Европе и сакральности власти, что стало идеологической основой для венчания Ивана IV как царя и внесения соответствующих изменений в обряд коронации [Бычкова, 2005, с. 660].

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются царские коронационные регалии времён правления Ивана IV и легенда об их происхождении.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма, всесторонности и объективности. Также из общенаучных методов были использованы анализ, синтез и исторический методы.

Среди специально-исторических методов в основе исследования лежит историко-генетический метод. Это связано с тем, что в ходе анализа отдельно взятых царских регалий были исследованы вопросы происхождения данных инсигний и формирования их символического значения для государственной власти.

Были также применены ретроспективный и историко-системный методы. Благодаря ним удалось изучить причины становления легенды о византийском происхождении царских регалий. Также отметим важность данных методов для выявления причин популярности данной легенды к XVI веку и внешнеполитических обстоятельств, при которых она стала актуальной для государственной власти.

Результаты и их обсуждение

Начало и середина XVI века ознаменованы укреплением положения России на международной арене, что потребовало переосмыслить идеологические основы публицистической мысли. Грядущее венчание на царство Ивана IV предоставило перед ним и его соратниками возможность придать ей широкий идеологический смысл.

Так, в противовес антирусским публицистическим трудам, Русское государство воспользовалось легендой о родовой связи Рюриковичей с древнеримскими императорами [Пашуто, 1982, с. 59]. Так, Август отправил своего родича Пруса в земли у реки Вислы, где он собирал дань с местных жителей. И из Пруссии Гостомысл пригласил князя Рюрика, который, по легенде, был потомком легендарного брата Августа [Сказание о князьях Владимирских, 2006, с. 281–282]. Данное удревление династии, прежде всего, было связано с конкуренцией с Великим княжеством Литовским, также пытавшимся выявить древние корни происхождения правящей династии. Помимо конкуренции с Литвой, миф о древнеримском происхождении династии Рюриковичей формировался после освобождения от Орды, и перед русскими монархами возникла необходимость чёткого места страны среди других европейских государств [Пашуто, 1982, с. 59].

Важным фактором при определении места России в Европе также являлось то, что Русское государство оставалось единственной православной державой в Европе, не подвластной Османской империи. Принятие статуса царя и означало не только повышение статуса правителя, но и определяло более высокое положение государства на мировой арене. Так Россия могла стать страной, имеющей статус «великого православного самодержавца», унаследованного от Византии [Самойлова, 2007, с. 11].

Вышеуказанные факторы были частью использования известных в Европе формул «Roma aeterna» и «translatio imperii». Их целью было утверждение древности правящего рода и установление претензий на преемственность преимущественно от Римской империи. Данные идеи были известны на Руси уже с XIII века, однако свою актуальность они получили в конце XV – середине XVI века на фоне патриотического подъёма после объединения страны и осознания своей роли после падения Константинополя [Пашуто, 1982, с. 58]. Таким образом, Иван Грозный, венчаясь на царство, не только мог от лица России заявить о себе как о наследнике Византии, но и переосмыслить историю государства как часть вселенской истории, что было позитивно воспринято духовенством [Самойлова, 2007, с. 11].

Идея о преемственности власти от римлян и византийцев нуждалась не только в идеологической теории, но и в переосмыслении форм визуализации власти. В связи с этим особое внимание при формировании идеологии в XVI веке европейские страны стали уделять коронации. В результате была сформулирована идея о значимости коронационных регалий – знаков государственной власти, представляющих из себя набор атрибутов: короны, скипетра, державы и так далее [Регалии, 2002, с. 243]. Традиционно они становились символами государственной власти и гарантами существования государственности [Бычкова, 2005, с. 663]. В результате выше указанных факторов регалии стали предметом, вокруг которого формировался государственный миф.

Согласно анализу доступных нам источников и литературы, важность регалий осознавали и в России. Ещё Иван III организовывал венчание на царство своего внука Дмитрия в 1498 году, используя шапку и бармы в качестве регалий [Карпов, 2015, с. 329]. Ивану Грозному для венчания на царство был необходим не только чин поставления, сравнимый с византийскими императорами, но и царские регалии, связанные своим происхождением с Византией [Пятницкий, 1896, с. 8].

Вышеуказанные факторы послужили причиной обращения к публицистическим текстам, в которых активно использовался миф о византийском происхождении царских регалий. Первым заметным автором, обосновывавшим связь царских регалий с Византийской империей в указанный период, был Спиридон-Савва, который одним из первых использовал в

публицистике миф о «Мономаховых дарах». Согласно нему, Константин Мономах отправил посольство в Киев во главе с митрополитом Неофитом. Он привёз царские регалии Владимиру Всеволодовичу, чтобы тот мог венчать себя на царство как Владимир Мономах, сформировав традицию венчания на царство [Послание Спиридона-Саввы, 1952, с. 135].

Похожая легенда была описана в «Сказании о князьях Владимирских». Согласно тексту произведения, «Мономаховы дары», они же российские царские регалии, были даром византийского императора Константина Мономаха своему внуку, Владимиру Всеволодовичу, совершившему поход на Фракию [Сказание о князьях Владимирских, 2006, с. 285]. «Степенная книга царского родословия», написанная уже в начале 60-х годов XVI века, также указывала, что Константин Мономах, зная о победах и мужестве Владимира Мономаха, послал к нему ряд даров, включая диадему, и отправил митрополита Неофита для проведения церемонии венчания на царство Владимира Всеволодовича [Карпов, 2015, с. 366–367].

Отметим, что вышеупомянутый сюжет с передачей Константином даров внуку является вымышленным. Митрополит Неофит от лица Константина Мономаха не мог передать его внуку венец, так как между смертью императора Константина и становлением Владимира великим князем прошло 59 лет [Лебедев, Николаев, 2010, с. 192]. Данная мистификация была создана в начале XVI века и была призвана усилить как связь с Византийской империей, так и усилить экспансионистские мотивы в мотивах Мономаха [Боровков, 2015, с. 206]. Таким образом, за основу истории происхождения о регалиях был взят миф о передаче Владимиру Мономаху даров от его дедушки, византийского императора, который также способствовал созданию традиции венчания российских монархов на царство.

Состав даров во всех выше представленных источниках был в общих чертах одинаковым. Среди указанных инсигний приводятся животворящий крест, царский венец, сердоликовая чаша (крабица), ожерелье и цепь из аравийского золота [Сказание о князьях Владимирских, 2006, с. 285]. Включение данного литературно-легендарного традиционного сюжета позволяло развить идеологическое утверждение о сакральности власти, переданной России от византийцев, тем самым также демонстрируя и преемственность верховной и духовной власти от ромеев [Пашуто, 1982, с. 58].

Исходя из доступной в источниках и исследованиях информации, крест был важным символом для императорской власти в Византии и использовался при коронации императоров. Также отметим, что византийцы их использовали в городских литийных службах с целью освящения земли, города или жителей, что указывает на высокое значение данного «дара» в глазах византийцев [Самойлова, 2007, с. 15].

Включение креста в список регалий имело важное символическое значение. Царский титул Ивана IV обозначал для молодого правителя не только возросшую ответственность за государство и народ, но и возможность объявить о неограниченности власти. Венчанием на царство Иван Грозный стремился не только унаследовать имперское наследие и изменить отношение людей к правителю, сделав свою фигуру священной [Самойлова, 2007, с. 15]. Если в Византии царь (базилевс) был титулом, обозначавший в первую очередь светскую власть, то в России данный титул имел сакральный характер, так как отсылал к религиозной традиции и приближал личность правителя к Богу [Живов, Успенский, 1987, с. 55–56].

Иван IV в воспроизведении византийских основ власти опирался на образ императора Константина Великого, равноапостольного святого, благодаря которому центр Римской империи был перенесён в Константинополь. Почитание Иваном Константина было не новым явлением в истории русской публицистической мысли. Так, ещё в середине XI века Иларион Киевский для прославления деятельности Владимира I и попытки добиться его канонизации утверждал о равноценности вклада Владимира и Константина в распространении веры [Кусков, 2003, с. 74]. Также отметим, что имя Константина неразрывно связано с его матерью царицей Еленой. Именно она обрела Истинный крест Христов и передала его Константину.

Для Константина данный крест символизировал победу над иноверцами и также служил инструментом устроения православного мира, в котором крест символизировал как христианство, так и земную власть [Самойлова, 2007, с. 15].

При этом важно отметить, что в славянской публицистической традиции не было конкретного обозначения креста Константина, и для славянских православных публицистов животворящий крест был ценен не только как материальная регалия, но в первую очередь как знак-реликвия. Согласно заключению М.Б. Плюхановой, животворящий крест был включён в легенду не только как символ христианства, но и как силы, устраивающей земной порядок [Плюханова, 1995, с. 111].

Включение креста в легенду о регалиях и увязывание его памяти с Константином символизировало претензии Ивана Грозного не только на сакрализацию власти, но и на звание защитника христианской веры. Образ животворящего креста для Ивана IV стал связан не только с коронацией, но и с его деятельностью на троне в целом. При нём стали чаще проводиться литийные службы и производиться прецессионные кресты из драгоценных металлов в качестве царских вкладов [Самойлова, 2007, с. 15]. Животворящий символ как символ имперской политики царя был продемонстрирован во время взятия Казани. Иван Грозный вошёл в город и в первую очередь утвердил на месте ханского дворца Крест животворящего древа. Так, крест должен был очистить «мрак безбожия» и задать почву для распространения христианства [Так называемая Царственная книга, 1906, с. 515].

Не менее важной регалией, якобы переданной Владимиру Мономаху, являлся царский венец. С ним связывают знаменитую шапку Мономаха. Она похожа на скуфью с более острой верхушкой и состоит из золотого венца, пластины которого соединяются в «яблоке», на котором установлен крест. Сама корона украшена драгоценными камнями, а в основе головного убора была добавлена соболиная опушка [Лебедев, Николаев, 2010, с. 194]. Отметим, что корона претерпевала ряд изменений на протяжении XV–XVI веков, когда стала использоваться для венчания на царство. Так, в XV–XVI веке на основу были добавлены соболиная опушка, драгоценные камни и непосредственно крест [Бандиленко, 2023, с. 111].

Согласно данным, полученных в ходе анализа источников и исследований, шапка Мономаха не была связана с Владимиром Мономахом и его связям с Византией. Одно из вероятных первых упоминаний шапки в древнерусских документах относится к XIV веку. Согласно духовной грамоте от 1339 года, Иван Калита завещал золотую шапку сыну Симеону [Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты, 1950, с. 8].

Происхождение шапки является дискуссионной темой среди историков. Немецкий дипломат Сигизмунд фон Герберштейн вторил государственному мифу о царских регалиях и указывал, что шапку носил и украсил ещё Владимир Мономах [Герберштейн, 2008, с. 123]. Ряд историков предполагал, что шапка Мономаха была создана в России в промежутке между воцарением Василия II и началом правления Василия III. Подобно Корсунским воротам новгородского Софийского собора, шапка Мономаха, вероятнее всего, была собрана из некоторых более древних деталей, хранившихся в великокняжеской казне, и позже ей была придана мифологизированная связь с Византией [Богатырев, 2011, с. 189]. Одна из наиболее распространённых в научном сообществе теорий гласит о том, что основа короны была разработана не раньше XIII века и позднее обнаружена в Кафе, при этом византийское происхождение головного убора подвергалось сомнению [Боровков, 2015, с. 206]. Таким образом, Мономах и византийские императоры не имели отношения к созданию шапки Мономаха.

Данная царская регалия была одной из наиболее основополагающих символов царской власти. Зачастую её кратко описывают как символ русского самодержавия [Бандиленко, 2023, с. 110]. Нахождение государя в головном уборе не только символизировало сакральные черты его характера, но и обозначало его как родоначальника и указывало на власть сакрального княжеского рода. Символическое значение шапки также заключалось в том, что она передавала носителю родовую харизму, которая дополнительно усиливалась

обрядом посажения на стол, что наделяло правителя способностью регулировать миропорядок [Пузанов, 2011, с. 106–107].

Иван IV также учитывал опыт Ивана III, который совместил при венчании на царство своего внука обряды венчания шапкой и посажение на стол. При этом основной символизм заключался в том, что русский монарх сам распоряжается столом и «поставляет» преемника, используя для этого обряды из мнимой древнерусской традиции [Пузанов, 2011, с. 107]. Идея демонстрации суверенитета России и её государственной власти также была одной из наиболее значимых для молодого царя.

Одним из тесно связанных с шапкой инсигний были ожерелья. Отметим также, что под ожерельем наиболее вероятно понимались бармы, они же оплечья – драгоценные медальоны, которые нашивались на круглый воротник, так как автор сказания упоминал, что они носились на плечах [Лебедев, Николаев, 2010, с. 192]. Они представляли из себя украшение с драгоценными камнями и запонами. На бармах XIII века, найденных в Старой Рязани, изображены религиозные сюжеты, включая сюжет распятия Христа и лики святых в царской одежде и с крестом в руках [Бармы, 1891, с. 80].

Изначально они не были частью единого набора регалий с венцом, о чём свидетельствует тот факт, что Иван Калита завещал вышеуказанные регалии разным сыновьям [Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты, 1950, с. 8]. Согласно свидетельствам западных источников, они попали на Русь через Каффу. Так, Сигизмунд фон Герберштейн утверждал, что она связана с именем Мономаха, отобравшим их у побеждённого генуэзца, бывшего начальником Каффы [Герберштейн, 2008, с. 123]. Схожей версии придерживались польские и шведские историки XVII–XVIII веков [Боровков, 2015, с. 206]. В свою очередь, на Руси о них как об оплечьях упоминают лишь в XIII веке, а термин «бармы» появляется в древнерусских источниках в первой половине XIV века во время правления Ивана Калиты [Игошев, 2002, с. 342].

Как способ визуализации власти бармы стали использоваться с конца XV века и надевались они во время торжественных выходов князей и во время венчания на царство [Комиссаржевский, 2005, с. 299]. Их назначение, как и символика барм как инсигнии, не известно историкам. В свою очередь, лор – византийский аналог барм – не был прописан как обязательный предмет коронационной одежды императоров, однако он имел более определённую символику. Так, указывалось, что лор символизировал победу Христа над смертью и нередко надевался во время пасхальных церемоний [Бутырский, 2016, с. 462].

Цепь, выкованная из арабского золота, остаётся наименее изученной регалией. Известно, что её возлагали на царя во время литургии уже после передачи монарху символов власти [Пятницкий, 1896, с. 8]. Наиболее вероятно, её крестообразно препоясывали на оба плеча, а сам ритуал возложения цепи символизировал неразлучность связи правителя и его подданных, а также их общее могущество [Цепь Мономахова, 1903, с. 336].

Отдельного упоминания заслуживает сердоликовая чаша, из которой испивал сам Август. В оригинальном тексте названия она именуется «крабицей» [Сказание о князьях Владимирских, 2006, с. 284]. Наиболее вероятно, речь шла не о чаше, а о коробке, однако конкретная форма изделия ввиду утраты оригинальной крабицы до венчания Ивана Грозного остаётся неизвестной. Хрустальная шкатулка-крабица была подарена Макарием в 1535 году, и с тех пор легендарная инсигния имела в первую очередь символический характер, нежели материальный [Сиренов, 2014, с. 63].

Согласно данным источников и исследования по указанной проблеме, она была в собственности князей как минимум с XIV века, и вплоть до конца XV века она не имела особого символического назначения и была объектом завещания или дара [Сиренов, 2014, с. 63]. Вес ей придало упоминание императора Августа. Так, она стала не только инсигнией с легендарным прошлым, но и делала более целостной картину «перехода империи», так как в ней соединялись древнеримская и византийская части мифического наследства, доставшегося Рюриковичам.

В церемониале сердоликовая крабица должна была использоваться для помазания на царство. Данная процедура была крайне важной частью коронации, так как именно она обеспечивала легитимизацию княжеской и царской власти [Ульянов, 2008, с. 133]. Прохождение данного таинства символизировало также и получение особых даров Святого Духа, необходимых для управления страной в соответствии с божественными предписаниями. Помазание царей миром символизировало Божественное призвание монархов на особое служение, так как Бог вверял им ответственность за подданных [Акишин, 2002, с. 444]. Оно должно было совершаться после возложения цепи на царя, и совершалось оно из крабицы, называемой «Августовой» в честь её легендарного владельца [Коронационный альбом, 1896, с. 8].

Заключение

Таким образом, сюжет о «Мономаховых дарах» был частью идеологической политики обоснования связи России с Римской и Византийской империями, чего требовали внешнеполитическая ситуация и стремление Ивана IV обосновать свой царский титул. Уже сформированному набору монарших регалий было приписано легендарное прошлое с древнерусских времён, так как для венчания на царство необходимы были инсигнии греческого происхождения, а также обосновать связи Российского государства с римским и византийским наследием. Это стало катализатором для использования легенды о «Мономаховых дарах» в публицистике первой половины XVI века, где передачу даров обосновывали страхом и уважением перед мощью Древнерусского государства.

В свою очередь, данные регалии были не просто важными государственными символами, но также позволяли ему управлять государством со всей мудростью. Они символизировали харизму царя и сакральность его власти, закрепляли его единство с народом и провозглашали его защитником православной веры. Регалии не только демонстрировали полноту власти монарха, но и придавали ему сакральность и легитимность, так как они закрепляли концепцию о Божественном призвании царя.

Список литературы

Акишин С.Ю. 2012. Миропомазание. В кн.: Большая российская энциклопедия. Т. 20, Москва, Большая российская энциклопедия, 444.

Бандиленко М.М. 2023. Рюриковичи. История первой династии. Москва, АСТ, 256 с.

Бармы. 1891. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. Санкт-Петербург, Типолитография И.А. Ефрона: 80–81.

Богатырев С.Н. 2011. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1: 171–200.

Боровков Д. 2015. Владимир Мономах, князь-мифотворец. Москва, Ломоносовъ, 245 с.

Бутырский М.Н. 2016. Лор. В кн.: Православная энциклопедия. Т. 41. Москва, Православная энциклопедия: 462–463.

Бычкова М.Е. 2005. Мотивы «Сказания о князьях Владимирских» в официальных документах середины XVI в. *Герменевтика древнерусской культуры.* 12: 660–674.

Гербершейн С. 2008. Записки о Московии. Т. 1, М., Памятники исторической мысли, 776 с.

Дмитриева Р.П. 1989. Сказание о князьях Владимирских. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси, Т. 2. Ч. 2., Ленинград, Наука: 370–371.

Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты. 1950. В кн.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Москва, Издательство АН СССР: 7–11.

Живов В.М., Успенский Б.А. 1987. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. В кн.: Языки культуры и проблемы переводимости. Москва, Наука: 47–153.

Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. 1990. История русской культуры. Москва, Высш. шк., 232 с.

Игошев В.В. 2002. Бармы. В кн.: Православная энциклопедия. Т. 4. Москва, Православная энциклопедия, 342.

Карпов А.Ю. 2015. Великий князь Владимир Мономах. Москва, Молодая гвардия, 390 с.

Комиссаржевский Ф.Ф. 2005. История костюма. Москва, Астрель, АСТ, Люкс, 336 с.
Коронационный альбом в память священного коронования Их Императорских Величеств. Санкт-Петербург, Издание С. Добродеева, 1896, 99 с.
Кусков В.В. 2003. История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. Москва, Высш. шк. 336 с.
Лебедев В.А., Николев Н.Н. 2010. Сокровища и реликвии эпохи Романовых. Москва, Вече, 336 с.
Пашуто В.Т. 1982. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. В кн.: Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошевич А.Л. Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. Москва, Наука: 7–68.
Послание Спиридона-Саввы. 1955. В кн.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. Москва, Ленинград, Издательство АН СССР: 159–166.
Плюханова М.Б. 1995. Сюжеты и символы Московского царства. Санкт-Петербург, Акрополь, 336 с.
Пузанов В.В. 2011. Княжеские инсигнии в средневековой Руси и «Батыево знамение». *Учёные записки Казанского университета*. Т. 153. 3: 102–111.
Пятницкий П.П. 1896. Сказание о венчании Русских Царей и Императоров. Москва, Типо-литография О.И. Лашкевич и Ко., 108 с.
Регалии. 2009. В кн.: Энциклопедия российской монархии. Великие князья. Цари. Императоры. Символика и регалии. Титулы. Под ред. В. Бутромеева. Екатеринбург, У-Фактория: 243–244.
Самойлова Т.Е. 2007. Царская твердыня. «Вера, государь… и красота церковная». В кн.: Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного. Москва, Музеи Московского Кремля, 11–33.
Сиренов А.В. 2014. Сердоликовая крабица московских князей XIV–XVI вв. как царская инсигния. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2: 57–66.
Сказание о князьях Владимирских. 2006. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Санкт-Петербург, Наука: 278–289.
Так называемая Царственная книга. В кн.: Полное собрание русских летописей. Санкт-Петербург, Типография Н.Н. Скорохода, Т. 13, 409–532. 1906.
Ульянов О.Г. 2008. О времени возникновения инаугурационного миропомазания в Византии, на Западе и в Древней Руси. В кн.: Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, ИВИ РАН, 2008: 133–140.
Цепь Мономахова. 1903. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 38. Санкт-Петербург, Типо-литография И.А. Ефрона, 336 с.

References

Akishin S.Yu. 2012. Chrismation. In: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. T. 20, Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 444 p.
Bandilenko M.M. 2023. Ryurikovichi. Istoriya pervoy dinastii [Rurikids. History of the First Dynasty]. Moscow, AST, 256 p.
Barmy. 1891. In: Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. T. 3. Saint Petersburg, Tipo-litografiya I.A. Efrona: 80–81.
Bogatyrev S.N. 2011. Shapka Monomaha i shlem naslednika: reprezentaciya vlasti i dinasticheskaya politika pri Vasilii III i Ivane Groznom [Monomakh's Hat and Heir's Helmet: Representation of Power and Dynastic Politics under Vasily III and Ivan the Terrible]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 1: 171–200.
Borovkov D. 2015. Vladimir-Monomakh, knyaz'-mifotvorets [Vladimir Monomakh, Prince-Mythmaker]. Moscow, Lomonosov'', 245 p.
Butyrskiy M.N. 2016. Lor. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 41. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya: 462–463.
Bychkova M.E. 2005. Motivy «Skazaniya o knyaz'yah Vladimirskih» v oficial'nyh dokumentah serediny XVI v. [The Motives of the «Legend of the Princes of Vladimir» in Official Documents of the Middle of the XVI Century]. *Hermeneutics of ancient Russian culture*. 12: 660–674.
Gerbersheyn S. 2008. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovite Affairs]. T. 1, Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 776 p.

Dmitrieva R.P. 1989. Skazanie o knyaz'yah Vladimirskih [The Tale of the Princes of Vladimir]. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia], T. 2. Ch. 2., Leningrad, Nauka: 370–371.

Duhovnaya gramota velikogo knyazya Ivana Danilovicha Kality [The Spiritual Manuscript of Grand Duke Ivan Danilovich Kalita]. 1950. In: Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and Contractual Letters of the Great and Appanage Princes of the XIV–XVI Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR: 7–11.

Zhivov V.M., Uspenskiy B.A. 1987. Car' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii [The Tsar and the God. Semiotic Aspects of Russian Monarch's Sacralization]. In: Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti [Languages of Culture and the Problem of Translation]. Moscow, Nauka: 47–153.

Zezina M.R., Koshman L.V., Shul'gin V.S. 1990. Istoriya russkoy kul'tury [History of Russian Culture]. Moscow, Vyssh. shk., 232 p.

Igoshev V.V. 2002. Barmy. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 4. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya, 342 p.

Karpov A.Yu. 2015. Velikiy knyaz' Vladimir Monomakh [The Great Prince Vladimir Monomakh]. Moscow, Molodaya gvardiya, 390 p.

Komissarzhevskiy F.F. 2005. Istoriya kostyuma [History of Costume]. Moscow, Astrel', AST, Lyuks, 336 p.

Koronatsionnyy al'bom v pamyat' svyashchennogo koronovaniya Ikh Imperatorskikh Velichestv [Coronational Album in Memory of the Holy Coronation of Their Imperial Magesty]. Saint Petersburg, Izdanie S. Dobrodeeva, 1896, 99 p.

Kuskov V.V. 2003. Istoriya drevnerusskoy literatury: Ucheb. dlya filol. spets. vuzov [History of Old Russian Literature: Textbook for Philological Specialties of Universities]. Moscow, Vyssh. shk. 336 p.

Lebedev V.A., Nikolev N.N. 2010. Sokrovishcha i relikvii epokhi Romanovykh [The Treasures and Relic of Romanovs' Age]. Moscow, Veche, 336 p.

Pashuto V.T. 1982. Vozrozhdenie Velikorossii i sud'by vostochnyh slavyan [The Revival of Great Russia and the Fate of the Eastern Slavs]. In: Pashuto V.T., Florya B.N., Khoroshevich A.L. Kievskaya Rus' i istoricheskie sud'by vostochnykh slavyan [Kievan Rus' and Historical Fates of Eastern Slavs]. Moscow, Nauka: 7–68.

Poslanie Spiridona-Savvy [Epistel of Spiridon-Savva]. 1955. In: Dmitrieva R.P. Skazanie o knyaz'yakh Vladimirskikh [The Tale of the Princes of Vladimir]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR: 159–166.

Plyukhanova M.B. 1995. Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva [The Plots and Symbols of Muscovite Tsardom]. Saint Petersburg., Akropol', 336 p.

Puzanov V.V. 2011. Knyazheskie insignii v srednevekovoj Rusi i «Batyevo znamenie» [Princely Insignia in Medieval Russia and the «Batu Sign»]. Scientific Notes of Kazan University. T. 153. 3: 102–111.

Pyatnitskiy P.P. 1896. Skazanie o venchanii Russkikh Tsarey i Imperatorov [The Tale of Coronation of Russian Tsars and Emperors]. Moscow, Tipo-litografiya O.I. Lashkevich i Ko. 108 p.

Regalii [Regalia]. 2009. In: Entsiklopediya rossiyskoy monarkhii. Velikie knyaz'ya. Tsari. Imperatory. Simvolika i regalii. Tituly [Encyclopedia of Russian Monarchy. Great Princes. Tsars. Emprerors. Symbols and Regalia. Titles]. Pod red. V. Butromeeva. Ekaterinburg, U-Faktoriya: 243–244.

Samoylova T.E. 2007. Carskaya tverdynya [The Royal Stronghold]. «Vera, gosudar'… i krasota tserkovnaya». In: Vera i vlast'. Epokha Ivana Groznogo [The Faith and the Power. The Age of Ivan the Terrible]. Moscow, Muzei Moskovskogo Kremlya: 11–33.

Sirenov A.V. 2014. Serdolikovaya krabica moskovskih knyazej XIV–XVI vv. kak carskaya insigniya [Carnelian Crab of the Moscow Princes of the XIV–XVI centuries Like a Royal Insignia. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2: 57–66.

Skazanie o knyaz'yah Vladimirskih [The Tale of the Princes of Vladimir]. 2006. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [The Library of Old Russian Literature]. T. 9. Saint Petersburg, Nauka: 278–289.

Tak nazyvaemaya Carstvennaya kniga [The so-called Royal Book]. In: Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]. SPb., Tipografiya N.N. Skorokhoda, 1906. T. 13, 409–532.

Ul'yanov O.G. 2008. O vremeni vozniknoveniya inauguracionnogo miropomazaniya v Vizantii, na Zapade i v Drevnej Rusi [About the Time of the Inauguration of the Anointing of the Cross in Byzantium, in the West and in Ancient Russia]. In: Rus' i Vizantiya: Mesto stran vizantiyskogo kruga vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada. Tezisy dokladov XVIII Vserossiyskoy nauchnoy sessii

vizantinistov [Rus and Byzantium: The Place of the Byzantine Circle Countries in the Relations Between East and West. Abstracts of the XVIII All-Russian Scientific Session of the Byzantinists]. Moscow, IVI RAN, 2008: 133–140.

Cep' Monomahova [The Chain of Monomach]. 1903. In: Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. T. 38. Saint Petersburg., Tipo-litografiya I.A. Efrona, 336.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.04.2024
Поступила после рецензирования 06.05.2024
Принята к публикации 08.05.2024

Received 17.04.2024
Revised 06.05.2024
Accepted 08.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соломин Владимир Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0002-5677-8853

Кулабухов Владимир Семёнович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0002-1548-4680

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir. A. Solomin, PhD Student of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir S. Kulabuhov, Candidate of Sciences in History, Docent of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 047.081/083(471.324)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-375-385
Краткое сообщение

Об отдельных мерах поддержки здравоохранения земскими органами Воронежской губернии в пореформенный период

Журавлёв С.С.[1], Тимошинова Т.С.[2]
[1)] Воронежский институт МВД России,
Россия, 394065, Воронежская область, г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53;
[2)] МБОУ лицей № 7 г. Воронежа,
Россия, 394000, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 29
E-mail: zhuravlev310@yandex.ru; ttimoshinova@bk.ru

Аннотация. Настоящая статья раскрывает особенности становления и развития земской медицины на территории Воронежской губернии в период буржуазных преобразований российской действительности во второй половине XIX в. На основе конкретных примеров из ранее неопубликованных документов Государственного архива Воронежской области проанализированы отдельные меры поддержки регионального здравоохранения земскими органами. Авторы статьи проследили такие формы участия земств в решении вопросов здравоохранения, как строительство новых медицинских учреждений, увеличение штата врачей и вспомогательного медперсонала, социальное страхование и материальное стимулирование их труда, повышение профессионального уровня медицинских работников. Определено место земской медицины в профилактике заболеваемости населения губернии, ее роль в борьбе с распространением особо опасных патогенных инфекций. Всесторонний анализ материала источников показал, что земская медицина в указанный период достаточно успешно справлялась с теми текущими задачами, которые ставило государство в условиях буржуазного реформирования общества.

Ключевые слова: земская медицина, пореформенный период, земский врач, фельдшер, холера, Воронежская губерния, эпидемия, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, попечители

Для цитирования: Журавлёв С.С., Тимошинова Т.С. 2024. Об отдельных мерах поддержки здравоохранения земскими органами Воронежской губернии в пореформенный период. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 375–385. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-375-385

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On Certain Measures of Healthcare Support by the Zemstvo Authorities of the Voronezh Province in the Post-Reform Period

Sergey S. Zhuravlev[1], Tatiana S. Timoshinova[2]
[1)] Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Voronezh Region, Russia;
[2)] Municipal Budgetary Educational Institution Lyceum No. 7 of Voronezh,
29 Studenntskaya St., Voronezh 394000, Voronezh region, Russia
E-mail: zhuravlev310@yandex.ru; ttimoshinova@bk.ru

Abstract. This article reveals the peculiarities of the formation and development of zemstvo medicine in Voronezh province during the period of bourgeois transformations of Russian reality in the second half of the XIX century. Based on specific examples from previously unpublished documents of the State Archive

© Журавлёв С.С., Тимошинова Т.С., 2024

of the Voronezh Region, individual measures to support regional healthcare by zemstvo authorities are analyzed. The authors of the article traced such forms of participation of zemstvos in solving health issues as the construction of new medical institutions, an increase in the staff of doctors and auxiliary medical staff, social insurance and financial incentives for their work, and improving the professional level of medical workers. The place of zemstvo medicine in the prevention of morbidity of the population of the province, its role in combating the spread of particularly dangerous pathogenic infections has been determined. A comprehensive analysis of the source material showed that zemstvo medicine in the specified period coped quite successfully with the current tasks set by the state in the conditions of bourgeois reform of society.

Keywords: zemstvo medicine, post-reform period, zemstvo doctor, paramedic, cholera, Voronezh province, epidemic, sanitary and epidemiological welfare of the population, trustees

For citation: Zhuravlev S.S., Timoshinova T.S. 2024. On Certain Measures of Healthcare Support by the Zemstvo Authorities of the Voronezh Province in the Post-Reform Period. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 375–385 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-375-385

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Одним из важнейших направлений деятельности государства выступает необходимость обеспечения достойного уровня жизни и социально-экономического благополучия населения. Предоставление качественных и общедоступных медицинских услуг является важным показателем социальной защищённости общества, его жизнеспособности и потенциала к самовоспроизводству.

Актуальность настоящей темы определяется, прежде всего, особой значимостью сферы здравоохранения в решении вопросов социального развития страны в условиях постоянной общественно-экономической и политической нестабильности, многочисленных угроз и вызовов современности.

Важным обстоятельством является и недостаточно полное научно-теоретическое осмысление отдельных аспектов деятельности органов местного самоуправления Воронежской губернии в пореформенный период, в частности реализация конкретных мер, направленных на поддержку регионального здравоохранения. Цель настоящей работы состоит в необходимости рассмотреть отдельные формы участия воронежских земств в решении кадровых, социально-бытовых, образовательных и профилактических вопросов регионального здравоохранения.

Анализируя современное состояние санитарно-эпидемиологического и медицинского обслуживания российского общества в отдельных регионах страны, в частности на территории Воронежской области, следует обратиться к практическому опыту реализации указанных мер в предшествующие эпохи, прежде всего в период буржуазных преобразований российской действительности второй половины XIX столетия. Земский опыт решения отдельных задач и проблем общества, в том числе в сфере здравоохранения, может послужить наглядным примером сотрудничества государства и муниципалитетов в вопросах улучшения качества медицинского обслуживания населения, в том числе доступности медицинской помощи независимо от социально-экономических, географических и культурных особенностей местности, повышения профессиональной компетентности врачей, их кадрового состава и т. д.

Отдельные меры по улучшению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, повышению качества медицинского обслуживания, которые предпринимались воронежскими земствами в 1860–1890-е гг., в настоящее время представляют практический интерес в плане реализации государственной стратегии, направленной на повышение рождаемости и средней продолжительности жизни не только в переделах региона, но и страны в целом.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – земская медицина Воронежской губернии во второй половине XIX века. Методологическая база: историко-сравнительный, историко-генетический, аналитико-синтетический, статистический методы. Историко-генетический метод позволил автору рассмотреть конкретно-исторические условия зарождения и эволюции земской медицины на территории Воронежской губернии после реформы 1861 г. С помощью историко-сравнительного метода удалось выявить региональные особенности развития земской медицины на территории Воронежской губернии в сравнении с отдельными субъектами страны. Статистический метод позволил проанализировать количественную сторону в развитии воронежской земской медицины в её динамике относительно численности персонала и медицинских учреждений.

Результаты и их обсуждение

Буржуазные реформы Александра II затронули большинство сфер российской действительности, которые ко второй половине XIX в. нуждались в качественном обновлении и совершенствовании. Не осталась в стороне и административная реформа, которая сопровождалась повсеместным созданием органов местного самоуправления в регионах страны. Благодаря активной и плодотворной работе земств на протяжении всего пореформенного периода жители России получали начальное образование, бесплатное медицинское обслуживание и т. д.

В рамках отечественной историографии советского периода актуальные проблемы становления и эволюции земской медицины в России, в том числе в пределах Воронежской губернии, проанализированы в трудах Т.Я. Ткачева [Ткачев, 1925, 123 с.], К.Г. Васильева [Васильев, 1960, 386 с.], Л.Н. Карпова [Карпов, 1964, 123 с.], К.Н. Токаревича [Токаревич, 1986, 123 с.].

Среди историков современного периода историографии можно отметить работы М.Б. Мирского [Мирский, 2005, 480 с.], К.А. Краснобородько [Краснобородько, 2008, с. 53–62], С.В. Райковой [Райкова, 2013, с. 114–116], Т.А. Вепренцевой [Вепренцева, 2013, с. 28–36], Л.Е. Гореловой [Горелова, 2014, с. 52–54], С.В. Марковой [Маркова, 2021, с. 92–97], Е.М. Смирновой [Смирнова, 2021, с. 33–47], А.М. Субботиной [Субботина, 2021, с. 65–71] и др.

Анализ материалов Государственного архива Воронежской области, относящихся к деятельности воронежских земств в период с конца 1860-х до начала 1890-х гг., позволил проследить специфику и содержание государственной политики в области здравоохранения и обеспечения санитарного благополучия населения органами местного самоуправления (земствами).

Ф.А. Щербина, занимавшийся сбором статистических сведений относительно социально-экономического развития региона во второй половине XIX в., отмечал, что земская медицина, как и народное образование, не относилась к числу обязательных земских повинностей. Однако если в сфере народного образования земствам была отведена лишь роль незначительного посредника в форме эконома и составителя приходо-расходных смет, то в сфере здравоохранения для органов местного самоуправления Воронежской губернии открывались широкие возможности [Воронежское земство 1865–1889 г. Историко-статистический обзор, 1891, с. 562].

«Положение о земских учреждениях» от 1 января 1864 г. определяло перечень обязательных и факультативных (необязательных) земских повинностей, причем к числу последних относилось участие органов местного самоуправления в решении хозяйственных вопросов сферы здравоохранения и попечительства (благотворительности) [Законоположение о земских учреждениях, 1868, с. 3–4].

Однако широкое распространение опасных инфекций внесло определенные законодательные коррективы в деятельность земств. В 1879 г. по указанию МВД были приняты

«Временные правила относительно издания земскими учреждениями обязательных постановлений о мерах к предупреждению и прекращению повальных и заразительных болезней». Земские собрания и управы наделялись полномочиями самостоятельно издавать постановления относительно вопросов здравоохранения, которые вступали в силу с санкции губернаторов [Журналы особых совещаний, происходивших при Медицинском департаменте с 21 по 30 апреля 1886 г. для обсуждения вопроса о мерах против эпидемии, 1886, с. 244–245].

Ф.А. Щербина подчеркивал, что практически вся народная медицина в различных областях страны была создана исключительно усилиями земских деятелей в лице гласных, председателей и членов управ, а также медицинского персонала, выполнявших важные задачи по охране здоровья людей на широких началах общественности [Воронежское земство 1865–1889 г. Историко-статистический обзор, 1891, с. 563].

Согласно материалам Воронежской губернской земской управы, в конце 1860 – начале 1870-х гг. жители Воронежской губернии столкнулись с довольно опасными заболеваниями в виде холеры, кори, дифтерии и т. д. Масштабы распространения инфекций потребовали мобилизации всех усилий со стороны органов власти. Наибольшую активность в этом плане проявляли губернские и уездные земские органы.

Для примера обратимся к статистическим данным, отраженным в «Документах о расчёте стоимости содержания одного больного в год в больницах Воронежской губернии». Если в 1870 г. в больницах и лечебницах губернии содержалось 5 038 чел., четверть которых поступила с диагнозом «холера», то к 1872 г. эта цифра увеличилась практически в 1,5 раза и составила 8 038 чел. [61]

Для борьбы с эпидемией холеры по ходатайству председателя Воронежской Губернской Управы в отдельные уезды региона ассигновались денежные средства на борьбу с заболеванием. Например, в 1872 г. в Бирюченскую Управу на борьбу с холерой направлено 500 руб., в Павловскую Управу – 500 руб., по г. Воронежу – 938 руб. 59 коп. [62] На территории г. Воронежа по распоряжению Губернской Земской Управы для лечения открытых каттаров (форм) желудочно-кишечного тракта (холеры) была переоборудована Ямская Богадельня, располагавшаяся неподалеку от Онуфриевской церкви [63].

Согласно сведениям, представленным в «Журнале Общего Присутствия Воронежского Губернского Правления по делам о народном здравии от 31 мая 1872 г.», по решению земских органов губернский центр г. Воронеж был немедленно разделен на медицинские (гигиенические) участки, в которые направлялись медицинские работники (врачи, фельдшеры) и так называемые врачебные попечители. Важным направлением деятельности становится перепрофилизация медучреждений на лечение холеры.

Городским Управам ставилась задача по обеспечению богаделен, лазаретов, различных мест массового пребывания людей необходимыми дезинфицирующими средствами.

Значительную помощь в профилактике распространения инфекционных заболеваний среди жителей Воронежской губернии в указанный период земским органам оказали органы внутренних дел. В соответствии с распоряжением земств городская и сельская полиция осуществляла так называемый медико-полицейский надзор за санитарным состоянием улиц и домовладений, местами розничной и оптовой торговли продовольственными продуктами и иными съестными припасами, постоялыми дворами, лавками, харчевнями, пи-

[61] ГАВО. Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 245. Документы о расчёте стоимости содержания одного больного в год в больницах Воронежской губернии (указания, расчеты, переписка). Л. 4–4 об.

[62] ГАВО. Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 248. Документы о появлении холеры в г. Воронеже. Л. 2.

[63] Там же. Л. 4 об.

тейными и другими заведениями. Особое внимание сотрудниками полиции уделялось качеству (свежести) съестных припасов, реализуемых на рынке, а также мониторингу чистоты помещений, предназначенных для рабочих [64].

Активное содействие органам правопорядка в реализации указанных мер оказывали «попечители», в обязанность которым вменялось: необходимость следить за соблюдением надлежащей чистоты в жилых помещениях жителями уездных городов, слобод, сел и деревень; проявлять заботу о больных холерой; немедленно сообщать участковым врачам и представителям органов местного самоуправления о новых случаях появления болезни в местах, находившихся на их попечении; сообщать волостному и сельскому начальству о лицах, не соблюдавших санитарно-гигиенические нормы, для привлечения их к ответственности. Попечителями в указанных «санитарных зонах», как правило, становились лица из числа местных жителей, известные обществу своей готовностью помогать людям на общественных началах [65].

На протяжении всего пореформенного периода прослеживается активная работа воронежских земств по увеличению штатной численности врачей и вспомогательного медицинского персонала. Для примера обратимся к статистическим данным, представленным в «Обзорах Воронежской губернии» за 1878, 1883, 1896, 1904 гг. Так, в 1878 г. на территории региона насчитывалось всего 14 больниц, из них 12 располагалось в городах, по одной больнице – при губернском и уездном тюремном замке. В указанный год штатная численность врачей составляла 86 чел. Из них 19 чел. находилось на службе Министерства внутренних дел, 16 чел. – на службе военному ведомству, 31 чел. – на земской службе [Обзор Воронежской губернии за 1878 г., 1879, с. 29].

К 1883 г. при активном участии земств происходит заметное увеличение численности врачей до 134 чел., среди которых на службе земству числилось 55 чел. При этом наблюдается незначительный рост медицинского персонала по линии МВД (всего 27 чел.) и по военному ведомству – 30 чел. [Обзор Воронежской губернии за 1883 г., 1884, с. 35–36].

В 1896 г. в губернии всех врачей насчитывалось 141 чел., около половины из них находилось на службе земству – 70 чел. [Обзор Воронежской губернии за 1896 г., 1897, с. 42].

В начале XX в. (1904 г.) из 200 чел. земских врачей насчитывалось 148 чел., то есть практически 70 % от общего количества медицинских специалистов [Обзор Воронежской губернии за 1904 г., 1905, с. 76].

Указанные цифры в той или иной степени отражают динамику численности служащих сферы здравоохранения, которые находились на земской службе после реформы 1861 г. Согласно сведениям Медицинского Департамента за 1877 г., в г. Воронеж на 1 земского врача приходилось в среднем от 1 100 до 1 200 чел. всех возрастов и состояний. Подобная статистика по-прежнему оставляла желать лучшего, поскольку среднестатистические показатели смертности среди населения губернии оставались стабильно высокими (около 35,1 %) по сравнению с соседними регионами. В частности, в 1877 г. показатели смертности в Воронеже на 11,2 % были выше Москвы (примерно 30,5 %) и Санкт-Петербурга (около 36 %). [Памятная книжка Воронежской губернии на 1878–1879 годы, 1879, с. 99–100].

Аналогичная ситуация складывалась и в вопросе увеличения количества медицинских учреждений, открывавшихся в большей степени при посредничестве земских органов. Если в 1878 г. в губернии насчитывалось всего 14 больниц [Обзор Воронежской губернии за 1878 г., с. 30], то в 1883 г. их стало уже 34 [Обзор Воронежской губернии за 1883 г., 1884, с. 37]. Через 13 лет (1896 г.) – 59 больниц [Обзор Воронежской губернии за 1896 г., 1897, с. 43]. К началу XX в. (1904 г.) – 111 больниц, из них к числу земских больниц относилось порядка 70 % (74) медицинских учреждений [Обзор Воронежской губернии за 1904 г., 1905, с. 77].

[64] ГАВО. Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 248. Документы о появлении холеры в г. Воронеже. Л. 6.

[65] Там же. Л. 8–8 об.

Планомерная работа земств по улучшению качества медицинского обслуживания населения приносила свои положительные результаты. В конце 1870-х гг. при Воронежской губернской земской больнице было устроено родовспомогательное (родительное) отделение на 6 коек и детское отделение на 20 коек с особым отделением для подкидышей (на 10 человек обоего пола) [Обзор Воронежской губернии за 1878 г., 1879, с. 31].

К концу XIX в. (1896 г.) Губернская земская больница по площади и по объему материально-технической базы занимала первое место по региону. Больница была рассчитана на 241 койку с возможностью расширения количества мест до 300 чел. Лечение здесь было бесплатным. При больнице была организована фельдшерская школа (открыта в 1870 г.), занимавшаяся профессиональной подготовкой младшего медицинского персонала. Срок обучения в школе составлял 4 года по 12 воспитанников на каждом курсе, не считая пансионеров. Средства на содержание школы выделялись от процентов капитала губернского земства [Обзор Воронежской губернии за 1896 г., 1897, с. 44].

Для сравнения: в 1867 г. аналогичная школа уже функционировала при Тульской земской больнице. В школе занимались подготовкой фельдшеров-акушерок [Вепренцева, 2013, с. 29].

По предложению Ревизионной Комиссии, обследовавшей медицинские учреждения губернии на протяжении пореформенного периода, в 1877 г. Губернская земская больница была оборудована хирургическим отделом. На заднем дворе её главного корпуса было устроено помещение для размещения заразных больных [Журнал очередного Воронежского Губернского Земского Собрания на 14 декабря 1888 г., 1889, с. 99].

Важное значение в профилактике распространения различного рода заболеваний и эпидемий на территории Воронежской губернии приобретали отдельные меры земств, направленные на улучшение социально-бытовых условий проживания земских врачей.

Согласно «Протоколу заседания Бобровской Земской Постоянной Медицинской Комиссии от 8 апреля 1882 г.», органы местного самоуправления на уровне отдельных уездов обращались к губернской власти с ходатайством об улучшении условий труда земских врачей, на плечи которых легла основная работа по борьбе с эпидемиями и особо опасными заболеваниями. Для повышения качества медицинских услуг, оказываемых местному населению, медработники освобождались от посторонних обязанностей, а именно от совмещения обязанностей земского, городового и уездного врача. Особое внимание уделялось фактам совмещения одним и тем же специалистом обязанностей земского врача и ветеринара. В условиях распространения инфекционных заболеваний среди местного населения вводились должности уездных земских ветеринаров, которые занимались исключительно болезнями скота. Данное направление в организации деятельности медицинского персонала губернии относилось к числу приоритетных по причине того, что заболевание скота, хотя и косвенно, провоцировало рост заболеваемости среди людей [66].

Отдельные меры земств в отношении медицинских работников региона были направлены на улучшение их жилищно-бытовых условий. Врачам предоставлялась квартира либо иная жилплощадь для постоянного проживания на обслуживаемом участке. Плата за аренду жилья для медработников была, как правило, невысокой, в переделах 20–30 руб. в год [67]. Для сравнения: в 1880-е гг. на территории Тульской губернии бытовые условия проживания земских врачей были менее комфортными по причине довольно слабой заинтересованности земств жизнью медицинских работников, а также постоянной нехваткой бюджетных средств. Казенные квартиры здесь полагались немногим специалистам [Вепренцева, 2013, с. 31].

Вопрос о материальном стимулировании деятельности земских врачей стоял на повестке дня практически на каждом заседании уездных и губернских земских собраний и

[66] ГАВО. Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 894. Документы о состоянии медицинского обслуживания в губернии. Л. 3.

[67] Там же. Л. 3 об.

управ. В начале 1880-х гг. Постоянные Медицинские Комиссии, работавшие в уездах Воронежской губернии, выступали с ходатайством о дополнительном материальном вознаграждении врачей, которые принимали участие в вакцинации населения. Известно, что в 1882 г. на территории Бобровского уезда участковые фельдшеры за каждого привитого ребенка (прививка делалась от оспы) получали дополнительные выплаты по 20 коп. [68]

Социальное страхование земских врачей выступало отдельным предметом оживленных дискуссий на многочисленных медицинских комиссиях, собиравшихся по случаю ухудшения эпидемиологической обстановки в губернии. Решения подобных комиссий, как правило, касались нормативных сроков предоставления отдельных видов отпуска медицинским работникам (врачам, фельдшерам), оплаты больничных, освобождения от выполнения служебных обязанностей на период обучения, повышения квалификации и т. д. [69]

На протяжении пореформенного периода земские врачи в Воронежской губернии, как и многие другие категории служащих, не получали пенсионного довольствия. Исключением здесь выступали отдельные страховые случаи, когда пенсионные выплаты назначались земскими собраниями членам семьи умерших на службе земству врачей. В начале 1880-х гг. по всей губернии зафиксирован единственный факт назначения подобной пенсии семье покойного доктора Вержбицкого по решению Воронежского земского собрания. Размер пенсии здесь составил порядка 300 руб. в год на всех членов семьи [70].

Еще более острой была проблема индексации денежного довольствия земских врачей. После проведения реформы 1864 г. врачи, состоявшие на земской службе, имели среднегодовой доход в пределах 1 200–1 500 руб. Данная цифра была несколько выше годового жалования врачей, находившихся на государственной службе (в пределах 900 руб. в год). Однако при этом гражданские (государственные) врачи пользовались правом на пенсию. Теми же правами обладали и военные врачи, которые вдобавок имели возможность воспитывать детей за казённый счёт [71]. Для сравнения: на территории Тульской губернии среднегодовое жалование земских врачей в 1870-е гг. было несколько ниже воронежского – в пределах 900 руб. в год [Вепренцева, 2013, с. 32].

В период с 1864 по 1882 гг. денежное довольствие земских врачей не индексировалось, что откладывало свой негативный отпечаток на качестве медицинских услуг, оказываемых населению. Конкретные сдвиги в этом направлении стали наблюдаться только к концу XIX в., когда по решению органов местного самоуправления врачам стали предоставляться единовременные пособия на улучшение жилищно-бытовых условий [72].

Отдельные успехи воронежских земств в повышении качества медицинского обслуживания населения наглядно прослеживаются при анализе отдельных статистических показателей соседних губерний страны.

Так, на территории Вятской губернии в период с 1869 по 1914 гг. при активном содействии земских органов численность врачей, состоявших на земской службе, увеличилась с 44 до 176 чел. На каждого специалиста здесь приходилось в среднем по 5 000 чел. [Субботина, 2021, с. 66].

На территории Курской губернии к концу 1860-х гг. (1869 г.) всего насчитывалось 20 врачей, из них только 10 чел. состояло на службе земству. Аналогичная картина здесь наблюдалась и в количестве фельдшерских пунктов. В 1890 г. на территории Воронежской губернии количество фельдшерских пунктов на все 12 уездов составило 158. На территории Тамбовской губернии на 12 уездов – 104 пункта. На территории Курской губернии – 90. [Веселовский, 1897, с. 54].

[68] ГАВО. Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 894. Документы о состоянии медицинского обслуживания в губернии. Л. 4.

[69] Там же. Л. 54.

[70] Там же. Л. 59.

[71] Там же. Л. 59 об.

[72] Там же. Л. 53.

Учитывая, что на тот момент времени Курская губерния в территориально-административном отношении состояла из 15 уездов, подобная статистика явно отставала от показателей Воронежской и Тамбовской губерний.

В целом во второй половине XIX в. отдельные меры со стороны земских органов способствовали снижению уровня заболеваний среди населения региона. Для примера, если в 1878 г. по Воронежской губернии больных сифилисом насчитывалось 1 507 чел., что на 3 193 чел. было меньше показателей 1877 г., то к концу 1879 г. эти показатели снизились до 200 чел. больных [Обзор Воронежской губернии за 1878 г., 1879, с. 30].

Наибольшее распространение инфекционные заболевания получали в сельской местности, в городах эпидемиологическая ситуация была более благоприятной [Обзор Воронежской губернии за 1883 г., 1884, с. 37].

Особую роль земские врачи сыграли в ликвидации страшных последствий эпидемии холеры, получившей повсеместное распространение в конце XIX в. Земским врачам пришлось столкнуться не только с ужасающей статистикой заболеваемости и его летальностью, но и повальным невежеством со стороны местного населения губернии. Патриархальный уклад жизни крестьян, широкое распространение суеверий и домыслов в психологии сельских обывателей вынуждали последних с недоверием относиться к прививочной кампании против холеры и все чаще обращаться к нетрадиционным методам лечения в форме народной медицины (знахарства), а в некоторых случаях и магии [Ткачев, 1925, с. 24–25].

В связи с этим любые противоэпидемиологические меры, которые предпринимались земствами в 1892–1893 гг., повсеместно встречались «в штыки». В частности, в 1892–1893 гг. во время эпидемии холеры подобное неповиновение крестьян с. Макарово Новохоперского уезда Воронежской губернии проявилось в форме уничтожения холерных бараков и самой земской больницы. Отдельные факты обращения крестьян к языческим обрядам во время холеры были зафиксированы в 1893 г. на территории Нижнедевицкого уезда губернии. Жители окрестных сёл здесь прибегали к магическому обряду древних славян – «опахиванию», который предполагал обильную опашку населенных пунктов запряженными в плуг молодыми девицами, либо вдовами. Считалось, что этот языческий культ помогает отвести все болезни от местных жителей [Очерки эпидемии холеры 1892–1893 в Воронежской губернии. Кн. 2, 1905, с. 123–124].

При анализе деятельности земств в решении вопросов местного здравоохранения важно подчеркнуть и уровень их капиталовложений в данную отрасль. Если в 1887 г. на содержание больниц и иных учреждений здравоохранения земствами было израсходовано 104 299 руб. 37 коп [Журнал очередного Воронежского Губернского Земского Собрания на 14 декабря 1888 г., 1889, с. 98], то к концу XIX в. (1896 г.) на медицинскую помощь направлено порядка 489 389 руб. 89 коп. Из них на губернские медучреждения израсходовано 89 819 руб. 25 коп. По отдельным уездам данная сумма распределялась следующим образом:

– Воронежский уезд – 25 034 руб. 45 коп.;
– Бирюченский уезд – 20 073 руб. 84 коп.;
– Бобровский уезд – 46 318 руб. 45 коп.;
– Коротоякский уезд – 26 107 руб. 33 коп.;
– Острогожский уезд – 37 557 руб. 00 коп.;
– Павловский уезд – 31 070 руб. 00 коп. и т. д. [Обзор Воронежской губернии за 1896 г., 1897, с. 43].

Для сравнения: в начале XX в. (1903 г.) на аналогичные нужды земские органы Костромской губернии израсходовали всего 5 000 руб. [Постановления и заключения редакционных комиссий съезда врачей, принимавших участие в борьбе с эпидемией холеры 1892 г. Т. II. Саратовский санитарный обзор, 1892, с. 8–9].

Данные цифры носят условный характер, однако наглядно иллюстрируют успехи воронежских земств в решении отдельных вопросов здравоохранения на территории Воронежской губернии в рассматриваемый нами период.

Заключение

Таким образом, одним из важнейших направлений деятельности органов местного самоуправления, созданных в России после реформы 1861 г., становится работа по решению многочисленных проблем сферы здравоохранения на региональном уровне.

В пореформенный период благодаря активной поддержке со стороны земств на территории Воронежской губернии происходит заметное улучшение качества медицинских услуг, оказанных населению. Данная поддержка выражалась в планомерной работе земств по увеличению штатной численности врачей и иных категорий медицинских работников (фельдшеров, акушерок и т. д.); в повсеместном увеличении количества больниц, лечебниц, стационаров и вспомогательных медицинских помещений; в решении отдельных вопросов социального страхования и материального стимулирования труда врачей и иных категорий служащих сферы здравоохранения; в повышении профессионального уровня медицинских работников; в оказании неотложной медицинской помощи населению губернии в условиях повсеместного распространения опасных инфекций.

Несмотря на отдельные трудности, с которыми повсеместно сталкивалась земская медицина на всем протяжении пореформенной эпохи, региональное здравоохранение на общероссийском фоне в целом справлялось с теми текущими задачами, которые ставило государство в условиях кардинального переустройства российского социума.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке учителя истории и обществознания МБОУ Лицей № 7 г. Воронежа Тимошиновой Татьяны Сергеевны.

Список источников

Государственный архив Воронежской области (Далее – ГАВО). – Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 245. Документы о расчёте стоимости содержания одного больного в год в больницах Воронежской губернии (указания, расчеты, переписка).

ГАВО. – Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 248. Документы о появлении холеры в г. Воронеже.

ГАВО. – Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 894. Документы о состоянии медицинского обслуживания в губернии.

Воронежское земство 1865–1889 г. Историко-статистический обзор. Сост. Ф.А. Щербина. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1891.

Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. I–IV. Т. I. Обзор Курской губернии за 1896 г. Курск, 1897.

Журнал очередного Воронежского Губернского Земского Собрания на 14 декабря 1888 г. Журналы Воронежского Губернского Земского Собрания. Чрезвычайного – с 18 по 20 мая 1888 г. и очередного – с 8 по 16 декабря 1888 г. Воронеж, Типография В.И. Исаева, 1889.

Журналы особых совещаний, происходивших при Медицинском департаменте с 21 по 30 апреля 1886 г. для обсуждения вопроса о мерах против эпидемии. Санкт-Петербург, 1886.

Законоположение о земских учреждениях. Санкт-Петербург, 1868.

Обзор Воронежской губернии за 1878 г. Губернский Статистический Комитет. Воронеж: типография Губернского правления, 1879.

Обзор Воронежской губернии за 1883 г. Губернский Статистический Комитет. Воронеж: типография Губернского правления, 1884.

Обзор Воронежской губернии за 1896 г. Губернский Статистический Комитет. Воронеж: типография Губернского правления, 1897.

Обзор Воронежской губернии за 1904. Губернский Статистический Комитет. Воронеж: типография Губернского правления, 1905.

Очерки эпидемии холеры 1892–1893 в Воронежской губернии. Кн. 2. Издание Воронежского губернского земства. Воронеж, Типография В. Юркевича, 1905.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1878–1879 годы. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета. Воронеж, Типография Губернского Правления, 1879.

Постановления и заключения редакционных комиссий съезда врачей, принимавших участие в борьбе с эпидемией холеры 1892 г. Т. II. Саратовский санитарный обзор. Санкт-Петербург, 1892.

Список литературы

Васильев К.Г. 1960. История эпидемий в России. Москва, Наука, 386 с.

Вепренцева Т.А. 2013. Материальное положение учителей и врачей в российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 4: 28–36.

Горелова Л.Е. 2014. Роль медицинского факультета Императорского Московского университета в развитии земской медицины. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 5: 52–54.

Карпов Л.Н. 1964. Земская санитарная организация России. Ленинград, Лениздат, 123 с.

Краснобородько К.А. 2008. Земская медицина Курской губернии середины 60-х годов XIX – начала XX века. *Magistre Vitae*, 4: 53–62.

Мирский М.Б. 2005. Медицина России X–XX веков: Очерки истории. Москва, Альтер-Пресс, 480 с.

Маркова С.В. 2021. Отношение населения Воронежской губернии к медицине в холерные эпидемии в конце XIX – начале XX вв. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, 4: 92–97.

Райкова С.В. 2013. Из истории борьбы с холерными эпидемиями в России. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 7–1: 114–116.

Смирнова Е.М. 2021. Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков). *Новый исторический вестник*, 3: 33–47.

Субботина А.М. 2021. Земская медицина в борьбе с эпидемиями во второй половине XIX – начале XX (по материалам Вятской губернии). *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*, 7: 65–71.

Токаревич К.Н. 1986. По следам минувших эпидемий. Ленинград, Лениздат, 123 с.

Ткачев Т.Я. 1925. Народная медицина в Воронежской губернии. Воронеж, Типография Губсоюза, 52 с.

References

Vasil'ev K.G. 1960. Istoriya epidemij v Rossii [The History of Epidemics in Russia]. Moskva, Nauka, 386 p.

Veprenceva T.A. 2013. Material'noe polozhenie uchitelej i vrachej v rossijskoj provincii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov [The Financial Situation of Teachers and Doctors in the Russian Province in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 4: 28–36.

Gorelova L.E. 2014. Rol' medicinskogo fakul'teta Imperatorskogo Moskovskogo universiteta v razvitii zemskoj mediciny [The Role of the Medical Faculty of the Imperial Moscow University in the Development of Zemstvo Medicine]. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny*, 5: 52–54.

Karpov L.N. 1964. Zemskaya sanitarnaya organizaciya Rossii [Zemstvo Sanitary Organization of Russia]. Leningrad, Lenizdat, 123 p.

Krasnoborod'ko K.A. 2008. Zemskaya medicina Kurskoj gubernii serediny 60-h godov XIX – nachala XX veka [Zemstvo Medicine of Kursk Province in the Mid-60s of the XIX – Early XX Century]. *Magistre Vitae*, 4: 53–62.

Mirskij M.B. 2005. Medicina Rossii X–XX vekov: Ocherki istorii [Russian Medicine of the X–XX Centuries: Essays on History]. Moskva, Al'ter-Press, 480 p.

Markova S.V. 2021. Otnoshenie naseleniya Voronezhskoj gubernii k medicine v holernye epidemii v konce XIX – nachale XX vv. [The Attitude of the Population of the Voronezh Province to Medicine During the Cholera Epidemic in the Late XIX – Early XX Centuries] *Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*, 4: 92–97.

Rajkova S.V. 2013. Iz istorii bor'by s holernymi epidemiyami v Rossii [From the History of the Fight Against Cholera Epidemics in Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 7–1: 114–116.

Smirnova E.M. 2021. Karantiny chut' ne vzbuntovali 16 gubernij: vlast', vrachi i obshchestvennost' Rossii v bor'be s epidemiyami holery (XIX – nachalo XX vekov) [Quarantines Almost Revolted 16 Provinces: the Authorities, Doctors and the Public of Russia in the Fight Against Cholera Epidemics (XIX – Early XX Centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 3: 33–47.

Subbotina A.M. 2021. Zemskaya medicina v bor'be s epidemiyami vo vtoroj polovine XIX – nachale XX (po materialam Vyatskoj gubernii) [Zemstvo Medicine in the Fight Against Epidemics in the Second Half of the XIX – Early XX (Based on the Materials of the Vyatka Province)]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, 7: 65–71.

Tokarevich K.N. 1986. Po sledam minuvshih epidemij [In the Wake of Past Epidemics]. Leningrad, Lenizdat, 123 p.

Tkachev T.Ya. 1925. Narodnaya medicina v Voronezhskoj gubernii [Traditional Medicine in the Voronezh Province]. Voronezh, Tipografiya Gubsoyuza, 52 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.02.2024
Поступила после рецензирования 26.03.2024
Принята к публикации 28.03.2024

Received 20.02.2024
Revised 26.03.2024
Accepted 28.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлёв Сергей Сергеевич, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Россия
ORCID: 0000-0003-4433-4945

Тимошинова Татьяна Сергеевна, учитель истории и обществознания МБОУ Лицей № 7 г. Воронежа, г. Воронеж, Россия
ORCID: 0009-0004-7050-6143

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey S. Zhuravlev, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

Tatiana S. Timoshinova, Teacher of History and Social Studies, Municipal Budgetary Educational Institution Lyceum No. 7 of Voronezh, Voronezh, Russia

УДК 908:677
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-386-395
Оригинальное исследование

Текстильная промышленность Ярославской губернии: новые тенденции в развитии традиционных производств

Марасанова В.М., Кривошеева Ю.А.
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150003, Ярославль, Советская, 14
E-mail: vmm@uniyar.ac.ru, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Аннотация. Целью исследования является изучение особенностей развития текстильной промышленности Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Исследование проводится с применением комплекса специально-исторических и общенаучных методов, также применяются простейшие математико-статистические методы. Авторами прослеживается динамика развития текстильной индустрии, изучается концентрация и размещение текстильных производств, обобщается история ярославских текстильных предприятий, дается общая характеристика рабочих-текстильщиков. Отдельно прослеживается путь от доминирования к диверсификации в различных аспектах развития индустрии.

Ключевые слова: текстильная промышленность, Ярославская губерния, фабрика, рабочие, производство, индустрия, труд

Для цитирования: Марасанова В.М., Кривошеева Ю.А. 2024. Текстильная промышленность Ярославской губернии: новые тенденции в развитии традиционных производств. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 386–395. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-386-395

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта ЯрГУ (проект № VIP-018).

Textile Industry of the Yaroslavl Province: From Dominance to Diversification

Victoria M. Marasanova, Julija A. Krivosheeva
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya, Yaroslavl 150003, Russia

Abstract. The aim of this study is to investigate the unique features of the development of the textile industry in the Yaroslavl province during the second half of the 19th and early 20th centuries. The research employs a range of specialized historical and general academic methods, as well as the simplest mathematical and statistical techniques. The authors track the progression of textile industry development in relation to variations in annual output and the number of workers employed, examine the concentration and distribution of textile plants, summarize the historical development of Yaroslavl textile factories, and provide a general characteristic of the textile workers. Additionally, the transition from dominance to diversification in various aspects of industry development is traced. The authors conclude that the changes in the industry (such as the developed structure of production, the transition to domestic equipment and personnel, the growth of female employment, and the emergence of social paternalism) met the needs of the time. Without timely innovations, the textile industry would have been unable to maintain its confident leadership in the regional industrial structure for decades.

Keywords: textile industry, Yaroslavl province, factory, workers, production, industry, labor

© Марасанова В.М., Кривошеева Ю.А., 2024

For citation: Marasanova V.M., Krivosheeva Yu.A. 2024. Textile Industry of the Yaroslavl Province: From Dominance to Diversification. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 386–395 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-386-395

Funding: The article was prepared with the support of a grant from YarSU (project No. VIP-018).

Введение

Производство тканей и пряжи является одним из древнейших занятий человека и имеет богатую историю, связанную с традициями, мастерством и культурными особенностями различных народов. Именно в текстильном производстве начался переход от ручного труда к машинному, и отрасль дала старт промышленному перевороту XVIII столетия. Именно на текстильные фабрики в Российской империи, как и в европейских странах, начали приходить женщины, труд которых ценился предпринимателями не меньше труда мужчин-рабочих. В наши дни текстильная индустрия остается одним из крупнейших и наиболее важных секторов национальной и мировой экономики. Она по-прежнему создает рабочие места и вносит значительный вклад в валовой внутренний продукт многих стран.

Изучение текстильной промышленности в исторической ретроспективе и в русле регионалистики позволяет понять истоки отрасли и конкретных производств, а также особенности их развития. Возможно проследить влияние индустриального труда на производственную, бытовую, семейную повседневность рабочих, выяснить значение индустрии для жизни общества и государства в целом, что актуализирует заявленную тему исследования.

До конца имперского периода в истории страны текстильная отрасль может считаться бессменным лидером в промышленности Ярославской губернии, которая была одним из важнейших текстильных центров Верхнего Поволжья. Успешное существование предприятий и функционирование всей отрасли в целом было бы невозможно без их диверсификации, которая будет рассмотрена в рамках данной статьи с различных позиций.

Объект и методы исследования

Историография о промышленности, в том числе текстильной, достаточно обширна. В рамках заявленной темы отметим работу К.А. Пажитнова, посвященную истории дореволюционной текстильной промышленности [Пажитнов, 1958]. Отдельно стоит выделить советские «летописи» текстильных фабрик, освещавшие основные вехи развития предприятий и общественно-политическую борьбу текстильщиков [Паялин, 1936; Виноградов, 1976]. Изучением промышленной статистики, стачечного движения занимался М.Г. Мейерович [Мейерович, 1995]. Промышленность и рабочих региона изучает В.М. Марасанова [Марасанова, 2016].

Настоящее исследование проведено с привлечением широкого ряда опубликованных и неопубликованных статистических источников, делопроизводственных материалов, источников личного происхождения.

Статья построена с применением комбинации общенаучных и специальных методов исторического исследования, позволивших изучить историю крупных промышленных центров губернии, а также проследить развитие текстильной индустрии региона – ее динамику, изменение топографии, особенности диверсификации производств. Для проведения анализа архивных источников использовались простейшие математико-статистические методы, основанные на простой выборке и построении временных рядов.

В рамках работы рассмотрены текстильные производства, перерабатывавшие сырье растительного и животного происхождения, а также отделочные производства, занимавшиеся отбелкой и крашением. Производство готовой продукции (валяной обуви, шляп, готового платья и др.) не рассматривалось авторами статьи.

Хронологические рамки исследования ограничены 1861–1904 гг., периодом, когда в регионе активно развивались крупные машинные производства с вольнонаемным персоналом, формировался «облик» ведущей текстильной индустрии, актуализировался «рабочий вопрос». Закрывается период 1904 г., предшествовавшим общественным потрясениям последующих революционных лет.

Результаты и их обсуждение

В рассматриваемый период Ярославская губерния являлась одним из развитых в промышленном отношении регионов Российской империи. Структуру ее промышленности можно назвать типичной для губерний Центрального промышленного района – ведущее место принадлежало текстильной индустрии, далее шли пищевкусовая, химическая и прочие отрасли.

С 1860-х гг. до 1904 г. количество учтенных статистиками текстильных предприятий из года в год колебалось от 19 до 68, что связано с особенностями учета фабрик и заводов – в общероссийских списках часто не фиксировались мелкие региональные предприятия.

Серьезно разнилось число городских и сельских фабрик. Городские предприятия опережали уездные фабрики и заводы лишь в самом начале 1860-х гг. (15 против 9), в последующие десятилетия их численность достигала высоких значений в начале 1870-х и конце 1890-х гг. (12 единиц), так и не приблизившись к показателю начала периода. В 1903 г. число городских фабрик снизилось до 7 единиц.

Количество сельских фабрик и заводиков менялось скачкообразно, что опять же можно связать с несовершенством учета – наибольшее количество (59 единиц) зафиксировано в 1894 г., однако в данном списке появилось 43 мелких войлочных завода, которые резко увеличили общее число сельских предприятий.

В целом можно сказать, что количественно текстильная отрасль прирастала за счет сельских фабрик, однако в начале XX в. наметилось общее снижение числа предприятий как в городах, так и в сельской местности. Относительную стабильность развития индустрии давали крупные городские и сельские предприятия, составлявшие основу отрасли.

Экономический показатель развития текстильной индустрии – сумма годового производства – в течение практически 50 лет показывал устойчивый и стабильный рост, но, достигнув пика в конце XIX в. (22,7 млн руб.), отрасль обнаружила спад сумм производства, которые сократились до 21,3 млн руб. в 1903 г. Замедление роста по всей отрасли отмечено в конце 1860-х – начале 1870-х гг., а также в 1890-х гг.

Неизменным флагманом развития текстильной индустрии оставалось бумагопрядильное и бумаготкацкое производство – единственное, не претерпевшее падения сумм годового производства за весь период и реагировавшее на промышленные кризисы только замедлением темпов роста. С начала 1860-х гг. до 1903 г. суммы производства здесь возросли в 14 раз с 1,1 млн руб. до 15 млн руб.

Следующая важнейшая для региона отрасль – льнопрядение и льноткачество. Отрасль уступала лидеру по экономическому показателю, однако также показывала достаточно стабильный рост большую часть периода – к концу столетия годовые суммы производства возросли в 13 раз – с 600 тыс. руб. до 7,6 млн руб. В 1903 г. отрасль показала резко снижение мм производства – до 4,3 млн руб. Подсчет в данной отрасли осложняется перепрофилированием ряда предприятий на обработку хлопка во второй половине периода и, соответственно, сложностью учета данных фабрик.

Третья позиция в текстильной промышленности губернии принадлежала снастопрядению, которое, в отличие от прочих отраслей, развивалось без резких скачков в годовых суммах производства. К концу периода можно отметить рост снастопрядения в 2 раза – с 378 тыс. руб. до 850 тыс. руб. Тем не менее до 1903 г. отрасль «проседала» дважды – в 1870-х гг. и в конце 1890-х гг., когда годовые суммы производства сокращались в 1,7 и 1,2 раза соответственно.

К несколько менее доходным отраслям можно отнести полотняные и полотняно-белильные производства, сконцентрированные в Ярославском уезде. К концу периода отрасль показала колоссальный рост в 68 раз, когда суммы производства увеличились с 10,5 тыс. руб. до 717 тыс. руб. в 1903 г. Охарактеризовать развитие данной отрасли достаточно сложно – статистика показывает скачкообразное развитие с резкими падениями и резким ростом сумм производства, однако это опять же можно связать с проблемами учета.

Достаточно заметным стоит считать суконное производство, представленное только в Ростовском уезде фабрикой Блесс, показавшее четырехкратный рост к 1899 г. (до 367 тыс.). Начало нового столетия здесь, как и в других текстильных отраслях, было отмечено спадом – до 271 тыс. руб.

Социальный показатель развития текстильной индустрии показал стабильный прирост рабочей силы, который, однако, практически остановился к 1903 г. Если в 1860-х гг. в губернии работало около 3 тысяч текстильщиков, то к концу периода их число приближалось уже к 20 тысячам. Пик прироста (в 1,5 раза) здесь наблюдался к 1873 г., а также в начале 1890-х гг. (в 1,7 раза), когда в условиях сокращения прибыли ряда производств было зафиксировано максимальное увеличение численности рабочих.

Основная масса текстильщиков работала на предприятиях, обрабатывавших лен и хлопок, – в 1860-х гг. в обеих отраслях было занято около тысячи человек, в 1903 г. в бумагопрядении и ткачестве работало около 12,4 тыс. человек, в льнопрядении – 5,6 тыс. человек. В прочих отраслях число занятых текстильщиков не превышало тысячи [73].

В 1908 г. Ярославская губерния выйдет на 12 место в Европейской России по численности рабочих и на 13-е – по валовой продукции [Марасанова, 2016, с. 115].

Во второй половине XIX в. сформировался облик ярославской текстильной промышленности, лидирующие позиции которой занимали бумагопрядильное и бумаготкацкое, льнопрядильное и льноткацкое, а также снастопрядильное производства, представленные фабриками-гигантами, средними и мелкими предприятиями.

По мере роста числа предприятий сформировались крупные центры текстильного производства. Среди городов лидировали Ярославль, Ростов и Романово-Борисоглебск, в сельской местности первое место занимал Ярославский уезд с такими крупными текстильными центрами, как Норский посад, с. Гаврилов-Ям, с. Карабиха, с. Великое. С крупными текстильными производствами также были связаны Рыбинский, Ростовский и Мышкинский уезды.

Лидером индустрии стала ЯБМ, учрежденная указом Петра I в 1722 г., пережившая расцвет (продукция поставлялась к царскому двору), три династии владельцев, упадок только до 1857 г., в мануфактурный период своей истории. При семействе купцов Карзинкиных ЯБМ стала фабрикой и начала путь от убыточного производства до одного из лидеров отечественной промышленности. Фабрика объединяла ткацкое, прядильное и многочисленные дополнительные производства, производила пряжу № 3–80 (до 500 тыс. пудов) и ткани: бязь, миткаль, демикотон (80 тыс. кусков) [Орлов, 1894, с. 45], работала на заграничном и отечественном оборудовании. Во второй половине XIX в. фабрика отказалась от обработки льна и перешла на американский и египетский хлопок. Со временем были приобретены хлопковые плантации в Средней Азии [Ярославская большая…, 1900, с. 20], что

[73] Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 г. Ярославль, 1863. С. 27–35; Тимирязев Д.А. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России. Вып. 1. Промышленность обрабатывающая волокнистые вещества. СПб., 1869. С. 2, 12, 13, 17, 29, 33, 36; ГАЯО. Ф. 642. Оп. 2. Д. 32. Л. 1; Д. 33. Л. 1; Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. СПб., 1881. С. 33, 54, 88, 92, 113, 123, 692; Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 5–7, 37, 54, 58, 67, 77, 87; Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1894. С. 5, 8, 9, 24, 40, 45, 46, 59, 65, 67, 71, 83, 95, 98, 99, 108, 760; ГАЯО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 13. Л. 7–8, 34 об., 48–49; Обзор Ярославской губернии за 1898–99 гг. Ярославль, 1900. Ведомость № 23; Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 38, 77, 111–112.

позволило получать собственное сырье высокого качества. К 1899 гг. количество прядильных веретен увеличилось до примерно 264 тыс. веретен, крутильных – до 17,6 тыс. веретен, ткацких станков – до 1,9 тыс. станков. Объемы производимой ЯБМ продукции возросли до 830 тыс. пудов пряжи и 779 тыс. кусков ткани к 1904 г. С начала 1860-х до начала 1900-х гг. суммы производства фабрики возросли в 12,5 раз, достигнув 11,3 млн руб., а число рабочих – в 10,7 раз, составив 9,6 тыс. человек [Список фабрик…, 1903, с. 38]. Сбыт готовой продукции осуществлялся в близлежащих российских губерниях и Средней Азии.

Одной из старейших сельских фабрик стала Норская мануфактура, основанная в Ярославском уезде в 1858 г. и принадлежавшая семейству Хлудовых-Прохоровых. Основным сырьем был лен, привозившийся из Ярославской и соседних губерний, сырье для высоких номеров пряжи закупалось во Франции и Бельгии. В начале 1860-х гг. налажен выпуск полотна. С начала 1880-х гг. до конца 1890-х гг. предприятие проходило переориентацию на хлопок. К началу нового столетия оборудование фабрики достигало порядка 101 тыс. бумагопрядильных веретен, вырабатывавших медио, уток, ватер, пряжу из отбросов прядения различных номеров. Средняя годовая выработка пряжи составляла около 153 тыс. пудов. Хлопок закупался в Египте, Америке и Азии. Мануфактура работала на английском и швейцарском оборудовании [Норская мануфактура…, 1900, с. 4–5]. К концу рассматриваемого периода фабрика стабильно входила в тройку крупнейших текстильных предприятий губернии – сумма производства превысила 2,5 млн руб., а число рабочих – 1,9 тыс. человек [Список фабрик…, 1903, с. 38].

В 1878 г. в Ростове купцом Кекиным открыта Ростовская льняная мануфактура. К концу периода сумма производства фабрики возросла в 20 раз, превысив 1,1 млн руб., число рабочих увеличилось в 6 раз, превысив 1,1 тыс. человек [74]. Фабрика выпускала льняную, а с 1890-х гг. – бумажную пряжу [Список фабрик…, 1903, с. 112; Орлов, Будагов, 1894, с. 67].

К числу ранних текстильных производств относится Абакумовская канатно-прядильная фабрика. Предприятие основано в 1858 г. в Рыбинском уезде как часть «промышленного комплекса», обслуживавшего водный транспорт, и принадлежало трем поколениям семейства купцов Журавлевых. Предприятие работало на отечественном сырье (пенька) и производило «смоляные» и «бельные» снасти [75]. Фабрика работала преимущественно на внутренний рынок и к 1905 г. давала почти 100 % сумм годового производства и численности рабочих в снастопрядении. Количество рабочих менялось сезонно, женщины обычно не нанимались на работу. Журавлевы приглашали на фабрику русских работников и руководящий персонал. Иностранные специалисты приезжали в Абакумово в 1860-х гг. вместе с иностранным оборудованием [Победоносцев, 1864, с. 59–60].

В 1864 г. и в 1872 г. открылись важные для региона предприятия – Романовская льняная мануфактура купцов Классенов (Романово-Борисоглебский уезд) и Локаловская мануфактура (Ярославский уезд). Обе фабрики начинались с формата рассеянной мануфактуры.

К 1894 г. Романовская мануфактура состояла из льно- и джутопрядильного производства (5 640 прядильных веретен, 380 крутильных веретен), льно- и джутоткацкого производства, льноотбельного производства, производства пожарных рукавов, мешочного и брезентового производства [Обнорская, Пирожникова, 2010, с. 25]. К 1903 г. фабрика выпускала товаров более чем на 1,3 млн руб., количество рабочих превысило 1,7 тыс. человек [Список фабрик…, 1903, с. 112]. Продукция продавалась в европейской части страны [Чиркова, 2010, с. 28–29].

Локаловская фабрика работала на английском оборудовании, импортном и отечественном сырье, высший управляющий персонал до революции имел иностранное происхождение. В отличие от прочих фабрик, Локаловская мануфактура успешно выпускала льняную продукцию, расширяя ее ассортимент (пряжа разных номеров, полотно, коломенки, дрожки, салфетки) и количество оборудования. В 1903 г. сумма годового производства превысила 1,8 млн. руб., а число рабочих – 2,7 тыс. человек [Список фабрик…, 1903,

[74] ГАЯО. Ф. 642. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.
[75] ГАЯО. Ф. 642. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–1 об.

с. 111]. К началу XX в. фабрика состояла из прядильного, ткацкого, белильного, отделочного и варильного отделений для пряжи и полотен. Ткачи и прядильщики составляли более 85 % рабочих [Высочайше утвержденное..., 1896, с. 6–9].

Наиболее удаленной от центра губернии стала Волжская прядильная мануфактура, начавшая работу в 1895 г. У руководства предприятием вплоть до революции стояли лица иностранного происхождения, что негативно сказывалось на отношениях в рабочем коллективе. Фабрика числилась в группе бумагопрядильных производств, работала на заграничном сырье и оборудовании. В 1903 г. появляются сведения об обработке предприятием шерсти и производстве вигоневой пряжи. Фабрика выпускала маренго, суровую, серую и одеяльную пряжу разных номеров, торговало ватой и патронами для прядильных машин [Волжские текстильщики..., 1996, с. 13]. Продукция поставлялась за границу и на внутренние рынки. Численность рабочих составляла около 600 человек [Список фабрик…, 1903, с. 38].

Стоит отметить несколько особенных черт, характерных для текстильных предприятий региона. Так, большинство из них было основано во второй половине XIX в., в эпоху промышленного переворота, когда отечественная текстильная индустрия переживала подъем.

Владельцами крупных и ряда средних фабрик выступали товарищества на паях и торговые дома, руководимые представителями одной купеческой семьи. Владельцы крупных фабрик зачастую параллельно руководили производствами другого профиля, что, вероятно, также оказывало влияние на успех их коммерческих предприятий. Так, Журавлевы содержали комплекс разнопрофильных предприятий, торговали хлебом, О. Старенберг, помимо Волжской фабрики, управлял близлежащим костеобжигательным заводом, Карзинкины торговали чаем и т. д.

Значительное количество ярославских текстильных предприятий изготавливало льняную продукцию. Лен был одной из наиболее распространенных технических культур, выращиваемых в Ярославской губернии, жители которой своими силами производили пряжу и полотна, красили ткани. Высокий спрос на льняную продукцию способствовал быстрому зарождению и развитию текстильного производства. Однако по мере появления нового сырья, хлопка, части крупнейших фабрик пришлось перепрофилироваться.

В начале своей истории текстильные фабрики губернии работали на иностранном оборудовании, привлекали иностранных специалистов и управляющий персонал, часть крупных фабрик со временем отказалась от иностранцев в пользу отечественных специалистов.

Месторасположение предприятий обуславливалось отсутствием вблизи конкурентных производств, наличием удобных сухопутных и водных транспортных путей, сырья, топлива, дешевой рабочей силы. Сырье для производства покупалось на местных рынках, в других регионах и за рубежом. Крупные и средние фабрики располагали лесными дачами для заготовления топлива, также работали на нефти (ЯБМ).

Промышленный рост страны во второй половине XIX – начале XX в. ускорил процессы внутренней миграции населения. Регионы с развитым или растущим промышленным производством, нуждавшиеся в рабочей силе, становились «магнитом» для отходников из нечерноземных губерний.

Географически большая часть рабочих городских текстильных предприятий принадлежала к Ярославской, Владимирской и Костромской губерниям. На фабриках также встречались «мигранты» из соседних Вологодской и Тверской губерний, а также более удаленных регионов [76]. Сельские фабрики Ярославского уезда отдавали предпочтение жителям близлежащих волостей, а затем – соседних губерний [77]. К примеру, основная масса рабочих Норской мануфактуры происходила из Ярославского уезда (60 %), в том числе более 30 % – из самой Норской волости [Виноградов, 1976, с. 15]. Большинство рабочих на всех предприятиях происходило из крестьян.

[76] ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 62; Ф. 676. Оп. 1. Д. 59.
[77] ГАЯО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 59; ГАЯО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 48. Л. 71 об.-132.

Текстильная отрасль стала первой отраслью промышленности, где отчетливо проявилась тенденция к увеличению доли женского труда. Рост числа работниц связан с развитием техники и совершенствованием процесса производства, благодаря чему фабричный труд требовал меньше специальных навыков и затрат физической силы. Кроме того, женщины считались фабрикантами более внимательными и смышлеными, ловкими и терпеливыми, не склонными к отстаиванию своих прав, готовыми трудиться за меньшее жалование [Бебель, 1959, с. 262–263].

К концу XIX в. общее число текстильщиков региона составляло около 17 тыс. человек (более 60 % рабочих губернии), причем 62 % были заняты на хлопчатобумажных производствах. Работницы всех возрастов составляли 39 % (6,8 тыс. человек) от числа всех занятых текстильщиков. Большая часть женщин работала на производстве хлопчатобумажных изделий – 67 % (4,6 тыс. чел.), 31 % – в обработке льна и джута (ок. 2 тыс. чел.), 2 % – на предприятиях, обрабатывавших шерсть (124 чел.). Более 3,6 тыс. женщин работало на ЯБМ, ок. 1 тыс. – на Локаловской фабрике, более 600 – на Норской мануфактуре. Женщины реже встречались в отделочных производствах. Большинство текстильщиков составляли взрослые рабочие – 94 % женщин и 92 % мужчин. 89 % взрослых женщин, 79 % девушек и 88 % девочек в промышленности были заняты именно в текстильной отрасли. Среди мужчин этот показатель был иным – 52 %, 50 % и 71 % соответственно [Памятная книжка…, 1898, с. 2–13, 76–78, 82–83].

По мере перехода к машинному труду и появлению нового оборудования текстильные предприятия стали предлагать рабочим разнообразные должности. Часть из них требовала высокой квалификации, но кадры непосредственно текстильной специализации могли обладать квалификацией среднего или даже невысокого уровня.

Текстильные предприятия часто предлагали мужчинам и женщинам одни и те же виды производственной деятельности. Так, Локаловская мануфактура в конце XIX в. трудоустраивала рабочих на порядок 70 различных должностей. Наиболее востребованными считались должности ткачей (330 мужчин и 137 женщин), цевочников (77 мужчин и 73 женщины), ватерщиков (93 мужчины и 144 женщины), съемщиков (58 мужчин и 37 женщин). Число женщин значительно уступало числу мужчин на должностях белильщиков, бительщиков, варильщиков, крахмальщиков, сушильщиков, шлихтовальщиков и сторожей. «Женскими» стали специальности ленточниц, мотальщиц, развивальщиц и раскладчиц. Текстильщицы преобладали на позициях банкоброшников (20 женщин и 4 мужчин) и разборщиков (16 женщин и 1 мужчина). Должности, предполагавшие выполнение тяжелых и сложных работ, занимались исключительно мужчинами [78].

Отсутствие высоких требований к квалификации не способствовало росту образовательного уровня – большинство рабочих были неграмотными. Так, в 1904 г. менее половины текстильщиков фабрики Локалова, получавших пособия, смогли подписаться за выданные деньги [79].

Взрослые рабочие не имели возможности получать образование – «школа» для мужчин работала при ЯБМ, прочие же фабрики не давали рабочим обоих полов возможности проходить курс обучения, а высокая интенсивность и монотонность фабричного труда (у женщин также хозяйственные заботы) едва ли позволяла им заниматься самообразованием в свободное время. Школы для детей рабочих стали появляться при ярославских текстильных фабриках только с 1870-х гг.

Элемент социальной диверсификации можно отметить в отношениях между фабрикантами и рабочими. В мануфактурный период развития отрасли текстильщики были крепостными. В дальнейшем рабочие стали вольными, а рост рабочей силы вызвал к жизни необходимость организации «социальных учреждений» при предприятиях для обслуживания нужд рабочих – больниц, школ, организации здорового досуга и отдыха в целом.

[78] ГАЯО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 143. Л. 1–53 об.
[79] ГАЯО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 412. Л. 1–54.

К концу рассматриваемого периода рабочие получили достаточно широкий спектр культурно-образовательных возможностей, в т. ч. посещения публичных лекций с картинами, театров, библиотек [Марасанова, Кривошеева, 2020, с. 563], однако некоторые текстильщики все равно оценивали свою жизнь как грубую, серую и некультурную [80].

Несмотря на очевидную смену профессиональной деятельности, фабричные рабочие в рассматриваемый период преимущественно оставались крестьянами, не разрывая связи с землей, – кто-то числился в крестьянской общине формально, другие сохраняли за собой хозяйство, оставляя в деревне семью и возвращаясь на сельскохозяйственные работы или лечение. Конечно, были и те, кто оставался при фабрике и не возвращался обратно.

Рассматриваемый период также интересен тем, что из прежних фабричных крестьян-текстильщиков постепенно нарождался класс фабричных рабочих, многие из которых становились потомственными, менялась ментальность людей, осознававших себя особой прослойкой общества со своими желаниями, требованиями и интересами, людьми, которые должны сыграть важную роль в общественной жизни.

Заключение

Таким образом, в рассматриваемый период текстильная промышленность Ярославской губернии во многих аспектах прошла длительный путь от доминирования (около 80–90 %) к диверсификации промышленности, когда на долю текстильной отрасли приходился уже меньший процент рабочих и производства. Индустрия начала свое развитие еще с мануфактурной выработки льняных полотен и прочих изделий в XVIII в. и пришла к началу XX столетия с развитой структурой различных производств.

Менялось отношение к иностранному оборудованию и специалистам – на большей части крупных производств менялись в пользу отечественных. Изменилось соотношение работников – от господства мужского контингента до уверенного роста числа женщин-работниц. Важно отметить и изменение вертикальных отношений – от владения крепостными рабочими на заре становления индустрии до своего рода социального патернализма, выражавшегося в относительной заботе о нуждах текстильщиков. В рассматриваемый период можно также говорить об изменении идентичности фабричных рабочих, превращавшихся из вчерашних крестьян в представителей отдельного класса. Подобные изменения отвечали требованиям времени, и без своевременных новаций текстильная отрасль не смогла бы на протяжении десятилетий сохранять уверенное лидерство в структуре промышленности региона.

Список источников

Волжские текстильщики: Посвящается 100-летию Волжской шерстопрядильной фабрики им. Р. Люксембург и пос. Волга, 1895–1995 гг. 1996. Пос. Волга, 239.

Высочайше утвержденное Товарищество Гаврило-Ямской мануфактуры льняных изделий А.А. Локалова. 1896. Ярославль: Типолитография Э.Г. Фальк, 13.

Государственный архив Ярославской области. 332. Земский начальник 3-го участка Романово-Борисоглебского уезда. Оп. 1. Д. 13.

Государственный архив Ярославской области. 642. Ярославский губернский статистический комитет. Оп. 2. Д. 20; Д. 32; Д. 33.

Государственный архив Ярославской области. 652. Фабрика льняных изделий «Наследники П.А. Сакина». Оп. 1. Д. 48.

Государственный архив Ярославской области. 674. Торгово-промышленное товарищество Ярославской Большой мануфактуры. Оп. 1. Д. 62.

Государственный архив Ярославской области. 676. Товарищество Гаврилов-Ямской мануфактуры льняных изделий А.А. Локалова. Оп. 1. Д. 59; 143; 412.

Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. 1900. М: Типография Т.А. Подрезкова, 17.

[80] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 223. Л. 96.

Обзор Ярославской губернии за 1898–99 гг. Ярославль: Типография Губернского правления, 1900. Ведомость № 23.
Орлов П.А. 1881. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 762.
Орлов П.А. 1887. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб.: Типография Р. Голике, 1887. 844 с.
Орлов П.А., Будагов С.Г. 1894. Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1894. 847 с.
Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 г. 1863. Ярославль: в Губернской типографии, 664.
Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. 1898. Ярославль: Типолитография Ярославского губернского правления, 964.
Победоносцев К.П., Бабст И.К. 1864. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: Типография Грачева, 578.
Список фабрик и заводов Европейской России. 1903. СПб.: Типография В. Киршбаума, 839.
Тимирязев Д.А. 1869. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России. Вып. 1. Промышленность обрабатывающая волокнистые вещества. СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 50.
Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области. 4773. Оп. 6. Д. 223.
Ярославская Большая мануфактура. 1900. М: Типография Торгово-промышленного Товарищества Т.И. Гаген, 114.

Список литературы

Бебель А. 1959. Женщина и социализм. Москва, Госполитиздат, 593 с.
Виноградов М.В., Землянский А.Ф., Карасев С.М. 1976. «Красный Перевал»: Очерки истории фабрики. Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 295 с.
Марасанова В.М. 2016. Промышленное развитие Ярославля и Рыбинска в начале XX века. Историки: Формирование исторической школы в Ярославском государственном университете: Сборник воспоминаний и материалов. Иваново: 115–123.
Марасанова В.М., Кривошеева Ю.А. 2020. Женский досуг в фабричной повседневности: текстильные предприятия Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. *Via in tempore. История. Политология.* 3: 559–567.
Мейерович М.Г. 1995. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, Ярославский государственный университет, 120.
Обнорская Н.В., Пирожникова М.В. 2010. Фабрика Классенов в середине XIX – начале XX в. Жизнь во благо: памяти Е.Е. Классена (1842–1910): сборник статей и материалов. Ярославль, Конверсия, 23–27.
Пажитнов К.А. 1958. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. Москва, Изд-во Академии Наук СССР, 425 с.
Паялин Н.П. 1936. Фабрика «Красный Перекоп»: б. Ярославская Большая мануфактура, 1722–1933. Т. 1. Волжские ткачи: 1722–1917. Москва, Гос. изд-во «История заводов», 403 с.
Чиркова Н.Г. 2010. О чем поведали документы. Жизнь во благо: памяти Е.Е. Классена (1842–1910): сборник статей и материалов. Ярославль, Конверсия: 28–32.

References

Bebel' A. 1959. Zhenshchina i sotsializm [Woman and Socialism]. Moscow, Gospolitizdat, 593 p.
Vinogradov M.V., Zemlyanskiy A.F., Karasev S.M. 1976. «Krasnyy Pereval»: Ocherki istorii fabriki [Krasny Pereval: Outline of the Factory’s History]. Yaroslavl', Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 295 p.
Marasanova V.M. 2016. Promyshlennoe razvitie Yaroslavlya i Rybinska v nachale XX veka [Industrial Development of Yaroslavl and Rybinsk in the Early 20th Century]. Istoriki: Formirovanie istoricheskoy shkoly v Yaroslavskom gosudarstvennom universitete: Sbornik vospominaniy i materialov. Ivanovo: 115–123.

Marasanova V.M., Krivosheeva Yu.A. 2020. Zhenskiy dosug v fabrichnoy povsednevnosti: tekstil'nye predpriyatiya Yaroslavskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Women Leisure and a Factory's Everyday Life: Textile Enterprises of the Yaroslavl Province in the Second Half of the XIXth – Early XXth Century]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 3: 559–567.

Meyerovich M.G. 1995. Rabochee dvizhenie v Yaroslavskoy gubernii v 1861 – fevrale 1917 g. Khronika [The Workers' Movement in the Yaroslavl Province from 1861 to February 1917: a Chronicle]. Yaroslavl', Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet, 120 p.

Obnorskaya N.V., Pirozhnikova M.V. 2010. Fabrika Klassenov v seredine XIX – nachale XX v. [The Klassens' Factory During the Middle of the 19th and Early 20th Centuries]. Zhizn' vo blago: pamyati E.E. Klassena (1842–1910): sbornik statey i materialov. Yaroslavl', Konversiya, 23–27.

Pazhitnov K.A. 1958. Ocherki istorii tekstil'noy promyshlennosti dorevolyutsionnoy Rossii. Khlopchatobumazhnaya, l'nopen'kovaya i shelkovaya promyshlennost' [Essays on the History of Textile Industry in Pre-Revolutionary Russia: Cotton, Linen, and Silk]. Moscow, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 425.

Payalin N.P. 1936. Fabrika «Krasnyy Perekop»: b. Yaroslavskaya Bol'shaya manufaktura, 1722–1933. T. 1. Volzhskie tkachi: 1722–1917 [Krasny Perekop Factory: Yaroslavl Big Manufactory, 1722–1933. Volume 1. The Volga Weavers: 1722–1917]. Moscow, Gos. izd-vo «Istoriya zavodov», 403.

Chirkova N.G. 2010. O chem povedali dokumenty [On Documents]. Zhizn' vo blago: pamyati E.E. Klassena (1842–1910): sbornik statey i materialov. Yaroslavl', Konversiya, 28–32.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.02.2024
Поступила после рецензирования 24.04.2024
Принята к публикации 27.04.2024

Received 25.02.2024
Revised 24.04.2024
Accepted 27.04.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марасанова Виктория Михайловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
ORCID: 0000-0001-8973-7831

Кривошеева Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
ORCID: 0000-0002-2116-1984

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victoria M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of Advertisement and Public Relations, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Julija A. Krivosheeva, Senior Lecturer of the Department of Advertisement and Public Relations, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

УДК 929
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-396-405
Обзорная статья

Михаил Иванович Коноров (1878–1968): биография педагога и руководителя Белгородского института народного образования – Белгородского педагогического техникума

Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: eivv@mail.ru, lyu-ku-tanv@yandex.ru

Аннотация. Исследование истории учебного заведения напрямую связано с восстановлением и изучением биографии его руководителей. Данное исследование представляет собой попытку наиболее полной и всесторонней реконструкции биографии известного педагога Михаила Ивановича Конорова, который около 40 лет проработал в учебных заведениях г. Белгорода и более 20 лет преподавал в последовательно преобразованных: педагогическом институте, институте народного образования, практическом институте народного образования, педагогическом техникуме и учительском институте. Основой источниковой базы исследования стали неопубликованные документы из региональных фондов архивов Белгорода и Курска, в том числе личные дневники, хранящиеся в Белгородском государственном историко-краеведческом музее. По результатам исследования выделено три периода в профессиональной биографии М.И. Конорова: Санкт-Петербургский (Петроградский) (1905–1918); Белгородский довоенный (1919–1941) и Белгородский послевоенный (1943–1958). Изучена его роль как руководителя в истории развития учебного заведения в 1920-е гг.

Ключевые слова: Михаил Иванович Коноров, педагог, Белгородский институт народного образования, Лаборатории экспериментальной педагогики, Белгород

Для цитирования: Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2024. Михаил Иванович Коноров (1878–1968): биография педагога и руководителя Белгородского института народного образования – Белгородского педагогического техникума. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 396–405. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-396-405

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Mikhail Ivanovich Konorov (1878–1968): Biography of a Teacher and Head of the Belgorod Institute of Public Education – Belgorod Pedagogical College

Irina V. Denisova, Viktoria A. Lyu-Ku-Tan
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: eivv@mail.ru, lyu-ku-tanv@yandex.ru

Abstract. The study of the history of an educational institution is directly related to the restoration and study of the biography of its leaders. This study is an attempt to make most complete and comprehensive reconstruction of the biography of the famous teacher Mikhail Ivanovich Konorov, who worked for about 40 years in educational institutions in Belgorod and taught for more than 20 years in successively transformed educational institutions: Belgorod Pedagogical Institute, Institute of Public Education, Practical Institute of Public Education, Pedagogical College, Belgorod State Teachers' Institute. Unpublished documents from

© Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А., 2024

the regional archives of Belgorod and Kursk, including personal diaries from the collections of the Belgorod State Museum of Local Lore, became the basis of the research source base. According to the results of the study, three periods in the professional biography of M.I. Konorov were identified: St. Petersburg (Petrograd) (1905–1918); Belgorod pre-war (1919–1941) and Belgorod post-war (1943–1958). His role as a leader in the history of the development of the educational institution in the 1920s has been studied.

Keywords: Mikhail Ivanovich Konorov, teacher, Belgorod Institute of Public Education, Laboratory of Experimental Pedagogy, Belgorod

For citation: Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2024. Mikhail Ivanovich Konorov (1878–1968): Biography of a Teacher and Head of the Belgorod Institute of Public Education – Belgorod Pedagogical College. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 396–405 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-396-405

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Несмотря на то, что исследование истории учебного заведения через изучение биографии его руководителей является одним из очевидных способов восстановления исторических фактов и основной канвы указанного исторического процесса, именно такой алгоритм является одним из самых действенных в условиях дефицита исторических источников.

Указанное исследование посвящено известному белгородскому педагогу – Михаилу Ивановичу Конорову, жизнь которого в 1920–1940-х гг. была неразрывно связана с Белгородским педагогическим институтом – Белгородским государственным учительским институтом, историческим правопреемником которых является НИУ «БелГУ». Попытки восстановления биографии известного белгородского педагога и руководителя Белгородского института народного образования, позднее практического института, Белгородского педагогического техникума в 1920–1924 гг., были предприняты А.Н. Крупенковым и И.В. Денисовой [Белгород в воспоминаниях белгородцев, 2008, с. 120; Денисова, 2015, с. 6], а также в 2018 г. в Музее истории НИУ «БелГУ» по результатам научно-исследовательской работы была впервые открыта выставка, посвященная 140-летию со дня рождения Михаила Ивановича Конорова. Однако в современной исторической науке отсутствует глубокое, подробное и полное исследование профессионального пути Михаила Ивановича Конорова.

Объект и методы исследования

Профессиональная педагогическая деятельность и личная биография Михаила Ивановича Конорова выбраны в качестве объекта исследования. Ведущим методом исследования является историко-биографический. Применение его инструментария позволило на основе работы как с рядом опубликованных источников, так и неопубликованных документов из архивохранилищ Курской и Белгородской области, а также Белгородского государственного историко-краеведческого музея наиболее детально изучить и восстановить биографию известного педагога.

Результаты и их обсуждение

Коноров Михаил Иванович родился 9 октября в 1878 в г. Обоянь Курской губернии. Его отец Иван Андреевич Коноров служил нотариусом в Обояни [81], а с 1890-х гг. – в г. Белгороде [82], где являлся нотариусом до 1916 г. [83].

Михаил Иванович был женат на Коноровой Зое Дмитриевне (1895–1985). Последние годы жизни они провели в Белгороде и похоронены на кладбище Ячнево. Их дочь Конорова

[81] Календарь и Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. С. 44.
[82] Календарь и Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. Курск, 1893. С. 44.
[83] Курский адрес-календарь на 1916 год. Курск. 1916. С. 182.

Татьяна Михайловна вспоминала, что мама окончила Ленинградскую консерваторию, работала в Белгороде аккомпаниатором. Т.М. Конорова – выпускница исторического факультета Харьковского государственного университета. Руководила детским хореографическим ансамблем во Дворце пионеров, работала в Белгородском художественном музее и научной библиотеке, являлась членом Союза журналистов России.

Михаил Иванович окончил приходское и уездное училища в Обояни, позже продолжил обучение в Курской и Белгородской гимназиях. В 1898 г. он окончил Белгородскую мужскую классическую гимназию, носившую имя ЕКВ Герцога Эдинбургского [84].

После окончания гимназии М.И. Коноров был принят на физико-математический факультет Императорского Харьковского университета, но в связи с участием в студенческом движении был исключен [85]. В 1899 г. он был принят на словесное отделение историко-филологического факультета данного университета, которое окончил в 1903 году с золотой медалью за сочинение, посвященное творчеству В.И. Даля [86].

В 1905 г. М.И. Коноров поступил на Высшие педагогические курсы при Всероссийском педагогическом музее военно-учебных заведений в Санкт-Петербурге. По его воспоминаниям, на этих курсах преподавали «выдающиеся ученые, например, физиолог Н.Е. Введенский, психиатр В.М. Бехтерев и другие» [87]. После окончания курсов Михаил Иванович был назначен ассистентом Лаборатории экспериментальной педагогики и психологии данного музея, а с 1910 г. являлся руководителем практических занятий по русскому языку в нём [Барсков, 1914, с. 340].

Продолжая активную научную деятельность в Лаборатории, Михаил Иванович в 1906 г. стал организатором и участником первого Всероссийского съезда по педагогической психологии под председательством генерал-лейтенанта А.Н. Макарова, который проходил в Санкт-Петербурге (31 мая – 4 июня). На съезде М.И. Коноров выступил с докладом «О демонстрациях при преподавании элементарного курса психологии», являлся его секретарем и членом организационного комитета [Труды первого всероссийского съезда по педагогической психологии, 1906, с. 86–88].

Отметим, что М.И. Коноров был включен в состав бюро и избран секретарем второго Всероссийского съезда по педагогической психологии, проходившего под председательством В.М. Бехтерева с 1 по 5 июня 1909 г. в Санкт-Петербурге. Труды данных съездов и отчеты об их работе были изданы под редакцией Михаила Ивановича [Труды второго всероссийского съезда по педагогической психологии, 1910].

Результатом научно-исследовательской работы М.И. Конорова стали вышедшие под его редакцией два выпуска пособия «Лаборатория экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее военно-учебных заведений» [Коноров, 1911; Коноров 1913]. Отметим, что во втором выпуске был опубликован перечень городов и учреждений, имеющих коллекции психологических приборов, среди них упоминаются учительский институт и мужская гимназия в Белгороде. В Белгородском учительском институте после 1919 г. М.И. Коноров начнет преподавать. Следует отметить, что в числе учительских институтов, обладавших такими коллекциями, были указаны также Нижегородский, Томский и Феодосийский, однако Московского и Санкт-Петербургского среди них не было [Коноров 1913, с. 57–58].

В процессе работы в данной Лаборатории Михаил Иванович сотрудничал с известным педагогом Александром Петровичем Нечаевым, опубликована их совместная работа «Коллекция простейших приборов для преподавателей психологии в средних школах» [Коноров,

[84] Белгородский областной краеведческий музей (БОКМ). Инв. № 17788-О. Тетрадь «Биография Конорова М.И.». Л. 10.

[85] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Харьковского университета за 1898–1899 академический год. Харьков, 1898. С. 39.

[86] БОКМ. Инв. № 8480/(Д-1553) Листовка «Голосуйте за кандидата сталинского блока и беспартийных – Конорова М.И.»; Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Харьковского университета за 1899–1900 академический год. Харьков, 1899. С. 36.

[87] БОКМ. Инв. № 17788-О. Тетрадь «Биография Конорова М.И.» Л. 10.

Нечаев, 1907]. Через пять лет, в 1912 г., М.И. Коноровым данный список приборов и таблиц был переработан и дополнен [Коноров, 1912], что в целом свидетельствует о продолжении активных исследований автором.

Подтверждением значительного вклада А.П. Нечаева и М.И. Конорова в развитие преподавания психологии в различных учебных заведениях за период работы лаборатории с 1907 по 1912 г. стало оборудование около 120 школьно-психологических кабинетов и небольших психологических лабораторий. Вместе с тем лаборатория под их руководством принимала на себя по просьбе некоторых учебных заведений решение вопросов с зарубежными фирмами о доставке необходимых аппаратов и предоставляла руководства по устройству психологических кабинетов и психолого-педагогических библиотек [Барсков, 1914, с. 129].

Активная научно-исследовательская деятельность М.И. Конорова продолжалась до середины 1910-х гг. В 1914 г. вышла книга М.И. Конорова «Основы наглядности и их применение в начальном обучении» [Коноров, 1914].

С 1908 по 1909 г., в Санкт-Петербурге Михаил Иванович занимался издательской деятельностью – являлся секретарем журнала «Вестник психологии» [88], а также принимал участие в различных общественных организациях. Так, в 1915–1917 гг. он являлся товарищем председателя Общества экспериментальной педагогики [89], а в 1916 г. и 1917 г. – казначеем Англо-русского педагогического общества [90].

Наряду с научной и издательской деятельностью, Михаил Иванович с 1907 по 1918 гг. преподавал в средних и высших учебных заведениях г. Санкт-Петербурга, в том числе в Кадетском корпусе Императора Александра II – 1907–1914 гг.; Частной гимназии К. Мая – 1907–1909 гг.; Павловском военном училище – 1907–1914 гг.; Педагогической академии – 1909 г.; Лаборатории экспериментальной педагогики и психологии – 1910–1917 гг.; Гимназии Гуревича – 1910–1914 гг.; Военно-педагогических курсах – 1911–1914 гг., 1916–1917 гг.; Императорском женском педагогическом институте – 1910–1918 гг. и Константиновской гимназии при нем (с 1910 по 1912 г. – русский язык в гимназии, а с сентября 1912 по июль 1918 г. – методику русского языка в Институте) [91].

В конце Петербургского периода М.И. Коноров, продолжая научную работу, активно публикует рецензии в журнале «Педагогическая мысль» на книги Э. Меймана «Лекции по экспериментальной педагогике. Ч. III. Наглядное обучение чтению, письму, рисованию и арифметике» (1918 г.), А.П. Нечаева «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения» (1918 г.), П. Мендуса «От дрессировки к воспитанию (свободной самостоятельности)» (1919 г.) [Педагогическая библиография, 1925, с. 82–83].

По воспоминаниям М.И. Конорова, в середине 1918 г. в связи с перенесенным в тяжелой форме возвратным тифом он вернулся из г. Петроград в г. Белгород, где жил его отец [92]. С 1918 по 1922 г. в Белгороде Михаил Иванович работал инструктором внешкольного образования, а также заведующим отделом внешкольного образования и заведующим инструкторским отделом. Свою педагогическую деятельность Михаил Иванович начал в высшем учебном заведении – Белгородском педагогическом институте, преобразованном из Белгородского учительского института. С марта 1919 г. он преподавал здесь педагогику и психологию [93].

---

[88] Весь Петербург на 1909 г.: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. Санкт-Петербург, 1909. С. 385.

[89] Весь Петроград на 1915 г.: адресная и справочная книга г. Петрограда. Петроград, 1915. С. 319.

[90] Весь Петроград на 1916 г.: адресная и справочная книга г. Петрограда. Петроград, с. 331; Весь Петроград на 1917 г.: адресная и справочная книга г. Петрограда. Петроград, с. 335.

[91] Весь Петербург на 1907 г.: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербург. Санкт-Петербург, с. 345; То же на 1908 г. С. 368; То же на 1909. С. 385.; То же на 1910 г. С. 417; То же на 1911 г. С. 435; То же на 1912 г. С. 438; То же на 1913 г. С. 307; То же 1914 г. С. 321; Весь Петроград на 1915 г.: адресная и справочная книга г. Петроград. Петроград. С. 319; То же на 1916 г. С. 331; То же на 1917 г. С. 335.

[92] БОКМ. Инв. № 17788-О. Тетрадь «Биография Конорова М.И.». Л. 3.

[93] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 10. Д. 138. Л. 8–8 об.

В 1920 г. Белгородский педагогический институт был преобразован в Белгородский институт народного образования (БИНО), председателем Совета которого стал М.И. Коноров [94]. В БИНО Михаил Иванович преподавал педагогику и психологию. Михаил Иванович вспоминал, что в связи со сложной политической и социально-экономической обстановкой, соответствующей указанному историческому периоду, не удавалось получать необходимые материальные средства на содержание учебного заведения, приходилось на месте изыскивать средства и педагогический персонал [95]. Функционируя под руководством М.И. Конорова в начале 1920-х гг., институт продолжал располагаться в здании, отведенном для него в 1876 г.

В связи с социально-экономическими трудностями, обусловленными тем, что большинство студентов не были местными жителями, возникали проблемы с их питанием и угрозой закрытия института. В апреле 1920 г. М.И. Конорову удалось договориться с Белгородским Земельным отделом о выделении для института сельскохозяйственной фермы площадью в 21 десятину, которая располагалась на бывшей даче купца Мачурина в 6 верстах от г. Белгорода. На ферме имелись 4 лошади, 4 коровы, 5 поросят, 5 кур, 3 пары кроликов, 5 овец, 4 утки. На ферме студенты и преподаватели выращивали рожь, свеклу, картофель, горох, бобы, фасоль, просо, гречиху, пшеницу, подсолнух, овес, огурцы, лук, капусту, морковь, кукурузу, петрушку, укроп, баклажан, репу [96].

В 1921–1922 учебном году институт преобразован в практический институт народного образования, а М.И. Коноров назначен на должность ректора [97]. Также в институте он преподавал педагогические дисциплины и совмещал в 1920–1923 гг. работу в железнодорожной школе [98].

В 1921–22 учебном году в институте действовали первый общеобразовательный курс, со второго курса функционировали 3 факультета: общественно-исторический, физико-математический и естественно-географический, а также подготовительная группа. Однако в конце учебного года деление по специализациям было прекращено. В структуру института входили: 1) физический кабинет; 2) химический кабинет; 3) естественно-научный кабинет; 4) географический класс; 5) библиотека; 6) музей имени Л.Н. Толстого; 7) сельскохозяйственная ферма.

Несмотря на сложившиеся обстоятельства и материальные трудности, институт под руководством Михаила Ивановича Конорова продолжал работать, а сам он отмечал, что «преподаватели с увлечением проводили занятия, вовлекая молодёжь в интенсивную учебную работу. Между учащимися и преподавателями установились очень теплые отношения, которые помогали преодолеть большие трудности. Жизнь скрашивалась литературными вечерами, экскурсиями, постановками пьес, включением в общественную работу» [99].

Учебное заведение осенью 1923 г. было реорганизовано в педагогический техникум с 4-летним сроком обучения. С сентября 1923 по август 1924 г. М.И. Коноров продолжал возглавлять учебное заведение в должности заведующего [100]. Педагогический техникум попрежнему располагался в г. Белгороде по ул. Сергеевская, 1 (в здании бывшего учительского института) и занимал часть помещений, так как здание было передано железнодорожной школе. В совместное пользование Педтехникуму и железнодорожной школе были отведены 2 зала и 5 аудиторий. Исключительно педагогическому техникуму были отведены

[94] ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 338. Л. 31.

[95] БОКМ. Инв. № 17786 Тетрадь М.И. Конорова «Значение Белгорода в деле народного просвещения». Л. 15.

[96] Там же. Л. 94–94 об.

[97] ГАКО Ф. Р-309. Оп. 4. Д. 188. Л. 33; БОКМ. Инв. № 8477/(Д-1550) – № 8477-О Удостоверение ректора Белгородского Практического института народного образования, М.И. Конорова 1923 г.

[98] БОКМ. Инв. № 50300. Наградной лист М.И. Конорова; ГАКО. Р-309. Оп. 8. Д. 63. Л. 85.

[99] БОКМ. Инв. № 17786. Тетрадь М.И. Конорова «Значение Белгорода в деле народного просвещения». Л. 15.

[100] БОКМ. Инв. № 50300. Наградной лист М.И. Конорова.

учительская, библиотека и физический кабинет [101]. Недостаток площади отрицательно сказывался на учебном процессе. М.И. Коноров в отчёте о работе учебного заведения за первый квартал 1924 г. отмечал, что «хлопоты об отводе для Педагогического техникума зданий бывшей мужской гимназии до сих пор не дали реальных результатов» [102]. Имелось два общежития: мужское на 7 мест и женское на 22 места. Опытная школа (семилетка) при техникуме в связи с передачей помещений железнодорожной школе так и не была открыта [103]. В распоряжении техникума оставалась сельскохозяйственная ферма, земельный участок площадью 38 десятин [104]. В это время в учебном заведении в штате было 17 преподавателей и 9 служащих [105]. Библиотека в начале 1924 г. включала в себя 5 553 тома [106].

В июле 1924 г. постановлением уисполкома педагогическому техникуму было передано ««лучшее здание в городе» по ул. Народная, 56 (ныне Народный бульвар, 74). С 1904 г. по 7 ноября 1917 г. в здании располагалась Белгородская женская гимназия» [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2017, с. 257].

В своем отчете от 1 сентября 1924 г. Михаил Иванович отмечал, что к началу учебного года опытная школа начинает свою работу. В Педагогическом техникуме в то же время обучалось 168 студентов: 58 мужчин и 106 женщин. Учебный процесс обеспечивали библиотека, физический и химический кабинеты, а также кабинет родного языка [107].

На посту заведующего М.И. Конорова сменил В.Ф. Шалаев. Михаил Иванович с 1924 по 1939 г. работал в должности преподавателя, заведующего учебной частью и курса при Белгородском педагогическом техникуме.

При обследовании Белгородского педагогического техникума отделом народного образования 27 мая 1924 г. Михаил Иванович Коноров как преподаватель был охарактеризован следующим образом: «как педагог и психолог обладает большой эрудицией по методам А.П. Нечаева. Знаком и с новыми течениями в области психологии и педологии, но практически в педтехникуме применял мало. В общественной работе как по профессиональным, так и по вопросам специальности принимал самое деятельное участие, но как заведующий педтехникумом не обладает административными способностями» [108].

В 1926 г. в его карточке работника педагогического техникума было указано: «сын служащего, потомственного почетного гражданина, беспартийный, женат (жена с ребенком), русский, в профсоюзе с 1920 г., в армии не служил по состоянию здоровья. Преподаватель педагогических дисциплин техникума, совместительство – уроки в железнодорожной школе» [109]. В числе преподаваемых дисциплин были указаны введение в педологию, основа педологии, теория и практика трудового воспитания.

Одновременно с работой в педагогическом техникуме М.И. Коноров заведовал отделом внешкольного образования, курсами по подготовке работников дошкольного воспитания, детских садов, 10-месячными курсами по подготовке учителей 5–7 классов, являлся консультантом при заочном секторе Орловского педагогического института, постоянно являлся председателем комиссий по ликвидации неграмотности красноармейцев [110].

В 1939 г. Белгородский педагогический техникум реорганизован в Белгородский государственный учительский институт с физико-математическим и естественного-географическим отделениями. С 1939 по 1941 гг. Михаил Иванович Коноров являлся старшим преподавателем

[101] ГАКО. Р-309. Оп. 5. Д. 178. Л. 123 об.
[102] Там же.
[103] Там же.
[104] Там же. Л. 27.
[105] ГАКО. Р-309. Оп. 5. Д. 178. Л. 28.
[106] Там же. Л. 123.
[107] ГАКО. Р-309. Оп. 6. Д. 175. Л. 3–3 об.
[108] ГАБО. Р-379. Оп. 4. Д. 3. Л. 53.
[109] ГАКО. Р-309. Оп. 8. Д. 219. Л. 257.
[110] БОКМ. № 17788-О. Тетрадь «Биография Конорова М.И.». Л. 4–5.

кафедры педагогики Белгородского государственного учительского института и преподавал в нём педагогику и психологию [111]. С 1941 г. он занимал должность заведующего учебной частью. В 1940 г. как «особо отличившийся на педагогической работе в институте» М.И. Коноров был командирован на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в г. Москва [112].

По воспоминаниям Михаила Ивановича, в октябре 1941 г. учительский институт начал готовиться к эвакуации, которая оказалась невозможной, так как занявшие город немецкие войска использовали здание и все оставшееся имущество института [113]. «За 3 дня до занятия г. Белгорода противником в эвакуацию отправились директор института А.К. Ким, его заместитель М.И. Коноров и ряд преподавателей» [114]. Преподавательский состав был эвакуирован в Казахскую ССР, где Михаил Иванович с 1942 по 1943 гг. работал инспектором при Акмолинском ОблОНО, директором Дмитревской средней школы [115].

После освобождения Белгорода в октябре 1943 г. М.И. Коноров вернулся в Белгород. С 1943 по 1944 г. работал в должности директора семилетней школы № 2. С 1944 по 1948 г. заведовал методическим отделом при Белгородском отделе Народного образования [116]. С 1948 г. являлся завучем и преподавал русский язык и литературу в семилетней школе № 5, которую возглавлял его бывший ученик Матузенко Федор Георгиевич, выпускник Белгородского педагогического техникума 1925 г. С 1945 г. преподавал латинский язык в медицинском училище (ныне «медицинский колледж НИУ «БелГУ»).

Помимо педагогической деятельности он занимался и общественной: четыре раза избирался депутатом Белгородского горсовета [Белгород в воспоминаниях белгородцев, 2008, с. 102], принимал активное участие в издании газеты «Белгородская правда». Он являлся рабкором газеты, присылал свои заметки с 1938 г., а в 1951 г., в год празднования 30-летия газеты, был награжден почетной грамотой за активное участие в ее издании [117].

После 56-летней работы в сфере народного образования и выхода на пенсию в апреле 1958 г. он продолжил работу в Общественной приемной газеты. Ушел из жизни в мае 1968 года.

Михаил Иванович Коноров – заслуженный учитель школы РСФСР (1952), за свой вклад в развитие образования награжден орденами Трудового Красного знамени, «Знак почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», значком «Отличник Просвещения».

Заключение

Таким образом, результатом исследования и анализа преимущественно архивных документов стала реконструированная биография Михаила Ивановича Конорова. Подробно исследованы его педагогическая и управленческая деятельность в работе учебного заведения, которое неоднократно было преобразовано в Белгородский педагогический институт (1919), института народного образования (1920), практический институт народного образования (1922), педагогический техникум (1923), Белгородский государственный учительский институт (1939), которыми он руководил с 1920 по 1924 г. Наряду с профессиональной карьерой изучена его научная деятельность. В ходе исследования удалось выделить три периода в его педагогической деятельности: Санкт-Петербургский (Петроградский) (1905–1918); Белгородский довоенный (1919–1941) и Белгородский послевоенный (1943–1958). Отметим, что Михаил Иванович Коноров внес значительный вклад в развитие высшего и среднего образования г. Белгорода.

[111] ГА РФ Ф.Р-8080. Оп. 4. Д. 71. Л. 28.

[112] БОКМ. Инв. № 26921. Командировочное удостоверение М.И. Конорова.

[113] БОКМ. Инв. № 17786. Тетрадь М.И. Конорова «Значение Белгорода в деле народного просвещения».

[114] БОКМ. Инв. № 17787. Тетрадь М.И. Конорова «Воспоминания Конорова Михаила Ивановича о состоянии народного образования в г. Белгороде в первые десятилетия советской власти».

[115] БОКМ. Инв. №50300. Наградной лист М.И. Конорова. Л. 1 об.

[116] Там же.

[117] ГАНИБО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 348. Л. 188–189.

Список источников

Белгородский областной краеведческий музей (БОКМ). № 17788-О. Тетрадь «Биография Конорова М.И.».
БОКМ. № 8480/(Д-1553). Листовка «Голосуйте за кандидата сталинского блока и беспартийных – Конорова М.И.».
Календарь и Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, Курский губ. статистический комитет, 1892.8, [1], VIII, 37, [1], 46, 88, [1], 62, [1], 225, [1], 16 с.
Календарь и Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. Курск, Курский губ. статистический комитет, 1893. 36, [1], 18, 40, 10, [1], 82, 17, [1], 127, [1], 227, V, 5 с.
Курский адрес-календарь на 1916 г. Курск, Электрическая Типо-Литография Губернского Правления, 1916. 359 с.
Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Харьковского университета за 1898–1899 академический год. Харьков: Университетская типография, 1898. С. 39.
Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Харьковского университета за 1899–1900 академический год. Харьков, Университетская типография, 1899. С. 36.
Весь Петербург на 1907 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Издание А.С. Суворина, 1907. 936 с., 2144 стб.
Весь Петербург на 1908 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Издание А.С. Суворина, 1908. 988 с., 2074 стб.
Весь Петербург на 1909 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Издание А.С. Суворина, 1909. 1026 с., 2205 стб
Весь Петербург на 1910 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Издание А.С. Суворина, 1910. 1100 с., 2312 стб.
Весь Петербург на 1911 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Издание А.С. Суворина, 1911. 1188 с., 2410 стб.
Весь Петербург на 1912 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Издание А.С. Суворина, 1912. 1209 с., 2492 стб.
Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., издание А.С. Суворина, 1913. 850 с., 1877 стб.
Весь Петербург на 1914 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Издание т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1914. 906 с., 1999 стб.
Весь Петроград на 1915 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. СПб., Издание т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1915. 884 с., 1918 стб.
Весь Петроград на 1916 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. СПб., Издание т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916. 924 с., 1984 стб.
Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. СПб., Издание т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1917. 930 с., 2086 стб.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2306. Министерство просвещения РСФСР (МИНПРОС РСФСР). Оп. 10. Д. 138.
Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-309. Курский губернский отдел народного образования. Оп. 2. Д. 338.
ГАКО Ф. Р-309. Курский губернский отдел народного образования. Оп. 4. Д. 188.
БОКМ. 8477/(Д-1550)-№ 8477-О. Удостоверение ректора Белгородского Практического института народного образования М.И. Конорова, 1923 г.
БОКМ. № 50300 Наградной лист М.И. Конорова. ГАКО. Р-309. Курский губернский отдел народного образования. Оп. 8. Д. 63.
ГАКО. Р-309. Курский губернский отдел народного образования. Оп. 5. Д. 178.
ГАКО. Р-309. Курский губернский отдел народного образования. Оп. 6. Д. 175.
Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Р-379. Белгородский исполнительный комитет уездных Советов рабочих крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 4. Д. 3.
ГАКО. Р-309. Курский губернский отдел народного образования. Оп. 8. Д. 219.
ГА РФ. Ф.Р-8080. Всесоюзный Комитет по делам Высшей школы (ВКВШ) при Совете Народных Комиссаров СССР. Оп. 4. Д. 71.
БОКМ. Инв. № 26921. Командировочное удостоверение М.И. Конорова.
БОКМ. Инв. № 17786. Тетрадь М.И. Конорова «Значение Белгорода в деле народного просвещения»

БОКМ. Инв. № 17787. Тетрадь М.И. Конорова «Воспоминания Конорова Михаила Ивановича о состоянии народного образования в г. Белгороде в первые десятилетия советской власти».
Государственный архив новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО). Ф. 4. Белгородский райком КПСС. Оп. 1. Д. 348.

Список литературы

Белгород в воспоминаниях белгородцев. 2008. Сост. А.Н. Крупенков. Белгород, КОНСТАНТА, 2008. 479 с.
Денисова И.В. 2015. Директор Белгородского института народного образования. *Вести БелГУ*. 8(28): 6.
Барсков Я.Л. 1914. Педагогический музей военно-учебных заведений 1864–1914. Санкт-Петербург, XXVII, 346 с.
Труды первого всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая – 4 июня): отчет, составленный секретарем съезда М.И. Коноровым. 1906. Санкт-Петербург: Тип. П.П. Сойкина, 280, III с.
Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня): Отчет, сост. секретарем Съезда М.И. Коноровым, при содействии секретарей Съезда А.И. Неклюдовой и Н.Е. Румянцева. 1910. Санкт-Петербург. 4, 401 с.
Коноров М.И. 1911. Лаборатория экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее военно-учебных заведений. Пед. музей воен.-учеб. заведений. СПб., тип. П.П. Сойкина, 1911–1913. [Вып.] I. 71 с.
Коноров М.И. 1913. Лаборатория экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее военно-учебных заведений. Пед. музей воен.-учеб. заведений. Вып. II. СПб., тип. П.П. Сойкина, 60 с.
Коноров М.И., Нечаев А.П. 1907. Коллекция простейших приборов для преподавателей психологии в средних школах. Санкт-Петербург, Тип. П.П. Сойкина, 1907. 11 с.
Коноров М.И. 1912. Учебная коллекция психологических приборов и таблиц. Санкт-Петербург, тип. П.П. Сойкина, 39 с.
Коноров М.И. 1914. Основы наглядности и их применение в начальном обучении. Москва: Жур. «Нар. учитель», 80 с.
Педагогическая библиография: систематический указатель книжной и журнальной литературы по вопросам народного просвещения за 1917–1924 гг.: [Кн. 1]: Школьное образование. 1925. Сост. Д.Е. Березов и др. Ленинград, Госиздат, 388 с.
Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2017. Из истории Белгородского педагогического техникума в 1920-е годы. Белгородский диалог – 2017: проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сб. материалов IX Междунар. молодежного науч. Форума. Белгород, НИУ «БелГУ»: 255–260.

References

Belgorod v vospominaniyakh belgorodtsev [Belgorod in the Memories of Belgorod Residents]. 2008. Comp. A.N. Krupenkov. Belgorod, KONSTANTA, 479 p.
Denisova I.V. 2015. Direktor Belgorodskogo instituta narodnogo obrazovaniya [Director of the Belgorod Institute of Public Education]. *Vesti BelGU* [News of BelSU]. 8(28): 6 p.
Barskov Ya.L. 1914. Pedagogicheskiy muzey voenno-uchebnykh zavedeniy 1864–1914 [Pedagogical Museum of Military Educational Institutions 1864–1914]. Saint Petersburg, XXVII, 346 p.
Trudy pervogo vserossiyskogo s"ezda po pedagogicheskoy psikhologii v S.-Peterburge v 1906 g. (31 maya – 4 iyunya: otchet, sostavlennyy sekretarem s"ezda M. I. Konorovym [Proceedings of the First All-Russian Congress on Educational Psychology in St. Petersburg in 1906 (May 31–June 4): Report Compiled by the Secretary of the Congress M. I. Konorov]. 1906. Saint Petersburg, Tip. P.P. Soykina, 280, III p.
Trudy Vtorogo Vserossiyskogo s"ezda po pedagogicheskoy psikhologii v S.-Peterburge v 1909 g. (1–5 iyunya): Otchet, sost. sekretarem S"ezda M.I. Konorovym, pri sodeystvii sekretarey S"ezda A.I. Neklyudovoy i N.E. Rumyantseva [Proceedings of the Second All-Russian Congress on Educational Psychology in St. Petersburg in 1909 (June 1–5): Report, Comp. Secretary of the Congress M.I. Konorov, with the Assistance of the Secretaries of the Congress A.I. Neklyudova and N.E. Rumyantseva]. 1910. Saint Petersbur. 4, 401 p.

Konorov M.I. 1911. Laboratoriya eksperimental'noy pedagogicheskoy psikhologii pri Pedagogicheskom muzee voenno-uchebnykh zavedeniy [Laboratory of Experimental Pedagogical Psychology at the Pedagogical Museum of Military Educational Institutions]. Ped. muzey voen.-ucheb. zavedeniy. Saint Petersbur, tip. P.P. Soykina, 1911–1913. Vol. I. 71 p.

Konorov M.I. 1913. Laboratoriya eksperimental'noy pedagogicheskoy psikhologii pri Pedagogicheskom muzee voenno-uchebnykh zavedeniy [Laboratory of Experimental Pedagogical Psychology at the Pedagogical Museum of Military Educational Institutions]. Ped. muzey voen.-ucheb. zavedeniy. Vol. II. Saint Petersbur, tip. P.P. Soykina, 60 p.

Konorov M.I., Nechaev A.P. 1907. Kollektsiya prosteyshikh priborov dlya prepodavateley psikhologii v srednikh shkolakh [A Collection of Simple Instruments for Psychology Teachers in Secondary Schools]. Saint Petersbur, Tip. P.P. Soykina, 1907. 11 p.

Konorov M.I. 1912. Uchebnaya kollektsiya psikhologicheskikh priborov i tablits [Educational Collection of Psychological Instruments and Tables]. Saint Petersbur, tip. P.P. Soykina, 39 p.

Konorov M.I. 1914. Osnovy naglyadnosti i ikh primenenie v nachal'nom obuchenii [Basics of Visualization and Their Application in Primary Education]. Moskva: Zhurnal "Nar. uchitel'", 1914. 80 p.

Pedagogicheskaya bibliografiya: sistematicheskiy ukazatel' knizhnoy i zhurnal'noy literatury po voprosam narodnogo prosveshcheniya za 1917–1924: [Vol. 1]: Shkol'noe obrazovanie [Pedagogical Bibliography: Systematic Index of Book and Journal Literature on Issues of Public Education for 1917–1924]. 1925. Comp. D.E. Berezov i and Others. Leningrad, Gosizdat, 388 p.

Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2017. Iz istorii Belgorodskogo pedagogicheskogo tekhnikuma v 1920-e gody [From the History of the Belgorod Pedagogical College in the 1920s]. Belgorodskiy dialog – 2017: problemy filologii, vseobshchey i otechestvennoy istorii: sbornik materialov IX Mezhdunar. molodezhnogo nauch. Foruma. Belgorod, NIU «BelGU»: 255–260.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.04.2024
Поступила после рецензирования 14.05.2024
Принята к публикации 16.05.2024

Received 19.04.2024
Revised 14.05.2024
Accepted 16.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, директор музея истории НИУ «БелГУ», Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0002-6612-4191

Лю-Ку-Тан Виктория Александровна, кандидат исторических наук, специалист по экспозиционной и выставочной деятельности музея истории НИУ «БелГУ», Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0003-0655-9246

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Denisova, Candidate of Sciences in History, Director of the History Museum, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Viktoriya A. Lyu-Ku-Tan, Candidate of Sciences in History, Expert on Representational and Exhibition Activities of the History Museum, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 93/94
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-406-415
Оригинальное исследование

Генерал-губернатор И.В. Гурко: проблемы обеспечения государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи

Ананьев С.В.[1], Климов А.А.[2]
[1)] Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации,
Россия, 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, 9 А;
[2)] Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
Россия, 119330, г. Москва, ул. Университетский проспект, 14
E-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru; andrey_klimov1968@mail.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи – рассмотрение политической деятельности варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко по обеспечению государственной и общественной безопасности в польских губерниях Российской империи. В работе применены историко-сравнительный, историко-типологический, а также общенаучные методы исследования. Впервые в отечественной историографии анализируется деятельность генерал-губернатора И.В. Гурко по вопросам обеспечения безопасности в польских губерниях империи. Рассмотрена краткая характеристика национальной политики на западных окраинах Российского государства в период царствования императора Александра III и механизмы реализации их русификации и унификации в структуру империи. И.В. Гурко стремился улучшить положение русского населения, православной церкви в польских губерниях, укрепить безопасность границ. Кадровая, аграрная и конфессиональная политика государства, однако, не способствовала подрыву господства польского национального элемента, проявившего высокую степень устойчивости, найдя ментальные ответы путем национального просвещения и общественно-политического сопротивления.

Ключевые слова: русификация, унификация, безопасность, генерал-губернатор, Привислинский край, чиновничество, западные окраины

Для цитирования: Ананьев С.В., Климов А.А. 2024. Генерал-губернатор И.В. Гурко: проблемы обеспечения государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 406–415. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-406-415

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

© Ананьев С.В., Климов А.А., 2024

Governor-General I.V. Gurko: Problems of Ensuring State and Public Security in the Privislinsky Region of the Russian Empire

Sergey V. Ananyev [1], **Andrey A. Klimov** [2]
[1)] Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation,
9A Krasnokazarmennaya St., Moscow 111250, Russia;
[2)] Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
14 Universitetskiy Ave., Moscow 119330, Russia
E-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru; andrey_klimov1968@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the political activities of the Warsaw Governor-General I.V. Gurko to ensure state and public security in the Polish provinces of the Russian Empire. The work provides historical-comparative, historical-typological, as well as general scientific research methods. For the first time in Russian historiography, the activities of Governor-General I.V. Gurko on security issues in the Polish provinces of the empire is analyzed. A brief description of national policy on the western outskirts of the Russian state during the reign of Emperor Alexander III and the mechanisms for implementing their Russification and unification into the structure of the empire are considered. I.V. Gurko sought to improve the position of the Russian population, the Orthodox Church in the Polish provinces, to strengthen border security. The personnel, agrarian and confessional policy of the state, however, did not contribute to undermining the dominance of the Polish national element, which showed a high degree of stability, finding mental answers through national education and socio-political resistance.

Keywords: Russification, unification, security, Governor General, Privislinsky Territory, bureaucracy, western outskirts

For citation: Ananyev S.V., Klimov A.A. 2024. Governor-General I.V. Gurko: Problems of Ensuring State and Public Security in the Privislinsky Region of the Russian Empire. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 406–415 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-406-415

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Убийство императора Александра II народовольцами в 1881 году поставило царское правительство перед необходимостью обращения более пристального внимания к вопросам обеспечения государственной и общественной безопасности Российской империи.

С воцарением императора Александра III правительственный курс окончательно сместился в сторону консервативной направленности и политической реакции. На первые роли в государственной политике выдвинулись такие консерваторы, как К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, П.С. Ванновский [Зайончковский, 1978]. Одним из наиболее ярких воплотителей консервативно-охранительной и в то же время интеграционной политики западных окраин империи с ее центром, по мнению современников событий [Витте, 1924, с. 295], являлся герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал-адъютант Иосиф Владимирович Гурко.

Польскому направлению правительственной политики традиционно отводилось большое внимание. Так, из 1 364 собственноручных резолюций Александра III по делам Комитета министров 411 касались только Западного и Привислинского краев (30 %) [Собрание узаконений, 1863–1917]. Окраинная политика Российского государства с 1880-х гг. характеризуется более явным усилением русификаторских мер, а также административной и куль-

турной унификацией его западных губерний. Продолжились ограничения по использованию польского языка в образовательном процессе и при ведении официального делопроизводства. Очаги польской культуры и внешние проявления польского нарратива ставятся под полный запрет [Бартызель, 2013, с. 184–185]. В российских университетах действовал 10 % лимит для польских студентов, шло систематическое вытеснение поляков и из важнейших ведомств и системы образования. В Варшавском университете начиная с 1883 г. преподавание и делопроизводство велось исключительно на русском языке. Внимание местной администрации было обращено и на вопрос регулирования браков между православными и католиками.

Решающим фактором при кадровых назначениях в местную администрацию периода царствования Александра III стало русское происхождение чиновников и землевладельцев [Зайончковский, 1970, с. 97–117]. Следует признать, что эти назначения, к сожалению, несли с собой и пагубные последствия, которые заключались в распространении взяточничества в российской чиновничьей среде, что подтверждается архивными данными.

Кроме того, некоторые русские чиновники отправлялись в край, чтобы приобрести бывшие земли польских помещиков, и сами, в свою очередь, становились помещиками. Другой крайностью являлось то, что из всего числа приехавших из внутренних губерний лиц было немало социалистов [118]. Надо полагать, что подобные тенденции бросали тень на проводимую в регионе политику, что способствовало обратному эффекту – большему сплочению носителей польской национальности и культуры. Данные мероприятия на западных окраинах государства признавались необходимыми для обеспечения безопасности его западных границ.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является административно-политическая деятельность варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко по обеспечению государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи. Рассмотрение деятельности И.В. Гурко в польских губерниях Российской империи было выбрано как пример твердой и последовательной политики, проводимой имперской властью в западных окраинах государства, принесшей хоть и временную, но политическую стабильность в регионе.

В советской историографии господствовала точка зрения, согласно которой И.В. Гурко представлялся врагом поляков. Отмечалось, что при И.В. Гурко политика обрусения Привислинского края (наименование Царства Польского с 1887 г.) достигла апогея. Типичной для советской историографии стала кочующая из работы в работу фраза, якобы произнесенная И.В. Гурко: «Я сошлю, повешу сотню студентов» [Троицкий, 1971, с. 11]. Превалировали работы, посвященные русско-польским революционным связям и рабочему движению. Политика русификации западных окраин Российской империи «царизмом» если и упоминалась, то подвергалась нещадной критике [Манусевич, 1952; Вовчик, 1964; Зайончковский, 1970а, 1978б; Троицкий, 1971].

В современной отечественной историографии отмечается увеличение интереса к вопросам ведения национальной политики царского правительства и местной администрации на западных окраинах Российской империи [Лурье, 1992; Голубев, 1993; Горизонтов, 1999; Кондратенко, 2005; Гвоздев, 2009; Карнишина, 2011; Лопатина, 2018]. Царская политика в Привислинском крае периода правления императора Александра III традиционно занимает одно из основных мест в современной польской и западной историографии, отдельные труды которой были использованы при подготовке настоящей статьи [Бартызель, 2013; Вех, 2013; Beylin, 1985; Nietyksza, 1986; Каппелер, 2000; Drozdowska, 2002].

[118] Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 232. Оп. 1. Д. 145. Л. 17 об.

Результаты и их обсуждение

Политическая программа И.В. Гурко по руководству варшавским генерал-губернаторством была одобрена императором и характеризовалась возвращением к программе, начертанной еще в начале 1860-гг. Н.А. Милютиным и князем В.А. Черкасским. Эта программа мероприятий в целом сводилась к внедрению русских начал в местную жизнь и искоренению в польском народе тех особенностей, которые отделяли его от России.

Руководство варшавским генерал-губернаторством И.В. Гурко с 1883 по 1894 год как в отечественной, так и в зарубежной историографии традиционно считается апогеем обрусения польских губерний. Следует отметить, что И.В. Гурко на предыдущих идентичных должностях не отличался ультраконсервативными взглядами на проведение административной политики [Лурье, 1992, с. 179].

Генерал-губернатор И.В. Гурко хоть и являлся проводником правительственного курса Александра III, но вместе с тем оставался верен своим личным взглядам по проведению национальной политики. Так, Иосиф Владимирович полагал основным не насильственное обрусение поляков, а общую унификацию польских земель с внутренними губерниями. Публицист того времени Е.М. Феоктистов вспоминал, что И.В. Гурко «…не было нужды прибегать к суровым мерам; поляки боялись его, но вместе с тем и уважали; очень скоро убедились они, что у него слово неразлучно с делом, что всякая попытка политической пропаганды отразится на них тяжелыми последствиями» [Феоктистов, 1929, с. 370].

Несмотря на то, что новый генерал-губернатор пользовался в глазах польского общества репутацией «гонителя польскости», он не раз в своих всеподданнейших докладах указывал императору на ненормальность некоторых мероприятий обрусительного характера [Гурко, 1897; Деникин, 2012, с. 21–22]. Он писал, что отношение в школе к польскому ребенку презрительное и оскорбляет его национальные чувства и религию, что в конечном итоге вызывает ненависть к русскому правительству и местной власти. Поэтому, по мнению Гурко, следует улучшить качество местной администрации и деятельность учреждений в крае, оградить население от произвола и злоупотребления властей, способствовать повышению благосостояния населения и его экономического развития [119].

Наиболее ярым последователем жесткой русификаторской политики в Привислинском крае являлся попечитель Варшавского учебного округа А.А. Апухтин. С наибольшим рвением и усердием русификаторы министерства народного просвещения принялись за школу и просвещение. С 1882 года он ввел преподавание на русском языке в начальных народных училищах, а из гимназий удалил последних польских учителей. В школах начала прививаться система шпионства и доносов. Из 60 польских профессоров в университете оставили только двух [Пильц, 1909, с. 62]. В школе ученикам было запрещено разговаривать по-польски, уличенный в этом трижды ученик исключался из заведения [Пильц, 1909, с. 66]. В апреле 1883 года студент Жуйкевич дал Апухтину пощечину в ответ на его деяния [Зайончковский, 1970, с. 118].

Генерал-губернатор в 1883 году проехал по училищам края [120]. Он осознавал перегибы со стороны Министерства народного просвещения в деле культурно-языковой русификации, отмечая, что в учебниках истории сознательно подчеркивались те места курса, которые «способны были уколоть национальное самолюбие польских учащихся». Поэтому генерал-губернатор полагал, что следовало совместить в польских учениках любовь к национальному польскому с любовью к общеславянскому делу [Гурко, 1897, с. 316]. Это вылилось в открытый конфликт с попечителем учебного округа А.А. Апухтиным.

Во всеподданнейшей записке 1884 года генерал-губернатор И.В. Гурко докладывал, что мягкость и предупредительность правительственных органов во всех политических

[119] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 468. Л. 81 об.
[120] РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 145. Л. 57.

проявлениях общественной жизни не только могут быть терпимы, но и должны сделаться правительственным лозунгом. Он отмечал, докладывая о настроении польского общества, что достаточно малейшего повода для возмущения с их стороны. Поэтому поляки «должны быть чем-то вознаграждены, иначе русское господство сделается ненавистным»; он полагал, что следует улучшить деятельность учреждений в польских губерниях, оградить население от произвола и злоупотребления властей, способствовать повышению благосостояния населения и его экономического развития [121].

Соответственно, администрация И.В. Гурко в 1880 – начале 1890-х годов приняла следующие меры: предоставление льгот жителям внутренних областей Российской империи, решившим переселиться в Привислинский край, с целью укрепления «русских основ» в регионе и ограничения влияния католической церкви [Лопатина, 2018, с. 107].

Римско-католическое духовенство между тем продолжало оказывать пассивное сопротивление правительственным указаниям. В своей политике новый генерал-губернатор мог опереться на русский национальный элемент, который в Привислинском крае составлял около 500 тыс. человек, не считая войск. И.В. Гурко полагал, что необходимо усилить защиту православного населения от влияния латинства, считая это также залогом общественной безопасности. Он предлагал начать с сооружения новых православных церквей, учитывая сумму ежегодных выделений из казны на церковно-строительные вопросы до 100 тыс. рублей. Предлагалось привлечь механизм сборов и пожертвований.

В 1890 году варшавский генерал-губернатор по примеру немецкой части Польши решил заменить польские надписи. И.В. Гурко усилил борьбу и с внешними проявлениями польского нарратива. Торговые вывески, объявления (рекламы), обеденные карты, торговые счета, расписки должны были писаться на двух языках, из которых правительственный занимал почетное место. Русский язык вводился в частных учреждениях, на железных дорогах, на афишах, на различных этикетках и т. д. С 1883 года требования цензуры по отношению к польской прессе стали значительно строже [Гурко, 1897, с. 221]. Кроме того, в 1885 году был закрыт Польский банк, преобразованный в Варшавское отделение Государственного банка.

Относительно кадровой политики в крае следует отметить, что в конце 1880-х гг. И.В. Гурко планировал заменить всех польских чиновников в администрациях Люблинской, Седлецкой и Сувалкской губерний и даже получил на это согласие МВД. Он также предлагал наделить привилегиями русских уроженцев Привислинского края.

Поляки вытеснялись из всех правительственных учреждений. Для них были доступны только места с жалованьем не выше 600–800 рублей в год. Из России выписывались рассыльные и канцелярские служащие. Генерал-губернатор И.В. Гурко стремился улучшить положение и атмосферу, окружавшую русских чиновников в польских губерниях, содействуя организации в Варшаве выставок русских живописцев, приглашая русские театральные труппы, известных русских художников, ученых, которых Варшава привлекала своей близостью к европейским курортам [Вех, 2013, с. 205].

Убежденный в недоброжелательном отношении со стороны Австрии и Германии, И.В. Гурко проводил усиленную подготовку войск варшавского гарнизона и достиг в этом направлении самого высокого уровня. Традиции, заложенные Гурко в обучении войск, сохранялись в варшавском военном округе и после его ухода. Тем самым он признавал важность укрепления внешних границ генерал-губернаторства. В задачи Гурко входило наведение порядка в самом Привислинском крае и обучение войск гарнизона, что было обусловлено неблагоприятной обстановкой на международной арене.

Следует отметить, что в отношении возможных антиправительственных выступлений радикально настроенной части польского общества Гурко придерживался ненасильственного принципа в разрешении кризисных ситуаций. Об этом говорит довольно мягкое отношение к организаторам массовых демонстраций 3 мая 1891 года.

[121] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 465. Л. 82–85.

Один из современников отмечал, что русское чиновничество, наделенное правительственными привилегиями, только усиливало ненависть польского населения [Терешкович, 1906]. Другой современник, наоборот, утверждал, что в Привислинском крае полякам жилось даже лучше, чем русским. Развивалась промышленность, культурная жизнь. Доля польских чиновников в управленческом аппарате оставалась довольно большой. Плотность учебных заведений в Варшавском учебном округе была больше, чем в Московском [Липранди, 1901, с. 56].

Русское присутствие в крае было персонифицировано, прежде всего, служилым военно-чиновничьим элементом. Действительно, в Привислинском крае было сосредоточено до 1/3 численности всей русской армии. Военный элемент, по воспоминаниям самого И.В. Гурко, поднял ореол русского имени в крае. Однако в демографическом плане это обстоятельство обеспечивало среди русского населения значительное численное преобладание мужчин над женщинами, поэтому не редким явлением становились смешанные браки православных с католичками (почти 60 % браков, которые заключали русские во всей Польше, оказывались смешанными) [Drozdowska, 2002, p. 119–120]. Польское влияние тем самым проникало и в армейскую среду. Дети от таких браков, как правило, считались католиками.

Русификаторская политика в Привислинском крае способствовала росту процента русского населения, прежде всего крупных городов, особенно Варшавы. Если в 1882 году Варшава насчитывала более 11 тыс. русских, в 1896 г. – 23 тыс., а в 1909 г. – уже 31 тысячу (40 % от всего населения) [Nietyksza, 1986, p. 236]. При этом доля православного населения в польских городах к 1897 году составляла всего лишь 3 % от всех жителей. В Варшаве процент православного населения достигал 30 %, что облегчало положение русского населения. Однако ситуация осложнялась тем, что русское население края практически не знало польского языка, и его изоляция от польского общества была заметной. Русские чиновники стремились уехать из польской провинции, чего нельзя было сказать о службе и работе в Варшаве, в которой имелось большое количество церквей, ресторанов, клубов, библиотек, фирм и т. п., что удовлетворяло материальные, духовные и культурные потребности русского населения Привислинского края.

Сам И.В. Гурко в своих воспоминаниях с сожалением отмечал, что жизнь двух элементов в крае – русского и польского – текла по двум совершенно разным руслам, нигде органически не сливаясь. Русские чиновники в Привислинском крае жили исключительно в русском кругу и поэтому зачастую совершенно не знали особенностей края. Все низшие должности в губернских и уездных учреждениях края были заняты в большинстве своем поляками, то же самое можно было сказать про городской магистрат и судебные учреждения [Nietyksza, 1986, p. 208]. Даже в 1897 году в польских учреждениях, подведомственных Министерству внутренних дел, русские чиновники составляли всего лишь 36 % личного состава [Горизонтов, 1999].

Проблемным вопросом оставался качественный состав русского чиновничества [Гурко, 1897, с. 356], а также отсутствие единства и сплоченности в среде русского чиновничества в крае, так как имелся разлад между различными ведомствами. Варшавские генерал-губернаторы, пытаясь решить кадровый вопрос, неизменно наталкивались на противодействия в центральных финансовых ведомствах – Министерстве финансов и Государственного контроля.

Тем не менее польское население, несмотря на массированную русификацию 1880–1890-х годов, сохранило национальную идентичность посредством высокого влияния католической церкви на местное население, а также распространенной практики смешанных браков русских чиновников, военных и представителей правоохранительных структур, которые встречались даже в жандармской среде. Кроме того, оказало влияние традиционное отношение польской общественной среды к русским чиновникам как к «деятелям русификации», «чужим» и врагам в целом [Вех, 2013, с. 207–210]. Публицист Э.Л. Каспарович писал, что в глазах русских поляки после событий 1863–1864 гг. приобрели презрение, что не

может способствовать сближению двух народов в деле окончательного решения «польского вопроса» и обеспечения безопасности региона [Каспарович, 1896].

С середины 1880-х годов логичным ответом на проводимую царскую политику в крае стал рост национального польского просвещения, увеличение количества тайных кружков, народных читален, книг на польском языке. Популярным становится лозунг «пробуждения» польского народа. Тогда же была основана тайная политическая организация «Польская лига», впоследствии переименованная в «Национальную лигу» [Дмовский, 1909, с. 245]. В конечном итоге правительственные меры не возымели весомого результата, а лишь усилили раздражение польского общества и его дальнейшее отчуждение от России [Голубев, 1993, с. 13–15].

В 1892 году в Варшаве, Лодзи, Згеже, Пабианицах прошли первомайские выступления под требованием политических свобод. Полиция и войска преследовали участников этих демонстраций. В польских губерниях в период всеобщей стачки прокатились кровавые столкновения, особенно в Лодзи [Манусевич, 1952, с. 203]. Около 200 рабочих было убито и тяжело ранено, 900 арестовано. К участникам демонстраций применялись телесные наказания. Так, во время первомайской стачки 1891 года в Жирардове, в которой участвовало около 30 тыс. человек, варшавский губернатор приказал подвергнуть 5 рабочих телесному наказанию на центральной площади, а за участие в первомайских забастовках 1892 года в Петроковской губернии розгами были наказаны еще 39 человек [Вовчик, 1964, с. 258].

Изменение социальной окраски польского общества вследствие роста рабочей и мещанской среды городского населения к концу XIX века окончательно похоронило идею о воскрешении дворянско-шляхетской Польши, вместо этого усилилось влияние социалистических партий. В 1888 году была образована «Польская лига», а в 1893 году – революционная рабочая партия «Социал-демократия Королевства Польского», которая объединилась с остатками первой социалистической польской партии «Пролетариат».

Крестьянство по-прежнему оставалось единственной социальной опорой правительства в крае. Усилия царского правительства в борьбе с нелегальным образованием в католической деревне полицейскими мерами не могли принести успеха, поскольку тайные школы были тесно связаны с католичеством. И.В. Гурко писал императору Александру III о том, что недостаточный количественный состав представителей правоохранительных структур в крае способствовал распространению националистических и революционных идей среди местного населения.

6 декабря 1894 г. Иосиф Владимирович Гурко был уволен с занимаемых должностей и произведен в генерал-фельдмаршалы. Тем не менее архивные материалы позволяют говорить о И.В. Гурко не как о «пожирателе поляков», действующем в духе М.Н. Муравьева-Виленского, а как о довольно гибком политике, управлявшем одним из самых проблемных регионов империи [Гвоздев, 2009].

Заключение

Правительственная политика в Привислинском крае в 1880 – начале 1890-х годах заключалась в системе административных, социальных, кадровых, конфессиональных и других преобразований, проводимых специально созданными учреждениями с привлечением русской администрации из внутренних губерний империи.

Данные мероприятия были нацелены на обеспечение государственной и общественной безопасности на западных границах Российской империи. Практика чередования правительством и местной администрацией репрессивных и либеральных мер привела правящий режим с ростом революционного движения в стране к убеждению правильности внедрения консервативной модели управления при помощи военно-полицейской силы.

Альтернативная точка зрения, заключавшаяся в проведении более сдержанной политики царской администрацией в регионе с сохранением польского языка и религии как га-

рантии внутреннего спокойствия, не была принята. Вполне вероятно, что ведение более сбалансированной и сдержанной политики, о чем также писал в своих воспоминаниях И.В. Гурко, стало бы залогом большего успеха в данном многоконфессиональном и многонациональном регионе, да и в государстве в целом.

К исходу XIX столетия российское правительство с огорчением для себя могло констатировать провал земельной, кадровой и конфессиональной политики в западных окраинах империи, выступавших в его понимании одним из залогов государственной и общественной безопасности в регионе. Несмотря на первоначальные ожидания, политика по русификации, проводимая в западных окраинах империи, вызвала обратный эффект со стороны польского общества и еврейского населения, привела к еще большему их национальному сплочению.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 465, 468, Ф. 677. Оп. 1. Д. 631.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 232. Оп. 1. Д. 145.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1863–1917.

Список литературы

Бартызель Я. 2013. 1863 – вместе в пропасть. Русский Сборник, Москва, Модест Колеров: 177–188.

Вех С. 2013. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX и начале XX в. *Петербургские славянские и балканские исследования*, 2: 198–215.

Вовчик А.Ф. 1964. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов, Издательство Львовского университета, 321 с.

Гвоздев М.Г. 2009. Иосиф Владимирович Гурко. Военный и государственный деятель. Автореферат дисс. канд. истор. наук. Саратов, СГТУ: 20 с.

Голубев С.А. 1993. Русско-польские отношения в последней трети XIX века – начале XX века. Тверь, Университет, 60 с.

Горизонтов Л.Е. 1999. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. Москва, Индрик, 270 с.

Зайончковский П.А. 1970. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). Москва, Мысль, 444 с.

Зайончковский П.А. 1978. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва, Мысль, 288 с.

Каппелер А. 2000. Россия – многонациональная империя. Москва, Прогресс-Традиция: 342.

Карнишина Н.Г. 2011. Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*, 2: 22–28.

Кондратенко Д.П. 2005. Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX – начале XX века. Киров, Изд-во Вят. гос. гуманитар. ун-та, 238 с.

Корнилов А.А. 1915. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX века. Петроград, Огни, 93 с.

Липранди А.П. 1901. Польша и польский вопрос. Санкт-Петербург, тип. Е.Е. Киттельбергера, 181 с.

Лопатина Е.Б. 2018. Русификация как инструмент интеграционной политики Российской империи (на примере Привислинского края). *Перспективы. Электронный журнал*. 4: 104–110.

Лурье Ф. М. 1992. Полицейские и провокаторы. Санкт-Петербург, Час пик, 416 с.

Манусевич А.Я. 1952. Очерки по истории Польши. Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 404 с.

Пильц Э. 1909. Русская политика в Польше. Варшава, Товарищество Н.П. Карбасникова, 143 с.

Татищев С.С. 1903. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. Санкт-Петербург, тип. А.С. Суворина, 538 с.

Терешкович Н. 1906. Польша и поляки. Москва, Труд и воля, 64 с.

Троицкий Н.А. 1971. Народная воля перед царским судом 1880–1891 гг. Саратов, Издательство Саратовского университета, 238 с.
Beylin K. 1985. Dni powszednie Warszawy w latach 1880–1900. Warazawa, 315 p.
Drozdowska B. 2002. Życie rodzinne i towarzyskie Rosjan w Królestwie Polskim w latach 1864–1894. Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały. Warszawa, Wydawnictwo DiG: 115–136.
Nietyksza M. 1986. Rozwój miast i aglomeracji miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim 1865–1914. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 396 p.

References

Bartyzel Ya. 2013. 1863 – vmeste v propast' [1863 – Together into the Abyss]. Russkiy Sbornik. Moskwa, Modest Kolerov: 177–188.
Wech S. 2013. Russkie v Carstve Pol'skom vo vtoroy polovine XIX i nachale XX v. [Russians in the Kingdom of Poland in the Second Half of the XIX and Early XX Centuries]. *Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya*, 2: 198–215.
Vovchik A.F. 1964. Politika charisma po rabochemu voprosu v predrevolucionniy period (1895–1904) [Tsarism's Policy on the Working Question in the Pre-Revolutionary Period (1895–1904)]. Lvow, Izdatel'stvo Lvowskogo universiteta, 321 p.
Gvozdev M.G. 2009. Iosif Vladimirovich Gurko. Voenniy i gosudarstvenniy deyatel' [Joseph Vladimirovich Gurko. Military and Statesman]. Avtoreferat dissertacii kandidata istoricheskich nauk. Saratov, SGTU, 20 p.
Golubev S.A. 1993. Russko-pol'skie otnoscheniya v posledney treti XIX veka – nachale XX veka [Russian-Polish Relations in the Last Third of the XIX Century – Early XX Century]. Tver', Universitet, 60 p.
Horizontov L.E. 1999. Paradoxi imperskoy politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'sche [Paradoxes of Imperial Politics: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moskwa, Indrik, 270 p.
Zayonchkovsky P.A. 1970. Rossiyskoe samoderzchavie v konce XIX stoletiya (politicheskaya reakciya 80-ch – nachala 90-ch godov) [Russian Autocracy in the Late XIX Century (Political Reaction of the 80s – Early 90s)]. Moskwa, Misl', 444 p.
Zayonchkovsky P.A. 1978. Pravitel'stvenniy apparat samoderzchavnoy Rossii v XIX v. [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the XIX Century]. Moskwa, Misl', 288 p.
Kappeler A. 2000. Rossiya – mnogonacional'naya imperiya [Russia is a Multinational Empire]. Moskwa, Progress-Tradiciya, 342 p.
Karnishina N.G. 2011. Nacional'nie okraini Rossiyskoy imperii v seredine XIX – nachale XX v. [National Outskirts of the Russian Empire in the Middle of the XIX – Beginning of the XX Century]. *Izvestiya visschich uchebnich zavedeniy. Povolshskiy region*, 2: 22–28.
Kondratenko D.P. 2005. Samoderzchavie, liberali i nacional'niy vopros v Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Autocracy, Liberals and the National Question in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries]. Kirov, Izdate'stvo Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 238 p.
Kornilov A.A. 1915. Russkaya politika v Pol'sche so vremen razdelov do nachala XX veka [Russian Politics in Poland from the Time of Partitions to the Beginning of the 20th Century]. Petrograd, Ogni, 93 p.
Liprandi A.P. 1901. Pol'scha i pol'skiy vopros [Poland and the Polish Question]. Sankt-Peterburg, tip. E.E. Kittel'bergera, 181 p.
Lopatina E.B. 2018. Russifikaciya kak instrument integracionnoy politiki Rossiyskoy imperii (na primere Privislinskogo kraya) [Russification as an Instrument of the Integration Policy of the Russian Empire (on the Example of the Privislinsky Territory)]. *Perspektivi. Elektronniy zchurnal*, 4: 104–110.
Lurie F. M. 1992. Policeyskie i provokatori [Police Officers and Provocateurs]. Sankt-Peterburg, Chas pik, 416 p.
Manusevich A.Ya. 1952. Ocherki po istorii Pol'schi [Essays on Polish History]. Moskwa, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosvescheniya RSFSR, 404 p.
Pilz E. 1909. Russkaya politika v Pol'sche [Russian Politics in Poland]. Warschawa, Tovarischestvo N.P. Karbasnikova, 143 p.
Tatishchev S.S. 1903. Imperator Aleksandr II. Ego zchizn' i zarstvovanie [Emperor Alexander II. His Life and Reign]. T. 1. Sankt-Peterburg, tip. A.S. Suvorina, 538 p.
Tereshkovich N. 1906. Pol'scha i polyaki [Poland and Poles]. Moskwa, Trud i volya, 64 p.

Troitsky N.A. 1971. Narodnaya volya pered carskim sudom 1880–1891 gg. [Popular Will before the Tsarist Court 1880–1891]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 238 p.

Beylin K. 1985. Dni powszednie Warszawy w latach 1880–1900. Warazawa, 315 p. (in Polish).

Drozdowska B. 2002. Życie rodzinne i towarzyskie Rosjan w Królestwie Polskim w latach 1864–1894. Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały. Warszawa, Wydawnictwo DiG: 115–136 (in Polish).

Nietyksza M. 1986. Rozwój miast i aglomeracji miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim 1865–1914. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 396 p. (in Polish).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.05.2024
Поступила после рецензирования 20.05.2024
Принята к публикации 22.05.2024

Received 02.05.2024
Revised 20.05.2024
Accepted 22.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьев Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, старший офицер отдела, Главный центр научных исследований Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва, Россия
ORCID: 0009-0006-9372-165X

Климов Андрей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-0102-9516

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Ananyev, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Senior Division Officer, Main Center for Scientific Research Federal Service of the Troops National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia

Andrey A. Klimov, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Lead Researcher, Research Institute (Military History) Military Academy General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

УДК 94.323.39
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-416-424
Оригинальное исследование

К истории функционирования пенитенциарной системы в Крымской АССР в 1920-х гг.

Эбулесов С.Ю.
Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
Россия, 295000, Республика Крым, г. Симферополь, Учебный переулок, 8
E-mail: synaver00@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности функционирования пенитенциарной советской системы в Крымской АССР в 1920-х гг. Формирование данной системы в Крымской АССР является достаточно малоизученной темой, что объясняется ограниченностью архивных материалов, сохранением на некоторых из них грифа секретности и ветхостью многих дел, осложняющих глубокое и осмысленное рассмотрение и изучение феномена функционирования рассматриваемой системы на начальной стадии. На основе доступных архивных материалов всесторонне изучаются вопросы деятельности пенитенциарной системы как составной части правоохранительной системы, анализируются ее достоинства и недостатки. Были рассмотрены различные проблемные аспекты деятельности, касающиеся кадрового состава ее сотрудников, продовольственного обеспечения, материально-технической и экономической базы. Сделан вывод, что на начальном этапе рассматриваемая система функционировала недостаточно эффективно вследствие хронического дефицита денежных и материальных ресурсов, отсутствия необходимого снабжения и поддержки в условиях ужесточения уголовной политики Советского государства. Все это приводило к повсеместному нарушению базовых прав заключенных и арестованных, не обеспечивая достижения цели уголовного наказания – исправления осужденных.

Ключевые слова: Крымская АССР, пенитенциарная система, материально-техническая база, кадровый состав, продовольственное обеспечение, дефицит денежных средств

Для цитирования: Эбулесов С.Ю. 2024. К истории функционирования советской пенитенциарной системы в Крымской АССР в 1920-х гг. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 416–424. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-416-424

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the History of the Functioning of the Penitentiary System in the Crimean ASSR in the 1920s.

Sinaver Yu. Ebulesov
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
8 Uchebny Lane, Simferopol 295000, Republic of Crimea, Russia
E-mail: synaver00@mail.ru

Abstract. Some features of the functioning of the Soviet penitentiary system in the Crimean ASSR in the 1920s are considered. The formation of the penitentiary system in the Crimean ASSR is a rather understudied topic, which is explained by the limited archival materials, the preservation of secrecy and dilapidation of many cases on some of them, which prevent a deep and meaningful consideration and study of the phenomenon of the functioning of the system in question at the initial stage. On the basis of available archival materials, the issues of the penitentiary system as an integral part of the law enforcement system are comprehensively studied, its advantages and disadvantages are analyzed. Various problematic aspects

© Эбулесов С.Ю., 2024

of the activity related to the staffing of its employees, food supply, material, technical and economic base were considered. It is concluded that at the initial stage, the system in question did not function effectively enough, due to a chronic shortage of monetary and material resources, lack of necessary supplies and support in the context of the tightening of the criminal policy of the Soviet state. All this led to widespread violation of the basic rights of prisoners and detainees, without ensuring the achievement of the goal of criminal punishment – the correction of convicts.

Keywords: Crimean ASSR, penitentiary system, material and technical base, personnel, food supply, shortage of funds

For citation: Ebulesov S.Yu. 2024. On the History of the Functioning of the Penitentiary System in the Crimean ASSR in the 1920s. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 416–424 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-416-424

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Формирование пенитенциарной системы как неотъемлемой составной части правоохранительной системы в Крымской АССР началось после установления Красной армией полного контроля над территорией полуострова, ликвидации последнего организованного очага белого сопротивления в европейской части страны. Этот процесс был осложнен рядом проблем. Молодая Советская власть в Крыму прямо столкнулась с разрушительными последствиями Гражданской войны, которая нанесла непоправимый огромный ущерб социально-экономической жизни полуострова. Экономика была фактически разрушена, многие ее составляющие были либо полностью утрачены, либо существенно деградировали; денежное обращение было расстроено из-за отсутствия должного уровня организации денежно-кредитной политики и постоянной смены власти, массовая эмиграция привела к оттоку высококвалифицированных специалистов из различных отраслей народного хозяйства; гиперинфляция уничтожила все сбережения жителей и привела к сворачиванию производственной деятельности, итогом чего стала тотальная безработица и падение уровня жизни [Тимофеев, 1999, с. 34]. Неэкономическими специфическими региональными факторами являлись сложные климатические условия (малоснежная зима и засуха 1921 г.), приведшие к массовому голоду на полуострове. На территории Крыма к моменту окончательного разгрома белых сосредоточилось немало идеологических противников советской власти, не желавших принимать новую действительность и готовых оказывать ожесточенное вооруженное сопротивление, которое приняло форму бандитизма [122]. Слабый контроль за оборотом холодного и огнестрельного оружия в условиях послевоенного хаоса и анархии, а также возвращение бывших военнослужащих домой, не нашедших себе какого-либо применения на рынке труда, и без того находящегося в состоянии глубокого кризиса, создавали благоприятную почву для создания сплоченных организованных преступных групп [123]. С.А. Терехов по этому поводу указывает: «После окончания Гражданской войны на территории Крымского полуострова оставалось немало противников советской власти (бывшие военные, представители буржуазии, члены администрации белых правительств и т. д.)» [Терехов, 2022, с. 2]. Выбор указанных хронологических рамок (1920-х гг.) обуславливается особым интересом к становлению новой пенитенциарной советской модели в условиях слома прежней системы и беспрецедентных вызовов политического и экономического характера в отдельно взятом регионе, являвшемся одним из последних оплотов Белого движения [Упоров, 2016, с. 106].

[122] Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. Р. 1110. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; ГАРК. Ф. Р. 1110. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Ф. Р. 1110. Оп. 1. Д. 4. Л. 5; Ф. Р. 702. Оп. 1. Д. 7. Л. 15; Ф. Р. 709. Оп. 1. Д. 29. Л. 12.

[123] ГАРК. Ф. Р. 1108. Оп. 1. Д. 10. Л. 21; Ф. Р. 1110. Оп. 1. Д. 11. Л. 242; Ф. Р. 1110. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; Ф. Р. 703. Оп. 1. Д. 8а. Л. 14.

Объект и методы исследования

В связи с этим объектом исследования является история функционирования пенитенциарной советской системы в Крымской АССР в 1920-х гг.

Методологическая база исследования основывается на принципе системности (предполагающем всестороннее изучение фактов с учетом их развития, с опорой на структурные и функциональные особенности предмета), принципе историзма (основывающегося на изучении исторических явлений, событий и процессов в соответствии с их хронологией и взаимосвязью), принципе объективности (основывающегося на объективном содержании источников и фактов, позволяющих детально восстановить историческое прошлое).

Исследование основывается на таких общенаучных методах, как анализ, синтез, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Процесс формирования пенитенциарной системы был существенно осложнен по причине недостаточной поддержки со стороны пролетариата. Вследствие незначительной численности на территории полуострова представителей пролетариата, являющихся наиболее надежной и идеологически благонадежной категорией населения, из которой планировалось сформировать новые советские органы власти и правопорядка. Традиционно Крымский полуостров не являлся крупным или даже средним промышленным центром в Российской империи, в основном ориентировался на ведение сельскохозяйственного производства и рекреационную сферу, что обусловило малочисленность пролетариата, сосредоточенного в основном в портовых городах и иных административных центрах.

Совокупность изложенных обстоятельств во многом предопределила характер, темпы становления и вектор развития правоохранительной системы в Крымской АССР. Советской власти в наследство от имперского прошлого досталась широкая и развития сеть пенитенциарных учреждений, расположенных на территории всего полуострова, что поставило перед новыми властями вопрос о необходимости их реорганизации и использования для собственных нужд в условиях ужесточения уголовной политики государства [Федосеев, 2012, с. 33]. Пенитенциарная система была представлена домами предварительного заключения и местами лишения свободы (последние имели различные разновидности в зависимости от назначенного наказания). В первые помещались лица, которым был назначен арест или заключение под стражу в качестве меры пресечения в ходе предварительного расследования, а во вторые – осужденные, в отношении которых производство было завершено вынесением обвинительного приговора в виде лишения свободы на определенный срок или назначением иных наказаний. Именно на Наркомат юстиции Крымской АССР, при котором было создано Главное управление местами заключения (ГУМЗ) во главе с заместителем наркома юстиции, были возложены задачи по организации пенитенциарной системы и поддержанию стабильного уровня ее функционирования и развития. Дома предварительного заключения и места лишения свободы имелись во всех значимых городах полуострова: Керчи, Феодосии, Ялте, Симферополе, Севастополе. Имеются архивные данные о деятельности Керченского городского отделения принудительных работ, Керченской уездной тюрьмы, Феодосийского дома общественно-принудительных работ, Керченского исправительного дома, Симферопольской тюрьмы и др.

Организация деятельности пенитенциарной системы в новых условиях столкнулась с разнообразными проблемами и сложностями, препятствующими ее нормальному функционированию [Смыкалин, 2020, с. 89]. Доступные архивные материалы позволяют сформировать достаточно расплывчатую и фрагментарную картину состояния пенитенциарной системы Крымской АССР. Из рапорта заведующего симферопольским губисправдомом от 25.08.1921 г. на имя председателя Крымревкома можно выявить целый комплекс проблем рассматриваемой системы. Наиболее острой из них являлась именно продовольственная

проблема, которая в условиях голода приобрела поистине катастрофические масштабы. Из доклада следует: «Довожу до вашего сведения, что положение в настоящий момент во вверенной мне тюрьме катастрофическое… продовольственный вопрос в самом критическом положении. На четыреста с лишним человек арестованных получается по три или четыре пуда хлеба, в остальных продуктах продовольственный орган совершенно отказывает… В последнее время продовольственный вопрос сильно обострился, так как вчера было получено хлеба всего пять пудов, что составляло по три восьмых на человека, сегодня совершенно отказано в получении хлеба, так же и других продуктов, и у меня нет никакого выхода из создавшегося положения, а потому прошу вашего распоряжения об устранении назревающегося события, в противном случае я снимаю с себя всякую ответственность, так как я не в силах предотвратить катастрофу» [124]. Во многом возникновение перебоев с продовольственным обеспечением пенитенциарной системы связано с началом голода на полуострове, поэтому проблема носила общий характер и не являлась отличительной особенностью рассматриваемой системы. По мере проведения мероприятий по борьбе с голодом, начавшихся после официального признания советскими властями Крымской АССР в качестве голодающего региона, постепенно были сглажены острые углы в снабжении продовольствием и пенитенциарной системы.

Следующей важной проблемой являлась малочисленность и слабая оснащенность сотрудников пенитенциарной системы, крайне аварийное состояние инфраструктуры мест заключения. Из ранее упомянутого доклада следует, что «…на почве голода по полученным мною сведениям арестованные все время подготавливают план разоружения надзора и общего побега из тюрьмы. За малочисленностью надзора и военного караула это может очень легко случиться, так как дежурят надзора три человека так же и с караула три… При сделанном последнем обыске чуть ли не в каждой камере найдены были ножи и разного рода железные предметы, которые могут служить оружием» [125]. Данная проблема во многом объясняется хроническим недофинансированием пенитенциарной системы, выражающимся в выделении ей явно недостаточных средств для выполнения возложенных на нее функций. Речь идет не только об обеспечении продовольствием заключенных и о выплате заработных плат сотрудникам, но и о материально-техническом состоянии инфраструктуры мест лишения свободы, которая не ремонтировалась и не модернизировалась с царских времен из-за острого недостатка средств. Как следует из ранее упомянутого рапорта: «…тюрьма держится только на одних воротах, в камерах же нет ни одного замка, и на все мои попытки получить таковые ничего не удалось» [126]. Из доклада прокуратуры за 1924 г. следует: «Что касается вопроса о состоянии мест заключения на территории Крымской АССР, то таковое далеко не представляется удовлетворительным. Материальное их положение крайне тяжелое, здания разрушаются, и ремонт производится лишь частично и далеко несвоевременно за отсутствием надлежащих средств… К числу темных сторон в положении мест заключения необходимо отнести недостаточность надзора и слабость охраны – что объясняется низкой оплатой труда надзирательского персонала, благодаря чему почти никогда не бывает полного комплекта, а также – недостаточным составом конвойной команды. С другой стороны, дело затрудняется отсутствием кадров для заполнения административного аппарата» [127].

Ситуация в Феодосийском доме предварительного заключения была практически аналогичной, а в некоторых аспектах более критичной. Наблюдались перебои с продовольственным снабжением, нехватка надзирательного и административного персонала, имелись проблемы с поддержанием инфраструктуры учреждения, степень износа которого усугублялась вследствие отсутствия ремонтных работ и его существенной перегрузки. Из письма

[124] ГАРК. Ф. Р. 1110. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
[125] Там же.
[126] Там же.
[127] ГАРК. Ф. Р. 702. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.

заведующему Феодосийским домом предварительного заключения от 7 января 1922 г. следует: «Вследствие срочного телеграфного распоряжения Наркомюста за № 284, основанного на Постановлении Крымсовнаркома от 4-го сего января, организована в гор. Феодосии комиссия по разгрузке мест заключения в составе Председателя бюро юстиции, Председателя от Парткома Несторука, Представителя от Ч.К. тов. Фигурова, Представителя от исполкома тов. Меджитова и Представителя от Р.К.И. тов. Аблаева…» [128]. Целью деятельности этой комиссии являлось принятие необходимых срочных решений организационного характера, позволивших бы в кратчайшие сроки уменьшить количество содержащихся под стражей до нормативного состояния.

Отсутствие должного финансирования пенитенциарной системы отчасти объясняется как необходимостью направления значительных материальных ресурсов для борьбы с распространяющимся и усугубляющимся голодом на протяжении нескольких первых лет советской власти на полуострове, так и необходимостью восстановления экономики и нормальной хозяйственной жизни в регионе и ликвидации последствий ущерба, нанесенного во времена Первой мировой войны и гражданского вооруженного противостояния. Внимание государства было приковано к скорейшей ликвидации разрухи и негативных тенденций во всех основных отраслях народного хозяйства [Шаркаев, 2023, с. 399]. Это подтверждается и тем, что финансирование не только пенитенциарной, но и правоохранительной системы в общем было явно недостаточным для ее нормального функционирования, в последней было проведено несколько волн по реорганизации личного состава, заключающейся в его постоянном сокращении в целях экономии средств и их перераспределения на другие, более приоритетные направления.

Проблема слабости пенитенциарной системы была присуща не только Крыму, но и иным регионам страны. Так, из циркуляра НКВД РСФСР № 136 следует, что «…побеги заключенных из мест лишения свободы не только не сокращаются, но и в отдельных губерниях и областях участились. В последнее время имели место случаи массовых побегов заключенных… с применением оружия и насилием над администрацией и охраной мест заключений» [129]. Циркуляром предписывалось усилить надзор за заключенными, проводить работу с личным составом мест лишения свободы в целях усиления их подготовки, а также разъяснить порядок использования оружия. На протяжении достаточно длительного времени приоритет отдавался исключительно административным методам воздействия на администрации мест заключения с целью уменьшения числа побегов и иных нарушений, однако никаких мер по улучшению их материального состояния и финансирования практически не предпринималось, что и обуславливало низкую эффективность их деятельности, отсутствие полного штата сотрудников из-за низкой оплаты и плохих условий труда, постоянных задержек денежного вознаграждения и, как следствие, общей низкой мотивацией сотрудников пенитенциарной системы к добросовестному несению своей службы. Требования к надзирательскому штату по этим причинам выдвигались крайне низкие, так как ощущалась постоянная острая нехватка кадров, которые стремились сменить вид службы на иную, более привлекательную. Проблемы ликвидации послевоенной разрухи и преломления негативных тенденций во всех отраслях народного хозяйства стояли довольно остро и в других регионах, где также наблюдались явления массового голода. По этим причинам недофинансирование правоохранительной системы было повсеместным массовым явлением и являлось отображением приоритетов бюджетной политики советского государства на протяжении 1920-х гг. [Сидоренко, 2012, с. 362].

Немаловажной проблемой являлся и рост бандитизма и общей преступности, что не могло не увеличить нагрузку на пенитенциарную систему [Родионов, 2016, с. 399]. Из доклада о деятельности прокуратуры по наблюдению за местами заключения за время с

[128] ГАРК. Ф. Р. 2352. Оп. 3. Д. 5. Л. 25.
[129] ГАРК. Ф. Р. 709. Оп. 1. Д. 382. Л. 27.

1 марта 1923 по 1 января 1924 г. следует, что «За истекший период времени мне поступило 934 жалобы и заявления, из коих 721 заявление получило дальнейшее движение… Это явление объясняется ростом преступности и перегруженностью судебных и следственных органов, в результате чего получается замедление в их работе и переполнение мест заключения» [130]. В докладе о деятельности прокуратуры по наблюдению за местами лишения свободы за 1924 г. отмечалось, что «материальное положение в местах заключения сравнительно с 1923 г. осталось без перемен. Были случаи неполучения ЦИДОМ и Севисправдомом вовремя денег на довольствие заключенным и зарплату сотрудникам…, на местах чувствуется также больной недостаток в караулах…» [131]. Несмотря на распространенное заблуждение, в 1920-х гг. наибольшее число преступлений было совершено именно из корыстных, а не из политических соображений. Наиболее распространенными были преступления против собственности, совершаемые посредством бандитизма и хищений с различными формами (краж, грабежей, разбоев и пр.). Это непосредственно подтверждает анализ протоколов заседаний Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в рассматриваемый период, из материалов которого следует, что орган создавался исключительно в целях изъятия ряда уголовных дел из органов следствия и дознания в целях их разгрузки и более скорого разрешения таких дел в виду их значительного распространения. Анализ материалов показывает, что основным преступлением являлась именно кража со взломом, и в случае рецидива зачастую применялись достаточно строгие наказания вплоть до расстрела. Сложные социально-экономические условия в регионе стали благодатной почвой для развития корыстной преступности, что в значительной мере поспособствовало увеличению нагрузки на пенитенциарную систему, не рассчитанную на такое количество осужденных, и более скорому износу ее инфраструктуры.

Во многом пенитенциарная система в условиях создания и функционирования советских правоохранительных органов имела второстепенное значение, что подтверждается характером распределения имеющихся в наличии бюджетных денежных средств. Из письма врид Начальника ГУМЗ в Крымсовнарком от 21 марта 1923 г. следует, что «По распределению денежных сумм местного бюджета… Главному Управлению Местами Заключения отпущено Крымнаркофином на две недели, то есть с 1-е апреля, 9 500 рублей на содержание подведомственных ГУМЗу 3-х Исправдомов, Бюро принудительных работ и самого Управления. В тоже время ГУМЗу необходимо на уплату сотрудникам Мест заключения, которым по Севастополю и Керчи еще не уплачено жалованье за февраль свыше 10 миллиардов рублей» [132]. Главной задачей в рассматриваемый период признавалось только лишь погашение образовавшейся за длительный период задолженности по заработной плате перед сотрудниками пенитенциарной системы, а о средствах на поддержание, восстановление и развитие ее сети не могло идти и речи.

Отсутствие надлежащего стабильного финансирования пенитенциарной системы прямо сказывалось на правах заключенных, которые зачастую содержались в антисанитарных условиях в переполненных камерах, постоянно испытывая на себе последствия сбоев в продовольственном обеспечении. Зачастую заключенными использовались различные формы протеста против нарушения их прав, в частности были зафиксированы случаи как единичных голодовок, так и групповых, с целью привлечения внимания со стороны администрации мест лишения свободы и сотрудников иных правоохранительных органов (в частности прокуратуры) в надежде на последующее улучшение условий их содержания и прекращения дальнейшего грубого нарушения их прав. Из письма Начальника ГУМЗ помощнику прокурора Республики товарищу Скрипчику от 9 октября 1923 г. следовало: «При

[130] ГАРК. Ф. Р. 702. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.
[131] ГАРК. Ф. Р. 2680. Оп. 3. Д. 16. Л. 6.
[132] Там же. Л. 33.

сем препроваждается заявление заключенных Центрисправдома Кози, Дубова, Сгородникова и Щеголева, объявивших голодовку» [133]. Прокурор распорядился в срочном порядке устранить нарушения [134].

Заключение

Формирование советской пенитенциарной системы как неотъемлемой составной части правоохранительной системы в Крымской АССР было осложнено рядом проблем. Оно осуществлялось в условиях практически полного краха экономики и сопутствующих социально-экономических проблем по итогам Первой мировой и Гражданской войн (гиперинфляции, массовой эмиграции, тотальной безработицы и всеобъемлющего падения уровня жизни) и в условиях глубокого внутриполитического кризиса, борьбы с идеологическими противниками советской власти на полуострове, не желающих принимать новую действительность и оказывавших ожесточенное вооруженное сопротивление, которое приняло форму бандитизма. Слабое развитие промышленности в регионе во многом лишило советскую власть поддержки в виде пролетариата. Совокупность приведенных обстоятельств во многом предопределила характер, темпы становления и вектор развития правоохранительной системы в Крымской АССР. На начальном этапе пенитенциарная система Крымской АССР функционировала недостаточно эффективно вследствие хронического дефицита государственного финансирования и слабой материальной базы в условиях недостаточности необходимой инфраструктуры и ужесточения уголовной политики Советского государства. Все это приводило к повсеместному нарушению базовых прав заключенных и арестованных, не обеспечивая достижения цели уголовного наказания – исправления осужденных. Имеется еще множество архивных материалов по исследованной теме, позволяющих провести более глубокий и широкий анализ выявленной проблематики.

Список источников

Государственный архив Республики Крым (далее ГА РК). Ф. Р. 702. Прокуратура Крымской АССР. Оп. 1. Д. 9. Доклад о деятельности прокуратуры по наблюдению за органами ГПУ за время с 1 марта 1923 г. по 1-е января 1924 г. Л. 21.

ГА РК. Ф. Р. 702. Прокуратура Крымской АССР. Оп. 1. Д. 7. Дело по надзору за приведением приговоров в исполнение. Л. 15.

ГА РК. Ф. Р. 703. Прокуратура г. Симферополь. Оп. 1. Д. 8а. Акты обследования ведения дел. Л. 14.

ГА РК. Ф. Р. 709. Народный комиссариат внутренних дел Крымской АССР. Оп. 1. Д. 382. Указания ЦИК, НКВД, Главного управления местами заключений. Л. 27.

ГА РК. Ф. Р. 709. Народный комиссариат внутренних дел Крымской АССР. Оп. 1. Д. 29. Постановления и инструкции НКВД. Л. 12.

ГА РК. Ф. Р. 709. Народный комиссариат внутренних дел Крымской АССР. Оп. 1. Д. 105. Приказы по Главному управлению Симферопольской окружной милиции. Л. 12.

ГА РК. Ф. Р. 1108. Верховный суд Крымской АССР. Оп. 1. Д. 10. Отчет о деятельности НКЮ Крымской АССР за 1921 год. Л. 21.

ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 1. Переписка отдела юстиции Крымского ревкома и народного комиссариата юстиции Крыма с Крымским ревкомом, угрозыском о порядке посещения заключенных, произведении арестов и другим вопросам. Л. 14.

ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 3. Протоколы заседания Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом. Л. 1.

ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 2. Циркуляр Совета труда и обороны о проверке личного состава в государственных учреждениях. Л. 1.

[133] ГАРК. Ф. Р. 2680. Оп. 3. Д. 2. Л. 119.

[134] Там же. Л. 121.

ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 4. Доклад о деятельности Ревтрибунала Крыма. Протокол чрезвычайной сессии Крымского ЦИКа по борьбе с бандитизмом. Л. 5.
ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 10. Отчеты и докладные записки о работе прокуратуры Крыма. Л. 3.
ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 11. Копии циркуляров Крымского управления милиции. Л. 242.
ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 256. Жалобы и заявления граждан. Л. 5.
ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 280. Переписка с местами заключения Крыма о состоянии их инфраструктуры. Л. 18.
ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 297. Материалы по обследованию состояния домов заключений. Л. 10.
ГА РК. Ф. Р. 1110. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 1. Д. 336. Жалобы и заявления заключенных. Л. 5.
ГА РК. Ф. Р. 2352. Народный комиссариат юстиции Крымской АССР. Оп. 3. Д. 5. Феодосийский дом предварительного заключения. Л. 25.
ГА РК. Ф. Р. 2680. Оп. 3. Прокуратура Крымской АССР. Д. 2. Приказы и отчеты Главного управления МЗ. Л. 33, 119, 121.
ГА РК. Ф. Р. 2680. Прокуратура Крымской АССР. Оп. 3. Д. 16. Отчеты помощника прокурора Крымской АССР по наблюдению за ГПУ и МЗ. Л. 4, 5, 6.

Список литературы

Родионов А.В. 2016. Государственная уголовно-исполнительная политика России в сфере организации труда осужденных в период 1917–1922 гг. (историко-правовое исследование). *БГЖ*. 4 (17): 398–402.
Сидоренко Л.П. 2012. Правовое становление советской пенитенциарной системы в период 1917–1922 гг. *Теория и практика общественного развития*. 11: 362–365.
Смыкалин А.С. 2020. Неизвестные страницы истории пенитенциарной системы СССР. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 1: 89–93.
Терехов С.А. 2022. Образование советских органов государственной безопасности в *Крыму. Наука. Общество. Оборона*. 4 (33): 1–11.
Тимофеев В.Г. 1999. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. Учебное пособие. Чебоксары, 206 с.
Упоров И.В. 2016. Уголовное наказание в виде лишения свободы в законодательных актах начального периода советской власти. *Теория и практика общественного развития.* 10: 106–108.
Федосеев В.И. 2012. Становление советской пенитенциарной системы: о некоторых аспектах правового регулирования (1917–1934 гг.). *Вестник Самарского юридического института*. 1: 33–39.
Шаркаев Р.Р. 2023. Ретроспективный анализ развития исправительных учреждений в РФ. *Молодой ученый*. 21 (468): 372–377.

References

Rodionov A.V. 2016. Gosudarstvennaya ugolovno-ispolnitel'naya politika Rossii v sfere organizacii truda osuzhdennyh v period 1917–1922 gg. (istoriko-pravovoe issledovanie) [The State Penal Enforcement Policy of Russia in the Field of Labor Organization of Convicts in the period 1917–1922 (Historical and Legal Research)]. *BGZh*. 4 (17): 398–402.
Sidorenko L.P. 2012. Pravovoe stanovlenie sovetskoj penitenciarnoj sistemy v period 1917–1922 gg. [The Legal Formation of the Soviet Penitentiary System in the Period 1917–1922]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* 11: 362–365.
Smykalin A.S. 2020. Neizvestnye stranicy istorii penitenciarnoj sistemy SSSR [Unknown Pages of the History of the Penitentiary System of the USSR]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1: 89–93.

Terekhov S.A. 2022. Obrazovanie sovetskih organov gosudarstvennoj bezopasnosti v Krymu [Formation of Soviet State Security Agencies in Crimea]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona.* 4 (33): 1–11.

Timofeev V.G. 1999. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: cifry, fakty i sobytiya. Uchebnoe posobie [The Penal Enforcement System of Russia: Figures, Facts and Events]. Cheboksary, 206 p.

Uporov I.V. 2016. Ugolovnoe nakazanie v vide lisheniya svobody v zakonodatel'nyh aktah nachal'nogo perioda sovetskoj vlasti [Criminal Punishment in the Form of Imprisonment in the Legislative Acts of the Initial Period of Soviet Power]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* 10: 106–108.

Fedoseev V.I. 2012. Stanovlenie sovetskoj penitenciarnoj sistemy: o nekotoryh aspektah pravovogo regulirovaniya (1917–1934 gg.) [The Formation of the Soviet Penitentiary System: on Some Aspects of Legal Regulation (1917–1934)]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute.* 1: 33–39.

Sharkaev R.R. 2023. Retrospektivnyj analiz razvitiya ispravitel'nyh uchrezhdenij v RF [A Retrospective Analysis of the Development of Correctional Institutions in the Russian Federation]. *Molodoj uchenyj*. 21 (468): 372–377.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.03.2024
Поступила после рецензирования 05.05.2024
Принята к публикации 07.05.2024

Received 09.03.2024
Revised 05.05.2024
Accepted 07.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эбулесов Синавер Юсуфович, аспирант кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sinaver Yu. Ebulesov, Postgraduate Student of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia

УДК 355.48 (430+470) «1945»
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-425-432
Оригинальное исследование

Разгром штурмовой бригады СС «Шарлемань» в ходе Берлинской наступательной операции советских войск (апрель-май 1945 г.)

Башкирева Н.В.
Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86
E-mail: nat.val.saf@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются обстоятельства разгрома советскими войсками (частями 1-й гвардейской танковой армии, 5-й Ударной армии, 8-й гвардейской армии) французских эсэсовцев штурмовой бригады «Шарлемань», включенной в состав дивизии СС «Нордланд», задействованной немецким командованием в апреле 1945 г. в обороне Берлина. Показаны условия формирования французского подразделения и его переброски в столицу рейха. Реконструированы боевые действия советских войск против эсэсовских формирований, включавших французов, на юго-востоке и в центральном секторе обороны Берлина. Указано, что группы французских «фаустников» были практически уничтожены частями Красной армии в ходе боев за центр города, а оставшиеся в живых два десятка солдат закончили свой боевой путь на подступах к последнему оплоту сопротивления – рейхсканцелярии. Отмечается, что с капитуляцией Берлинского гарнизона 2 мая 1945 г. в плен красноармейцам сдались и последние французские «защитники» нацистской цитадели.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Берлинская наступательная операция советских войск, 1-я гвардейская танковая армия, 8-я гвардейская армия, 5-й Ударная армия, штурмовая бригада СС «Шарлемань»

Для цитирования: Башкирева Н.В. 2024. Разгром штурмовой бригады СС «Шарлемань» в ходе Берлинской наступательной операции советских войск (апрель-май 1945 г.). *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 425–432. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-425-432

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Defeat of the SS Assault Brigade "Charlemagne" During the Berlin Offensive Operation of the Soviet Troops (April-May 1945)

Natal'ja V. Bashkireva
Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St., Voronezh 394043, Russia
E-mail: nat.val.saf@mail.ru

Abstract. The article analyzes the circumstances of the defeat by Soviet troops (units of the 1st Guards Tank Army, 5th Shock Army, 8th Guards Army) of the French SS assault brigade "Charlemagne", included in the SS division "Nordland", involved by the German command in April 1945 in the defense of Berlin. The conditions for the formation of a French unit and its transfer to the capital of the Reich are shown. The military operations of the Soviet troops against the SS formations in the south-east and in the central sector of the defense of Berlin have been reconstructed. It is indicated that groups of French "Faust" were

© Башкирева Н.В., 2024

practically destroyed by units of the Red Army during the battles for the city center, and the survived two dozen soldiers ended their combat path on the outskirts of the last stronghold of resistance - the Reich Chancellery. It is noted that with the surrender of the Berlin garrison on May 2, 1945, the last French "defenders" of the Nazi citadel surrendered to the Red Army.

Keywords: Great Patriotic War, Berlin Offensive, 1st Guards Tank Army, 8th Guards Army, 5th Shock Army, SS Assault Brigade "Charlemagne"

For citation: Bashkireva N.V. 2024. The Defeat of the SS Assault Brigade "Charlemagne" During the Berlin Offensive Operation of the Soviet Troops (April-May 1945). *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 425–432 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-425-432

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Современная российская историография все чаще обращается к проблеме участия европейских добровольцев в так называемом «крестовом походе против большевизма», организованном нацистской Германией. Однако ряд сюжетов до сих пор остаются слабо освещенными. К таковым относится в том числе участие в боевых действиях против Красной армии национальных формирований СС, в частности французских. Так, применение на советско-германском фронте дивизии СС «Шарлемань», а затем сформированной из ее остатков штурмовой бригады с одноименным названием, разгромленной советскими войсками в ходе Берлинской наступательной операции, не стало предметом специального научного анализа в отечественной исторической литературе, что обуславливает актуальность исследования.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают действия советских войск по уничтожению берлинской группировки противника (апрель-май 1945 г.). Предметом являются действия частей 1-й гвардейской танковой армии, 8-й гвардейской армии, 5-й Ударной армии по разгрому французской штурмовой бригады СС «Шарлемань» на юго-востоке и в центральном секторе обороны Берлина. Исследование базируется на комплексе архивных материалов, мемуаров, а также научной литературы, что дает возможность максимально достоверно реконструировать анализируемые события. В основе исследования лежат принципы объективности и историзма, позволяющие изучить боевые действия советских войск против французских эсэсовцев в ходе Берлинской наступательной операции беспристрастно и в развитии. Задействованы как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и специально-исторические: историко-генетический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение

После разгрома советскими войсками в феврале 1945 г. в Померании 33-й дивизии СС «Шарлемань» (1-й французской) из ее остатков в марте-апреле 1945 г. в Нойштрелице командиром дивизии бригаденфюрером СС Густавом Крукенбергом был создан одноименный гренадерский полк СС, объединивший порядка 700 солдат-добровольцев. 400 французов, отказавшихся от дальнейшего участия в боевых действиях, составили рабочий батальон, использовавшийся для строительства укреплений. Боевую часть пехотного полка СС «Шарлемань», возглавляемого штандартенфюрером Циммерманом, составили 57-й и 58-й пехотные батальоны. Однако в силу недоукомплектованности они представляли собой скорее усиленные роты. При этом практически отсутствовало тяжелое вооружение. В середине апреля в полк поступило более современное оружие: штурмовые винтовки StG 44, пулеметы MG 42 и противотанковые гранатометы – панцерфауст [Bene, 2012, p. 319–320].

В ночь с 23 на 24 апреля Крукенберг получил приказ срочно выехать в Берлин, чтобы принять командование 11-й добровольческой моторизованной дивизией СС «Нордланд». Вместе с ним отправился первый эшелон французских эсэсовцев под командованием гауптштурмфюрера А. Фене. Сформированная таким образом из трех рот 57-го и роты 58-го батальона штурмовая бригада СС «Шарлемань» численностью порядка 300–350 человек (роты состояли из 80–100 человек [135]) утром 24 апреля выехала на грузовиках в Берлин. Переброска второго эшелона французов в связи с окружением столицы советским войсками так и не была осуществлена – около 700–750 человек остались держать оборону в Нойштрелице [Mabire, 1995, p. 111, 114; Bene, 2012, p. 320, 323].

К этому времени советские войска завершали окружение берлинской группировки противника [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2013, с. 393]. Французам предстояло спешно прорваться в столицу с запада, до того как сомкнется кольцо окружения. По пути бригада лишилась порядка 80 бойцов по причине поломки двух грузовиков. В 20 км от предместий Берлина в связи со взрывом моста через канал в Фалькенреде французским эсэсовцам пришлось оставить машины и следовать дальше пешком. Поздним вечером им удалось достичь Грюневальдского леса, где солдаты устроились на ночлег [Giolitto, 2007, p. 506–507].

Дивизии СС «Нордланд» и подчиненной ей штурмовой бригаде СС «Шарлемань» было приказано занять позиции в секторе обороны С, на юго-востоке столицы рейха. Утром 26 апреля одна французская рота была отправлена в сектор Темпельхоф, основная же часть французских сил – три роты – приняла участие в контратаке дивизии «Нордланд» при поддержке танков и штурмовых орудий в Нойкёльне. Здесь им пришлось вступить в бой с подразделениями 1-й гвардейской танковой армии (командующий – генерал-полковник М.Е. Катуков). В разведсводке штаба армии за 26 апреля отмечалось, что в течение дня противник, в состав которого введен один батальон 57-го пехотного полка бригады СС «Шарлемань», при поддержке артиллерии и танков, опираясь на заранее подготовленные инженерные сооружения на улицах и в домах, оказывал сильное огневое сопротивление наступлению войск в районах северо-западнее Нойкёльна. Действия французов, вооруженных пулеметами (по 5–6 на роту) и фаустпатронами, поддерживали 2 штурмовых орудия и танк [136].

Французские эсэсовцы находились в рядах, обороняющих рубеж Фульдаштрассе – Берлинерштрассе в полосе наступления 40-й гвардейской танковой бригады 11-го гвардейского танкового корпуса. Ведя бои с противником, засевшим в домах, советские танкисты при поддержке артиллерии и мотострелков к полудню вышли к перекрестку Браунауэрштрассе – Эльбештрассе, а к 23 часам достигли Фридельштрассе [137]. Помимо этого в районе ул. Берлинерштрассе – Браунауэрштрассе, где также находились французы [Bene, 2012, p. 326], вела наступление 19-я гвардейская механизированная бригада 8-го гвардейского механизированного корпуса [138].

Советские войска, нанося ожесточенные удары, к вечеру отрезали французов от других подразделений. Под угрозой окружения французские эсэсовцы отступили на Херманплац, а затем – на площадь Бэль-Альянс. Рота, действовавшая в Темпельхофе против частей 8-й гвардейской армии генерала-полковника В.И. Чуйкова, овладевшими к полудню аэропортом [Чуйков, 1985, с. 637], также понесла существенные потери. Ее остатки соединились с отступившими на Бэль-Альянс. В целом в первый же день боев бригада СС «Шарлемань» потеряла более 50 % личного состава, насчитывая в строю теперь порядка 150 боеспособных солдат. Участник боев указывал, что, едва вступив в бой, его рота в течение часа потеряла более четверти своего личного состава. Аналогичная ситуация отмечалась в двух других

[135] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 345. Оп. 5489. Д. 87. Л. 445.
[136] ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5489. Д. 87. Л. 445, 447; Ф. 299. Оп. 3070. Д. 792. Л. 499.
[137] ЦАМО. Ф. 3129. Оп. 1. Д. 53. ЛЛ. 53-53-об.; Д. 49. ЛЛ. 280-281.
[138] ЦАМО. Ф. 299. Оп. 3070. Д. 704. Л. 121.

ротах [Bene, 2012, p. 327–328]. Захваченный красноармейцами в плен военнослужащий бригады «Шарлемань» показал, что за сутки французские роты потеряли по 20–30 человек [139].

В результате боевых действий к вечеру 26 апреля практически полностью разбитая дивизия «Нордланд» отступила в центральный сектор обороны Берлина. Французы расположились в подвалах оперного театра и пивоварни (район станции метро Штадтмитте), где провели ночь. На следующий день основная масса французских эсэсовцев в боях не участвовала – в обороне сектора была задействована только одна рота. Красноармейцы отмечали, что в уличных боях противник широко применял против советских танков огонь из фаустпатронов и противотанковую артиллерию, которая занимала позиции на перекрестках улиц и переулках. Отмечался также фланкирующий огонь [140].

В ночь с 27 на 28 апреля в зданиях вдоль Вильгельмштрассе для поддержки действий полка «Данмарк» были развернуты две французские противотанковые группы, вооруженные панцерфаустами. К утру оставшиеся французские отряды заняли позиции также на Фридрихштрассе и Саарландштрассе [Bene, 2012, p. 329–330] – на подступах к рейхсканцелярии. В течение дня французы пытались сдержать продвижение советских танков. Время от времени действия таких противотанковых групп доставляли серьезные проблемы красноармейцам: «Отдельные группы автоматчиков и солдат, вооруженных фаустпатронами, используя подземные коллекторы, водосточные каналы и т. п., выходили в тыл наших частей и выводили из строя офицеров, солдат, рвали линии связи, уничтожали машины, орудия»… «Каждый метр берлинских улиц, каждый дом доставались с большим трудом. Особенно тяжело приходилось танковым бригадам, так как с каждым днем, часом автоматчиков становилось все меньше и меньше, и танки, зачастую наступая без прикрытия, попадали под удар фаустников» [Люки открыли в Берлине, 1973]. Результативности применения гитлеровцами фаустпатронов способствовало то, что первоначально советские танки двигались колоннами. Таким образом, растягиваясь вдоль улиц, они зачастую создавали заторы. Командующий 8-й гвардейской армией В.И. Чуйков вспоминал: «Воспламенится головной танк – и остальным некуда деваться: подставляй бок под удар фаустпатрона и гори... Поэтому в первый же день штурма наши танкисты перестроили боевые порядки. Они установили тесное взаимодействие с пехотинцами, артиллеристами, саперами» [Чуйков, 1985, с. 632]. Таким образом, танкисты наступали под прикрытием автоматчиков, уничтожавших скрывающихся в зданиях фаустников.

К 16 часам 28 апреля 11-й гвардейский танковый корпус 1-й гвардейской танковой армии в районе Белле форсировал канал Ландвер и вечером вел бои восточнее Ангальтского вокзала [Люки открыли в Берлине, 1973]. Так, 45-я гвардейская танковая бригада к 18.00 вышла с боями на Саарландштрассе, где гитлеровцы в районе двух церквей оказали сильное сопротивление, открыв по танкам залповый огонь фаустпатронов со всех этажей домов и подвалов. Уничтожая массированным огнем из танков и артиллерии прямой наводкой засевших в домах автоматчиков и «фаустников» до полного разрушения зданий, части бригады с тяжелыми боями, наступая по улице Саарландштрассе, вышли в район двух церквей (выход на улицу Халлешештрассе в западном направлении). С тяжелыми уличными боями, продолжавшимися на Саарландштрассе в течение ночи, советские танкисты при поддержке артиллерии и мотострелков к 10 утра вышли на развилку улиц Саарландштрассе – Хедеманштрассе [141].

В свою очередь, 44-я гвардейская танковая бригада 28 апреля в 17 часов вела наступление вдоль Альте Якобштрассе с поворотом на Хольманштрассе, Линденштрассе, Вильгельмштрассе. К 22 часам с упорными боями овладела семью кварталами, достигла перекрестка Вильгельмштрассе – Хедеманштрассе, где, встретив сильное сопротивление, закрепилась, организовав разведку [142].

[139] ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5489. Д. 87. Л. 447.
[140] ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5489. Д. 87. Л. 447.
[141] ЦАМО. Ф. 3138. Оп. 1. Д. 8. Л. 91.
[142] ЦАМО. Ф. 3136. Оп. 1. Д. 28. ЛЛ. 178-179.

29 апреля командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал-полковник М.Е. Катуков поставил командиру 11-го гвардейского танкового корпуса А.Х. Бабаджаняну задачу – занять Потсдамский вокзал и имперскую канцелярию [Катуков, 1974, с. 416].

В 12 часов советские войска перешли в наступление. 45-я гвардейская танковая бригада вернулась на Халлешештрассе с целью продолжить наступление в направлении парка Тиргартен, очистив по пути от противника узел железных дорог в районе Ангальтского и Потсдамского вокзалов. Однако продвижение танков в направлении Мёккернштрассе оказалось невозможным из-за образовавшихся поперек Халлешештрассе в результате обвала домов от артиллерийского огня препятствий. Бригада продолжила наступление обходным маршрутом, вновь вернувшись на Саарландштрассе, где гитлеровцы превратили все дома в узлы сопротивления, заполненные в большом количестве автоматчиками и командами с фаустпатронами. Части бригады медленно продвигались вперед, ведя бои за каждый дом [143].

44-я гвардейская танковая бригада, имея задачу наступать в направлении Саарландштрассе и далее на запад, в 12 часов, произведя артналет приданными средствами, начала продвижение. Сломив сопротивление противника, в результате упорного боя овладела двумя кварталами и к 19 часам вышла к перекрестку Бергерштрассе – Саарландштрассе, где, вновь встретив сильное сопротивление, завязала бой с автоматчиками и «фаустниками» противника [144].

Французы отступили на перекресток Путткамерштрассе – все ближе к рейхсканцелярии. Вдоль этой новой линии фронта французские эсэсовцы создали в зданиях опорные пункты. Наличие целой сети внутренних дворов позволяло им безопасно передвигаться от одного пункта к другому [Giolitto, 2007, p. 513]. Советские танкисты отмечали: «Когда наши подразделения врывались в опорный пункт, его гарнизон в последний момент, используя коллекторы и другие подземные сооружения, перебирался в соседний опорный пункт» [Люки открыли в Берлине, 1973].

На смену устремившимся к парку Тиргартен танковым бригадам 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии в полосу обороны разбитых частей дивизии СС «Нордланд», включающих французских эсэсовцев, пришли стрелковые дивизии 5-й Ударной армии генерал-полковника Н.Э. Берзарина. Части армии пробивались от Ландвер-канала к имперской канцелярии. «Туда сходятся все нити руководства войсками третьего рейха, и от того, как скоро будет взято это гнездо, последняя цитадель Гитлера, зависит окончание боевых действий не только в Берлине, но и на всей территории Германии», – вспоминал маршал Советского Союза В.И. Чуйков [Чуйков, 1985, с. 649, 657].

К 20 часам части 9-го стрелкового корпуса 5-й Ударной армии вышли на следующие рубежи: 248-я стрелковая дивизия – Циммерштрассе между Линден и Фридрихштрассе; 301-я стрелковая дивизия – Циммерштрассе, Анхальтерштрассе до Саарландштрассе. Таким образом, левый фланг армии вел бой на линии Циммерштрассе и Анхальтерштрассе, между Линден и Саарландштрассе, развернув фронт на север вдоль Фридрихштрассе и Вильгельмштрассе [145] – там, где наряду с остатками других подразделений оборонялись и французские эсэсовцы. 1050-й и 1052-й стрелковые полки 301-й стрелковой дивизии подошли к правительственным зданиям гестапо и министерства авиации, где гитлеровцы проявили наибольшее упорство. Дивизия готовилась к штурму зданий [146]. К вечеру 29 апреля на улицу Принц-Альбрехт-штрассе, где располагалось здание гестапо, вышли части 35-й гвардейской стрелковой дивизии 4-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии В.И. Чуйкова [147].

[143] ЦАМО. Ф. 3138. Оп. 1. Д. 8. Л. 92.
[144] ЦАМО. Ф. 3136. Оп. 1. Д. 28. ЛЛ. 179.
[145] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 767. ЛЛ. 88 об., 89 об.
[146] ЦАМО. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.
[147] ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 409. Л. 82.

30 апреля остатки дивизии СС «Нордланд», включая французский батальон, продолжили сопротивление. К этому времени от «Большого Берлина» в руках гитлеровцев остались только четыре почти разрозненных района. В 14.30 части 3-й Ударной армии захватили рейхстаг. 5-й Ударной армии предстояло взять Унтер-ден-Линден, Паризер плац с Бранденбургскими воротами и объекты: гестапо, дворец канцлера империи, министерства иностранных дел, юстиции, ВВС и финансов [148].

С утра 30 апреля началась артподготовка, после которой разгорелся ожесточенный бой по овладению зданием гестапо. Частью здания в 7.30 после пятиминутного артналета штурмом овладели 100-й и 101-й гвардейские стрелковые полки 35-й гвардейской стрелковой дивизии [149]. К 13 часам бойцы 301-й стрелковой дивизии ворвались в здание, овладев сначала его западным углом, а затем половиной [150]. Бои продолжались.

В 23.00 30 апреля на участке стыка 1050-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии 5-й Ударной армии и 102-го гвардейского стрелкового полка 35-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии, развернутых перед зданием гестапо, появились с белым флагом первые парламентеры [151]. В 1 час 30 мин 1 мая в связи с началом переговоров огонь с обеих сторон был прекращен. Однако мелкие группы противника и одиночные солдаты, засевшие в укрепленных домах, продолжали вести стрельбу из автоматов, пулеметов и фаустпатронов [152].

В связи с несогласием немецкого командования принять безоговорочную капитуляцию Берлина 1 мая советским войскам была дана команда: «огонь на полную мощь и быстрее добить врага! Тысячи мин и снарядов полетели на правительственные кварталы, на имперскую канцелярию, на рейхстаг» [Чуйков, 1985, с. 687].

1 мая позиции все еще сопротивляющихся французов располагались на Вильгельмштрассе в 500 метрах от рейхсканцелярии. В боевом донесении штаба 301-й стрелковой дивизии сообщалось, что во второй половине дня и в ночь на 2 мая гитлеровцы продолжали оказывать огневое сопротивление из зданий и сада гестапо, а также из глубины по Вильгельмштрассе, ведя ружейно-пулеметный и снайперский огонь, по-прежнему широко применяя фаустпатроны. В связи с возобновившимися переговорами о капитуляции с 18.00 огонь был прекращен [153]. Оставшиеся в живых два десятка французских эсэсовцев отступили, расположившись в подвалах Главного управления имперской безопасности, где провели ночь [Bene, 2012, p. 335–336] (угол Вильгельмштрассе и Принц-Альбрехт-штрассе).

А в это время бойцы 301-й стрелковой дивизии начали штурм зданий гестапо и министерства авиации, водрузив на рассвете над ними знамя Победы [154]. В то же время разворачивался последний бой за рейхсканцелярию. Г.К. Жуков вспоминал: «Схватка на подступах и внутри этого здания носила особо ожесточенный характер. В составе штурмовой группы 1050-го стрелкового полка действовала старший инструктор политотдела 9-го стрелкового корпуса майор Анна Владимировна Никулина. Вместе с бойцами И. Давыдовым и Ф.К. Шаповаловым она пробралась через пролом в крыше наверх и, вытащив из-под куртки красное полотнище, с помощью куска телеграфного провода привязала его к металлическому шпилю. Над имперской канцелярией взвилось Красное знамя» [Жуков, 2002, с. 366]. Вот как описывала эти события сама Никулина: «Завязался бой внутри имперской канцелярии… Воспользовавшись тем, что эсэсовцы под натиском наших воинов отошли от лестничной клетки, я стала взбираться вверх… И тут неведомо откуда взялись у меня силы. Я быстро стала пробираться по чердаку, где через развороченную снарядами кровлю виден

[148] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 767. ЛЛ. 12 об. – 13.
[149] ЦАМО. Ф. 1124. Оп. 1. Д. 11. Л. 258.
[150] ЦАМО. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 15. Л. 175.
[151] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 767. Л. 13.
[152] ЦАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 40. Л. 405.
[153] ЦАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 40. Л. 411.
[154] ЦАМО. Ф. 7718. Оп. 346484 с. Д. 1. ЛЛ. 123–124.

был просвет ночного, полыхающего зарницами боя неба. Бросилась к этому просвету. У самой кромки крыши зияла большая пробоина, и из нее вверх вздыбились какие-то металлические штыри, видимо, от развороченной арматуры кровли. К одному из них кусками телефонного провода я прикрепила Красное знамя… стояла и смотрела на объятый пламенем Берлин, а по лицу текли горячие слезы радости...» [Никулина, 1982, с. 136–139].

Утром 2 мая Берлинский гарнизон начал капитулировать. Улицы заполнили машины с белыми флагами. Французы, не имея связи с командованием дивизии и не получив сообщения о капитуляции, во главе с Фене отправились через туннели метро к рейхсканцелярии, чтобы проверить обстановку. Там они застали советских солдат. Отчаянная попытка прорваться по подземной сети метрополитена на запад в сторону Потсдама успеха не имела, оставшаяся горстка французских «защитников» Берлина была захвачена в плен красноармейцами [Bene, 2012, p. 337].

Заключение

Резюмируя, следует констатировать, что участие в обороне Берлина в составе дивизии СС «Нордланд» французской штурмовой бригады СС «Шарлемань», переброшенной в апреле 1945 г. в столицу нацистской Германии, завершилось ее разгромом советскими войсками в ходе Берлинской наступательной операции. Итогом попыток французских эсэсовцев оказать сопротивление наступающим частям 8-й гвардейской и 5-й Ударной армий в центральном секторе обороны Берлина стало уничтожение французского подразделения. Последняя страница боевого применения французских добровольцев в боевых действиях против Красной армии в годы Великой Отечественной войны бесславно закончилась на подступах к рейхсканцелярии.

Список источников

Жуков Г.К. 2002. Воспоминания и размышления. В 2 т. Москва, Олма-Пресс, Т. 2. 415 с.
Катуков М.Е. 1974. На острие главного удара. Москва, Воениздат. 429 с.
Люки открыли в Берлине: Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. А.Х. Бабаджанян, Н.К. Попель, М.А. Шалин, И.М. Кравченко, 1973. Москва, Воениздат, http://www.ta-1g.narod.ru/mem/lyki/luki_8.html
Никулина А.В. 1982. Пламя в ночи. Москва, Воениздат. 144 с.
Чуйков В.И. 1985. От Сталинграда до Берлина. Москва, Сов. Россия. 701 с.
Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 233. 1-й Белорусский фронт. Оп. 2356. Д. 767.
ЦАМО. Ф. 299. 1-я гвардейская танковая армия. Оп. 3070. Д. 792.
ЦАМО. Ф. 299. 1-я гвардейская танковая армия. Оп. 3070. Д. 704.
ЦАМО. Ф. 345. 8-я гвардейская армия. Оп. 5487. Д. 409.
ЦАМО. Ф. 345. 8-я гвардейская армия. Оп. 5489. Д. 87.
ЦАМО. Ф. 827. 9-й стрелковый корпус. Оп. 1. Д. 40.
ЦАМО. Ф. 1124. 35-я гвардейская стрелковая дивизия. Оп. 1. Д. 11.
ЦАМО. Ф. 1607. 301-я стрелковая дивизия. Оп. 1. Д. 15.
ЦАМО. Ф. 3129. 22-я танковая бригада (40-я гвардейская танковая бригада). Оп. 1. Д. 49.
ЦАМО. Ф. 3129. 22-я танковая бригада (40-я гвардейская танковая бригада). Оп. 1. Д. 53.
ЦАМО. Ф. 3136. 112-я танковая бригада (44-я гвардейская танковая бригада). Оп. 1. Д. 28.
ЦАМО. Ф. 3138. 200-я танковая бригада (45-я гвардейская танковая бригада). Оп. 1. Д. 8.
ЦАМО. Ф. 7718. 1050-й стрелковый полк. Оп. 346484 с. Д. 1.

Список литературы

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 5: Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. 2013. Москва, Кучково поле. 864 с.

Bene K. 2012. La collaboration militaire francaise dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire: Editions Codex. 591 p.
Giolitto P. 2007. Volontaires français sous l'uniforme allemand. Paris: Perrin. 559 p.
Mabire J. 1995. Mourir à Berlin: Les SS français derniers défenseurs du bunker d'Adolf Hitler. Paris. 338 p.

Referenses

Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov: v 12 t. T. 5: Pobednyj final. Zavershajushhie operacii Velikoj Otechestvennoj vojny v Evrope. Vojna s Japoniej [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 Volumes. Vol. 5. A Victorious Finale. The Final Operations of the Great Patriotic War in Europe. The War with Japan]. 2013. Moscow: Kuchkovo pole, 864 p.
Bene K. 2012. La collaboration militaire francaise dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire: Editions Codex. 591 p. (in French).
Giolitto P. 2007. Volontaires français sous l'uniforme allemand. Paris: Perrin. 559 p. (in French).
Mabire J. 1995. Mourir à Berlin: Les SS français derniers défenseurs du bunker d'Adolf Hitler. Paris. 338 p. (in French).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.03.2024
Поступила после рецензирования 23.04.2024
Принята к публикации 25.04.2024

Received 01.03.2024
Revised 23.04.2024
Accepted 25.04.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Башкирева Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия
ORCID: 0000-0002-0307-4481

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natal'ja V. Bashkireva, Candidate of Sciences in History, Docent, Head of Department of History of Russia, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

УДК 94(47).026
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-433-441
Обзорная статья

Трудовая социализация инвалидов по слуху Белгородского отделения общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих»

Шаханин В.А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: v.schahanin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Белгородского отделения общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» (ВОГ) по трудовой социализации членов организации. Ее создание поставило перед Правлением и активом белгородского отделения весьма сложные задачи по консолидации состава низовых организаций, созданию системы деятельности, призванной обеспечить реализацию одной из главных целей общественной организации – осуществление социальной реабилитации глухих. Трудовая социализация лучше, чем какая-то иная, способствовала успешному решению этой задачи. Глухие белгородцы трудоустраивались на предприятия Белгорода и других городов. Немалая часть неслышащих белгородцев работала в совхозах и колхозах. Глухие и слабослышащие белгородцы относились к труду с большой ответственностью, стремились овладеть необходимыми навыками и применить их на рабочих местах. Значительная их часть была отмечена высокими профессиональными наградами: орденами и медалями, почетными званиями. Они активно участвовали в соцсоревнованиях наряду с другими трудящимися и выходили победителями, подтверждая свое профессиональное мастерство.

Ключевые слова: инвалиды по слуху, реабилитация глухих, трудовая социализация неслышащих, профессиональное обучение, трудоустройство инвалидов, трудовые достижения глухих белгородцев

Для цитирования: Шаханин В.А. 2024. Трудовая социализация инвалидов по слуху Белгородского отделения общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих». *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 433–441. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-433-441

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Labor Socialization of Hearing Impaired People of the Belgorod Branch of the All-Russian Public Organization of Disabled People "All-Russian Society of the Deaf"

Vadim A. Shakhanin,
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: v.schahanin@yandex.ru

Abstract. The article examines the activities of the Belgorod branch of the All-Russian public organization of the disabled "All-Russian Society of the Deaf" (VOG) on the labor socialization of members of the organization. Its creation set very difficult tasks for the Board and the assets of the Belgorod branch to consolidate the composition of grassroots organizations, creation of a system of activities designed to ensure the implementation of one of the main goals of a public organization - the implementation of social rehabilitation of the deaf, the formation of their civic position, the education of citizens capable of taking a worthy place

© Шаханин В.А., 2024

in society. Labor socialization has contributed to the successful solution of this problem better than any other. Already in the early years of the organization's existence, a system of education and upbringing was built in familiarization with self-service, mastering labor skills in school workshops laid the foundations for future successful training in labor professions. Graduates of special schools had the opportunity to receive professional education in other cities of the country, since there were no specialized educational institutions in the region. Upon their return, graduates were employed at enterprises in Belgorod and other cities. A considerable part of the deaf Belgorod residents worked in state farms and collective farms. Interpreters provided assistance to deaf workers in adapting and mastering professional knowledge and skills at all workplaces, which is confirmed by archival documents. The deaf and hearing impaired Belgorod residents treated work with great responsibility, sought to master the necessary skills and apply them in the workplace. A significant part of the deaf Belgorod residents was awarded high professional awards: orders and medals, honorary titles. They actively participated in social competitions along with other workers and emerged victorious, confirming their professional skills. Thus, this is evidence of the successful labor socialization of the hearing impaired.

Keywords: hearing disabled, rehabilitation of the deaf, labor socialization of the deaf, vocational training, employment of the disabled, labor achievements of deaf Belgorodians

For citation: Shakhanin V.A. 2024. Labor Socialization of Hearing Impaired People of the Belgorod Branch of the All-Russian Public Organization of Disabled People «All-Russian Society of the Deaf». *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 433–441 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-433-441

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Трудовая социализация неслышащих белгородцев, судя по архивным документам о деятельности Белгородского отдела «Всероссийское общество глухих» (ВОГ), всегда остается одной из главных задач деятельности организации, осуществлявшей социальную реабилитацию инвалидов по слуху.

В Белгородской организации была выстроена система работы, охватывавшая практически всех инвалидов по слуху, проживавших на территории области. Она предполагала формирование у неслышащих потребности в труде, овладение ими навыками самообслуживания, а потом – знаниями и умениями профессионального характера в период их обучения в образовательных учреждениях. Трудоустройство инвалидов по слуху и трудовая деятельность в коллективах промышленных предприятий, в колхозах и совхозах, достижения и успехи в труде, получившие признание в обществе, свидетельствовали об успешной деятельности Белгородского отделения ВОГ в трудовой социализации инвалидов по слуху.

Объект и методы исследования

В данной работе в качестве объекта исследования избрано одно из направлений регионального отделения одной из старейших организаций инвалидов страны (Всероссийского общества глухих) – трудовое воспитание и трудоустройство неслышащих белгородцев, которые после получения необходимого образования получали направления для работы на промышленные и сельскохозяйственные предприятия Белгородской области, где они демонстрировали свои лучшие качества, овладевали профессиональным мастерством и достигали высоких результатов, регулярно входили в число передовиков производства.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности и научности, комплексное использование которых дало возможность осуществить объективный анализ найденной информации.

Хронологический и сравнительно-исторический методы позволили проследить развитие деятельности Белгородского регионального отделения в реализации задач трудовой социализации инвалидов по слуху. Применение системного метода позволило представить ее как неотъемлемую часть многогранной работы региональной организации ВОГ.

Результат исследования

Белгородская организация ВОГ объединила в 1954 году глухих и слабослышащих белгородцев, которые входили прежде в состав Курской и Воронежской организаций ВОГ. Образование Белгородской области обусловило создание собственной организации инвалидов по слуху. С первых месяцев Белгородское областное правление ВОГ поставило задачу консолидации первичных организаций и налаживание системы работы организации, которая должна была стать для глухих белгородцев средством достижения главной цели – стать полноправными членами общества. Путем ее достижения стало обучение, а потом и трудоустройство глухих белгородцев.

Для молодых членов общества существовала школа-интернат, после окончания которой ежегодно 10–12 выпускников направлялись на профессиональное обучение в другие области (Калининскую, Курскую, Воронежскую, в г. Дербент, поскольку своего учебно-производственного предприятия Белгородская организация ВОГ не имела). По возвращении выпускники трудоустраивались на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах области.

На Белгородском котлостроительном заводе работали 30 членов общества и имелся инструктор-переводчик, на Белгородском горпромкомбинате – 27 человек, им оказывал помощь переводчик, 29 глухих рабочих успешно трудились на Старооскольском комбинате бытового обслуживания, успешно справляясь со своими обязанностями, что отмечало руководство предприятия. Это можно рассматривать как свидетельство их успешной трудовой социализации.

Глухие и слабослышащие белгородцы работали на многих промышленных предприятиях области. К середине 60-х годов из 410 рабочих многие получили известность благодаря своему ответственному отношению к труду. Они были удостоены наград, отмечены званиями передовиков производства. Это были рабочие, чья деятельность была связана с физическим трудом, требовала специальных навыков и знаний. Среди них были столяры Н.М. Елкин, И.Я. Грязных и Н.А. Уваров, сапожник Г.В. Мамонтов, слесарь-монтажник А.П. Колмыков, кузнец Д.А. Мочалин, швея А.А. Русакова и многие другие члены ВОГ.

Областное правление уделяло серьезное внимание работе с глухими села. 10 межрайонных правлений в своем штате имели переводчиков и культработников, на которых были возложены эти обязанности. Для улучшения сообщения между сельскими населенными пунктами областным правлением были приобретены 7 мопедов «Рига», что значительно облегчало передвижение сотрудников.

850 глухих и слабослышащих белгородцев добросовестно работали в колхозах и совхозах Белгородской области доярками: М.Т. Несвит – в Борисовском совхозе, Е.И. Синельникова – в Шебекинском районе; пастухами и скотниками: И.С. Сухомлинов и Н.П. Подобный – в Ровеньском районе, М.Т. Корякин – в Валуйском районе. Лучшие из них были удостоены званий и орденов, награждены почетными грамотами облисполкома и облпрофсовета, премированы путевками в дом отдыха ВОГ.

Массовое обследование колхозников позволило не только выявить неучтенных сельских жителей с проблемами слуха, но и помогло лучше узнать условия их жизни, работы и быта, оказать нуждающимся различную помощь.

В 1970-х годах главной задачей стала задача мобилизации глухих белгородских тружеников на дальнейшее развертывание социалистического соревнования за досрочное завершение годовых планов и пятилетки в целом.

В Белгородской области ежегодно отличные показатели в труде имели коллективы глухих Белгородского котлостроительного завода [155], завода «Сокол», швейно-галантерейных объединений комбинатов бытового обслуживания населения Валуек и Старого Оскола и многих других предприятий.

[155] В феврале 1977 год «Белгородский котлостроительный завод» изменил свое название, он стал называться «Белгородский завод энергетического машиностроения».

В 1970–80-е годы Белгородское, Воронежское и Курское правления ВОГ и их организации были участниками межобластного социалистического соревнования. Они стремились добиться наилучших результатов в различных сферах своей деятельности.

Участники соревнования договорились итоги социалистического соревнования подводить два раза в год – за полугодие и по результатам работы за год на совещаниях делегаций правления, ДК и УПП ВОГ, в первой половине августа и первой половине марта.

Первое место присуждалось облправлению, УПП или ДК, набравшему наибольшее число баллов. Победителям в соцсоревновании вручался переходящий приз и почётная грамота от имени президиумов правлений. Почётные грамоты готовило правление по месту подведения итогов соревнования [156].

При обсуждении итогов работы областных правлений учебно-производственных предприятий (УПП), домов культуры ВОГ за первое полугодие 1978 года выступали председатели комиссии: по областным правлениям ВОГ Н.Д. Веселовский, по УПП ВОГ – И.П. Попов, по учреждениям культуры – М.В. Пахомова.

Рассмотрев и обсудив материалы, представленные участниками межобластного договора по соцсоревнованию, члены делегаций постановили, во-первых, по областным правлениям ВОГ признать победителем соревнования за первое полугодие 1978 года Белгородское областное правление ВОГ с вручением переходящего приза (председатель правления Г.Д. Белопольских); второе место присудить курскому областному правлению ВОГ (председатель правления И.Д. Веселовский); третье место присудить воронежскому облправлению ВОГ (председатель правления Н.А. Пархоменко). Во-вторых, по учебно-производственным предприятиям ВОГ при равных показателях по соцсоревнованию отмечены Воронежское УПП (директор И.П. Попов) и Курское УПП (директор А.М. Попов). В-третьих, по клубным учреждениям признали победителем соцсоревнования за первое полугодие 1978 года Белгородский областной Дом культуры с вручением переходящего приза (директор ДК И.П. Новиков), второе место присудили Курскому областному Дому культуры (директор ДК Кузнецов), третье место присудили Воронежскому областному Дому культуры ВОГ.

Белгородское облправление ВОГ, отчитываясь за 1978 год, указывало, что по состоянию на 1 января 1979 года в организации на учете состояли 1 642 человека, из которых 1 090 были работающими. Они были объединены в 76 первичных организаций. Среди них было 1 594 глухих и слабослышащих.

По подавляющему большинству показателей Белгородская организация получила превышение цифр, заложенных при разработке условий соревнования. Превышение составило по следующим показателям: проведение собраний в первичных организациях – 104 %; проведение районных слётов – 107 %; проведение лекций и докладов – 103 %; проведение бесед и политинформации – 108 %; было дано концертов и спектаклей – 130 % (в том числе на селе – 170 %), охват подпиской на 1979 год составил 113 % (плановые показатели были установлены Центральным правлением ВОГ); в вечерней школе обучались 100 % неслышащих, физкультурой и спортом занимались 199,4 %, значки ГТО получили за год 112 человек, что составило 101 %. Обращает на себя внимание весьма высокая численность Ударников коммунистического труда – 186 человек, что составило 1,7 % от общего числа работавших [157].

В списке ударников были рабочие заводов «Энергомаш», «Сокол», швейной фабрики «Россиянка», комбинатов бытового обслуживания и других предприятий области, а также труженики белгородских совхозов и колхозов.

В 1980 году Белгородская организация общества провела учёт движения членов общества: по области на 1 января 1980 года было учтено с недостатком слуха 1 655 человек.

[156] Приложение № 1 к Договору о соцсоревновании Белгородского, Воронежского, Курского правлений ВОГ и их организации от 11 марта 1978 года. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 431. Л. 31–34.

[157] Приложение № 1 к Договору о соцсоревновании Белгородского, Воронежского, Курского правлений ВОГ и их организации от 11 марта 1978 года. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 431. Л. 13.

Взрослых глухих и слабослышащих граждан в области насчитывалось 1 532 человека. За 3 года количество взрослых от 15 лет и старше сократилось по области на 37 человек.

Белгородская организация ВОГ в своей повседневной деятельности добивалась того, чтобы все глухие и слышащие граждане были в поле зрения организации и ощущали её влияние и поддержку, активно участвовали в общественно полезном труде.

Члены ВОГ работали в разных сферах: 564 человека – на промышленных предприятиях, 454 человека трудились в колхозах и совхозах, 23 человека состояли в штатах государственных учреждений, а 17 человек насчитывалось в структурах региональной организации ВОГ. Численность неработающих глухих составляла 396 взрослых (из них 110 были инвалидами, а 286 – престарелыми и домохозяйками), а 78 учащихся старше 15 лет обучались в спецшколах-интернатах, где получали профессиональные навыки [158].

Анализ документов архива показал, что в 1978–79 годах произошла определённая консолидация членов общества, наиболее проявившаяся в период отчётно-выборных кампаний, приуроченных к подготовке к XII съезду ВОГ. В нее включились все межрайонные, районные и городские правления. В организациях кампания, по оценке руководителей, прошла на высоком организационном, идейном и политическом уровне.

Количественный рост числа работавших на промышленных предприятиях инвалидов по слуху заставил обратить внимание на вопросы их трудовой социализации. Эту задачу должны были решать переводчики, объединенные в группы на предприятиях области. Так, 82 рабочим на котлостроительном заводе помогали в работе и взаимодействии с другими работающими 3 инструктора-переводчика. На производственном объединении «Сокол», где работали 52 человека, тоже была создана группа, но из двух инструкторов. Еще меньше глухих было на швейно-галантерейном объединении, где с инвалидами по слуху работал один инструктор-переводчик. На этих предприятиях глухие и слабослышащие в основном трудились слесарями, обрубщиками, пескоструйщиками, столярами, а женщины – швеями мотористками.

Руководители предприятий не препятствовали приему на работу неслышащих, поскольку они отличались добросовестным отношением к труду и дисциплинированностью, успешно проходили обучение массовым профессиям и получали рабочие специальности. Принятых на работу глухих белгородцев обучали массовым рабочим профессиям, большое внимание уделялось технике безопасности на рабочих местах, после чего новые рабочие шли на предприятия области. В документах Белгородской организации ВОГ отмечалось, что «серьёзных отказов в приёме на работу неслышащих не наблюдалось» [159].

Глухие рабочие проявляли себя, работая как в сельском хозяйстве, так и на промышленных предприятиях.

Их готовность учиться, применять на практике знания, проявлять себя в творческой деятельности заставляла равняться на них слышащих белгородцев. Неслышащие создавали семьи, где труд и взаимопонимание, активный досуг становились нормой. Такой семьей была семья Леонида Михайловича и Любови Иосифовны Степановых.

Руководители производства и общественных организаций сошлись во мнениях по поводу качеств глухих рабочих: независимо от времени работы в цехе, рабочих отличала дисциплинированность, трудолюбие и высокие производственные результаты.

Ударниками коммунистического труда Белгородского котлостроительного завода была весьма многочисленная группа глухих рабочих. В нее входили Лукьянов Н.В., Агафонов Г.А., Береговский В.М., Чернов И.Н., Иванов Н.И., Подалко И.В., Вишняков Н.К., Глагольев Н.К., Елисеев Н.Т., Кудренко В.М., Овчаров И.И., Шарапов П.Д., Никоненко Н.А. [160]

[158] Материалы XIV областной отчётно-выборной конференции. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 475. Л. 8.
[159] Материалы XIV областной отчётно-выборной конференции. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 475. Л. 19.
[160] Списки и характеристики ударников коммунистического труда, и передовики промышленности и сельского хозяйства. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 194. Л. 18.

Руководители «Энергомаша», как и других предприятий Белгородской области, неоднократно отмечали, что глухие рабочие относятся к своим обязанностям очень ответственно и стремятся исполнить всё добросовестно.

Руководство предприятия относилось с пониманием к тем сложностям, что испытывали глухие рабочие, оказывало им поддержку и поощряло лучших. Энергомашевцы – члены ВОГ – получали премии, имена передовиков производства заносились на заводскую Доску почета, им бесплатно предоставлялись квартиры.

Неслышащие ударники коммунистического труда и передовики производства были весьма уважаемыми в обществе людьми, их нередко приглашали на встречи в первичные организации, где они рассказывали о своем труде, о тех, кто трудится рядом с ними, и о том, насколько важно быть профессионалом в своем деле.

Эти лучшие глухие производственники становились участниками различных совещаний, на которых подводились итоги работы или обсуждались планы на будущее. Так, например, на совещании ударников коммунистического труда и передовиков производства в Белгородском областном правлении ВОГ присутствовали рабочие различных специальностей, занятых не только на предприятиях тяжелой промышленности, но и в сфере обслуживания, и в сельском хозяйстве. Глухие рабочие завода активно участвовали в общественной жизни завода и Белгородской организации ВОГ.

Рабочий завода «Энергомаш» С. Павленко с 1966 по 1976 год был общественным тренером команды завода. Он считал, что для успешных занятий спортом глухой белгородской молодёжи необходимо иметь свой спортивный зал и свои спортивные площадки, где молодые рабочие могли бы развиваться физически. Спортсмены имели возможность проводить тренировки в клубе, но этого было недостаточно. Он неоднократно говорил о том, что «культурно-массовая работа в организации поставлена хорошо, но спортивную работу нельзя ослаблять». Для сравнения он приводил пример городов Курск и Орёл, где у глухих были спортивные площадки, в отличие от Белгорода. Несмотря ни на что, спортивные команды глухих белгородцев принимали участие во всех зональных соревнованиях. Задумываясь о своей подготовке, они и предложили свою помощь в строительстве спортивных площадок [161].

В следующие десятилетия и вплоть до сегодняшнего дня на заводе «Энергомаш» продолжали работать глухие белгородцы – члены областной организации ВОГ, как и раньше, добросовестно и ответственно относясь к своей работе, а также продолжая активную общественную деятельность.

Заключение

Таким образом, документы архива говорят нам о стабильной работе первичной заводской организации ВОГ в 60–90-е годы и о том, что бюро организации поддерживало глухих рабочих котлостроительного завода (позже переименованного в завод «Энергомаш»), оказывало им возможную помощь как в производственных вопросах, так и в организации отдыха. В условиях нарастающей нестабильности в обществе в 80-е годы это было весьма ценным для глухих рабочих, которые видели и признавали важность такой поддержки.

Благодарности

Автор выражает благодарность директору Государственного архива Белгородской области Бондаренко А.А., ведущим сотрудникам архива – Кривчикову А.А. и Пчелинову-Образумову А.А. за помощь в сборе материалов для данной статьи.

Список источников

Автобиография Г.Д. Белопольских. Белгород, БРОООООИ «ВОГ», 1988, 5 с.

[161] Материалы XIV областной отчётно-выборной конференции. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 475. Л. 20.

Автобиография В.С. Мелкозерова. Белгород, БРОООООИ «ВОГ», 1988, 4 с.

Акт документальной ревизии финансовой деятельности Белгородского областного правления за период с 1 февраля 1988 года по 1 февраля 1990 года. Белгород, БРОООООИ «ВОГ», 1990, 6 с.

Акт плановой документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности Белгородского облправления ВОГ от 29 февраля 1988 года. Белгород, БРОООООИ «ВОГ», 1988, 11 с.

Всемирная программа действий в отношении инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 37/52 от 3 декабря 1982 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog1.shtml (дата обращения: 15.01.2024)

Выписка из решения Исполкома Белгородского городского совета народных депутатов 14 ноября 1986 года № 465 «О строительстве объектов гражданского и промышленного назначения». Белгород, БРОООООИ «ВОГ», 1986, 2 с.

Интервью с Т.И. Бессоновой. Белгород, БРОООООИ «ВОГ», 20.05.2022, 3 с.

Конвенция ООН о правах инвалидов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 15.01.2024)

Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.01.2024)

Материалы XIV областной отчётно-выборной конференции. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 475. Л. 19.

Отчёт о деятельности Белгородского областного правления Всероссийского общества глухих за 1981 год. Белгород, БРОООООИ «ВОГ», 1981, 8 с.

Отчет председателя культкомиссии на президиуме Областного правления ВОГ от 26.12.1985 года. Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. 1319. Оп. 1. Д. 617. Л. 101.

Постановление 1-й Белгородской Областной Конференции Всероссийского общества глухонемых от 15 июля 1954 года. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–13.

Списки и характеристики ударников коммунистического труда и передовики промышленности и сельского хозяйства. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 194. Л. 18.

Справка о выполнении условий Всероссийского смотра работы правлений ВОГ по социально-культурному обслуживанию глухих трудящихся за 1984 год Белгородским областным правлением ВОГ». ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 587. Л. 5–11.

Справка о выполнении условий Всероссийского смотра работы правлений ВОГ по социально-культурному обслуживанию глухих трудящихся за 1986 год Белгородским областным правлением ВОГ. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 649. Л. 8.

Справка о работе Белгородского областного правления Всероссийского общества глухих за 1980 год. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 476. Л. 119–124.

Справка к документальной проверке соблюдения налогового законодательства, полноты и своевременности перечисления платежей в бюджет и внебюджетные фонды Белгородским областным правлением ВОГ за 1996 год от 28 апреля 1997 года. Белгород, БРОООООИ «ВОГ», 1997, 7 с.

Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml (дата обращения: 15.01.2024)

Указ Президента РФ от 02.10.1992 № 1157 (ред. от 01.07.2014) «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/2115.

Устав Всероссийского общества глухих. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_38349.html (дата обращения: 15.01.2024)

Численность инвалидов в Российской Федерации, федеральных округах и субъектах Российской Федерации. URL: https://sfri.ru/analitika/chislennost (дата обращения: 15.01.2024)

Список литературы

Дрозденко И.Г. 2020. Мультицентр социальной и трудовой интеграции. Проблемы. Задачи, перспективы. *Доступная среда. Экспертно-аналитический журнал*. 1. URL: https://dsrubikon.ru/ds121-123/ (дата обращения: 15.01.2024)

Дьячков А.И. 1961. Системы обучения глухих детей. Москва, Издательство Академии педагогических наук, 247 с.

К вопросу трудоустройства инвалидов по слуху. *Доступная среда. Экспертно-аналитический журнал.* 2020. 1. URL: https://ds-rubikon.ru/ds121-123/ (дата обращения: 15.01.2024)

Климчук Ю.Ю. 2022. Дистанционное обучение младших школьников с нарушением слуха. Плюсы и минусы. *Доступная среда. Экспертно-аналитический журнал*. 2. URL: https://dsrubikon.ru/2022/12/20/ds-12-92-97/ (дата обращения: 15.01.2024)

Куликов В.Н., Крицкая Т.С. 2015. Развитие системы обучения и воспитания глухих детей на Белгородчине. Белгород, ЛитКараВан, 132 с.

Мацукевич О.Ю. 2014. Творчество в социально-культурной ресоциализации молодых инвалидов. *Культура и образование*. 3 (14): 87–92.

Моздокова Ю.С. 2006. Коммуникативно-деятельностный подход к интеграции инвалидов: социально-культурный аспект. Автореф. дис. докт. пед. наук. Москва, 50 с.

Общероссийская общественная организация инвалидов «Всероссийское общество глухих» (ВОГ). URL: hhttps://voginfo.ru/about/ (дата обращения: 15.01.2024)

Осипов С.А. 2007. Социализация и содействие трудовой занятости инвалидов в условиях трансформирующейся экономики региона. Автореф. дис. канд. экон. наук. Воронеж, 24 с.

Рощин А.В. 2020. Страна утраченной эмпатии. Как советское прошлое влияет на российское настоящее. Москва, Бомбора, 288 с.

Статистика: Численность инвалидов в России. URL: https://ruxpert.ru (дата обращения: 15.01.2024)

Хроника важных событий истории ВОГ. URL: https://voginfo.ru/about/history/ (дата обращения: 15.01.2024)

Численность глухих в России. URL: https://xn--80axcg.xn--p1ai (дата обращения: 15.01.2024)

References

Drozdenko I.G. 2020. Mul'titsentr sotsial'noy i trudovoy integratsii. Problemy. Zadachi, perspektivy [Multicenter for Social and Labor Integration. Problems. Objectives, Prospects]. *Dostupnaya sreda. Ekspertno-analiticheskiy zhurnal*. 1. URL: https://dsrubikon.ru/ds121-123/ (data obrashcheniya: 15.01.2024)

D'yachkov A.I. 1961. Sistemy obucheniya glukhikh detey [Systems for Teaching Deaf Children]. Moskva, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 247 p.

K voprosu trudoustroystva invalidov po slukhu [On the Issue of Employment of Hearing Impaired People]. *Dostupnaya sreda. Ekspertno-analiticheskiy zhurnal*. 2020. 1. URL: https://ds-rubikon.ru/ds121-123/ (data obrashcheniya: 15.01.2024)

Klimchuk Yu.Yu. 2022. Distantsionnoe obuchenie mladshikh shkol'nikov s narusheniem slukha. Plyusy i minusy [Distance Learning for Primary Schoolchildren with Hearing Impairment]. *Dostupnaya sreda. Ekspertno-analiticheskiy zhurnal*. 2. URL: https://dsrubikon.ru/2022/12/20/ds-12-92-97/ (data obrashcheniya: 15.01.2024)

Kulikov V.N., Kritskaya T.S. 2015. Razvitie sistemy obucheniya i vospitaniya glukhikh detey na Belgorodchine [Development of the System of Education and Upbringing of deaf Children in the Belgorod Region]. Belgorod, LitKaraVan, 132 p.

Matsukevich O.Yu. 2014. Tvorchestvo v sotsial'no-kul'turnoy resotsializatsii molodykh invalidov [Creativity in the Socio-Cultural Resocialization of Young Disabled People]. *Kul'tura i obrazovanie*. 3 (14): 87–92.

Mozdokova Yu.S. 2006. Kommunikativno-deyatel'nostnyy podkhod k integratsii invalidov: sotsial'no-kul'turnyy aspect [Communicative-Activity Approach to the Integration of People with Disabilities: Socio-Cultural Aspect]. Avtoref. dis. dokt. ped. nauk. Moskva, 50 s.

Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya invalidov «Vserossiyskoe obshchestvo glukhikh» (VOG) [All-Russian Public Organization of Disabled People “All-Russian Society of the Deaf” (VOG)]. URL: hhttps://voginfo.ru/about/ (data obrashcheniya: 15.01.2024)

Osipov S.A. 2007. Sotsializatsiya i sodeystvie trudovoy zanyatosti invalidov v usloviyakh transformiruyushcheysya ekonomiki regiona [Socialization and Promotion of Employment of Disabled People in the Conditions of the Transforming Economy of the Region]. Avtoref. dis. kand. ekon. nauk. Voronezh, 24 s.

Roshchin A.V. 2020. Strana utrachennoy empatii. Kak sovetskoe proshloe vliyaet na rossiyskoe nastoyashchee [Land of Lost Empathy. How the Soviet Past Influences the Russian Present]. Moskva, Bombora, 288 s.

Statistika: Chislennost' invalidov v Rossii [Statistics: Number of Disabled People in Russia]. URL: https://ruxpert.ru (data obrashcheniya: 15.01.2024)

Khronika vazhnykh sobytiy istorii VOG [Chronicle of Important Events in the History of VOG]. URL: https://voginfo.ru/about/history/ (data obrashcheniya: 15.01.2024)
Chislennost' glukhikh v Rossii [The Number of Deaf People in Russia]. URL: https://xn--80axcg.xn--p1ai (data obrashcheniya: 15.01.2024)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.05.2024
Поступила после рецензирования 26.05.2024
Принята к публикации 28.05.2024

Received 04.05.2024
Revised 26.05.2024
Accepted 28.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаханин Вадим Александрович, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0009-0002-5285-4895

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim. A. Shakhanin, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 929; 235.3
DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-442-452
Оригинальное исследование

Неканонизированный святой современной России: зарождение культа и практики почитания воина Евгения Родионова

Егорская Я.В.
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23
E-mail: egorskaya@imomi.unn.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс зарождения почитания неканонизированного святого Евгения Родионова. Основное внимание уделено трансформации характера почитания Евгения Родионова в его историческом развитии. Одним из основных источников исследования служат онлайн-репрезентации мученического подвига Евгения Родионова. В качестве методологического инструмента используется конструктивистская модель мученичества, оценивающая мученичество как нарратив о трагической гибели человека, и концепция «репутационного предпринимательства», позволяющая выявить акторов, распространяющих информацию о подвиге. В работе выделены основные этапы развития почитания Евгения Родионова, сделан вывод о взаимосвязи характера почитания и деятельности «репутационных предпринимателей» мученического подвига Евгения Родионова.

Ключевые слова: святость, святой воин, воин-мученик, конструктивистская модель мученичества, репутационный предприниматель, коммеморативные практики

Для цитирования: Егорская Я.В. 2024. Неканонизированный святой современной России: зарождение культа и практики почитания воина Евгения Родионова. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 442–452. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-442-452

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Warrior Evgeny Rodionov – Uncanonised Saint in Modern Russia: Cult Origin and Veneration Practices

Iana V. Egorskaia
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: egorskaya@imomi.unn.ru

Abstract. The article examines the origins and the evolution of Evgeny Rodionov veneration. Evgeny Rodionov is an uncanonized saint who is revered by the believers despite the official approval of the Russian Orthodox Church. He is venerated as a martyr because of his tragic death in a captivity during the Chechen War. As a soldier he was executed by beheading for his "refusal to remove the cross". The main methodological tool used in the article is a constructivist model of martyrdom, which assesses martydom as a narrative about a tragic death of a person, and the concept of "reputational entrepreneurship", which allows us to specify actors (people, groups of people, organizations) through which the martyr feat can receive a new interpretation and reveal new meanings. The paper highlights the main stages of the development of the veneration of Evgeny Rodionov which include the initial dissemination of information about the death of a soldier through traditional media since 1998; the failed canonization process in 2004; the formation of secular practices of veneration; the fusion of the secular and religious veneration practices; revitalisation of Evgeny Rodionov image due to Russia's participation in Special military operation and appeals to a second attempt to canonize the warrior. The article concludes that there is a direct correlation between the nature of veneration and the activities of

© Егорская Я.В., 2024

"reputational entrepreneurs" of Evgeny's feat. Future veneration will also depend on both the socio-political situation in the country and the activity of existing and emerging "reputational entrepreneurs".

Keywords: holiness, holy warrior, martyr-warrior, constructivist model of martyrdom, reputational entrepreneur, commemorative practices, uncanonized saints

For citation: Egorskaia Ia.V. 2024. Warrior Evgeny Rodionov – Uncanonised Saint in Modern Russia: Cult Origin and Veneration Practices. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 442–452 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-442-452

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Неканонизированные святые почитаются верующими до момента официальной канонизации Синодальной Комиссией Русской Православной Церкви Московского Патриархата или вопреки отрицательному решению о причислении почитаемого к лику святых. Канонизация, в свою очередь, является инструментом институционального признания церковью факта «народной канонизации» святого [Якеменко, 2015]. Одним из примеров неканонизированных святых в современной России является погибший в 1996 г. в разгар Первой чеченской кампании восемнадцатилетний российский солдат-срочник Евгений Родионов. Он был захвачен чеченскими боевиками в плен, где он погиб 23 мая 1996 г. [Шаргунов, 2002]. Трагическая смерть солдата, а именно казнь путем отсечения головы «за отказ снять крест», стала причиной почитания Е. Родионова как мученика. Несмотря на отрицательное решение о причислении Е. Родионова к лику мучеников в 2004 г., православные верующие почитают его как святого. Участие России в специальной военной операции с 2022 г., возросшая террористическая угроза вновь актуализируют почитание Е. Родионова как героя, отдавшего свою жизнь за Родину, и как святого воина – небесного покровителя солдат.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является почитание воина Евгения Родионова. Предмет исследования – история развития практик почитания Евгения Родионова в период 1998–2023 гг.

Феномен почитания Е. Родионова стал предметом ряда исследований. Шведская исследовательница А. Витамар описала процесс зарождения мифа «от солдата к христианскому мученику». По её мнению, солдат стал «святым», поскольку его образ вписывается в исторические, символические и национальные рамки российской культуры [Hvithamar, 2002]. В исследовании «Как помнить павшего солдата» был рассмотрен процесс формирования коллективной памяти о Е. Родионове, выявлен светский и религиозный дискурс в пересказе биографии погибшего [Bodin, 2008]. В. Фомина выявила три нарратива, центром которых является фигура Е. Родионова: образ солдата, святого и воина-мученика, что, по мнению автора, является иллюстрацией к проблеме взаимоотношений между религией, национализмом и консерватизмом в современной России [Fomina, 2018].

Следует отметить, что на данный момент в отечественной историографии отсутствуют комплексные исследования, посвящённые почитанию Е. Родионова. В то же время сложившаяся общественно-политическая обстановка, а также призывы к возобновлению канонизационного процесса представляют интерес для академического исследования истории почитания Е. Родионова. Цель данной работы – выявить основные этапы становления и трансформации почитания Е. Родионова.

В качестве методологического инструмента исследования нами используется конструктивистская теория мученичества, согласно которой мученичество оценивается не как совершившийся факт, а как нарратив о трагической гибели человека [Зыгмонт, 2022а]. Согласно концепции «репутационного предпринимательства», этот нарратив распространяется

акторами (конкретными людьми, группами людей, организациями), выступающими так называемыми «репутационными предпринимателями». Через них подвиг может получать новую трактовку и раскрывать новые смыслы, находя новых почитателей. Использование этой теории позволяет рассматривать новые форматы мученичества, находящиеся на грани религиозного и светского [Зыгмонт, 2022б]. На наш взгляд, применение конструктивистской теории мученичества и концепции «репутационного предпринимательства» в историческом исследовании, а именно для изучения истории почитания Е. Родионова, позволит выявить причины зарождения почитания, основные этапы почитания и их характеристики.

Источниковую базу настоящего исследования дополняют репрезентации мученичества Е. Родионова в онлайн-среде. «Онлайн-репрезентации мученичества» были ранее использованы для анализа как общепризнанных христианских мучеников (например, святого Стефана, святой Люсии), так и современных примеров «мученичества цифровой эпохи» (Кэсси Берналл, погибшая в массовом убийстве в школе «Колумбайн») [Kurlberg, Mitchell, 2020]. Через анализ информации о жизни, трагической гибели, почитании солдата, которая распространяется онлайн, мы сможем выявить аудитории почитателей Е. Родионова, а также найти новые смыслы в интерпретации его гибели.

Результаты и их обсуждение

Впервые история о Е. Родионове стала известна в 1998 г. из фильма «Материнское сердце» [162]. Он повествует о поиске матерью пропавшего без вести сына и возвращении его тела на родину. Религиозная тематика присутствует в фильме лишь однажды. Л.В. Родионова отмечает, что её сын «очень верующий был», а во время семнадцатой эксгумации тела она сказала, что поверит в то, что это её сын, если «будет крестик». Семья Родионовых жила в подмосковном Подольске, а указанный выше фильм снят местным режиссёром В.М. Ерохиным, основными мотивами произведений которого являлись воинский героизм, подвиг, духовность. Благодаря фильму история о Е. Родионове стала известна Подольской публике.

Таким образом, сначала гибель Евгения воспринимается как личная трагедия, а не мученичество. Мать погибшего считает сына достойным солдатом, а её основной целью было распространение сведений о сыне, восстановление исторической справедливости в отношении всех погибших в вооруженном конфликте в Чечне. На данном этапе история о гибели солдата не выходит за пределы его родного города.

Канонизационный процесс (1999–2004 гг.). В 1999 г. история о Е. Родионове стала известна российским верующим благодаря видеорепортажу и последующей публикации в журнале «Русский Дом» [Шкурко, 1999]. Лейтмотивом подвига Е. Родионова журналисты назвали отказ «сменить веру и снять с себя крест», а трагическая смерть солдата интерпретируется как духовный подвиг христианина. Публикация материалов стала толчком к последующей инициативе о канонизации Е. Родионова.

Журналист газеты «Завтра», узнавший об истории солдата, провёл интервью с Л.В. Родионовой и опубликовал статью «Русский мученик. Христианский путь воина. Евгений Родионов и его мать» [Юрьев, 1999]. В рассказе впервые описывается детство и юность Евгения, упоминаются лишь факты, касающиеся христианской веры (например, крещён в детстве как дань традиции; с 1989 г. не снимал крестик после каникул, проведённых у бабушки; носил пояс «Живый в помощи Вышняго в крове Бога Небеснаго водворится...»). Как и прежде, большое внимание в рассказе уделяется поискам матерью останков сына, однако впервые упоминается сюжет возвращения в Чечню за головой сына, близкий к житийному сюжету обретения честной главы [Сибирева, 2006, Терешкина, 2013]. Оканчивается статья призывом «поставить крест на могиле мученика», а Евгений «пусть светит нам, пусть помолится о нас». Здесь гибель Е. Родионова однозначно воспринимается как мученический подвиг.

[162] Материнское сердце. Евгений Родионов [документальный фильм].

В марте 1999 г. состоялся круглый стол редакции газеты «Завтра», который был посвящён обстоятельствам гибели Е. Родионова [Подвиг, 1999]. В обсуждении приняли участие журналисты издания, а именно А.А. Проханов, Ю. Юрьев, В.Г. Бондаренко. Также присутствовали и священники: отец Дмитрий (Дудко) и представитель Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами отец Константин (Татаринцев). Перечисленные деятели являются основными «репутационными предпринимателями» мученичества Евгения на этом этапе. Их целью является распространение информации о мученическом подвиге воина. Основным итогом круглого стола стала инициатива причисления Е. Родионова к лику святых мучеников.

В контексте подготовки к церковному прославлению воина появляются инструменты для почитания Евгения как святого. Например, 20 апреля 1999 г., в православный праздник Радоницы, на могиле Е. Родионова состоялась панихида по воинам, «за Веру и Отечество живот свой положившим». В день панихиды на могиле солдата был возведён поклонный Крест [Бондаренко, 1999], следовательно, появляется первое место паломничества.

Также в 1999 г. была опубликована брошюра «Воин-мученик. Евгений Родионов» [Шаргунов, 2002]. В неё вошла проповедь протоиерея А. Шаргунова «О верности Кресту Христову», где он называет Евгения «мучеником наших дней». В Храме святителя Николая в Пыжах, настоятелем которого являлся «репутационный предприниматель» А. Шаргунов, хранился нательный крестик Евгения, почитаемый как святыня.

Формируется биография-агиография святого вначале в «Рассказе матери. (Биография мученика воина Евгения)» [Шаргунов, 2002], который изобилует религиозными символами, а затем и по просьбе патриарха Алексия II отец Константин (Татаринцев) собрал сведения о Евгении и погибших с ним сослуживцах и опубликовал «Жизнеописание воинов Андрея, Игоря и Александра» [163].

Иеромонах Варлаам составляет тропарь и кондак воину-мученику для келейной службы (до официальной канонизации) [Терешкина, с. 114]. Прихожане храма Апостолов Петра и Павла в усадьбе Знаменка молятся перед образом Евгения [Коняев, 2001]. Распространяются и известия о чудотворениях и о явлении Евгения во снах, как, например, паломнику Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии [164].

Религиозное почитание находит отражение и в телевизионных программах. Например, в репортаже «Солдатская мать» [165] сообщается, что на могилу к «новомученику» приезжают верующие и монахи со всей России. В фильме «Миротворцы» [166] Е. Родионов уподобляется великому мученику Иоанну Предтече, а сам Евгений через отказ снять крест «в лик святых вошёл». Сюжет в рамках телевизионного цикла программ «Воины Духа» [167] представляет нам рапорт священника Вадима Шкляренко о видении воина и о мироточении образа Евгения Родионова.

История о Евгении становится сюжетом для книг православной направленности [Надпорожская, 2002; Горбачева, 2003; Ильюнина, 2003]. Всё чаще Евгения называют святым. Например, в рассказе «Мать православного героя» [Коняев, 2003], в статье «Чудесная звезда Евгения Родионова» [Проханов, 2002], в статье «Рядовой Евгений Родионов – новый святой на Руси» [Чижиков, 2003], опубликованной в газете «Комсомольская правда», и даже в американской газете «Нью-Йорк Таймс» опубликована статья «Дневник Курилово: от деревенского мальчика до солдата, мученика и, как говорят многие, святого» [Mydans, 2003].

Несмотря на рост осведомлённости населения о Е. Родионове и складывание практик религиозного почитания воина, в январе 2004 г. газета «Церковной вестник» опубликовала

[163] Жизнеописание воинов Андрея, Игоря и Александра.
[164] «Молись воину-мученику!». 2001.
[165] Спецрепортаж «Солдатская мать». «Версты» [телевизионная программа].
[166] Миротворцы [документальный фильм].
[167] Войны духа. Евгений Родионов [телевизионная программа].

статью, в которой сообщалось об отрицательном решении Синодальной комиссии по канонизации ввиду отсутствия доказательств мученической кончины Е. Родионова [168]. Данное решение было подвергнуто критике со стороны почитателей Евгения и церковных деятелей, выступающих в роли «репутационных предпринимателей», в эфире радио «Радонеж» и на страницах газеты «Благовест» [Белкина, Жоголев, 2004]. Стоит отметить, что Л.В. Родионова не поддерживала идею канонизации сына и в дальнейшем назовёт этот процесс «игрой в канонизацию» и PR-кампанией со стороны церковных иерархов [Родионова, 2016].

Таким образом, начало канонизационного процесса мы связываем с публикациями в журнале «Русский Дом» и газете «Завтра», которые сделали историю о Е. Родионове известной среди своих читателей по всей России и дали толчок к принятию решения о начале сбора материалов для дальнейшей канонизации воина. На данном этапе складываются практики религиозного почитания Е. Родионова, а основные «репутационные предприниматели» мученичества Е. Родионова – верующие, журналисты газеты правого толка «Завтра», церковные иерархи вплоть до патриарха. Окончание канонизационного процесса связано с отрицательным решением комиссии о причислении Е. Родионова к лику святых.

Диверсификация образа Евгения Родионова (2004–2016 гг.). Часть верующих и церковных иерархов продолжили почитание воина Е. Родионова вопреки решению РПЦ в надежде на его прославление в будущем. Одновременно с этим сложилась и альтернативная точка зрения. Например, протоиерей Георгий (Митрофанов) в своём докладе на тему «Проблемы современной церковной жизни в контексте канонизации святых» [Митрофанов, 2007] через призму истории о Е. Родионове рассуждает о несоответствии понимания церковью и мирянами таких понятий, как святость, чудотворение, почитание. По словам священника, это приводит к формированию ложных форм святости с «православной атрибутикой». После 2004 г. почитание Е. Родионова как мученика продолжается, практики религиозного почитания расширяются в контексте так называемого «народного православия». Одновременно с этим мы видим оформление почитания Е. Родионова как героя.

В этот период основная информационная активность о Е. Родионове приходится на юбилейные даты. Некоторые из фильмов, снятых к десятилетию с момента гибели солдата, изобилуют религиозными мотивами. Например, фильм «Сто шагов в небеса» [169] рассказывает биографию Евгения с кульминацией в его святости. Фильм «Герои для вечности» [170] строится вокруг повествования о нательном крестике Евгения. С другой стороны, появляются почитатели светской направленности. В любительском документальном фильме О. Дубовой «Герои нашего времени» [171] Е. Родионов ставится в один ряд с солдатами времён Великой Отечественной войны, Афганской войны, служащими в контртеррористических отрядах. Е. Родионова называют «национальным героем». Он становится собирательным образом солдата чеченской кампании [Егорская, 2020].

На данном этапе уже проявляется слияние религиозного и светского в почитании Евгения. В 2009 г. поклонный крест и памятник погибшим воинам «жертвам войны и политики» был воздвигнут на месте братской могилы погибших в поселке Бамут в Чечне [Евдокимов, 2016]. Таким образом, появляется ещё одно место паломничества.

В 2010 г. в городе Кузнецк Пензенской области был открыт памятник Е. Родионову «Свеча памяти», где солдат изображён держащим крест в объятьях пламени. Монумент расположен напротив общеобразовательной школы, которая годом ранее была названа в честь погибшего солдата. Также МОУ школа им. Евгения Родионова есть в Ярославской области [Поташник, 2018]. Таким образом, налицо использование имени и подвига Е. Родионова в целях духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

[168] Можно ли спешить с канонизацией.
[169] Сто шагов в небеса [документальный фильм].
[170] Герои для вечности [документальный фильм].
[171] Герои нашего времени [документальный фильм].

Также появляется информация о зарубежных почитателях Е. Родионова в таких странах, как Сербия, Сирия, Кипр, Украина. Нидерландский режиссёр Аллард Детигер снял фильм с говорящим названием «Евгений Родионов. Новый святой» [172].

Пятнадцатилетие со дня гибели Е. Родионова знаменуется неоднозначностью определения роли этого поступка в обществе. Ярким примером этому является дискуссия «Евгений Родионов: воин духа или новый святой», которая развернулась в рамках программы «Прямой эфир» [173]. Приглашёнными гостями в этом ток-шоу были Л.В. Родионова, генерал Шаманов (участник поисков тела Евгения), протоиерей о. Дмитрий (Смирнов). В ходе программы свои комментарии по поводу дискуссии давали Сергей Шаргунов – сын о. Александра Шаргунова, А.А. Проханов – главный редактор газеты «Завтра», Н. Брагина – прихожанка храма, где служит о. Георгий (Ханов) – режиссёр ранее упомянутого фильма «Сто шагов в небеса». Основной вывод дискуссии заключается в том, что герой Евгений или святой – это второстепенный вопрос, поскольку каждый почитатель открывает для себя свой смысл подвига.

Также в 2011 г. лишь переиздаются ранее опубликованные публицистические материалы о Е. Родионове. Стоявшая у истоков зарождения почитания Евгения газета «Завтра» публикует заметки о Евгении, где объявляет Евгения «святым русским человеком» и ставит в ряд с солдатами Великой Отечественной Войны [Бондаренко, 2011]. Также было опубликовано интервью с Л.В. Родионовой «Женя служит России…» [Родионова, 2011], посвящённое исключительно посмертному почитанию Евгения. Скульптор А. Коробцов увековечил образа Евгения с крестом на теле [174].

Таким образом, на данном этапе происходит закрепление практик почитания Евгения Родионова как религиозного, так и светского характера, которые находятся в тесной взаимосвязи.

Рост интереса со стороны церковных структур (2016–2022 гг.). К двадцатилетию со дня гибели наблюдается рост публикаций о Евгении Родионове на сайтах церковных структур как центральных (Синодальный отдел), так и региональных епархий. Среди новостей можно увидеть надежду местных иерархов на прославление воина [175]; организацию спортивных соревнований через сотрудничество церковных и военных/спортивных структур; проведение панихиды близ мест памяти и др. Можно сделать вывод, что церковные структуры начинают принимать более активное участие в почитании непрославленного воина, играть роль «репутационного предпринимателя».

Примечательным событием стал круглый стол «Воин Евгений Родионов как символ героизма и святости для современной России», организованный общественной организацией «Изборский клуб» [Глушик, 2016]. Е. Родионова называют национальным героем нашего времени, а его духовный подвиг сравнивают с мученичеством первых христиан. По итогам круглого стола было подписано обращение Патриарху Кириллу с декларацией своей позиции о том, что Евгений, отдавший жизнь за Веру и Отечество, является образом «современного национального героя для молодого поколения России XXI века» [176].

В последнем из отснятых фильмов «Мой сын рядовой Родионов» (2017 г.) [177] появляются свидетельства очевидцев событий (сослуживца Евгения Родионова, их начальника) и почитателей подвига Евгения. В фильме Е. Родионов представлен как христианский подвижник, «воспитанный в отнюдь не воцерковленной семье, что способен совершить поступок, подобный подвигам раннехристианских мучеников». Видеоролик о Е. Родионове был продемонстрирован в 2019 г. на мультимедийной выставке «Святые воины Руси». На просторах сети Интернет можно найти стихи и авторские песни о «святом солдате».

---

[172] Евгений Родионов. Новый святой [документальный фильм].

[173] «Прямой эфир» 23.05.2013. [телевизионная программа].

[174] «Грани» героизма.

[175] Евгений Родионов рано или поздно будет прославлен в лике святых. Митрополит Серафим. 16 января 2015.

[176] «России необходим символ молодого святого героя-воина». 03.05.2016

[177] Мой сын рядовой Родионов [документальный фильм].

Е. Родионов продолжает почитаться как покровитель военных. Например, в 2018 г. икона Евгения была размещена на пограничных заставах в ЛНР, поскольку его образ – пример духа «защитника своего отечества» [178]. В 2019 г. произошло официальное возвращение иконы с изображением Евгения, названного «покровителем пограничников», в храм святого благоверного князя Александра Невского в г. Астрахань по благословению владыки Никона [179].

Таким образом, на данном этапе наблюдается рост заинтересованности церковных структур в почитании Е. Родионова. Это может быть связано как с реакцией духовенства на продолжающееся народное почитание Евгения, так и с возросшей потребностью народа в образе святого воина в связи с активизировавшимися боевыми действиями на Донбассе.

Актуализация образа. Повторный канонизационный процесс (с 2022 г.). Образ Е. Родионова актуализируется в связи с участием России в специальной военной операции. Российское военно-историческое общество (РВИО) в контексте выставки «Донбасские хроники. Герои и судьбы» [180], открытой в июне 2022 г., разместило стенд с информацией о Евгении, который повествует о нём как о предшественнике современных героев-участников специальной военной операции на Донбассе. В честь Евгения также назван один из православных батальонов, участвующих в военных действиях на территории Донбасса [181]. В репортаже православного телеканала Спас протоиерей Дмитрий Василенков в беседе с военнослужащими батальона упоминает о свидетельствах молитвенной помощи Евгения солдатам [182].

В октябре 2023 г. протоиерей Фёдор Конюхов освятил образ Евгения Родионова в деревне Сатино-Русское [183]. Также он сообщил о возобновлении работы по проставлению Евгения с благословения священноначалия. Представитель движения «Царский крест» также высказался о необходимости канонизации Евгения для «укрепления наших воинов и укрепления России». Таким образом, сложившаяся ситуация благоприятствует актуализации образа воина, а почитатели обрели надежду на скорое прославление Евгения в лике святых.

Заключение

В своём историческом развитии практики почитания Е. Родионова прошли несколько этапов:

1. Распространение информации о гибели солдата через традиционные СМИ. На данном этапе основной «репутационный предприниматель» – мать погибшего, а подвиг воспринимается как личная трагедия.

2. Канонизационный процесс. Основные «репутационные предприниматели» – верующие, консервативные журналисты, церковные иерархи. Происходит оформление религиозного почитания Евгения, становление культа мученика.

3. Формирование светских практик почитания, дифференциация практик почитания. Основные «репутационные предприниматели» светского характера – ветеранские организации и военные ведомства. Образ Е. Родионова получает новых почитателей, а подвиг начинает оцениваться как продолжение героических страниц истории имперской и советской России.

4. Слияние светского и религиозного в почитании Е. Родионова. Рост участия церковных иерархов в почитании Е. Родионова.

---

[178] Икона воина-мученика Евгения Родионова появится на всех заставах ЛНР. 17 января 2018.

[179] Возвращение иконы Евгения Родионова в храм Александра Невского, Астрахань.

[180] В Музее военной формы РВИО открылась выставка «Донбасские хроники. Герои и судьбы». 23 июня 2022.

[181] Батальоны с именами святых (по материалам репортажа А. Афанасьева из зоны СВО). Пора домой. Журнал про историю и традиции земли русской. URL: https://порадомой.рф/312023batalioni_svyatih (дата обращения: 14 апреля 2024).

[182] Священник в окопе и помощь тыла. Иерей Максим Смирнов, командир батальона «Евгений Родионов». 02.11.2023 [телевизионная программа]

[183] Фёдор Конюхов освятил образ Евгения Родионова.

5. Актуализация образа Е. Родионова в связи с участием России в СВО, разговоры о повторной попытке канонизации воина. Здесь «репутационными предпринимателями» выступают РВИО, военные ведомства, СМИ православной направленности, отдельные церковные иерархи.

Итак, зарождение традиции почитания Е. Родионова произошло в конце XX в. Почитание Е. Родионова не было однородным в своём историческом развитии. На каждом из этапов характер и особенности почитания Е. Родионова зависели от «репутационных предпринимателей», благодаря которым информация о подвиге Евгения активно распространялась, в том числе в сети Интернет, помогая сформулировать новые смыслы и открыть подвиг для новых почитателей. На наш взгляд, почитание Е. Родионова в будущем также будет зависеть как от общественно-политической ситуации в стране, так и от деятельности «репутационных предпринимателей».

Текущее исследование не является исчерпывающим, для дальнейшего изучения феномена почитания Е. Родионова нам представляется актуальным решение следующих задач: дать более детальную характеристику каждого из периодов почитания Е. Родионова; сравнить предпосылки и причины, особенности основных этапов зарождения и трансформации почитания Е. Родионова в России и зарубежных государствах; провести сравнительный анализ почитания Е. Родионова и других неканонизированных святых воинов, например, А.В. Суворова.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору философских наук, профессору Обидиной Ю.С.

Список источников

Батальоны с именами святых (по материалам репортажа А. Афанасьева из зоны СВО). Пора домой. Журнал про историю и традиции земли русской. URL: https://порадомой.рф/312023batalioni_svyatih (дата обращения: 14 апреля 2024).

Белкина Л., Жоголев А. 2004. В небесном строю. Портал Православной газеты Благовест. URL: https://xn--80aaaabhgr4cps3ajao.xn--p1ai/-public_page_8712 (дата обращения: 14 апреля 2024).

Бондаренко В. 1999. Памяти русского мученика. 04.05.1999. Завтра.ру. URL: https://zavtra.ru/blogs/1999-05-0451 (дата обращения: 14 апреля 2024).

Бондаренко В.Г. 2011. Русский вызов. М., Институт русской цивилизации: 128, 182.

В Музее военной формы РВИО открылась выставка «Донбасские хроники. Герои и судьбы». 23 июня 2022. Российское военно-историческое общество. URL: https://rvio.histrf.ru/activities/news/v-muzee-voennoj-formy-rvio-otkrylas-vystavka-donbasskie-hroniki-geroi-i-sudby (дата обращения: 14 апреля 2024).

Возвращение иконы Евгения Родионова в храм Александра Невского, Астрахань. URL: https://youtu.be/dw92SA2kXKM (дата обращения: 14 апреля 2024).

Войны духа. Евгений Родионов. 2002 [телевизионная программа]. ГТК Телеканал Россия. URL: https://youtu.be/56l5t1tmGz4?si=WzMs14T_zOEI8MWQ (дата обращения: 14 апреля 2024).

Герои для вечности [Документальный фильм]. 2006, НТВ, реж. А. Бриль, длит. 25 мин. 06 сек. URL: https://youtu.be/FayoCpUZF5w?si=ofP2FMNYaYPrwQEO (дата обращения: 14 апреля 2024).

Герои нашего времени. [Документальный фильм]. 2008, реж. О. Дубова, длит. 1 ч. 19 мин. 38 сек. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-9zp8VfSzac (дата обращения: 14 апреля 2024).

Глушик Е. 2016. Подвиг воина Евгения. Круглый стол редакции Завтра. URL: https://zavtra.ru/blogs/podvig-voina-evgeniya (дата обращения: 14 апреля 2024).

«Грани» героизма. 23 апреля 2014. Российское военно-историческое общество. URL: https://rvio.histrf.ru/activities/news/grani-geroizma (дата обращения: 14 апреля 2024).

Евгений Родионов. Новый святой. 2010, реж. А. Детигер, длит. 01 ч. 09 мин. 30 сек. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Syc5LQD5aeM (дата обращения: 14 апреля 2024).

Евгений Родионов рано или поздно будет прославлен в лике святых. Митрополит Серафим. 16 января 2015. Информационное агентство «PenzaNews» URL: https://penzanews.ru/society/86447-2015 (дата обращения: 14 апреля 2024).

Евдокимов П. 2016. Воин в красном. Спецназ России. URL: http://www.specnaz.ru/articles/237/21/2468.htm (дата обращения: 14 апреля 2024).

Жизнеописание воинов Андрея, Игоря и Александра. Синодальный отдел Московского Патриархата по взаимодействию с Вооружёнными Силами и правоохранительными органами. URL: https://pobeda.ru/biblioteka/voennaya-istoriya-rossii/zhizneopisanie-voinov-andreya-igorya-i-aleksandra.html (дата обращения: 01 октября 2023).

Икона воина-мученика Евгения Родионова появится на всех заставах ЛНР. 17 января 2018. Луганский информационный центр. URL: http://lug-info.com/news/one/obraz-voina-muchenika-evgeniya-rodionova-poyavilsya-v-pogranotryadakh-lnr-foto-31632?yn (дата обращения: 14 апреля 2024).

Спецрепортаж «Солдатская мать». «Версты» [телевизионная программа]. Телеканал «ТВ Центр». URL: https://www.youtube.com/watch?v=Non4Dz9oiyc (дата обращения: 14 апреля 2024).

Коняев Н. 2003. Мать православного героя. Журнал «Наш современник». № 4. URL: https://pub.wikireading.ru/hLKW1riTQV (дата обращения: 14 апреля 2024).

Коняев Н. 2001 Не отрекшийся от Христа. Портал Православной газеты Благовест. URL: http://благовестсамара.рф/-public_page_8303 (дата обращения: 14 апреля 2024).

Материнское сердце «Евгений Родионов» [Документальный фильм]. 1998, Подольское телевидение «Кварц», реж. В. Ерохин, длит. 21 мин. 10 сек. URL: https://youtu.be/ec42vjyZQ3U?si=_6Nj9sskl0Qs3-Pz (дата обращения: 14 апреля 2024).

Миротворцы [Документальный фильм]. 2002, реж. С. Роженцев, длит. 01 час. 27 мин. URL: https://youtu.be/fr9eo2nPUqM?si=fRM6Aikes3YQT_zq (дата обращения: 14 апреля 2024).

Можно ли спешить с канонизацией. 2004. Церковный вестник. (1–2): 278–279. URL: http://www.c-vestnik.ru/numbers/commentary/?ID=821&forprint (дата обращения: 14 апреля 2024).

Мой сын рядовой Родионов. 2017, реж. Р. Зимин, длит. 38 мин. 26 сек. URL: https://youtu.be/qhAYkkGYQbA?si=Ohkgsj9_btpLfdOm (дата обращения: 14 апреля 2024).

«Молись воину-мученику!». 2001. Портал Православной газеты Благовест. URL: https://xn--80aaaabhgr4cps3ajao.xn--p1ai/-public_page_10284 (дата обращения: 14 апреля 2024).

Подвиг. 29.03.1999. Завтра.ру. URL: https://zavtra.ru/blogs/1999-03-3081 (дата обращения: 14 апреля 2024)

Проханов А. 2002. Чудесная звезда Евгения Родионова. 28.01.2002. Завтра.ру. URL: https://zavtra.ru/blogs/2002-01-2811 (дата обращения: 14 апреля 2024).

Прямой эфир [телевизионная программа]. 23.05.2013. Телеканал «Россия-1». URL: https://youtu.be/YCvKlSbN43c?si=hLVLLdJudeAagUXU (дата обращения: 14 апреля 2024).

Родионова Л. 2011. «Женя служит России...» 31.08.2011. Завтра.ру. URL: https://zavtra.ru/blogs/2011-09-1361 (дата обращения: 14 апреля 2024).

Родионова Л. 2016. Я не боюсь… 30.06.2016. Завтра.ру. URL: https://zavtra.ru/blogs/20-let-spustya (дата обращения: 14 апреля 2024).

«России необходим символ молодого святого героя-воина». 03.05.2016 Русская народная линия Информационно-аналитическая служба. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2016/05/03/rossii_neobhodim_simvol_molodogo_svyatogo_geroyavoina (дата обращения: 14 апреля 2024).

Сто шагов в небеса. [Документальный фильм]. 2006, реж. О. Волынская, длит. 26 мин. 12 сек. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bHaVB2xe89A (дата обращения: 14 апреля 2024)

Священник в окопе и помощь тыла. Иерей Максим Смирнов, командир батальона «Евгений Родионов» 02.11.2023 [телевизионная программа] Телеканал СПАС. URL: https://rutube.ru/video/42da9cc5cf93912722dbaa1f58a1fa83/?r=wd (дата обращения: 14 апреля 2024)

Фёдор Конюхов освятил образ Евгения Родионова. URL: https://youtu.be/bpWDymmRWms?si=xqM-75Uu38jLAsmG (дата обращения: 14 апреля 2024).

Чижиков М. 2003. Рядовой Евгений Родионов – новый святой на Руси? Комсомольская правда. URL: https://www.nnov.kp.ru/daily/23180/25448/ (дата обращения: 14 апреля 2024)

Шаргунов А.И. Новый мученик за Христа воин Евгений. М., Новая книга, 8.

Шкурко В.Н. 2000. Я – Христианин. Русский дом (1). URL: http://www.drakula.org/sv_horugv/5/10.shtml (дата обращения: 14 апреля 2024)

Юрьев. Ю. 1999. Русский мученик. 16.02.1999. Завтра.ру. URL: http://zavtra.ru/blogs/1999-02-1672 (дата обращения: 14 апреля 2024)

Mydans S. 2003. Kurilovo Journal; From Village Boy to Soldier, Martyr and, Many Say, Saint. The New York Times. Nov. 21, 2003. URL: https://www.nytimes.com/2003/11/21/world/kurilovo-journal-from-village-boy-to-soldier-martyr-and-many-say-saint.html (дата обращения: 14 апреля 2024)

Список литературы

Горбачева Н.Б. 2003. Святые русские воины. Москва, ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 158.

Егорская Я.В. 2020. Евгений Родионов как собирательный образ солдата чеченской войны: особенности почитания. Некрасовские чтения Вологда, 5–6 декабря 2019 года. Вологда, Вологодский государственный университет: 221–224.

Зыгмонт А. 2022а. Мученичество: идея, культ, теория. Введение. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 40(1): 7–11.

Зыгмонт А. 2022б. Мученичество как репутационный проект: кто и как «делает» мученичество. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 40(1): 198–225.

Ильюнина Л.А. 2003. О святости. Москва, ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 480.

Митрофанов Георгий (Протоиерей). 2007. Проблемы современной церковной жизни в контексте канонизации святых. Россия в красках. 10. URL: http://ricolor.org/journal/10/dom/2/ (дата обращения: 14 апреля 2024).

Надпорожская О.С. 2002. Святыми дорогами русской земли. Москва, ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 224.

Поташник М.М. 2018. Школа, не утратившая педагогической сути. Народное образование. 5(1468). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-ne-utrativshaya-pedagogicheskoy-suti (дата обращения: 14 апреля 2024).

Сибирева О. 2006. Современный священник и народное православие. В кн.: Религиозные практики в современной России. Москва, Новое издательство: 163–165.

Терешкина Д.Б. 2013. «Земли Россійстей… похвало и украшение»: почитание новомученика Евгения в контексте русской агиографической традиции. Настоящее как сюжет. Материалы международной научной конференции: 112–117.

Якеменко Б.Г. 2015. О канонизации и деканонизации (канонизация и народное почитание святых – проблема контрапункта). *Вестник РУДН. История России*, 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kanonizatsii-i-dekanonizatsii-kanonizatsiya-i-narodnoe-pochitanie-svyatyh-problema-kontrapunkta (дата обращения: 14 апреля 2024).

Bodin P.-A. 2005. How to Remember a Fallen Soldier. Language, Canonization and Holy Foolishness: Studies in Post-Soviet Russian Culture and the Orthodox Tradition: 165–154.

Fomina V. 2018. Between Heroism and Sainthood: New Martyrs Evgenii Rodionov as a Moral Model in Contemporary Russia. History and Anthropology, 29:1: 101–120. URL: https://www.research-gate.net/publication/319909278_Between_heroism_and_sainthood_New_martyr_Ev-genii_Rodionov_as_a_moral_model_in_contemporary_Russia (accessed 14 April 2024).

Hvithamar A. 2002. Den nye martyr for Kristus: soldat Jevgenij. Chaos. Dansk tidsskrift for religionshistoriske Studier. Særnummer -- Religionssociologiske Perspektiver. № 37: 63–71. URL: https://books.google.ru/books?id=aC2xrI_8KZYC&pg= accessed 14 April 2024).

Kurlberg J., Mitchell J. 2020. Digital Representations of Martydom. The Wiley Blackwell Companion to Christian Martydom: 485–500.

References

Gorbacheva N.B. 2003. Saint Russian Warriors. Moscow, OLMA-PRESS Grand, 158 (in Russian).

Egorskaya Ya.V. 2020. Evgeny Rodionov as a Collective Image of the Chechen War Soldier: Features of Veneration. Vologda, Vologodsky State University: 221–224 (in Russian).

Zygmont A. 2022a. Martyrdom: Idea, Cult, Theory. Introduction. *State, Religion and Church*. 40(1): 7–11 (in Russian).

Zygmont A. 2022b. Martyrdom as a Reputational Project: Who «Does» Martyrdom and How. *State, Religion and Church*. 40(1): 198–225 (in Russian).

Il'yunina L.A. 2003. About Sainthood. Moscow, OLMA-PRESS Grand, 480 (in Russian).

Mitrofanov Georgiy (Protoierey). 2007. To the Question of Modern Church Life in the Context of the Canonization of Saints. Rossiya v kraskakh. № 10. Available at: http://ricolor.org/journal/10/dom/2/ (accessed 14 April 2024) (in Russian).

Nadporozhskaya O.S. 2002. By the Holy Roads of the Russian Land. Moscow, OLMA-PRESS Grand, 224 (in Russian).

Potashnik M.M. 2018. School that Preserved its Pedagogical Essence. Narodnoe obrazovanie. 5(1468). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-ne-utrativshaya-pedagogicheskoy-suti (accessed 14 April 2024) (in Russian).

Sibireva O. 2006. The Modern Priest and Folk Orthodoxy. In: Religious Practices in Modern Russia. Moscow, Novoe izdatel'stvo: 163–165 (in Russian).

Tereshkina D.B. 2013. «Zemli Rossiystey… pokhvalo i ukrashenie»: Veneration of the New Martyr Eugene in the Context of the Russian Hagiographic Tradition. Nastojashhee kak sjuzhet. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: 112–117 (in Russian).

Jakemenko B.G. 2015. O kanonizacii i dekanonizacii (kanonizacija i narodnoe pochitanie svjatyh – problema kontrapunkta) [On Canonization and Decanonization (Canonization and Popular Veneration of Saints – a Problem of Counterpoint).]. RUDN Journal of Russian History. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kanonizatsii-i-dekanonizatsii-kanonizatsiya-i-narodnoe-pochitanie-svyatyh-problema-kontrapunkta (accessed 14 April 2024).

Bodin P.-A. 2005. How to Remember a Fallen Soldier. Language, Canonization and Holy Foolishness: Studies in Post-Soviet Russian Culture and the Orthodox Tradition: 165–154.

Fomina V. 2018. Between Heroism and Sainthood: New Martyrs Evgenii Rodionov as a Moral Model in Contemporary Russia. History and Anthropology, 29:1: 101–120. URL: https://www.researchgate.net/publication/319909278_Between_heroism_and_sainthood_New_martyr_Evgenii_Rodionov_as_a_moral_model_in_contemporary_Russia (accessed 14 April 2024).

Hvithamar A. 2002. Den nye martyr for Kristus: soldat Jevgenij. Chaos. Dansk tidsskrift for religionshistoriske Studier. Særnummer -- Religionssociologiske Perspektiver. № 37: 63–71. URL: https://books.google.ru/books?id=aC2xrI_8KZYC&pg= accessed 14 April 2024).

Kurlberg J., Mitchell J. 2020. Digital Representations of Martydom. The Wiley Blackwell Companion to Christian Martydom: 485–500.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.04.2024
Поступила после рецензирования 21.05.2024
Принята к публикации 23.05.2024

Received 24.04.2024
Revised 21.05.2024
Accepted 23.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егорская Яна Владиславовна, преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0009-0003-2953-1462

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana V. Egorskaia, Lecturer at the Department of Foreign Languages and Lingoculturology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94 (477.62) «2014»
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-453-464
Оригинальное исследование

Начало войны в Луганской Народной Республике в 2014 г.

Федоровский Ю.Р.
Луганский государственный университет имени В. Даля,
Россия, ЛНР, 91034, Луганск, квартал Молодежный, 20 А
E-mail: zonnenberg@lds.net.ua

ОТОЗВАНА/RETRACTED
03.08.2026

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы возникновения и развития Вооруженных сил Луганской Народной Республики в условиях разраставшегося гражданского конфликта на территории Новороссии в 2014 году. Описывается ход событий Русской Весны, провозглашения Луганской Народной Республики, формирование Народного ополчения, организация первых подразделений Армии Юго-Востока, начало агрессии формирований киевского режима на территории Луганщины. На базе анализа широкого круга документальных и мемуарных источников автор подробно освещает ход боевых действий первого года существования республик Донбасса. Особое внимание уделено именно ЛНР, события в которой обычно оставались в тени. Впервые дается систематическое описание боевых действий 2014 года на Луганщине.

Ключевые слова: Донбасс, Луганск, война, Новороссия, ЛНР, каратели

Для цитирования: Федоровский Ю.Р. 2024. Начало войны в Луганской Народной Республике в 2014 г. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 453–464. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-453-464

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Beginning of the War in the Lugansk People's Republic in 2014

Julius R. Fedorovsky
V. Dahl Lugansk State University,
20 A Molodezhny quarter, Lugansk 91034, LPR, Russia
E-mail: zonnenberg@lds.net.ua

Abstract. The article examines the issues of the emergence and development of the Armed Forces of the Lugansk People's Republic in the context of the growing civil conflict on the territory of Novorossiya in 2014. The course of events of the Russian Spring, the proclamation of the Lugansk People's Republic, the formation of the People's Militia, the organization of the first units of the Army of the South-East, the beginning of the aggression of Kiev regime formations on the territory of the Lugansk region are described. Based on the analysis of a wide range of documentary and memoir sources, the author covers in detail the course of hostilities in the first year of the existence of Donbass Republics. Special attention is paid to the LPR, events in which usually remained in the shadows. A systematic description of the 2014 fighting in the Lugansk region is given for the first time.

Keywords: Donbass, Lugansk, war, Novorossiya, LPR, punishers

For citation: Fedorovsky Ju.R. 2024. The Beginning of the War in the Lugansk People's Republic in 2014. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 453–464 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-453-464

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

© Федоровский Ю.Р., 2024

Введение

Развал СССР в 1991 году оставил Донбасс в составе антирусского государственного конструкта – Украины. Национал-радикальные силы при поддержке Запада в конце 2013 г. устроили «второй Майдан». Это привело к фактическому краху легитимной украинской власти в ходе Февральского государственного переворота 2014 года и приходу к власти откровенно неонацистского режима, развязавшего войну против собственных граждан, живущих на Юго-Востоке. В ответ на митингах Русской Весны возродилась идея Новороссии [A year in a word]. Боевые действия 1 периода войны в Новороссии на территории ЛНР ранее не становились объектом целенаправленного изучения.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является начальный период боевых действий 2014 года на территории Луганщины. Методологической основой работы является система подходов, принципов и методов научного познания, на основе комплексного применения которых были выделены предмет и объект исследования, основные исторические явления и процессы, прослежены их последовательность, развитие, взаимосвязи и взаимообусловленность.

Результаты и их обсуждение

Напомним, что первые выстрелы на улицах мирного Луганска прозвучали еще 22 февраля 2014 г., когда группа боевиков из местной ячейки майданной партии «Удар» под руководством братьев Серпокрыловых атаковала здание ЛОГА и напала на палаточный городок Луганской Гвардии в Сквере Героев ВОВ. «Правый сектор» позже опубликовал заявление, что на территории Луганска от их имени действует группа «братьев Серпокрыловых» [Бахмутский, 2018, с. 40–44].

К сожалению, официальные власти области продемонстрировали полнейшую импотенцию. Поэтому роль политического авангарда перешла к уличным лидерам митингов протеста. 1 марта в Донецке лидер Народного Ополчения Донбасса П. Губарев был избран «народным губернатором», 5 марта в Луганске на аналогичный пост попал руководитель Луганской Гвардии А. Харитонов. Началась Русская Весна – революционное массовое общественно-политическое движение народов Новороссии против пришедших к власти путем переворота киевских властей. В результате радикализации движения произошла Апрельская народно-освободительная революция и были провозглашены Народные Республики Донбасса.

Даже скромные и вполне законные требования федерализации вызывали жесткую негативную реакцию киевского режима. Например, 15 мая начальник Одесского ГУВД И. Катеринчук заявил, что говорить о федерализации – это преступление: «Если люди общаются между собой о федерализации – это одно, а если об этом говорят с трибуны и в мегафон – это уже состав преступления» [Массовые нарушения прав…, 2014, с. 46]. Киевский режим начал перебрасывать на Восток карательные силы и бронетехнику. Исчерпав мирные способы протеста и получив в ответ репрессии, жители Донбасса естественно радикализировались.

6 апреля в Луганске после очередного митинга около 3 000 человек, возглавляемые активом Союза десантников (С. Сивак, Г. Цыпкалов) осадили здание областного Управления СБУ и добились освобождения задержанных накануне активистов Русской весны. Здание с оружейной комнатой перешло под контроль восставших и стало быстро обрастать баррикадами, перекрывшими движение по центральной улице. Руководство восставшими взял Объединенный штаб Армии Юго-Востока, который возглавил В. Болотов, а вошли в него А. Рельке, П. Струбчевский, С. Корсунский. Прошли также демонстрации в Северодонецке, Лисичанске, Антраците [Федоровский, 2017, с. 225].

В Донецке в тот же день была взята облгосадминистрация. Повстанцы сформировали на базе своего Координационного совета «Съезд представителей административно-территориальных образований области» и утром 7 апреля провозгласили создание независимой Донецкой республики. ДОГА начала быстро обрастать двумя рядами баррикад.

Перерастание Донбасского Сопротивления из невооруженного протеста в более радикальную форму началось именно в Луганске. В здание СБУ было свезено оружие со всей области, поэтому после его захвата повстанцы смогли выставить два полностью вооруженных мотострелковых батальона. Быстро были сформированы первые «взводы», «роты», а затем и «батальоны» народного ополчения, которое приняло общее название «Объединенная Армия Юго-Востока». Таким образом, начавшаяся Апрельская народно-освободительная революция в Донбассе показала, что может себя защитить.

Ввиду низкой боеспособности полуразложившейся украинской армии на восток начали перебрасывать спешно создаваемые на базе внутренних войск подразделения «Национальной гвардии», в которую включались бывшие боевики «Самообороны Майдана» и прочие неонацисты. По приказу А. Авакова 13 апреля было начато формирование «корпуса спецподразделений МВД на основе гражданских формирований». Эти «спецбатальоны» (в Луганской области «Восток» и «Айдар», в Донецке «Донбас») финансировались украинскими олигархами (например, И. Коломойским) и фактически являлись «частными армиями», которые могли «бороться с сепаратистами», пренебрегая действующим законодательством [Бунтовский, 2017, с. 432].

26 апреля народный губернатор Луганщины В. Болотов предъявил ультиматум властям с требованиями немедленно прекратить АТО, разоружить «Правый сектор» и др., признать русский язык государственным, объявить амнистию политзаключенным и т. п. 29 апреля, после истечения срока ультиматума, повстанцы перешли в наступление. 5-тысячная толпа митингующих двинулась к зданию Луганской ОГА и взяла его штурмом. Охранявшие дом солдаты (привезенные с Западной Украины) были загнаны на задний двор и после долгих переговоров о разоружении выпущены. Далее были захвачены областное телевидение ЛОТ, облпрокуратура, УВД. Были сняты украинские флаги также в Первомайске, Красном Луче, Алчевске, Антраците, Горном и далее по дороге на Донецк. Праздничные митинги 1 мая сопровождались сменой флагов также в Ровеньках, Северодонецке, Перевальске, Брянке… [Федоровский, 2017, с. 227]. Именно тогда появились флаги ЛНР – красно-сине-голубые триколоры с российским орлом и гербом Луганска – первая символика Республики.

Переломным моментом событий Русской весны стала трагедия 2 мая. В этот день в Одессе майдановцы разгромили палаточный городок Антимайдана на Куликовом поле, а защищавших его людей загнали в Дом профсоюзов и сожгли. Страшная расправа потрясла общество, но еще более ужасной оказалась реакция сторонников нового правительства Украины: они одобрили массовое уничтожение мирных людей из-за идеологических расхождений. С этого момента жителям Донбасса стало ясно, что никакие соглашения с майданным режимом невозможны. Началась осада ополченцами Луганского облвоенкомата и погранзаставы в Красной Таловке. 3 мая В. Болотов объявил в области «чрезвычайное положение» и комендантский час, а в Антрацит прибыли первые отряды Донских казаков под флагом атамана КНГ ВВД Н. Козицына.

5 мая Болотов подписал приказ о создании Луганского народно-освободительного батальона «Заря» – первого официального подразделения Армии Юго-Востока. Командиром ЛНОБ был назначен отставной майор-артиллерист, бывший сотрудник ОГА И. Плотницкий [Хронология, 2015, с. 13]

11 мая, невзирая на давление киевских властей, состоялся долгожданный референдум о самоопределении Донецкой и Луганской Республик. В Кременной согнанные сюда украинские военные открыли стрельбу по голосовавшим, ранив 2 мирных жителей. Киевская хунта пыталась сорвать голосование в северных районах Луганщины. Подразделения «Национальной гвардии» на БТР блокировали Меловской, Белокуракинский, Троицкий,

Сватовский, Беловодский районы. Бронетехника Нацгвардии сумела дойти до города Счастье, однако к вечеру отступила.

Официальные итоги референдума были оглашены на следующий день на многолюдном митинге в Луганске. В поддержку Акта о государственной самостоятельности проголосовало 96,2 %. Таким образом, произошло официальное провозглашение ЛНР. Референдум 11 мая о самоопределении в Донецкой и Луганской областях бывшей Украины стал кульминацией событий Русской весны. Результаты референдума легитимизировали провозглашение Народных Республик Донбасса и зафиксировали новую геополитическую реальность.

К сожалению, мирный период существования республик оказался слишком краток. Уже 22 мая, после визита главы киевской хунты А. Турчинова в военный лагерь АТО под Славянском, украинские войска резко активизировались и развязали боевые действия непосредственно на территории Луганщины. Колонны бронетехники Нацгвардии и ВСУ двинулись через Рубежное на Северодонецк. На мостах через Северский Донец их встретило сопротивление народного ополчения ЛНР. Некоторые мосты были взорваны, начались упорные бои в «треугольнике» Лисичанск – Северодонецк – Рубежное. Одновременно была атакована Станица Луганская. Произошел первый подрыв железнодорожных путей на перегоне Штеровка – Щетово. Мирные города Луганщины впервые после Великой Отечественной услышали залпы артиллерии и рёв самолётов [Федоровский, 2017, с. 229].

Глава ЛНР В. Болотов объявил военное положение и обратился к президенту РФ В. Путину с просьбой о помощи миротворческими силами [Луганский формат № 9]**.** Таким образом, гражданский конфликт перерос в гражданскую войну.

В условиях развязанных киевским режимом боевых действий одной из главных задач Народных Республик стало построение собственных вооруженных сил. В здании СБУ были сформированы в составе Армии Юго-Востока взвод под командованием А. Мельника (позывной «ДШБ»), взвод «Станичан» под командованием А. Головко, подразделение «Звезда» под командой А. Николаенко. В возникшем возле здания палаточном городке были сформированы разведывательный взвод под командой В. Демина, на посту «Купол» – взвод В. Лопина, взвод «Балабинцев» под руководством А. Балабина, отдельный казачий взвод ЛОДК под командованием В. Багринцева. 14 апреля у здания СБУ прошла церемония присяги первого отряда Армии Юго-Востока на верность народу Луганщины. Затем возникли 1 рота ВДВ (бывший 1 взвод); 2 рота (или бригада «S»); 4 рота, 9 рота. Постановлением Главнокомандующего Армии Юго-Востока В. Болотова от 5.05.2014 г. был создан батальон «Заря» под командованием И. Плотницкого [Луганский формат № 10]. По свидетельству комбата, состав был взводный: комендантский взвод, разведывательный, штурмовой, взвод спецопераций, автомобильный, хозяйственный и т. д. Всего на момент создания в батальоне насчитывалось 150–160 человек, но он быстро пополнялся постоянно приходящими добровольцами [Плотницкого И.В. по делу…, 2015]. Уже в конце мая численность «Зари» выросла до 350–400 человек [Луганский формат № 10]. После ухода И. Плотницкого 21 мая на пост министра обороны ЛНР комбатами были О. Бугров и А. Патрушев.

2 июня взводы ДШБ, Балабинцев, Лопина, Демина и «Звезда» объединились в роту ДШБ под общим командованием С. Сивака (позывной «Югослав»). 10 июня подразделения были объединены в состав батальона «ВДВ» под руководством О. Бугрова в составе 3 рот, отдельного казачьего взвода В. Багринцева и приданной Группы быстрого реагирования «Бэтмен» А. Беднова. Позже он стал называться 3-й Станично-Луганский батальон ВДВ-ДШБ (командир С. Сивак, потом А. Мельник). Официальная процедура присяги была проведена уже в период боевых действий – 16 июля в центре Луганска в палаточном городке в Сквере Памяти [3 Станично-Луганский].

Батальонная система стала основной в Армии Юго-Востока. Хотя этот термин во многом являлся условным: фактически любой повстанческий отряд мог назваться «батальоном», невзирая на численность. Наиболее известными подразделениями ополчения ЛНР

были: батальон «Леший», батальон им. Александра Невского, «Август», «Русь», «Витязь», «Хулиган», батальон имени Святого Георгия, батальон «СССР» (Брянка) и др.

Особняком стоит батальон (с 29.07.2014 – бригада) «Призрак», возникший на базе «Народного ополчения Луганщины» под руководством А. Мозгового. После конфликта с руководством Армии Юго-Востока 21 апреля они ушли из Луганска и базировались в летних лагерях возле Ольховки, затем – возле Свердловска на турбазе «Ясени», разбомбленной авиацией ВСУ 27 мая. Около недели отряд находился в Свердловске. К тому времени каратели начали наступление на район «треугольника» (Лисичанск – Северодонецк – Рубежное), и батальон (взводной системы) выдвинулся в Лисичанск. 7 июня было объявлено о соединении с северодонецкими повстанцами П. Дремова и переходе в подчинение И. Стрелкову. Командиром батальона тогда являлся А. Костин. 22 июля батальон отступил из Лисичанска на юг в Алчевск, и Дремов порвал отношения с Мозговым, уйдя в район Первомайск – Стаханов. За счет популярности Мозгового «Призрак» быстро вырос до бригады. В частности, в его состав влился сформированный из российских коммунистов-добровольцев отряд П. Бирюкова – А. Маркова и многочисленные интернационалисты (французы, сербы, чехословаки, русские нацболы и др.), образовавшие «Интербригаду». Скептически относясь к властям ЛНР, А. Мозговой считал свое подразделение частью Вооруженных сил Новороссии [Жучковский, 2020, с. 81] и отказался входить в Народную милицию в процессе реорганизации осенью 2014 г. Лишь 31 марта 2015 г. он сообщил о преобразовании Отдельной механизированной бригады в 4-й батальон территориальной обороны ЛНР в составе НМ.

3 мая 2014 г. началось блокирование и перестрелки у воинской части ВВ 3035 на Городке ОР и у пограничной части, которые отказались сдать оружие. В ночь на 4 мая начался штурм Луганского облвоенкомата. После перестрелки ночью военные покинули здание, занятое федералистами. Оружие было сдано под ответственность бойцов «Беркута», которые участвовали в штурме на стороне Армии Юго-Востока. Разоруженных солдат вывезли в сторону аэропорта «Луганск». На подъездах к городу федералисты активно обустраивали ряд блокпостов, а у здания СБУ раздавалось оружие добровольцам, вступавшим в Армию Юго-Востока.

30 мая бойцы Армии Юго-Востока осадили украинские заставы на границе ЛНР и РФ. Был атакованы отделы ГПСУ «Станично-Луганский», Дьяково, Дмитриевка. 2 июня ополченцы атаковали управление Луганского погранотряда. В ходе боев вызванные украинские самолеты обстреляли Станицу Луганскую и Александровск. Также карателями был нанесен авиаудар по зданию ЛОГА в центре Луганска, где погибло 8 мирных жителей и 28 были ранены. Этот бандитский авианалет приобрел международный резонанс: даже наблюдатели ОБСЕ в своём докладе признали, что по зданию в центре города был нанесен ракетный удар, однако украинские СМИ распространяли лживую информацию про «взорвавшийся кондиционер». Расследование, проведенное на месте журналистами CNN, «нашло четкие доказательства того, что все взрывы, попавшие в здание и прилегающий парк, исходили от воздуха. Верхушки деревьев были расколоты, и ряд небольших воронок – около дюжины – взорвались по прямой линии, начиная с парка и доходя до стен здания, выбив многие из его окон и усеяв территорию зазубренной шрапнелью… Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ пришла к аналогичному выводу, опубликовав заявление: «Судя по ограниченным наблюдениям СММ, эти удары были результатом неуправляемых ракет, выпущенных из самолета» [Magnay, Lister, 2014]. Эфир CNN с места преступления стал первым документально подтвержденным на Западе фактом использования Киевом авиации и артиллерии при обстрелах населенных пунктов и уничтожении мирного населения. Среди погибших оказалось 5 женщин, в том числе известный врач Н. Архипова (незадолго до этого назначенная министром здравоохранения ЛНР).

Это военное преступление ВСУ не помогло им спасти ситуацию. К ночи 2 июня украинские военные из Луганского погранотряда сдались. Вскоре после этого посыпалась вся система пограничной охраны области. В Свердловске, Должанске, Краснопартизанске,

Краснодоне, Бирюково, Гуково, Дьяково, Красной Могиле и др. окруженные пограничники бросали КПП и бежали в направлении Харькова. Правительство Украины официально закрыло 11 пограничных пропускных пунктов. Они были заняты ополченцами ЛНР.

В ответ на обстрелы Славянска бойцы ЛНР 8 июня осадили Луганский аэропорт, а при попытке командования ВСУ установить «воздушный мост» 14 июня сбили военно-транспортный самолет ИЛ-76. По официальным данным, на борту погибли 9 членов экипажа и 40 военнослужащих из 25 бригады ВДВ**.** Для ВСУ это стало самым крупной одномоментной потерей, в Киеве даже объявили трехдневный траур. Однако по гибнущим каждый день от обстрелов ВСУ жителям Донбасса траура никогда не объявляли. Очевидно, правительство Киева уже тогда не считало жителей региона своими гражданами.

В середине июня ВСУ начали выполнение плана П. Порошенко по отсечению ДНР и ЛНР от России. Пользуясь своим значительным техническим и людским превосходством, войска киевского режима подступали все ближе к столицам Народных Республик. Невзирая на отдельные локальные успехи ополчения, каратели давили численностью, оттесняя отряды ополченцев всё дальше на восток. Всё острее ощущался недостаток оружия и патронов. Первоначально эту проблему удавалось решить за счет трофеев, взятых в результате разоружения частей МВД, ВСУ, МЧС. Другим источником стали старые оружейные склады в районе Соледар – Артемовск, где еще со времен СССР хранились большие запасы старого стрелкового оружия. В результате на блокпостах стало появляться экзотическое оружие периода Великой Отечественной войны: трехлинейные винтовки, пистолеты-пулеметы ППС и ППШ, карабины СКС, противотанковые ружья ПТРД. Резонансными случаями стали попытки «оживления» мастерами из ополчения многочисленных в Донбассе памятников-танков, например, Т-34 с постамента у Острой Могилы (Луганск).

Осуществляя операцию по отсечению Республик от России, подразделения ВСУ глубоко продвинулись вдоль границ, и уже 17 июня боевики батальона «Донбас» атаковали КПП Должанский. Начались систематические обстрелы Луганска, Станицы, Макарово украинской артиллерией с позиций подступавших с севера частей ВСУ. В этот же день силами ЛНОБ «Заря» и комендатуры была отбита атака на Луганск через поселок Металлист. Впоследствии этот бой стал одним из самых резонансных событий военной кампании. В районе Металлиста в результате минометного обстрела погибли два российских тележурналиста – И. Корнелюк и А. Волошин. Кроме того, был разгромлен печально известный своими зверствами 24-й батальон теробороны «Айдар» и взяты в плен несколько его членов, в том числе наводчица по кличке «Пуля» (Н. Савченко).

28 июня при попытке ГПСУ восстановить контроль над границей в ЛНР автоколонна, сопровождаемая частями ВСУ, была атакована в районе Приволья. Также шли бои в районе Краснопартизанска на границе с РФ, во время которых снаряды украинской артиллерии, перелетев границу, взорвались на территории России. МИД РФ заявил очередной безрезультатный «решительный протест» [Федоровский, 2021, с. 454].

30 июня артиллерия ВСУ возобновила массированные обстрелы Славянска и Краматорска (ДНР), также Металлиста, Счастья, Шишково и окраин Луганска (ЛНР). 1 июля обстрелы ужесточились, в ход пошли ракетные системы залпового огня «Град». На территории ЛНР под огонь карателей попали Северодонецк, Лисичанск, Каменнобродский район Луганска. Начались бои у пограничных переходов Красный Партизан, Изварино, Должанский. Карательные войска киевского режима рвались вдоль границы на север, чтобы довершить полное окружение Республик.

Ровно через месяц после авианалета на ЛОГА и через два месяца после «Одесской Хатыни» украинские силовики нанесли новый авиаудар – по Станице Луганской и прилегающей Старой Кондрашевке. В поселке была целиком уничтожена центральная улица с жилыми и административными домами, погибло около 12 человек, в том числе 5-летний ребенок. В тот же день разбомбили школу № 14 в Луганске, стекольный завод «Пролета-

рий» в Лисичанске и Северодонецкий химический комбинат «Азот». Украинские СМИ, пытаясь снять ответственность за эти военные преступления, распространяли нелепую выдумку о «вторжении российских боевых самолетов в воздушное пространство Украины для совершения провокационных обстрелов».

Захват поселка Веселая Гора с прилегающими высотами, господствующими над городом, позволили ВСУ начать постоянные обстрелы Луганска тяжелой артиллерией, методически уничтожая жилые кварталы и инфраструктуру. В результате целенаправленных обстрелов, особенно Вергунки и Камброда, была взорвана электроподстанция. Началась «Луганская блокада»: город был полностью отключен от водо- и электроснабжения, исчезла телефонная связь (мобильная и стационарная), дома мирных жителей систематически обстреливались из всех видов современного оружия.

Захват значительных территорий Донбасса, успешные безнаказанные бомбардировки Луганска, Донецка, Лисичанска, Северска, Краснодона, Северодонецка и продвижение ВСУ вдоль границы к Изварино внушили украинскому командованию ложную надежду на скорое окончание карательной кампании. Однако уже в начале июля пошли первые тревожные звоночки. 10 июля в Краснодонском районе Армия Юго-Востока использовала «Грады» по местам скопления карателей и выбила ВСУ из Суходольска. А 11 июля последовал разгром у Зеленополья Свердловского района, где бойцы ополчения ЛНР под командованием А. Бабичева из установки РСЗО «Град» расстреляли полевой лагерь 24-й Львовской мотобригады и 79-й Николаевской аэромобильной бригады. Два батальона ВСУ были полностью разгромлены, убито до 50 солдат, около 100 раненых, уничтожено более 24 единиц техники. Все это время АЮВ методично обстреливала блокированный Луганский аэропорт, выбивая засевших там украинских десантников.

13 июля трофейный Су-25, пилотируемый ополченцами, совершил первый боевой вылет и нанес удар по бронеколонне карателей у Александровска**.** Также РСЗО «Град» ЛНР обстреляли позиции ВСУ у пос. Металлист. Бронегруппа карателей ворвалась на окраины Луганска, но была остановлена республиканцами, активно применявшими ПТУРы и противотанковые орудия БС-3 и «Рапира». 5 танков и 4 БМП были подбиты. В результате колонна ВСУ была вынуждена двинуться в обход города через Роскошное, Степной и Тарасовку, пытаясь пробиться к аэропорту, но подверглась обстрелам из установки «Град» и отошла в Сабовку. Часть бронегруппы после ожесточенного боя смогла прорваться в аэропорт, после чего кольцо окружения опять замкнулось. Остальные каратели отступили на прежние позиции. Родаково, Александровка, Юбилейный остались под контролем армии ЛНР.

15 июля поселок Металлист атаковала 30-я мехбригада карателей, однако ополченцы ЛНР отбили все атаки и перешли в контрнаступление. Войска АТО без боя оставили Сабовку, Александровку, Белое и Роскошное – туда вошли бойцы ЛНР. Части 72 мехбригады ВСУ отступили на 20 км от Краснодона, Счастья и Свердловска. Попытки тактических групп 3 отдельного полка спецназа, 72 и 51 бригад прорваться к Станице Луганской были встречены массированным огнем ополчения. Они начали быстро отступать, некоторые бойцы ВСУ бежали на территорию РФ. Окруженные на юго-западе 79 и 24 аэромобильные бригады, тербаты «Шахтёрск» и «Азов», а также 72 Киевская мехбригада ВСУ под сильными обстрелами армии ДНР быстро покатились обратно из «южного мешка» через Кожевню – Амвросиевку, неся крупные потери**.** 16 июля 24 раненых солдата из 72 бригады перешли через границу и сдались российским властям.

Терпя поражение в южных котлах, украинские каратели «отводили душу» на массированных обстрелах беззащитного Луганска. Каждый день гибли мирные жители. Председатель горсовета С. Кравченко объявил трехдневный траур по погибшим гражданским, которых только за три дня погибло 17 человек, 73 получили осколочные и огнестрельные ранения. 15 июля в город прибыли представители ОБСЕ, которые осмотрели места обстрелов жилых

кварталов и побеседовали с пострадавшими. Однако сразу после отъезда миссии ОБСЕ украинские каратели возобновили артиллерийские удары по Луганску, пострадали дома в Каменнобродском и Артемовском районах, на квартале Заречный и в районе автовокзала.

Не успел истечь предыдущий трехдневный общегородской траур по 17 убитым, как 18 июля в результате продолжающихся массированных обстрелов погибло более 20 человек. Всю ночь и весь день каратели киевской хунты били артиллерией по всем районам. Попадания были зафиксированы в центре на ул. Советская, на спортплощадке 40-й школы, на кварталах Дружбы, Ватутина**,** Южный**,** Героев Сталинграда**,** Гаевого, 50 лет Октября**,** Молодежный. В результате целенаправленных обстрелов разбита центральная электроподстанция, во всем городе прекратилось электро- и водоснабжение, отключены телефоны, телевидение, интернет, мобильная связь. 19 июля мэр С. Кравченко объявил в городе бессрочный траур. Население массово эвакуировалось стихийным образом.

Окруженные в «Южном котле» тысячи карателей начали беспорядочно бежать через границу в Россию в районе Изварино и Гуково. Пытаясь смягчить последствия котла, ВСУ нанесли новый удар по путям сообщения между Луганском и Донецком. Начались атаки на Алчевск – Перевальск**,** где в боях погиб военный комендант Перевальска А. Сокол. С занятием поселков Белое, Михайловка, Веселая Тарасовка украинцы перерезали трассу Луганск – Донецк. 19 июля танковая группа, обтекая очаги яростного сопротивления ополченцев, вышла на трассу Луганск – Красный Луч в районе Лутугино**,** перерезав вторую дорогу на Донецк. Продолжались ожесточенные бомбардировки Луганска, где в один день погибло 19 мирных жителей и около ста были ранены. По воспоминаниям С. Василевского, это был один из наиболее критичных моментов обороны Луганска. Во время отражения одновременной атаки карателей из аэропорта и со стороны Георгиевки – Лутугино артиллерия батальона «Заря» отстреляла последние заряды из РСЗО «Град». Было роздано оружие даже сотрудникам штаба во главе с комбатом [Василевский, 2018, с. 421–425]. В Попасной продолжались тяжелые бои подразделений ЛНР против многократно превосходящих сил противника. Бронеколонны ВСУ, пройдя через Рубежное, начали окружение Северодонецкой группировки А. Мозгового.

22 июля начались бои в Северодонецке, украинские танки вошли в город, где начались зачистки. «Нацигарды» ворвались также в Лисичанск**.** Подразделения Мозгового и Козицына ушли из «треугольника», однако некоторые отряды отказались подчиняться приказу И. Стрелкова об отступлении и остались оборонять города. Подразделение «Восток-13», отряд «Лешего», Стахановское сопротивление, «группа Сибирь», комендантская рота «Керча», «Юная самооборона Лисичанска» героически вели уличные бои еще три дня. В частности, 23 июля им удалось уничтожить у Лисичанска командира 21 бригады полковника НГУ А. Радиевского и командира батальона подполковника П. Сницара. На замену ушедшим «Призракам» прорвались из Луганска несколько отрядов Армии Юго-Востока [Поликарпов, 2015, с. 269–287].

Украинским карателям удалось после жестоких артобстрелов захватить Попасную и Дебальцево, казачий гарнизон отступил. После падения этих узлов передовым пунктом ополчения стал Первомайск. 27 июля ВСУ лобовой атакой бронемашин попытались захватить город. Им удалось ворваться в застройку, часть города несколько раз переходила из рук в руки, но благодаря стойкости защитников Первомайск остался под контролем АЮВ. 10 августа Генштаб ВСУ признал бесперспективность штурма города и отдал приказ прекратить наступление. Однако бои за Первомайск с перерывами продолжались до осени 2015 г. Весь этот период город подвергался интенсивным авианалётам и артобстрелам, нанесшими катастрофические разрушения и людские потери.

В конце июля «Луганская блокада» вступила в самую критическую фазу. Нарастала угроза полного окружения и блокады Народных Республик. Группировка ВСУ рвалась с юга Луганской области вдоль границы с Россией, стремясь отрезать республики, прервать

поток добровольцев, едущих на защиту Новороссии и остановить толпы беженцев, эвакуирующихся из-под огня карателей на территорию РФ.

Начало августа стало переломным моментом боевой кампании 2014 года. Украинское командование попыталось еще раз прорваться на север, чтобы перерезать стратегическую трассу у Изварино. Но атаки были отбиты, и бронегруппе ВСУ только полями вне дорог удалось прорваться на территорию ЛНР в район Миусинск – Красный Луч. Вскоре сюда была переброшена мобильная боевая группа «славянцев» во главе с командиром «Моторолой» (Арсен Павлов), которая совместно с луганскими ополченцами добила окруженную бронегруппу к 14 августа.

Иловайский котел стал самым масштабным разгромом ВСУ за всю военную кампанию 2014 года. Потери карателей превысили тысячу человек только убитыми, однако полную цифру потерь на Украине так никогда и не опубликовали, спрятав под гриф «секретно».

На территории ЛНР тем временем, невзирая на гуманитарную катастрофу в беспрестанно обстреливаемых Луганске и Первомайске, ополчение постепенно «отжимало» города и села вдоль границы, оставляемые отступающими ВСУ. К 8 августа силами ополчения ЛНР были взяты Червоный Жовтень, Дьяково, Бобриково, Нижний Нагольчик, Астахово, Орехово, Свердловск, Панченково, Горняк, Михайловка, Дзержинский.

В начале августа 2014 г. Генштаб ВСУ предпринял попытку деблокады аэропорта, чтобы полностью окружить Луганск. 11 августа начались активные атаки на Александровск, который несколько раз в сутки переходил из рук в руки. Именно оборона Александровска не позволила ВСУ войти в Каменнобродский район. В ходе этих бесконечных атак ВСУ ежедневно теряли в районе Металлиста до 30–50 человек убитыми и ранеными [Создание ЛНР, 2015, с. 82–83].

В этот критический момент произошли кадровые изменения в руководстве республик. 14 августа В. Болотов ушел в отставку. Полномочия Главы ЛНР стал исполнять министр обороны И. Плотницкий (утвержденный в должности Верховным Советом ЛНР 20 августа).

Произошедший в это время резкий перелом военной ситуации знаменовал собой начало 3 фазы войны в Новороссии, характеризующийся переходом ополчения в решительное контрнаступление с образованием ряда «котлов», в которых были перемолоты основные силы украинских войск.

После того как стало известно, что Россия отправила в Донбасс конвой с гуманитарной помощью, командованием ВСУ было принято варварское решение перерезать пути сообщения Луганска с Изварино путем полного окружения. 13 августа бронегруппа войск киевской хунты из Луганского аэропорта с боями прорвалась на восток, захватила Новосветловку и Хрящеватое и «оседлала» дорогу на Изварино. Другая бронегруппа пошла через Лутугино – Александровск – Юбилейный. Однако попытки ворваться в Луганск со стороны Георгиевки – Роскошное были отбиты, и бронегруппа и сопровождающий ее батальон «Айдар» понесли значительные потери. Завязнув в боях в Хрящеватом, каратели подвергли поселок массированным обстрелам, включая фосфорно-зажигательные снаряды и тяжелые РСЗО «Смерч». Поселок был выжжен начисто, погибло много мирных жителей. Ожесточенные бои шли по всему периметру Луганска: Хрящеватое, Новосветловка, Металлист, Вергунка. 22 августа ВСУ прибегли даже к пускам баллистических ракет «Точка У», выпустив из Дебальцево 4 ракеты по городу Ровеньки. В результате здесь было убито и ранено 12 мирных жителей. Пуски этих ракет были зафиксированы также в Луганске, Луганском аэропорту, Новосветловке и Юбилейном [Преступления Украины, 2019, с. 275]. 18 августа под Хрящеватым боевики националистических батальонов совершили очередное военное преступление, расстреляв из РСЗО «Град» колонну беженцев, которая ехала под белым флагом. Погибло 18 мирных жителей, в том числе полностью 2 семьи с детьми. Оставшихся жителей поселка каратели согнали в здание церкви и собирались сжечь, но не успели ввиду стремительного наступления ополченцев. В ходе боёв за Новосветловку и Новоанновку добробаты потеряли до 80 % личного состава.

Невзирая на продолжающиеся бои, 22 августа первый российский гуманитарный конвой въехал на территорию ЛНР и прибыл в Луганск. Открылись пункты выдачи продовольствия для спасения оставшегося населения от гуманитарной катастрофы, вызванной террористическими действиями карательных войск. Армией ЛНР была взята под контроль дорога Лутугино – Красный Луч.

Перелом наступил 23–24 августа, когда ополченцам удалось начать освобождение Хрящеватого и нанести удар по Стукаловой Балке в тылу у Металлиста. 25-го был возвращен под контроль ЛНР Вергунский разъезд, 26-го освобожден Металлист, затем Малониколаевка и Штеровка на Алчевском направлении. Отступающие из Новосветловки – Хрящеватого каратели сосредоточивались в Лутугино и аэропорту, где образовался «Лутугинский котел». В нем ВСУ потеряли рекордное количество тяжелой артиллерии: три батареи «Гиацинтов», две батареи гаубиц «МСТА-С», больше десятка 2С1 «Гвоздика» и 2С3 «Ака́ция». 28 августа Луганск подвергся последнему сильному обстрелу из тяжелых РСЗО «Ураган» и САУ «Гиацинт». 30 августа началось реальное наступление на позиции ВСУ, повлекшее за собой стремительное освобождение окрестностей Луганска и Алчевска: Красный Яр, Вергунку, Георгиевка, Роскошное, Сабовка, Желтое, Кировск, Славяносербск и др. Скопившуюся в Лутугино живую силу противника накрыли артиллерией. А бегущие из Металлиста и Шишково возле Счастьинского моста наткнулись на засаду новообразованного батальона «Дон» и понесли большие потери.

Созданный из ветеранов «Призрака» новый танковый батальон «Август» (командир А. Костин), бригада «Одесса» (командир А. Фоминов) совместно с группой «Вагнера» (Д. Уткин) полностью разгромили группировку противника в Луганском аэропорту. 1 сентября 2014 г. Армия Юго-Востока взяла под контроль стратегически важный пос. Весёлая Гора в 20 км от Луганска, откуда велись перманентные обстрелы города. Освобождение посёлка резко сокращало количество обстрелов столицы республики; ВСУ лишились последнего плацдарма для нового наступления на Луганск; ополченцы сами получили возможность контролировать с высот переправу через Северский Донец около г. Счастье. 2 сентября 2014 г. был ликвидирован «Лутугинский котёл» и освобождён город Лутугино. До 5 сентября силы АЮВ вышли к окраинам Станицы Луганской и Счастья. Параллельно была атакована северная группировка противника в районе Северодонецка, Лисичанска, Попасной и Чернухино. Отдельные небольшие группы украинских солдат попадали в плен вплоть до начала сентября. Линия разграничения между ЛНР и Украиной установилась в основном по реке Северский Донец [Федоровский, 2021, с. 469].

Заключение

В боях 2014 года народное ополчение Новороссии доказало свою боеспособность и высокую моральную мотивацию, отстояв независимость Народных Республик и принудив киевский режим всерьез считаться с позицией ЛДНР. К сожалению, соображения высокой геополитики не позволили развить дальнейшее победное наступление сил Новороссии на запад. Начатые в Минске мирные переговоры завершились подписанием мертворожденных «Минских соглашений», которые не выполнялись украинской стороной с момента заключения и были использованы исключительно для восстановления ее армии. Поэтому по истечении 8 лет руководство РФ пошло на решительные шаги: были подписаны указы об официальном признании ЛНР и ДНР; несколько позже по результатам волеизъявления подавляющей части населения Донбасса – вхождение их в состав России, а с 24 февраля 2022 года Российская Федерация начала специальную военную операцию (СВО) по демилитаризации и денацификации оставшейся части территории, доставшейся Украине в 1991 году от бывшей УССР.

Список источников

3 Станично-Луганский батальон ВДВ-ДШБ. URL: https://yadocent.livejournal.com/748157.html
Бахмутский А.Л. 2018. Русская Весна. Луганская Гвардия. Как все начиналось. Луганск, 112 с.
Василевский С.А. 2018. Взвод. История разведвзвода Луганского народно-освободительного батальона «Заря». Луганск, 512 с.
Луганский формат. № 9. 2014. 23 мая.
Луганский формат. № 10. 2014. 30 мая.
Пекло под Луганском. Создание ЛНР и военные действия на Луганщине глазами участников и очевидцев. Сборник исторических источников. Луганск, 2015.
Показания Плотницкого И.В. по делу Н. Савченко. 09.03.2015. Фотокопия из личного архива автора.
Diana Magnay, Tim Lister. Air attack on pro-Russian separatists in Lugansk kills 8, stuns residents. CNN 3.06.2014. URL:https://edition.cnn.com/2014/06/03/world/europe/ukraine-lugansk-building-attack/
Financial Times: A year in a word – Novorossiya. Kyiv Post. Dec. 30, 2014.

Список литературы

Бунтовский С.Ю. 2017. История Донбасса. Донецк, 530 с.
Жучковский А. 2020. Мозговой. Нижний Новгород: Черная сотня, 416 с.
ЛНР. Хрология событий. Создание ЛНР и военные действия на Луганщине глазами участников и очевидцев. Сборник исторических источников. Луганск, 2015.
Массовые нарушения прав человека в ходе противостояния на Украине 22 февраля – 22 мая 2014 года. Под ред. А.Р. Дюкова. Москва, Группа информации по преступлениям против личности (IGCP), 2014. 128 с.
Преступления Украины на Донбассе (Сборник аналитических материалов). Донецк, 2019. 361 с.
Поликарпов М.А. 2015. Битва за Донбасс. Игорь Стрелков. Разгром карателей. Хроники сражений. Москва, Книжный мир, 577 с.
Федоровский Ю.Р. 2017. Начало революционных процессов в Донбассе «Русской весной» 2014. *Вестник Луганского национального университета имени В. Даля.* Часть 2. 2: 222–230.
Федоровский Ю.Р. 2021. Генезис и историческая трансформация Донбасского регионализма в конце XIX – начале XXI вв. Донецк, 730 с.

References

Buntovskij S.Yu. 2017. Istoriya Donbassa [History of Donbass]. Doneck, 530 p.
Zhuchkovskij A. 2020. Mozgovoj [Mozgovoy]. Nizhnij Novgorod, Chernaya sotnya, 416 p.
LNR. Hrologiya sobytij. Sozdanie LNR i voennye dejstviya na Luganshchine glazami uchastnikov i ochevidcev. Sbornik istoricheskih istochnikov [LPR. Chronology of Events. The Creation of the LPR and Military Operations in the Lugansk Region through the Eyes of Participants and Eyewitnesses. Collection of Historical Sources]. Lugansk, 2015.
Massovye narusheniya prav cheloveka v hode protivostoyaniya na Ukraine 22 fevralya – 22 maya 2014 goda [Massive Violations of Human Rights During the Confrontation in Ukraine from February 22 to May 22, 2014]. Pod red. A.R. Dyukova. Moscow, Gruppa informacii po prestupleniyam protiv lichnosti (IGCP), 2014. 128 p.
Prestupleniya Ukrainy na Donbasse (Sbornik analiticheskih materialov) [Crimes of Ukraine in Donbass (Collection of Analytical Materials)]. Doneck, 2019. 361 p.
Polikarpov M.A. 2015. Bitva za Donbass. Igor' Strelkov. Razgrom karatelej. Hroniki srazhenij [Battle for Donbass. Igor Strelkov. The Defeat of the Punitive Forces. Chronicles of Battles]. Moscow, Knizhnyj mir, 577 p.
Fedorovskij J.R. 2017. Nachalo revolyucionnyh processov v Donbasse «Russkoj vesnoj» 2014 [The Beginning of Revolutionary Processes in Donbass in the “Russian Spring” 2014]. *Vestnik Luganskogo nacional'nogo universiteta imeni V. Dalya.* Chast' 2. 2. 222–230.
Fedorovskij J.R. 2021. Genezis i istoricheskaya transformaciya Donbasskogo regionalizma v konce XIX – nachale XXI vv. [Genesis and Historical Transformation of Donbass Regionalism at the End of the 19th – Beginning of the 21st Centuries] Doneck, 730 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.02.2024
Поступила после рецензирования 17.04.2024
Принята к публикации 19.04.2024

Received 25.02.2024
Revised 17.04.2024
Accepted 19.04.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федоровский Юлий Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Луганский государственный университет имени В. Даля, г. Луганск, ЛНР, Россия
ORCID: 0009-0009-7644-4269

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Julius R. Fedorovsky, Candidate of Sciences in History, Docent of the Department of History, V. Dahl Lugansk State University, Lugansk, LPR, Russia

УДК 94
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-465-473
Обзорная статья

Состав чиновничества Пензенского наместничества в 1780-е гг.

Чернов Г.А.
Средняя общеобразовательная школа № 28 города Пензы имени Василия Осиповича Ключевского,
440034, Россия, г. Пенза, ул. Краснова, 19
E-mail: glebchernov@ya.ru

Аннотация. В статье на материале формулярных списков чиновников и канцеляристов Пензенского наместничества рассматриваются их формальные характеристики и карьерные траектории. Анализируется сословное происхождение, владение крепостными и дворовыми людьми, судимости и участие в военных походах служащих. Делаются выводы об определенных изменениях в кадровой политике в регионе в период проведения Губернской реформы Екатерины II, связанных с нехваткой классных чиновников для замещения вакансий во вновь открытых присутственных местах. На региональном материале подтверждается тезис о том, что статская служба в конце XVIII в. не была привлекательной для крупных землевладельцев.

Ключевые слова: гражданская государственная служба, чиновничество, кадровый состав, Российская империя, бюрократия, формулярные списки, Пензенское наместничество, сословная принадлежность

Для цитирования: Чернов Г.А. 2024. Состав чиновничества Пензенского наместничества в 1780-е гг. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 465–473. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-465-473

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Composition of the Bureaucracy of the Penza Viceroyalty in the 1780s.

Gleb A. Chernov
Vasily Osipovich Klyuchevsky secondary school No. 28 of the city of Penza,
19 Krasnov St., Penza 440034, Russia
E-mail: glebchernov@ya.ru

Abstract. The article examines the formal characteristics of officials and clerks of the Penza governorship based on the material of 196 formal lists for 1785. The author analyzes the class origin, career trajectories, ownership of serfs and household people, criminal records and participation in military campaigns of employees. The study includes following research methods: historical-comparative, historical-typological, statistical. Conclusions are drawn about certain changes in personnel policy in the region during the period of the Provincial reform of Catherine II, associated with a shortage of class officials to fill vacancies in newly opened offices. Most of the class officials in the viceroyalty came from the nobility, and the clerks from the clerical rank. There were relatively few representatives of the clergy among the employees during the period under review. The regional material confirms the thesis that the civil service at the end of the XVIII century was not attractive to large landowners, the bulk of landowners among officials had less than 100 serfs.

Keywords: civil service, officialdom, personnel, Russian Empire, bureaucracy, formulary lists, Penza viceroyalty, class affiliation

For citation: Chernov G.A. 2024. The Composition of the Bureaucracy of the Penza Viceroyalty in the 1780s. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 465–473 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-465-473

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

© Чернов Г.А., 2024

Введение

Кадровый состав бюрократического аппарата Российской империи – тема, привлекающая пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей уже не одно десятилетие. Чиновничество как социальная группа рассматривалось учеными с разных точек зрения: изучались их происхождение, возраст, образовательный уровень, имущественное положение и иные характеристики [Иванов, 2009, 2019; Козельчук, 2015; Pintner, 1980].

При определении предмета исследования авторы использовали различные подходы: к примеру, в ряде научных публикаций рассматривается кадровый состав определенных ведомств [Павлова, 2011; Воропанов, 2017, 2022а, б; Рязанов, 2018; Шатохин, Шатохина, 2022б].

Особое место в историографии вопроса занимают региональные исследования, вводящие в научный оборот широкий круг источников, что значительно увеличивает эмпирическую базу предпринимаемых исследований [Токмакова, Авилова, 2011; Плех, 2020а, б, 2021; Шатохин, Шатохина, 2022а; Шатохин, 2022]. Чиновничество Пензенской губернии также было рассмотрено в нескольких публикациях [Тростянский, 2011; Дятлов, 2012; Вякилев, 2014; Чернов, 2021]. Однако работы, в которых исследуется состав чиновничества Пензенского наместничества в конце XVIII в., до текущего момента не публиковались, что и обусловливает актуальность настоящей статьи. Избрание в качестве хронологических рамок исследования 1780-х гг. неслучайно, поскольку именно в этот период формировались новые органы власти в учрежденном наместничестве, а следовательно, происходило расширение бюрократического аппарата.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются формально-качественные характеристики и карьерные траектории классных чиновников и канцеляристов, служивших в Пензенском наместничестве в годы внедрения Губернской реформы Екатерины II. Основным источником в предпринятом исследовании послужили формулярные списки чиновников Пензенского наместничества за 1785 г. [184] Формулярные списки представляют собой документы в виде таблиц, в которые вносились персональные сведения о государственных служащих в Российской империи.

Выбор сюжетов для анализа был сделан по принципу «от источника». Формулярные списки конца XVIII столетия содержали на порядок меньше сведений, чем документы, составленные в XIX в. Так, в использованных материалах не отражена информация о семейном положении, возрасте, вероисповедании чиновников, сведения о полученном образовании не выделены в отдельную графу и включены в сведения о прохождении службы. Однако имеющиеся данные о происхождении, владении крепостными и дворовыми людьми, статской и военной службе, судимостях представляют ценный массив данных, привлекательных для анализа. Всего в исследовании использованы формулярные списки 196 чиновников и канцеляристов, служивших как в органах власти наместничества, так и в уездных учреждениях в городах Пенза, Саранск, Верхний Ломов, Нижний Ломов, Инсар, Чембар, Наровчат, Керенск, Троицк, Краснослободск, Шишкеев, Мокшан и Городище [185].

В исследовании нашли место такие методы исследования, как историко-сравнительный, историко-типологический, статистический. Подобранный методологический инструментарий позволил получить данные, применимые в компаративном анализе.

[184] Государственный архив Пензенской Области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104.

[185] Были проанализированы документы исследуемого периода на всех чиновников, отложившиеся в Государственном архиве Пензенской области. Это служащие Пензенского наместнического правления, казенной, уголовной и гражданской палат, губернского магистрата, верхней расправы, губернский прокурор, стряпчие, а также в уездных городах служащие уездных казначейств, уездных судов, нижних расправ, нижних земских судов, дворянских опек, винные и соляные приставы, уездные землемеры, уездные стряпчие и городничие.

Результаты и их обсуждение

Потенциал использованного источника позволяет проанализировать бюрократический аппарат Пензенского наместничества по нескольким параметрам. В первую очередь стоит исследовать сословное происхождение чиновников и канцеляристов. В табл. 1 представлены сведения о происхождении и классных чинах служащих Пензенского наместничества.

Таблица 1
Table 1

Состав служащих Пензенского наместничества в 1785 г.
Composition of employees of the Penza governorship in 1785

Разряд	Дворянство		Обер-офицерские дети		Дети приказных служителей		Духовенство		Прочие [186]		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
I–V	1	100	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100
VI–VIII	38	82,6	1	2,1	0	0,0	1	2,1	6	13,0	46	100
IX–XIV	38	39,5	4	4,1	27	28,1	4	4,1	23	23,9	96	100
Без чина	4	7,5	2	3,7	22	41,5	6	11,3	19	35,8	53	100

Примечание. Составлено по: ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104.

Как мы видим, преобладающей социальной группой среди служащих наместничества являлось дворянство. К высшему сословию принадлежало 40,8 % всех служащих. При этом из дворян происходил единственный обладатель классного чина выше VI ранга – председатель казенной палаты статский советник Данило Копиев [187]. Стоит отметить, что в нашу выборку не включен правитель наместничества генерал-майор И.А. Ступишин [188], поскольку формулярного списка на него в нашем распоряжении не оказалось.

Из табл. 1 видно, что к дворянскому сословию относится и абсолютное большинство чиновников VI–VIII классов, а также относительное – IX–XIV классов. Закономерно, что служащих без классного чина среди дворян меньше всего. Для сравнения: во второй четверти XIX в. среди бюрократии Пензенской губернии доля дворян была также около 40 % [Вакилев, 2014, с. 311], однако автор включил в это число и личных дворян. Из этого следует, что со временем процентная доля потомственных дворян среди чиновничества в регионе снизилась. Представляется интересным сравнение с данными других регионов Российской империи. Так, в Вологодской губернии число дворян в составе бюрократического аппарата было значительно меньше – всего 13,8 % (34 чел.) [Плех, 2023б, с. 56].

Второй наиболее представленной стратой из числа исследованных нами чиновников и канцеляристов являются дети приказных служителей. Примечательно, что к середине следующего столетия их процентная доля в Пензенской губернии опустилась ниже 10 %, в то время как четверть всех служащих составили выходцы из духовного звания [Вакилев, 2014, с. 311], которых на момент 1785 г. было относительно немного – 5,6 %. В Вологодской губернии в 1780-е гг. ситуация значительно отличалась – представители духовенства преобладали среди служащих губернии, однако стоит отметить, что классных чиновников среди них было всего 6,4 %, остальные – канцеляристы [Плех, 2023б, с. 56].

[186] В категорию прочих были отнесены чиновники и канцеляристы, происходившие из крестьянства, однодворцы, купцы, вольноотпущенники из крепостных и дворовых людей, дети солдат и мастеровых, а также те лица, в формулярных списках которых содержалась отметка о том, что их происхождение не доказано.

[187] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 22 об. – 23.

[188] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1785. В Санкт-Петербурге: При Императорской Академии наук, 1785. С. 291.

Представляется важным рассмотреть карьерные траектории служащих Пензенского наместничества. Из сведений, содержащихся в табл. 1, видно, что около половины всех служащих имели классные чины 3 разряда (IX–XIV), примерно четверть – 2 разряда (VI–VIII), столько же не имело классного чина. Среди служащих Вологодской губернии канцеляристов, не имевших классного чина, было большинство чиновников 3 разряда – 16,6 %, 2 разряда – 5,2 % [Плех, 2023б, с. 56].

На деловые качества чиновника влияет стаж его государственной службы. Рапорты об открытии присутственных мест в Пензенском наместничестве были приняты 31 декабря 1780 г. в присутствии правителя наместничества И.А. Ступишина, советника Полубояринова и прокурора Киселева [189]. Из 196 чиновников и канцеляристов 75 лиц имели стаж гражданской службы менее 5 лет и начали карьеру на статском поприще в 1781 г. или позднее. Интересно, что из этого числа лишь 9,3 % (7 чел.) не служили в армии или на военно-морском флоте. Среди тех, кто начал гражданскую службу до 1781 г., процентная доля не служивших в армии составила 72,9 % (89 чел.). Приведенная статистика позволяет предположить, что в условиях открытия новых присутственных мест вакантные места должны были занять лица, произведенные в чины соответствующих классов, а источником подходящих кадров служила страта военнослужащих. Как отмечает О.А. Плех, до Губернской реформы Екатерины II было принято несколько указов, поощрявших переход военных на статскую службу [Плех, 2023а, с. 318].

Около половины чиновников и канцеляристов Пензенского наместничества служили в армии или на флоте (101 чел.), из них 54,4 % (55 чел.) участвовали в военных походах. Дольше всех в армии прослужил городничий г. Керенск Иван Енгалычев – 32 года. Стоит отметить, что И. Енгалычев воевал против армии Е. Пугачева: «В 1774 г. во время замешательства будучи дворянским предводителем в городе Керенске при двоекратном нападении злодейских партий, при защищении города Керенска, за что графом П.И. Паниным пожалован в премьер-майоры». Участником тех же событий был и верхнеломовский городничий титулярный советник Сергей Тухачевской: «Находился в походе против известного возмутителя в уланском корпусе». Верхнеломовский уездный стряпчий коллежский регистратор Алексей Смирнов «в 1774 г. во время неустройства был при защищении городов Керенска, Верхнего и Нижнего Ломовов», однако вся служба его прошла на гражданском поприще [190].

Среди остальных чиновников, имевших опыт участия в действительных сражениях, стоит выделить также советника Пензенского наместнического правления капитана II ранга Андрея Ивановича Халкиопова, принявшего участие в Хиосском сражении в 1770 г. [191]

Наиболее опытными служащими оказались троицкий уездный стряпчий Федор Хадукин и протоколист дворянской опеки того же уезда Иван Соколов, начавшие свою карьеру в 1736 г. Примечательно, что в формулярном списке И. Соколова стоит отметка о том, что он «по аттестации к продолжению службы за старостью и слабостью неспособен, а к повышению чина достоин» [192].

Важной частью социального облика чиновника является его материальное положение. К сожалению, формулярные списки исследуемого периода не содержат сведений о величине жалования и владения какой-либо собственностью, кроме крепостных и дворовых людей. Однако эти сведения также представляются любопытными. Данные, отраженные в табл. 2, демонстрируют, что крепостными и дворовыми людьми владели в основном дворяне. Больше всех в собственности имели губернский стряпчий уголовных дел титулярный советник Николай Репнин – 1 200 душ, председатель 1 департамента верхнего земского суда надворный советник Федор Мартынов – 700 душ и городничий г. Саранск титулярный советник Василий Ульянин – 578 душ [193]. Также более 100 душ в собственности имели 11 дворян, менее 100 душ – 40 дворян.

[189] ГАПО Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
[190] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 69, 63, 65.
[191] Там же. Л. 7 об. – 9.
[192] Там же. Л. 77 об. – 78, 79 об. – 80.
[193] Там же. Л. 34 об. –35, 36 об. – 37, 57 об. –58.

Таблица 2
Table 2

Владение крепостными и дворовыми людьми чиновниками и канцеляристами Пензенского наместничества в 1785 г.
Ownership of serfs and household people by officials and clerks of the Penza governorate in 1785

Сословие	Владело крепостными и дворовыми людьми		Среднее количество крепостных и дворовых людей в собственности, чел.
	чел.	%	
Дворянство	54	66,6	119,5
Обер-офицерство	3	42,8	44
Дети приказных служителей	7	14,2	7,5
Духовенство	1	9,0	5
Прочие	7	14,5	7,5

Примечание. Составлено по: ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104.

Подобная статистика объясняется тем, что в конце XVIII – начале XIX вв. статская служба не воспринималась высшим сословием как благородная, поэтому поступали на нее преимущественно мелкопоместные дворяне [Шатохин, 2019, с. 168].

При оценке деловых качеств государственных служащих информативны данные об их судимостях. Всего 10 служащих наместничества из 196 были под судом. Городничий Иван Енгалычев, который уже был упомянут в настоящей публикации, оказывался на скамье подсудимых несколько раз. В первый раз он был помилован по силе манифеста от 7 августа 1782 г. [194], второй раз был судим за незаконное содержание под стражей цехового мастера из г. Саратов, но освобожден из-за недостаточности доказательств вины [195].

Несколько чиновников и канцеляристов находились под судом на момент составления формулярного списка. Соляной пристав г. Саранск поручик Аким Кирьяков обвинен во «взятии при продаже из магазина соли излишек денег свыше указных цен» [196]. Секретарь Нижнеломовского нижнего земского суда Иван Проказинцов находился под следствием по обвинению «за усмотренные за время обозрения правящего должность генерал-губернатора в течение дел канцелярских многих упущений и совершенных неисправностей» [197]. Также под следствием находились секретарь Городищенского уездного суда Никита Кочергин и его коллега из Пензы, Василий Матвеев. Первый обвинялся в «совершении противозаконных купчих», а второй – в пьянстве. Кроме этого, В. Матвеев в 1768 г. уже был осужден за битье колодников при допросе, в результате чего его разжаловали из канцеляристов в подканцеляристы [198].

Секретари нижних расправ Троицка и Краснослободска Иван Григорьев и Григорий Дадонов были осуждены за одно преступление – «причинение дворянину капитану Ценину разных притяснений» [199]. Оба помилованы по силе вышеупомянутого манифеста.

Секретарь Пензенской палаты уголовного суда губернский регистратор Иван Протопопов подвергся наказанию в виде недельного тюремного заключения за то, что предоставлял подсудимым возможность ознакомиться с выписками из уголовных дел [200].

Секретарь Инсарского уездного суда Алексей Григорьев был судим за «битье однодворческой дочери», но избежал наказания, поскольку стороны пришли к примирению [201].

[194] ПСЗ-1 Т. XXI. № 15488.
[195] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 69.
[196] Там же. Л. 60.
[197] Там же. Л. 68.
[198] Там же. Л. 53, 93.
[199] Там же. Л. 79, 83.
[200] Там же. Л. 17.
[201] Там же. Л. 84.

Секретарь приказа общественного призрения Никифор Заварицкой провел 7 дней под арестом «по оклеветанию капитаном Беликовым», поэтому в его документе отмечено, что губернский секретарь «в штрафных не бывал, должность исправляет и ведет себя весьма добропорядочно» [202].

Заключение

Таким образом, анализ формально-качественных характеристик чиновников Пензенского наместничества, служивших в 1780-е гг., позволяет прийти к нескольким выводам. Так, должности, требовавшие от соискателей классного чина, замещались преимущественно дворянами. Среди чиновников низшего разряда и канцеляристов было достаточно много лиц приказного звания. Проведение Губернской реформы Екатерины II привело к открытию новых присутственных мест, а вслед за этим последовало и расширение вакансий на гражданской службе. В Пензенском наместничестве проблема решалась за счет привлечения на статскую службу военных.

Половина всех чиновников и канцеляристов наместничества проходили службу в армии или на флоте, из них большинство принимали участие в военных походах. Из общего числа служащих крепостными и дворовыми людьми владели в основном дворяне, при этом судя по количеству душ в собственности, крупных помещиков было всего несколько, за большинством же числилось не более 100 душ. Часть чиновников и канцеляристов Пензенского наместничества были судимы. Однако для того, чтобы оценить влияние этих фактов на карьеру служащих, данных недостаточно.

Список источников

Государственный архив Пензенской Области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3.

Государственный архив Пензенской Области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1785. В Санкт-Петербурге: При Императорской Академии наук, 1785. 443 с.

Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 21.

Список литературы

Вакилев Т.Р. 2014. Материальное положение провинциального чиновничества I половины XIX века на примере Пензенской губернии. Наука. Общество. Государство. 3(7): 11–20.

Воропанов В.А. 2017. Состав коллегий уездных и окружных судов в Тобольской и Томской губерниях в первой четверти XIX в. Вестник Томского государственного университета. 418: 71–77.

Воропанов В.А. 2022. Состав коллегий уездных судов в Оренбургской губернии в первой половине XIX в.: динамика формально-качественных характеристик. В кн: Одиннадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. К 250-летию со дня рождения оренбургского военного губернатора П.К. Эссена (1772 г.), 100-летию создания Центрального бюро краеведения (1921–1922 гг.), 100-летию со дня рождения выдающегося популяризатора истории, выпускника Чкаловского педагогического института С.П. Алексеева (1922 г.). В 2-х томах (Оренбург, 31 марта – 02 февраля 2022 года). Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет. Т. 1: 90–95.

Воропанов В.А. 2022. Судьи губернских судов общей подсудности в Западной Сибири в первой половине XIX в.: формально-качественные характеристики. Вестник Томского государственного университета. 480: 99–106.

Дятлов В.А. 2012. Особенности социального положения чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний). Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 27: 601–604.

[202] Там же. Л. 51.

Иванов В.А. 2009. Образовательный уровень местного российского чиновничества в середине XIX в. (по материалам Московской, Калужской и Тверской губерний). Преподаватель XXI век. 3. Т. 1: 149–156.

Иванов В.А. 2019. Профессиональная подготовка чиновников местных государственных учреждений Российской империи к концу правления Николая I. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2(46): 305–313.

Козельчук Т.В. 2015. Материальное положение провинциальных чиновников (на примере Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века). Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 5(39): 19–25.

Павлова Д.С. 2011. Чиновники местных финансовых учреждений в конце XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Верхневолжских губерний). Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 1 (15): 21–25.

Плех О.А. 2020. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2 (42): 58–69.

Плех О.А. 2020. Численность провинциальных служащих в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии). Российская история. 1: 3–25.

Плех О.А. 2021. Состав чиновничества Архангельской губернии в первой половине XIX века. Historia Provinciae – журнал региональной истории. 1(5): 16–63.

Плех О.А. 2023. Бюрократия в сословной структуре российского общества последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Раздвигая научные горизонты… : Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения): 313–330.

Плех О.А. 2023. Чинопроизводство на гражданской службе в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: Сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых. (Москва, 24–27 октября 2023 года). Москва: Институт Российской истории РАН: 51–75.

Рязанов С.М. 2018. Образовательный уровень тюремных чиновников Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Пермской губернии). В кн: IV Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: Сборник материалов (Пермь, 02–04 октября 2018 года), Пермь, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний: 253–257.

Токмакова Ю.Н., Авилова Н.Л. 2011. Социальный состав, возраст и религиозная принадлежность чиновников Курской губернии в 1801–1861 гг. Известия Юго-Западного государственного университета. 4(37). 179–185.

Тростянский А.Г. 2011. Провинциальная судебная бюрократия третьей четверти XIX в. (на материалах Пензенской и Самарской губерний). Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2–3 (8): 190–192.

Чернов Г.А. 2021. Социальный облик и служебная карьера чиновников пензенских палат уголовного и гражданского судов (по формулярным спискам 1830 г.). Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2(58): 38–46.

Шатохин И.Т. 2019. Поместное дворянство и провинциальное чиновничество первой половины XIX века. Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2(283): 165–170.

Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. 2022. Губернаторы Остзейского края XIX – начала XX в. Россия – Африка: от устной истории к постколониальному нарративу: Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием (Ярославль, 18–20 мая 2022 года). Ярославль, Общество с ограниченной ответственностью «Филигрань»: 233–237.

Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. 2022. Директора и инспекторы народных училищ в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века. Известия Воронежского государственного педагогического университета. 4 (297): 163–169.

Шатохин И.Т. 2022. Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры. Via in Tempore. История. Политология. 2(49): 375–384.

Pintner W. 1980. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855. Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th Century. Chapel Hill, N.C.: 190–226.

References

Vakilev T.R. 2014. Material'noe polozhenie provintsial'nogo chinovnichestva I poloviny KhIKh veka na primere Penzenskoy gubernii [The Financial Situation of the Provincial Bureaucracy of the First Half of the XIX Century on the Example of the Penza Province]. Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 3(7): 11–20.

Voropanov V.A. 2017. Sostav kollegiy uezdnykh i okruzhnykh sudov v Tobol'skoy i Tomskoy guberniyakh v pervoy chetverti XIX v. [The Composition of the Collegiums of County and District Courts in the Tobolsk and Tomsk Provinces in the First Quarter of the XIX Century]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 418: 71–77.

Voropanov V.A. 2022. Sostav kollegiy uezdnykh sudov v Orenburgskoy gubernii v pervoy polovine XIX v.: dinamika formal'no-kachestvennykh kharakteristik [The Composition of the Collegiums of County Courts in the Orenburg Province in the First Half of the XIX Century: the Dynamics of Formal and Qualitative Characteristics]. V kn: Odinnadtsatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen: Sbornik statey vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferentsii. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya orenburgskogo voennogo gubernatora P.K. Essena (1772 g.), 100-letiyu sozdaniya Tsentral'nogo byuro kraevedeniya (1921–1922 gg.), 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya populyarizatora istorii, vypusknika Chkalovskogo pedagogicheskogo instituta S.P. Alekseeva (1922 g.). V 2-kh tomakh (Orenburg, 31 marta – 02 fevralya 2022 goda). Orenburg, Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. T. 1: 90–95.

Voropanov V.A. 2022. Sud'i gubernskikh sudov obshchey podsudnosti v Zapadnoy Sibiri v pervoy polovine XIX v.: formal'no-kachestvennye kharakteristiki [Judges of Provincial Courts of General Jurisdiction in Western Siberia in the First Half of the 19th Century: Formal and Qualitative Characteristics]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 480: 99–106.

Dyatlov V.A. 2012. Osobennosti sotsial'nogo polozheniya chinovnichestva Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka (na primere Penzenskoy i Saratovskoy guberniy) [Features of the Social Status of the Bureaucracy of the Russian Empire in the First Half of the XIX Century (on the Example of Penza and Saratov Provinces)]. Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo. 27: 601–604.

Ivanov V.A. 2009. Obrazovatel'nyy uroven' mestnogo rossiyskogo chinovnichestva v seredine XIX v. (po materialam Moskovskoy, Kaluzhskoy i Tverskoy guberniy) [The Educational Level of Local Russian Officials in the Middle of the XIX Century (Based on the Materials of the Moscow, Kaluga and Tver Provinces)]. Prepodavatel' XXI vek. 3. T. 1: 149–156.

Ivanov V.A. 2019. Professional'naya podgotovka chinovnikov mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossiyskoy imperii k kontsu pravleniya Nikolaya I [Professional Training of Officials of Local State Institutions of the Russian Empire by the End of the Reign of Nicholas I]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. 2(46): 305–313.

Kozel'chuk T.V. 2015. Material'noe polozhenie provintsial'nykh chinovnikov (na primere Tobol'skoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka) [The Financial Situation of Provincial Officials (on the Example of the Tobolsk Province of the Second Half of the XIX – Early XX Century)]. Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 5(39): 19–25.

Pavlova D.S. 2011. Chinovniki mestnykh finansovykh uchrezhdeniy v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. (na materialakh Verkhnevolzhskikh guberniy) [Officials of Local Financial Institutions in the Late XVIII – First Half of the XIX Century (Based on Materials from the Upper Volga Provinces)]. Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki. 1 (15): 21–25.

Plekh O.A. 2020. Sostav chinovnichestva Olonetskoy gubernii v pervoy polovine XIX veka [The Composition of the Bureaucracy of the Olonets Province in the First Half of the XIX Century]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2 (42): 58–69.

Plekh O.A. 2020. Chislennost' provintsial'nykh sluzhashchikh v pervoy polovine XIX v. (na materialakh Vologodskoy gubernii) [The Number of Provincial Employees in the First Half of the XIX Century (Based on the Materials of the Vologda Province)]. Rossiyskaya istoriya. 1: 3–25.

Plekh O.A. 2021. Sostav chinovnichestva Arkhangel'skoy gubernii v pervoy polovine XIX veka [The Composition of the Bureaucracy of the Arkhangelsk Province in the First Half of the XIX Century]. Historia Provinciae – zhurnal regional'noy istorii. 1(5): 16–63.

Plekh O.A. 2023. Byurokratiya v soslovnoy strukture rossiyskogo obshchestva posledney chetverti XVIII – pervoy poloviny XIX v. [Bureaucracy in the Class Structure of Russian Society in the Last Quarter of the XVIII – First Half of the XIX Century]. Razdvigaya nauchnye gorizonty… : Sbornik statey pamyati doktora istoricheskikh nauk P. N. Zyryanova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya): 313–330.

Plekh O.A. 2023. Chinoproizvodstvo na grazhdanskoy sluzhbe v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX v. [Chinoproduction in the Civil Service in the Last Quarter of the XVIII – First Half of the XIX Century. The History of Russia from Ancient Times to the XXI Century]. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady: Sbornik statey

Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (Moskva, 24–27 oktyabrya 2023 goda). Moskva: Institut Rossiyskoy istorii RAN: 51–75.

Ryazanov S.M. 2018. Obrazovatel'nyy uroven' tyuremnykh chinovnikov Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vv. (po materialam Permskoy gubernii) [The Educational Level of Prison Officials of the Russian Empire in the Late XIX – Early XX Centuries (Based on the Materials of the Perm Province)]. V kn: IV Pedagogicheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora S.I. Zlobina: Sbornik materialov (Perm', 02–04 oktyabrya 2018 goda), Perm', Permskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy: 253–257.

Tokmakova Yu.N., Avilova N.L. 2011. Sotsial'nyy sostav, vozrast i religioznaya prinadlezhnost' chinovnikov Kurskoy gubernii v 1801–1861 gg. [The Social Composition, Age and Religious Affiliation of Officials of the Kursk Province in 1801–1861]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 4(37). 179–185.

Trostyanskiy A.G. 2011. Provintsial'naya sudebnaya byurokratiya tret'ey chetverti XIX v. (na materialakh Penzenskoy i Samarskoy guberniy) [Provincial Judicial Bureaucracy of the Third Quarter of the XIX Century (Based on the Materials of the Penza and Samara Provinces)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2–3(8): 190–192.

Chernov G.A. 2021. Sotsial'nyy oblik i sluzhebnaya kar'era chinovnikov penzenskikh palat ugolovnogo i grazhdanskogo sudov (po formulyarnym spiskam 1830 g.) [Social Appearance and Official Career of Officials of the Penza Chambers of the Criminal and Civil Courts (According to the Formulary Lists of 1830)]. Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2(58): 38–46.

Shatokhin I.T. 2019. Pomestnoe dvoryanstvo i provintsial'noe chinovnichestvo pervoy poloviny XIX veka [Local Nobility and Provincial Officialdom of the First Half of the 19th Century]. Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2(283): 165–170.

Shatokhin I.T., Shatokhina S.B. 2022. Gubernatory Ostzeyskogo kraya XIX – nachala XX v. [Governors of the Ostzey Region of the XIX – Early XX Century]. Rossiya – Afrika: ot ustnoy istorii k postkolonial'nomu narrativu: Sbornik materialov Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Yaroslavl', 18–20 maya 2022 goda). Yaroslavl', Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Filigran'»: 233–237.

Shatokhin I.T., Shatokhina S.B. 2022. Direktora i inspektory narodnykh uchilishch v rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Directors and Inspectors of Public Schools in the Russian Province in the Second Half of the XIX – Early XX Century]. Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 4(297): 163–169.

Shatokhin I.T. 2022. Kurskie vitse-gubernatory: opyt rekonstruktsii sluzhebnoy kar'ery [Kursk Vice-Governors: Experience of Reconstruction of Service Career]. Via in Tempore. Istoriya. Politologiya. 2(49): 375–384.

Pintner W. 1980. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855. Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th Century. Chapel Hill, N.C.: 190–226.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.04.2024
Поступила после рецензирования 26.05.2024
Принята к публикации 28.05.2024

Received 25.04.2024
Revised 26.05.2024
Accepted 28.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернов Глеб Анатольевич, учитель истории и обществознания, средняя общеобразовательная школа № 28 города Пензы имени Василия Осиповича Ключевского, г. Пенза, Россия
ORCID: 0009-0001-5686-2481

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gleb A. Chernov, Teacher of History and Social Studies, Vasily Osipovich Klyuchevsky Secondary School No. 28 of the City of Penza, Penza, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.51
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-474-485
Оригинальное исследование

Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку

Лобанов К.Н.
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
Email: lobanov.politika@gmail.com

Аннотация. Период развития цивилизации, известный как глобализация, равно как и предшествовавшая ему эпоха биполярного мирового устройства, становится историей. На смену уходящему плану приходит миропорядок, контуры которого еще не вполне понятны и неизвестны. Тем не менее основные элементы постглобальной композиции мира уже начинают проявляться. На уровне систем государственных и межгосударственных отношений среди них наиболее ощутимы экономический эгоизм, склонность к автаркическим практикам, ренессанс парадигмы «закрытого общества», резкий подъем религиозного национализма, реинкарнация политики альянсов в духе времен «воюющих царств». Весомое место в процессе транзита от глобального к постглобальному порядку как в мировоззренческом плане, так и в формате реальной политики продолжает играть фактор военной силы. События последних лет указывают на возрастающее значение силовых компонентов в инструментарии политики и политиков. Государства и их лидеры стали все чаще прибегать к использованию военно-промышленных потенциалов для повышения своего статуса в мировой политике или разрешения политико-территориальных проблем. Не будет большим преувеличением суждение о том, что после эпохи относительной стабильности, последовавшей вслед за распадом СССР, мир вступает в полосу войн и военных конфликтов. В представленной публикации автор осуществит попытку проследить восходящую динамику вооруженного насилия на примере ряда военных конфликтов и произошедших по их итогам политико-территориальных изменений на евразийском геополитическом пространстве. Эту проблему автор склонен рассматривать в контексте наметившегося перехода мирового сообщества к новому порядку взаимоотношений.

Ключевые слова: мировой порядок, постглобальный мир, военная сила, война, военный конфликт

Для цитирования: Лобанов К.Н. 2024. Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 474–485. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-474-485

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

© Лобанов К.Н., 2024

The Military Power Factor and Its Influence on Political and Territorial Transformations in the Context of Transition to a Post-Global World Order

Konstantin N. Lobanov
I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
71 Gor'kogo St., Belgorod, 308024, Russia
Email: lobanov.politika@gmail.com

Abstract. The civilization period known as globalization, as well as the era of the bipolar world order that preceded it, is becoming history. The outgoing political scenery is being replaced by a world order, the contours of which are not yet fully realized and vague. Nevertheless, the main elements of the post-global world framework are already beginning to manifest themselves. The most noticeable among them are revealed at the level of national and international relations: the economic egoism, the tendency to autarkic practices, the renaissance of the "closed society" paradigm, the acute rise of religious nationalism, the reincarnation of alliance politics emerging in the spirit of the things as they were used in "warring kingdoms". The factor of military power continues to play a significant role in the transition from the global to the post-global order, both in terms of ideology and in the format of real politics. The events of the recent years highlighted the increasing importance of military force components employed as the tools of politics and politicians. Nations and their leaders have increasingly resorted to using military potentials to enhance their position in world politics or resolve political and territorial problems. It would not be an exaggeration to suppose that the collapse of the USSR and the period of relative stability that followed it, caused a number of wars and military conflicts. The author of the current paper will attempt to trace the upward dynamics of armed violence taking into account a range of armed conflicts and the resulting political and territorial changes happened in the Eurasian geopolitical space. The author will consider this problem in the context of the emerging transition of the world community to a new order of mutual relations.

Keywords: world order, post-global world, military power, war, military conflict

For citation: Lobanov K.N. 2024. The Military Power Factor and Its Influence on Political and Territorial Transformations in the Context of Transition to a Post-Global World Order. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 474–485 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-474-485

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Гуманитарный кризис, вызванный коронавирусом SARS-CoV-2, был отмечен не только внушительными людскими потерями, но и тем, что привел в движение процесс переформатирования всего общепланетарного социального пространства. На наших глазах происходит смена социально-исторических периодов, в ходе которой глобализация как тренд текущего мирового времени вытесняется новой постглобальной стадией его течения. Основные параметры грядущего цикла социогенеза, по сути, являются антитезой системных характеристик предыдущего. Если глобализация в целом воспринималась как всемирный интеграционный процесс, сопровождавшийся расширением социальных связей в мировом пространстве [James, 2005, p. 197], то постглобалистские практики ведут к дефрагментации такого пространства и сворачиванию трансконтинентальных форм социальной организации и коммуникации [Peters, Askin, 2020, s. 5]. Введенные на период борьбы с пандемией и, казалось бы, временные ограничения в мировой торговле на деле трансформировались в устойчивые стратегии экономического национализма или экономического эгоизма, знаменуя собой закат эпохи всемирного рынка и переход к реалиям «*age after free trade*» [Lighthizer, Hanson, 2024]. Постпандемийная действительность дала основания профильным международным институтам предупреждать о распаде мирового рынка на два и

более не связанных между собой блока [Okonjo-Iweala, 2023]. Реверс национальных экономик в сторону государственного планирования и «закрытию» своих рынков, доминирование автаркистских настроений и идей над концептом открытых глобальных сетей в экономике и торговле зафиксировали апгрейд глобализма как идеологии. Реальность элиминировала претензию либеральной доктрины на всеобщность, глобальный универсализм [Дугин, 2020]. Постглобальный мир, точнее значительная часть его, отвергает идеи глобалистов навязать единый для всех исторический проект, унифицировать жизнь в рамках одной матрицы. Китай, Индия, Россия, государства Глобального Юга продвигают собственные, эмансипированные от Запада системы ценностей и модели мироустройства. О неизбежности такой перспективы ранее писал З. Бжезинский [Brzezinski, 2012, p. 139]. Идейная эрозия глобализма пошатнула политическую структуру мира, основанную на признании безусловного лидерства западных элит. Не проявив флагманских качеств в период борьбы с пандемией коронавируса [Lobanov, Selin, 2021, л. 148], западный правящий слой и возглавляемые им институции продолжили терять позиции на мировом публично-политическом поле, освобождая место незападным объединениям и их гегемонам [203].

Переход мирового социума и различных форм его организации (экономики, идеологии и политики) от глобализма к постглобальному состоянию осуществляется не линейно, с известной долей непредсказуемости. Сделав отсылку к аксиоматике политического анализа, можно констатировать сам факт транзита – это уже почти аксиома, но само протекание такого процесса, его длительность и напряженность – всегда контекстуальны. Осмыслению ряда факторов, сопровождающих утверждение постглобального миропорядка в сегодняшних политических реалиях, намерен посвятить свою публикацию автор.

Цель исследования

Проанализировать особенности выражения фактора военной силы в период переформатирования и последующей трансформации глобалистской конструкции международных отношений в однополярной форме мироустройства и подтвердить гипотезу о корреляции политико-территориальных изменений последнего времени с восходящей динамикой развития указанного фактора.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает военная сила как один из факторов становления новой системы межгосударственных отношений в период транзита мира к постглобальному состоянию. Предметом исследования являются политико-территориальные трансформации как результирующее значение применения военной силы государственными и негосударственными акторами. В ходе исследования автором применены аксиоматический метод, метод экстраполяции, метод прогнозирования состояния систем.

Результаты и их обсуждение

В период активной фазы глобализации, то есть примерно в 2000–2015 годах, фактор военной силы не сильно выделялся на фоне доминирующих трендов мирового развития, таких как транснационализация и регионализация в экономике и торговле и структурирование однополярности в международных отношениях. Статистика отмечает, что после пика начала 90-х годов прошлого столетия, когда было зафиксировано 58 военных конфликтов высокой интенсивности с участием государств, в мире наметился заметный спад вооруженного насилия. К

[203] Страны БРИКС в 2022 г. обогнали G7 по уровню ВВП – 31.5 % и 30.3 % соответственно. К 2028 г. страны БРИКС будут обеспечивать 37 % от мирового ВВП, при этом доля стран «большой семерки» будет ниже 27 % в мировой экономике. См.: Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года. http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565 (дата обращения: 07.04.2024).

2003 году число таких конфликтов понизилось до 32 или на 40 %. С 2003 по 2015 годы картина почти не менялась [Davis, Pettersson, Öberg, 2023, p. 695]. В 2015–2018 годах кривая конфликтности вновь устремилась вверх, достигнув показателей в 50–52 инцидента в год [Ibid., p. 695]. В 2022 году исследователи из Упсальского университета в Швеции констатировали рекордные за последние 30 лет 55 случаев межгосударственных конфликтов [Ibid., p, 693]. В свою очередь специалисты из Международного института стратегических исследований в Великобритании в 2023 году более чем утроили эту цифру до 183 с учетом региональных конфликтов и конфликтов с задействованием негосударственных акторов [IISS, 2023].

Синхронизация событий позволяет коррелировать рост международной конфликтности со структурными изменениями в мировой экономике, на товарных и финансовых рынках, которые происходили в этот период под воздействием череды кризисов (*Great Recession* 2009–2013 годов и ее финансовый дубль в 2015–2018 годах, европейский долговой кризис 2009–2019 годов). Тогда в целях минимизации ущерба от шоков государства-нации стали «отгораживать» свои экономические комплексы и финансовые системы друг от друга, а также от реальных или потенциальных эпицентров нестабильности вместо того, чтобы координировать на глобальном уровне антикризисные меры [Gardó, Martin, 2010, p. 38]. В период антипандемийной кампании тенденция к дефрагментации глобальной экономики и рынков на отдельные сегменты только усилилась. Именно в 2020–2022 годах наблюдается резкое обрушение самих парадигмальных основ и сущностных практик глобализации, включая транспарентные границы, солидарность обществ, эффективность наднациональных институций и веру в непогрешимость глобалистских элит. В итоге мир стал еще более эгоистичен, «закрыт» и зациклен на решении локальных проблем [Georgieva, 2023]. Одним словом, социум вступил в стадию постглобальной трансформации, в результате чего возврат человечества к допандемийному мировому порядку стал невозможен [Kissinger, 2020]. Обострившаяся в новых условиях геополитическая конкуренция вызвала эрозию однополярной модели мироустройства, служившей своего рода политической проекцией глобализирующейся экономики и рынков. Глобальный контекст довольно динамично по меркам исторического времени стал смещаться в сторону складывания новых альянсов в противовес главному протектору и бенефициару однополярности США. Так, например, обретает зримые очертания триумвират в составе Китая, России и Ирана. Тяготение держав друг к другу объясняется общим их неприятием *Pax Americana* и стремлением к собственной трансрегиональной полюсности, что дало повод оппонентам альянса назвать его «антизападной осью», а Китай – «новым гегемоном недемократической части мира» [Urhová, 2024]. Некоторые *think tanks* продолжают тематизировать дискурс и фокусируют внимание на грядущей блоковой разделенности мира на фоне ужесточения геополитической конкуренции [CSIS, 2024].

В текущей позиции сложно предсказать дальнейшее течение событий. Пока не ясно, завершится ли постглобальная трансформация установлением полноценной многополюсной модели мироустройства взамен однополярной или последняя уступит место сменяющимся ситуативным альянсам. Очевидным представляются два модуса – в обозримой перспективе мир перестанет быть однополярным, а идущая на смену прежней система международных отношений в формате *Zukunft Zwei* тоже не будет мирной [Jahn, 2018, p. 52]. Во-первых, если все завершится разделением мира на блоки или группы государств, то конфликтность будут имманентно встроена в систему взаимоотношений между ними, особенно в условиях растущей геополитической конкуренции и обострения борьбы за исчерпывающиеся ресурсы [Layne, 1993, p. 47]. Аксиоматичность этого утверждения регулярно подтверждалось в истории, положив начало в период *Чжаньго шидай* в Древнем Китае. Во-вторых, социально-исторический опыт также показывает, что в фазе транзита к новому состоянию международных отношений, в условиях перехода к следующей модели миропо-

рядка, при смене социально-экономических формаций и т. д. конфликтность между коммуницирующими в мировой политике акторами возрастает количественно и меняет некоторые атрибутивные свойства. Но если с численными величинами и лежащими в основе их роста причинно-следственными связями мы уже определились ранее, то произошедшие эволюционные сдвиги в условиях протекания и в содержании международной конфликтности требуют дальнейшей аналитической проработки. Здесь, на наш взгляд, следует учесть как минимум четыре сущностных момента.

Первый состоит в том, что конфликтность или конфликтная среда как совокупность конфликтогенных факторов, порождающих столкновения между субъектами взаимодействия, стала иной, нежели она была еще 10–15 лет назад. В период расцвета неолиберальной глобализации в системе международных отношений доминировала однополярная модель мироустройства, называемая в западной транскрипции «порядком, основанным на правилах» *(Rules-Based Order).* Соответственно, бóльшая часть конфликтов на мировой арене происходила либо из-за желания главного интересанта однополярности США навязать остальным ими же самими устанавливаемые правила поведения либо наказать нарушителей этих норм [Лавров, 2021]. Так как силы, сдерживающей императивность США, в международных отношениях не было, то единственная сверхдержава сама дозировала конфликтность в глобальных масштабах, поддерживая ее уровень на допустимых для своих интересов пороговых значениях. Последнее обстоятельство дало повод даже говорить о некоей эпохе стабильности, наступившей после распада СССР [Fard, 2021, p. 33]. В постглобальных реалиях мир закрывает эту страницу и вступает в эпоху конфликтов и войн [Blinken, 2023]. В отличие от однополярной системы конфликтность будет проистекать не из-за попыток гегемона структурировать желаемую модель, а в силу невозможности организации контроля за ситуацией и разрушения самой модели. Деструкция однополярности, как равно и любой другой системы мироустройства, сопровождается стохастичностью и хаотизацией международных отношений, ранее упорядоченных гегемоном в той или иной форме иерархизации. Ослабление вертикальных внутрисистемных связей многие субъекты восприняли как своего рода сигнал к началу действий, некое «окно возможностей» для решения насущных задач национального развития, тем более что опыт выхода из-под контроля «большого брата» у некоторых из них уже был во время преодоления «корона-кризиса». Нарушителями «порядка, основанного на правилах» стал Китай, приступивший к созданию сети искусственных островов в акватории спорного архипелага Спратли и активировавший тайваньскую проблему. Азербайджан, отменивший *status quo ante* на Южном Кавказе, а также Россия, присоединившая Крым. С точки зрения США, эти страны бросили вызов устоявшемуся после окончания «холодной войны» укладу и привели мир в своего рода броуновское движение [Biden, 2023]. С утверждением американской стороны можно согласиться лишь отчасти. В основании кризиса и упадка однополярной модели мироустройства лежит не чья-либо злокорызненная воля, но куда более веские, глубокие, а самое существенное – объективные причины. Одновременно стоит признать правоту тезиса о дезинтеграции однополярной системы связей как причины и питательной среды (коллоидного бульона), продуцирующей конфликтность в контексте постглобализма.

Другим важным аспектом проблемы является акцентуализация целеполагания субъектов конфликтинга на удовлетворении своих политико-территориальных притязаний. Биполярный и постбиполярный миропорядки оставили по всей планете массу локальных споров из-за государственной принадлежности той или иной территории с находящимися на ней ресурсами. Такие разногласия вызывали столкновения разной степени интенсивности, однако в силу тупиковости ситуации конфликты переводились либо в тлеющее состояние,

либо в режим заморозки [204]. «Снятие» объекта конфликтного противостояния откладывалось сторонами до лучших времен, до момента установления благоприятных геополитических условий, ассоциировавшихся, главным образом, с началом тектонических сдвигов глобального масштаба [Peet, 2008]. После пандемийной встряски, когда многие страны посчитали себя свободными от прежних публично-правовых обязательств по сдерживанию, ряд из них пришел к выводу, что час настал и пришла пора закрыть территориальный гештальт. Азербайджан, руководствуясь формулой кризисного менеджмента «быстрое решение – вернее правильного», ликвидировал в 2023 году армянский анклав Арцах, нарушив при этом собственное обещание как государства-члена ООН не применять насилие в разрешении нагорно-карабахского конфликта [Landgraf, Seferian, 2024]. Аналогично поступила Турция, действуя в Сирии и Северном Ираке. Под предлогом борьбы с сепаратистами и в интересах безопасности турецкие власти за период с 2020 по 2022 годы по сути инкорпорировали в лоно своей государственности значительные территории двух сопредельных стран, населенных преимущественно этническими тюрками (в Иракском Курдистане захвачена зона протяженностью 375 км и глубиной 40–50 км, в Сирии занята площадь 8 835 кв. км, включая более 1 тыс. населенных пунктов) [Çevik, 2022, p. 2]. Значительные территориальные изменения произошли в ходе российско-украинской конфронтации. В 2022 году в состав РФ были включены Донецкая и Луганская народные республики, части Запорожской и Херсонской областей Украины. Возможно, ближайшим аналогом этой логики действий будет дискурс других субъектов мировой политики в разных частях планеты. Судить об этом можно с определенной долей уверенности, так как все описанные инциденты (за исключением, может быть, ситуации с Россией и Украиной) остались без ощутимой реакции со стороны мирового сообщества, включая в первую очередь США. Если подходы к проблеме останутся прежними, то для многих политических режимов это будет доказательством того, что предъявление территориальных претензий может иметь чистые положительные результаты [Landgraf, Seferian, 2024].

Третьей и, пожалуй, главной специфичностью постглобальных реалий можно считать возвращение военной силы в арсенал политики. В обстановке хаотизации международных отношений, то есть когда рушится прежний мировой порядок и нарождается новый, сила и война становятся инструментами усиления своих позиций в этот период [Kashin, Sushentsov, 2024, p. 33]. Не случайно для решения застарелых территориальных проблем государства пошли именно по пути ревитализации вооруженного насилия. Напомним, что для ликвидации Арцаха альянсу Азербайджана и Турции понадобилось несколько десятилетий подготовки, 44 дня горячей стадии войны, три года перемирия и 3 дня на добивание остатков НКР. Турция на сопредельных территориях Сирии и Ирака провела три крупных военных операции с применением тяжелой техники и авиации. Российско-украинское противостояние сопровождается беспрецедентными за всю послевоенную историю боевыми действиями на европейском континенте [Kissinger, 2022, p. 34].

По всей видимости, динамика силового взаимодействия в мире станет нарастать, так как соблазн применения военных потенциалов для быстрого и окончательного разрешения накопившихся проблем у государств будет велик. Так, например, сомнительно, что Азербайджан остановится на Арцахе, и не попытается силой пробить коридор в свой Нахичеванский эксклав [de Waal, 2023]. Как и то, что Турция будет лишь с оливковой ветвью мира в руках отстаивать свои экономические интересы на шельфах Эгейского и Средиземного морей в споре с Грецией. Проблема Северного Кипра также представляет собой аналогичный случай. Общеизвестен так называемый «фактор 2027 года», когда, согласно расчетам американского разведывательного сообщества, китайский ВПК и оснащаемая им НОАК

[204] Типологическими ситуациями являлись Абхазия и Южная Осетия, Нагорный Карабах (Арцах), Приднестровье, оазисы Ферганской долины. Косово, палестинские земли на Ближнем Востоке, Тайвань, Кипр и ряд других.

сравняются по основным показателям военно-технической и военно-технологической мощи с США [Rudd, 2023]. Вслед за этим не исключается сценарий, согласно которому последует скорейшая насильственная реинтеграция Тайваня. Балканский регион, в свою очередь, тоже рискует превратиться в новый театр военных действий. Попытки посредников мирно разрешить тяжбу между Сербией и полупризнанной «Республикой Косово» о государственной принадлежности одноименного края не приводят к успеху. Нет никакой гарантии, что обе стороны вновь не возьмутся за оружие в тот момент, пока Европа занята Украиной, а США – сдерживанием Китая [Maliqi, 2023, p. 43]. В Западном полушарии зреют свои «гроздья гнева». В 2023 году Венесуэла и Гайана оказались близки к военному столкновению из-за спорной территории Эссекибо. К межгосударственной вооруженной конфронтации стали активно подключаться негосударственные акторы. В текущем конфликте на Ближнем Востоке боевые действия против Израиля ведутся в основном руками проиранских сателлитов – радикальных движений *ХАМАС* и *«Хезболлах»*. Нечувствительность подобных структур к нормам международного права и законам войны предопределяет преимущественное использование неконвенциональных форм насилия в конфликтах с их участием [Byman, 2024]. Таким образом, даже беглый анализ рассматриваемого среза проблемы свидетельствует не только о растущей востребованности военной силы как средства реализации устремлений субъектов мировой политики, но и указывает на активное проявление ее трансверсальных свойств, то есть способности динамично преодолевать пространственные и морально-психологические рамки и границы.

Еще одной новеллой постглобальной действительности стало изменение подходов субъектов конфликтинга к применению военной силы. Суть изменений заключается в том, что использование вооруженных сил и военно-технических потенциалов в конфликтах перестает быть императивным средством принуждения оппонентов, как это было ранее [Иванов, 2003, с. 590]. Современные гибридные войны позволяют сторонам рекрутировать вооруженное насилие факультативно как часть более масштабных военных операций неклассического типа. Целью таких операций является не собственно военное поражение противника на поле боя, а достижение победы над ним в результате парализации систем жизнеобеспечения и блокирования воли к сопротивлению [McCuen, 2008, p. 110]. Эффект достигается путем нанесения непоправимого ущерба при помощи комбинаторики сил, средств и условий экономического, финансового, социального, политического и психолого-информационного воздействия. При этом гибридные стратегии могут быть довольно растянутыми по времени, так как рассчитаны на выматывание противника, что, в свою очередь, влияет на длительность конфронтации [Конышев, Парфенов, 2019, с. 59]. Российско-украинское противостояние продолжается более двух лет без явной перспективы завершения конфликта. В ходе этого столкновения поддерживающий Украину евро-атлантический Запад задействует против России практически весь арсенал гибридных средств ведения войны: в экономике – санкции и торговые эмбарго; в финансовой сфере – блокировку российских транзакций за рубеж; в сфере логистики – террористические атаки на энергетические коммуникации; в отношении системы управления и власти – разжигание искусственных кризисов и массовых протестов с целью дестабилизации деятельности; в информационном пространстве – организацию вбросов контента, направленного на морально-психологическое истощение людского потенциала противостоящей стороны. Как показывают события на Украине, средства вооруженной борьбы не отвергаются совсем, они как бы вписываются в общий контекст и фабулу гибридной стратегии, становятся элементом последней [Сивков, Соколов, 2023, с. 137]. При этом инициатор гибридных атак предпочитает самолично не вступать в противоборство с противником, а воюет с ним «под чужим флагом», руками своих прокси, как это делают США и их союзники по НАТО на Украине или Иран в борьбе с Израилем. Попутно происходит подпитка своей клиентелы военными ресурсами, финансовыми средствами, поддержка повстанческой и террористической деятельности [McCuen, Ibid., p. 111].

Таковы, на наш взгляд, базовые концептуальные моменты, связанные с проявлением фактора военной силы в ходе транзита к постглобальному мироустройству. Безусловно, перечень этот не исчерпывающий и будет дополняться сообразно изменениям реальности, равно как и не считается окончательной величина политико-территориальных трансформаций, результирующих применение военной силы. Важным промежуточным выводом является то, что в нынешних условиях значение военной силы как инструмента внешней политики и обеспечения национальных интересов того или иного государства не только не подвергнется элиминации, но будет возрастать, обновляя статистику и обретая новые качественные свойства.

Заключение

Отмечая возрастающую динамику вооруженной конфликтности на фоне распространяющейся хаотизации миро-политических связей и отношений, невольно приходится задаваться мыслью о фатальности погружения значительной части глобального социума в некую брутальную *fighting without rules.* Автор статьи полагает, что при условии складывания ситуативных альянсов в незападном секторе мира их противостояние с евро-атлантической коалицией действительно может достигать довольно острых форм. Единственным ограничителем эскалации в этом случае будет обладание и угроза применения оружия массового поражения против каждой из сторон. Между тем авторская позиция основывается на признании возможности альтернативного хода событий в случае изменения вектора мирового развития в сторону постепенного утверждения мультиполярной модели международных отношений. Солидаризируясь со словами Президента Российской Федерации о том, что многополюсный мир – это мир равноправных субъектов без чьего-либо диктата, мир более справедливого распределения ресурсов и знаний, мир взаимовыгодного сотрудничества и развития, мир общей для всех безопасности, не стоит не замечать преимуществ этого типа мироустройства [Путин, 2024]. С другой стороны, внутри этой модели кроется немало противоречий и несовершенства, она не может вполне отменить вооруженный антагонизм и территориальные препирательства между государствами хотя бы в силу того, что новые центры силы и влияния только нащупывают свое место в формирующемся мире. Вместе с тем в последующем при более или менее равновесном географическом распределении сил в пространстве мировой политики милитаристское начало человеческого бытия будет более прочно удерживаться всеми заинтересованными субъектами в рамках согласованного дисциплинарного подхода.

Список литературы

Дугин А.Г. 2020. Постлиберальный порядок. Неизбежность. Москва, Академия Тринитаризма. Электронный номер 77–6567, публ. 26238, 23 марта. http://www.trinitas.ru/rus/doc/0009/001a/00091156.htm (дата обращения: 07.04.2024).

Иванов С.Б. 2003. Военная энциклопедия. М., Военное издательство, Т. 7, 735 с.

Конышев В.Н., Парфенов Р.В. 2019. Гибридные войны: между мифом и реальностью. Мировая экономика и международные отношения, 63(12): 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.

Лавров С.В. 2021. О праве, правах и правилах. Россия в глобальной политике. 4, Июль-август. https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/ (дата обращения: 13.04.2024).

Путин В.В. 2024. Интервью Такеру Карлсону. Официальное интернет-представительство Президента России, 9 февраля. http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411 (дата обращения: 19.04.2024).

Путин В.В. 2023. Послание Президента Федеральному Собранию. Официальное интернет-представительство Президента России, 21 февраля. http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565 (дата обращения: 07.04.2024).

Сивков К.В., Соколов К.Н. 2023. Гибридная война. М., Наше завтра, 280 с.

Biden J.R. 2023. Remarks by President Biden at a Campaign Reception, October 20. The White House. https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-3/ (accessed: 13.04.2024).

Blinken E.J. 2023. Secretary Blinken Outlines the Power and Purpose of American Diplomacy in a New Era in Speech at Johns Hopkins SAIS. September, 13. U.S. Department of State. Office of the Spokesperson. https://www.state.gov/secretary-blinken-outlines-the-power-and-purpose-of-american-diplomacy-in-a-new-era-in-speech-at-johns-hopkins-sais/ (accessed: 13.04.2024).

Brzezinski Z.K. 2012. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. New York, Basic Books, 433 p.

Byman D. 2024. Stuck in Gaza. Six Months After October 7, Israel Still Lacks a Viable Strategy. Foreign Affairs, April 5. https://www.foreignaffairs.com/middle-east/hamas-israel-stuck-gaza? (accessed: 16.04.2024).

Çevik S. 2022. Turkey's Military Operations in Syria and Iraq. German Institute for International and Security Affairs. 37 (May): 1–8.

CSIS. 2024. 2024 Global Forecast: A World Dividing. Center for Strategic and International Studies. January-February. https://features.csis.org/global-forecast-2024/ (accessed: 11.04.2024).

Davis S., Petterssen T., Öberg M. 2023. Organized Violence 1989–2022, and the Return of Conflict Between States. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. Journal of Peace Research. 60(4): 691–708. DOI: 10.1177/00223433231185169.

De Waal T. 2023. The End of Nagorno-Karabakh. How Western Inaction Enabled Azerbaijan and Russia. Foreign Affairs, September 23. https://www.foreignaffairs.com/armenia/end-nagorno-karabakh (accessed: 16.04.2024).

Fard R. 2021. Towards a New Concept of Constructivist Geopolitics. Central European Journal of International and Security Studies. 15(1): 26–57.

Gardó S., Martin R. 2010. The Impact of the Global Economic and Financial Crisis on Central, Eastern and South-Eastern Europe. European Central Bank. Occasional Paper. 114 /June, 67 p.

Georgieva K. 2023. The Price of Fragmentation. Why the Global Economy Isn't Ready for the Shocks Ahead. Foreign Affairs. September-October. https://www.foreignaffairs.com/world/price-fragmentation-global-economy-shock? (accessed: 15.04.2024).

IISS. 2023. The Armed Conflict Survey 2023. The International Institute for Strategic Studies. https://www.iiss.org/en/publications/armed-conflict-survey/ (accessed: 09.04.2024). DOI:10.4324/9781003465379.

Jahn B. 2018. Liberal Internationalism: Historical Trajectory and Current Prospects. International Affairs. 94(1): 43–61. DOI: 10.1093/ia/iix231.

James P. 2005. Arguing Globalizations: Propositions Towards an Investigation of Global Formation. Globalizations. 2(2): 193–209. DOI:10.1080/14747730500202206.

Kashin V.B., Sushentsov A.A. 2024. Warfare in a New Epoch: The Return of Big Armies. *Russia in Global Affairs*, 22(1): 32–56. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-32-56.

Kissinger H.A. 2020. The Coronavirus Pandemic Will Forever After the World Order. The Wall Street Journal. April 3. https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005 (accessed: 10.04.2024).

Kissinger H.A. 2022. We're Heading into a Very Difficult Period. The Sunday Times Magazine. June 11: 34–39.

Landgraf W., Seferian N. 2024. A «Frozen Conflict» Boils Over: Nagorno-Karabakh in 2023 and Future Implications. Foreign Policy Research Institute. Report, January 18. https://www.fpri.org/article/2024/01/a-frozen-conflict-boils-over-nagorno-karabakh-in-2023-and-future-implications/ (accessed: 14.04.2024).

Layne C. 1993. The Unipolar Illusion: Why New Great Power Will Rise. International Security. 17(4): 5-51.

Lighthizer R.E., Hanson G.H. 2024. After Free Trade. Foreign Affairs. March-April. https://www.foreignaffairs.com/responses/after-free-trade (accessed: 07.04.2024).

Lobanov K., Selin B. 2021. Human Security and State Functioning in the Context of Pandemic and Post-Pandemic COVID-19. Универзитет у Београду. Годишњак факултета безбедности: 145–159. DOI:10.5937/fb_godisnjak0-35440.

Maliqi A. 2023. The Kosovo-Serbia Conundrum Reaches a Breaking Point: Kosovo's North Emerges as Europe's Most Vulnerable Spot Outside Ukraine. In: Western Balkans 2023: Assessment of Internal Challenges and External Threats. Ed. by T.L. Domi. The New Line Institute for Strategy and Policy. September, 46 p.

McCuen J. 2008. Hybrid Wars. Military review, 88(2): 107–113.
Okonjo-Iweala N. 2023. WTO Chief Wants on Very Costly Fragmentation of Global Economy. Nikkei Asia. October 30. https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/WTO-chief-warns-on-very-costly-fragmentation-of-global-economy (accessed: 07.04.2024).
Peet J. 2008. Frozen Conflicts. The Economist. November 19. https/www.economist.com/news/2008/11/19/frozen-conflicts? (accessed: 14.04.2024).
Peters A., Askin E. 2020. Der internationale Menschenrechtsschutz in Zeiten von Postglobalismus und Populismus. MPIL Research Series, 13, Berlin, Max Planck Institute, 18 s. DOI:10.2139/ssrn.3590257.
Rudd K. 2023. Ten Alternative Futures for U.S. – China Relations. The Center for International Relations and Sustainable Development (CIRSD). Horizons. Winter, 22. https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2023--issue-no22/ten-alternative-futures--for-us-china-relations (accessed: 16.04.2024).
Urhová D. 2024. Anti-Western Axis of China, Russia and Iran Forging Closer Ties Amid Growing Tensions in the Middle East. China Observers in Central and Eastern Europe (CHOICE). March 26. https://chinaobservers.eu/anti-western-axis-of-china-russia-and-iran-forging-closer-ties-amid-growing-tensions-in-the-middle-east (accessed:11.04.2024).

References

Dugin A.G. Postliberal'nyj poryadok. Neizbezhnost' [The Post-Liberal Order. The Inevitability]. Moskva, Akademiya Trinitarizma. El. № 77-6567, publ. 26238, 23 marta. http://www.trinitas.ru/rus/doc/0009/001a/00091156.htm (accessed: 07.04.2024).
Ivanov S.B. 2003. Voennaya enciklopediya [Military Encyclopedia]. Moskva, Voennoe izdatel'stvo, Vol. 7, 735 p.
Konyshev V.N., Parfenov R.V. 2019. Gibridnye vojny: mezhdu mifom i real'nost'yu [Hybrid Warfares: Between Myth and Reality]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 63(12): 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.
Lavrov S.V. 2021. O prave, pravah i pravilah. Rossiya v global'noj politike [About the Law, Rights and Rules. Russia in Global Politics]. 4. Iyul'-avgust. https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/ (accessed: 13.04.2024).
Putin V.V. 2024. Interv'yu Takeru Karlsonu [Interview with Tucker Carlson]. Oficial'noe internet-predstavitel'stvo Prezidenta Rossii, 9 fevralya. http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411 (accessed: 19.04.2024).
Putin V.V. 2023. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [The President's Message to the Federal Assembly]. Oficial'noe internet-predstavitel'stvo Prezidenta Rossii, 21 fevralya. http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565 (accessed: 07.04.2024).
Sivkov K.V., Sokolov K.N. 2023. Gibridnaya vojna [The Hybrid Warfare]. Moskva, Nashe zavtra, 280 p.
Biden J.R. 2023. Remarks by President Biden at a Campaign Reception, October 20. The White House. https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-3/ (accessed: 13.04.2024).
Blinken E.J. 2023. Secretary Blinken Outlines the Power and Purpose of American Diplomacy in a New Era in Speech at Johns Hopkins SAIS. September, 13. U.S. Department of State. Office of the Spokesperson. https://www.state.gov/secretary-blinken-outlines-the-power-and-purpose-of-american-diplomacy-in-a-new-era-in-speech-at-johns-hopkins-sais/ (accessed: 13.04.2024).
Brzezinski Z.K. 2012. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. New York, Basic Books, 433 p.
Byman D. 2024. Stuck in Gaza. Six Months After October 7, Israel Still Lacks a Viable Strategy. Foreign Affairs, April 5. https://www.foreignaffairs.com/middle-east/hamas-israel-stuck-gaza? (accessed: 16.04.2024).
Çevik S. 2022. Turkey's Military Operations in Syria and Iraq. German Institute for International and Security Affairs. 37 (May): 1–8.
CSIS. 2024. 2024 Global Forecast: A World Dividing. Center for Strategic and International Studies. January-February. https://features.csis.org/global-forecast-2024/ (accessed: 11.04.2024).
Davis S., Petterssen T., Öberg M. 2023. Organized Violence 1989–2022, and the Return of Conflict Between States. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. Journal of Peace Research. 60(4): 691–708. DOI: 10.1177/00223433231185169.

De Waal T. 2023. The End of Nagorno-Karabakh. How Western Inaction Enabled Azerbaijan and Russia. Foreign Affairs, September 23. https://www.foreignaffairs.com/armenia/end-nagorno-karabakh (accessed: 16.04.2024).

Fard R. 2021. Towards a New Concept of Constructivist Geopolitics. Central European Journal of International and Security Studies. 15(1): 26–57.

Gardó S., Martin R. 2010. The Impact of the Global Economic and Financial Crisis on Central, Eastern and South-Eastern Europe. European Central Bank. Occasional Paper. 114 /June, 67 p.

Georgieva K. 2023. The Price of Fragmentation. Why the Global Economy Isn't Ready for the Shocks Ahead. Foreign Affairs. September-October. https://www.foreignaffairs.com/world/price-fragmentation-global-economy-shock? (accessed: 15.04.2024).

IISS. 2023. The Armed Conflict Survey 2023. The International Institute for Strategic Studies. https://www.iiss.org/en/publications/armed-conflict-survey/ (accessed: 09.04.2024). DOI:10.4324/9781003465379.

Jahn B. 2018. Liberal Internationalism: Historical Trajectory and Current Prospects. International Affairs. 94(1): 43–61. DOI: 10.1093/ia/iix231.

James P. 2005. Arguing Globalizations: Propositions Towards an Investigation of Global Formation. Globalizations. 2(2): 193–209. DOI:10.1080/14747730500202206.

Kashin V.B., Sushentsov A.A. 2024. Warfare in a New Epoch: The Return of Big Armies. *Russia in Global Affairs*, 22(1): 32–56. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-32-56.

Kissinger H.A. 2020. The Coronavirus Pandemic Will Forever After the World Order. The Wall Street Journal. April 3. https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005 (accessed: 10.04.2024).

Kissinger H.A. 2022. We're Heading into a Very Difficult Period. The Sunday Times Magazine. June 11: 34–39.

Landgraf W., Seferian N. 2024. A «Frozen Conflict» Boils Over: Nagorno-Karabakh in 2023 and Future Implications. Foreign Policy Research Institute. Report, January 18. https://www.fpri.org/article/2024/01/a-frozen-conflict-boils-over-nagorno-karabakh-in-2023-and-future-implications/ (accessed: 14.04.2024).

Layne C. 1993. The Unipolar Illusion: Why New Great Power Will Rise. International Security. 17(4): 5-51.

Lighthizer R.E., Hanson G.H. 2024. After Free Trade. Foreign Affairs. March-April. https://www.foreignaffairs.com/responses/after-free-trade (accessed: 07.04.2024).

Lobanov K., Selin B. 2021. Human Security and State Functioning in the Context of Pandemic and Post-Pandemic COVID-19. Универзитет у Београду. Годишњак факултета безбедности: 145–159. DOI:10.5937/fb_godisnjak0-35440.

Maliqi A. 2023. The Kosovo-Serbia Conundrum Reaches a Breaking Point: Kosovo's North Emerges as Europe's Most Vulnerable Spot Outside Ukraine. In: Western Balkans 2023: Assessment of Internal Challenges and External Threats. Ed. by T.L. Domi. The New Line Institute for Strategy and Policy. September, 46 p.

McCuen J. 2008. Hybrid Wars. Military review, 88(2): 107–113.

Okonjo-Iweala N. 2023. WTO Chief Wants on Very Costly Fragmentation of Global Economy. Nikkei Asia. October 30. https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/WTO-chief-warns-on-very-costly-fragmentation-of-global-economy (accessed: 07.04.2024).

Peet J. 2008. Frozen Conflicts. The Economist. November 19. https/www.economist.com/news/2008/11/19/frozen-conflicts? (accessed: 14.04.2024).

Peters A., Askin E. 2020. Der internationale Menschenrechtsschutz in Zeiten von Postglobalismus und Populismus. MPIL Research Series, 13, Berlin, Max Planck Institute, 18 s. DOI:10.2139/ssrn.3590257.

Rudd K. 2023. Ten Alternative Futures for U.S. – China Relations. The Center for International Relations and Sustainable Development (CIRSD). Horizons. Winter, 22. https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2023--issue-no22/ten-alternative-futures--for-us-china-relations (accessed: 16.04.2024).

Urhová D. 2024. Anti-Western Axis of China, Russia and Iran Forging Closer Ties Amid Growing Tensions in the Middle East. China Observers in Central and Eastern Europe (CHOICE). March 26. https://chinaobservers.eu/anti-western-axis-of-china-russia-and-iran-forging-closer-ties-amid-growing-tensions-in-the-middle-east (accessed:11.04.2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 22.04.2024
Поступила после рецензирования: 22.05.2024
Принята к публикации: 29.05.2024

Received: 22.04.2024
Revised: 22.05.2024
Accepted: 29.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лобанов Константин Николаевич, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия
ORCID: 0009-0001-7653-8937

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

УДК 325(4)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-486-495
Оригинальное исследование

Сравнение миграционных политик стран Европейского союза во время миграционного кризиса 2015 года

Мачадо Ортега Ш.Э. [1], **Рыжов И.В.** [1, 2]
[1)] Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2;
[2)] Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова,
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
sharon.ortega.93@gmail.com, ivr@fmo.unn.ru

Аннотация. В данной статье рассматривает миграционный кризис в Европейском союзе (ЕС) 2015 года, который стал поворотным моментом, вызвав серьезные вызовы в управлении миграцией и интеграции мигрантов в принимающее общество. Эта статья приводит причины возникновения кризиса, оценивает эффективность управления миграцией в ЕС и его отдельно взятых регионах, а также выделяет различия в подходах к миграции. Исследование включает краткий анализ эволюции миграционных политик ЕС и общие выводы касаемо сложившейся миграционной ситуации и возможных путей по ее разрешению с учетом необходимости защиты прав человека и сотрудничества между странами.

Ключевые слова: миграционный кризис, Европейский союз, миграционная политика, охрана внешних границ, предоставление убежища, распределение беженцев, интеграция мигрантов

Для цитирования: Ортега Мачадо Ш.Э., Рыжов И.В. 2024. Сравнение миграционных политик стран Европейского союза во время миграционного кризиса 2015 года. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 486–495. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-486-495

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Comparison of Migration Policies of European Union Countries During the Migration Crisis of 2015

Sharon E. Ortega Machado [1], **Igor V. Ryzhov** [1, 2]
N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
2 Ulyanova St., Nizhny Novgorod 603005, Russia;
N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University,
31a Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia
sharon.ortega.93@gmail.com, ivr@fmo.unn.ru

Abstract. This article examines the migration crisis in the European Union (EU) in 2015, which marked a pivotal moment, posing significant challenges in managing migration and integrating migrants into host societies. The paper discusses the causes of the crisis, evaluates the effectiveness of migration management in the EU and its individual regions, and analyzes differences in approaches to migration. The study includes a brief analysis of the evolution of EU migration policies and general conclusions regarding the current migration situation and possible ways to resolve it, taking into account the need to protect human rights and promote cooperation between countries.

Keywords: migration crisis, European Union, migration policy, border security, asylum provision, refugee distribution, migrant integration

For citation: Ortega Machado S.E., Ryzhov I.V. 2024. Comparison of Migration Policies of European Union Countries During the Migration Crisis of 2015. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 486–495 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-486-495

© Ортега Мачадо Ш.Э., Рыжов И.В., 2024

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Иммиграция оказывает существенное влияние на социально-экономическое и политическое развитие Европейского союза (ЕС). В последние десятилетия ЕС привлекает мигрантов из разных регионов мира. Однако в 2015 году страны ЕС оказались перед массовым притоком беженцев и мигрантов, спровоцированным военными конфликтами, политическими кризисами и социальными проблемами в их родных странах. Миграционная ситуация в Европе претерпела значительные изменения [Гукова, 2016, с. 456–459]. Согласно данным Евростата, с 2013 по 2015 годы число мигрантов, прибывших в ЕС, увеличилось более чем в три раза – с 556 тыс. до 1,8 млн человек. Согласно данным, предоставленным Международной организацией по миграции (МОМ), в 2015 году в Европу приехало более 1 млн мигрантов и беженцев, из которых около 850 тыс. прибыли по морю. Для существовавшей на тот момент миграционной системы ЕС это стало серьезным вызовом. Появились проблемы, связанные с управлением миграцией, защитой прав человека, обеспечением безопасности, интеграцией, солидарностью и координацией миграционной политики между странами ЕС. Миграционный кризис 2015 года стал поворотным моментом в истории ЕС, он повлиял на дальнейшее развитие ЕС и его отношения с другими регионами мира.

В статье проводится комплексная оценка эффективности управления миграцией на уровне ЕС и в его отдельных регионах в условиях миграционного кризиса 2015 года, а также анализируются различия в подходах и практиках управления миграцией в разных частях ЕС.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются иммиграционные процессы в ЕС во время миграционного кризиса 2015 года. Предметом исследования являются политики по управлению миграцией на уровне ЕС и в отдельных его регионах. Гипотезой исследования является предположение, что миграционный кризис 2015 года выявил слабости и противоречия в миграционной политике ЕС, а также различия в интересах и подходах к миграции в разных регионах Европы, что требует совершенствования механизмов координации и солидарности между странами ЕС, а также учета региональных особенностей и потребностей в формировании и реализации миграционной политики.

Основными методами, применяемых в исследовании, являются: историко-генетический метод, необходимый для рассмотрения эволюции миграционных политик стран ЕС, метод сравнительного анализа, необходимый для сопоставления полученных результатов.

Теоретические аспекты изучения международной миграции

В современной науке сформировано много подходов и теорий, призванных классифицировать различные виды миграции, объяснить ее причины и выделить ее влияние на разные сферы жизни стран-доноров и стран-реципиентов мигрантов [Бондырева и др., 2004; Воробьев и др., 2012]. Рассмотрим только ключевые аспекты, связанные с предметом настоящего исследования.

Во-первых, миграция – это сложное и многомерное явление, которое зависит от множества факторов и обстоятельств, таких как экономические, политические, социальные, культурные, экологические и другие. Они могут стимулировать или сдерживать миграцию, а также определять ее доступность, возможность и ценность для потенциальных мигрантов.

Во-вторых, миграция имеет разные формы и типы. В данной статье мы фокусируемся на международной миграции беженцев и ищущих убежища. Это лица, которые покидают свою страну из-за угрозы жизни или нарушения прав человека и просят защиты в другой стране.

В-третьих, миграция оказывает как положительное, так и негативное влияние на разные аспекты жизни стран-доноров и стран-реципиентов, такие как экономика, политика, социальная и культурная сферы.

В-четвертых, миграция является объектом внимания и регулирования разных уровней власти и организаций, в том числе Европейского союза, который играет важную роль в миграционной политике и сотрудничестве.

Причины возникновения и классификация последствий миграционного кризиса в ЕС в 2015 году

Большинство мигрантов прибывали и продолжают прибывать в страны Европейского союза из регионов Ближнего Востока, Африки и Азии. Зачастую они покидают свои страны в связи с экономической и политической нестабильностью, войной, насилием или нарушением прав человека. Среди основных стран происхождения мигрантов в 2015–2020 годах были Сирия, Афганистан, Ирак, Иран, Пакистан, Нигерия, Эритрея, Сомали, Венесуэла и Турция [Шенфельдт, 2018, с. 197]. Мигранты использовали различные маршруты и способы для достижения Европы – морские, наземные и воздушные.

Основным фактором, привлекающим беженцев и мигрантов в страны Европы, в частности в страны ЕС, является высокий уровень социального обеспечения и качества жизни. По данным ООН, самый высокий индекс человеческого развития (ИЧР) в 2015 году среди стран Европы имели Норвегия, Швейцария, Ирландия, Германия, Исландия, Швеция и Нидерланды. Неудивительно, что именно эти страны являются центром притяжения для мигрантов со всего мира.

Последствия и проблемы, которые миграционный кризис оказывает на страны Европы, можно разделить на четыре группы по их характеру: экономические, политические, социальные и культурные.

Экономические последствия и проблемы связаны с тем, что страны, принимающие мигрантов, имеют доходы и расходы, связанные с реализацией миграционной политики. С одной стороны, миграция может способствовать экономическому развитию, росту рабочей силы, повышению налоговых поступлений в бюджет, развитию инноваций и предпринимательства. Особенно это касается случая иммигрантов, обладающих высокой квалификацией и рабочими навыками. В 2022 году около 82 тыс. высококвалифицированных работников из-за пределов ЕС получили «голубую карту» ЕС. Лидером по количеству выданных «голубых карт» была Германия с 77 % от общего числа, за ней следуют Польша – 6 %, Литва и Франция – по 5 % [«EUROSTAT», 2023]. С другой стороны, миграция вызывает увеличение расходов государства на социальные нужды, повышение давления на государственные социальные службы, снижение среднего уровня заработной платы и усиление конкуренции на рынке труда и даже может вызвать дефицит бюджета.

Политические последствия и вызовы связаны с влиянием и управлением миграции. С одной стороны, миграция может способствовать демократизации общества, углублению международного сотрудничества и солидарности. С другой стороны, миграция может вызвать дестабилизацию, нарушение безопасности, усиление национализма, популизма и ксенофобии, ослабление европейской интеграции и идентичности. Эти последствия и проблемы зависят от различных факторов: мотивы, цели, интересы различных политических акторов и общественное мнение.

Социальные последствия миграции – миграция может улучшить социальные показатели, такие как гендерное равенство и социальная мобильность, но также может привести к сегрегации и дискриминации. Эти последствия зависят от культурных и религиозных различий, а также от социальной политики стран-реципиентов.

Культурные последствия миграции – миграция обогащает культурное разнообразие и способствует толерантности, но может также привести к культурным конфликтам и кризису идентичности.

Изменения в миграционной политике ЕС в ответ на миграционный кризис 2015 года

В 2015 году ЕС организовал серию совещаний и конференций с целью выработки мер по преодолению миграционного кризиса. Особое внимание уделялось борьбе с трансграничной преступностью и контрабандой людей, незаконным пересечением границ, ввозом запрещенных товаров и предметов. Для этого бюджет Агентства ЕС по безопасности внешних границ ФРОНТЕКС был существенно увеличен, были выделены дополнительные суда для обеспечения бесперебойного выполнения операции «Тритон» (спасение терпящих бедствие на Средиземном море), были предложены механизмы по реформе системы правил и принципов предоставления убежища, в том числе закреплено требование к пограничным государствам ЕС о подготовке и рассмотрении ходатайства о субсидиарной защите лицам, которые впервые пересекли внешнюю границу союза в зоне ответственности этих стран.

Однако исполнение этих предложений сильно затягивалось [Гукова и др., 2016, с. 456–459], а порой и не проводилось вовсе [Потемкина, 2016, с. 42]. К таким «программным предложениям» стоит отнести меры по обеспечению возвращения лиц, которым было отказано в предоставлении статуса беженца. Фактически ни одна европейская страна не смогла обеспечить мероприятия по организации депортации нелегальных мигрантов за пределы ЕС и их возвращение в страны происхождения.

22 сентября 2015 года страны-члены ЕС приняли решение о распределении национальных квот беженцев в Европе. Данный подход должен был стать решением проблемы миграционного давления в странах, являющихся «воротами в ЕС» для балканского и средиземноморского маршрутов нелегальной миграции (наибольшее число беженцев прибывает в ЕС через Средиземное море к границам Италии, а также через Турцию в Грецию). При распределении миграционных квот учитывались в первую очередь экономические и демографические показатели, ВВП на душу населения и количество уже принятых беженцев. Несмотря на справедливость в рамках европейского законодательства и социокультурного кода, ряд стран Еврозоны отказались или ограничили прием беженцев, что подорвало эффективность данной меры. Единственной мерой разрешения кризиса, которая, по мнению авторов, имеет не нулевую эффективность, стало увеличение роли и полномочий Агентства ФРОНТЕКС. Финансирование этой организации с 2014 по 2016 годы возросло с 79,5 до 238 млн евро. В наши дни сумма финансирования составляет уже 543 млн евро.

Именно силами данного агентства проводились операции «Посейдон», «Тритон» и пришедшая им на смену «Фемида», в рамках которых осуществлялось патрулирование Средиземноморья для обеспечения безопасности границ ЕС и борьбы с незаконными перевозками людей на территорию стран Евросоюза [«FRONTEX», 2018].

После реорганизации 2019 года ФРОНТЕКС стал первой силовой структурой, что подчиняется непосредственно руководству ЕС. Дополнительно ЕС усилил роль Агентства, приняв Регламент ФРОНТЕКС. Другой важной частью политики стран ЕС является субсидирование стран, откуда прибывают беженцы. Так, например, Турции было предоставлено 3 млрд евро для размещения беженцев из Сирии на ее территории [Гасанов, 2016, с. 18]. В рамках программы по контролю нелегальной иммиграции за пределами европейских границ была реализована программа Восточного партнерства, которая предусматривала инвестиции в строительство центров размещения мигрантов в приграничных по отношению к ЕС странах, таких как Сербия, Турция и Беларусь.

В результате всех принятых мер к 2020 году странам Европы удалось снизить поток нелегальных и легальных мигрантов [Гукова и др., 2016, с. 456–459]. В то же время в сентябре 2020 года Комиссия представила новый Пакт по миграции и убежищу (ПМУ), который был одобрен Европейским парламентом и Советом Европейского союза в декабре 2023 года. Этот Пакт создан с целью управления и стандартизации миграции на долгосрочной основе, обеспечивая безопасность, прозрачность и достойные условия для тех, кто прибывает в Европейский союз [European Commission, 2023].

Однако до сих пор остро стоит проблема интеграции мигрантов в принимающее общество. Интеграция мигрантов, въезжающих на территорию ЕС на длительный срок, проводится согласно концепции мультикультурализма. Однако, как показывает практика миграционного кризиса 2015 года, этнически однородные массы беженцев, расселенные на сравнительно небольшой территории, склонны к образованию этнических анклавов, мало контактируя с принимаемым обществом. Глобализация и развитие коммуникационных технологий позволяют мигрантам не терять связь с родиной, поддерживать традиции своего общества, потому мигрантам комфортно оставаться в рамках своей идентичности, и они часто не готовы ее изменить. В результате на территории Европейского союза возникли т. н. «транснациональные сообщества». Миграционный кризис 2015 года иллюстрирует эту динамику [Гаврилов, 2016, с. 15].

Далее рассмотрим специфику распределения мигрантов в отдельных частях европейского региона. ООН делит этот регион на четыре части – Западную, Северную, Восточную и Южную Европу. Регионы в силу различного экономического и географического положения имеют различное значение в миграционном процессе [Гукова и др., 2016, с. 456–459]. Темпы прироста количества мигрантов в различных странах Европы существенно различаются.

Южная Европа

С точки зрения миграционной ситуации в этом регионе особенно важны для анализа Греция, Италия, Испания и Португалия.

Начиная с кризиса 2015 года Греция стала главной точкой прибытия мигрантов в Европу. Греция стала страной-воротами для нелегальных мигрантов. Около 90 % нелегалов прибывают в ЕС именно через эту страну [Гасанов, 2016, с. 13]. Большинство из них не собираются оставаться в Греции, а рассчитывают перебраться в западные или северные страны ЕС. Она является страной назначения в основном для мигрантов с Балкан, Восточной Европы и некоторых азиатских и африканских стран, а также транзитной страной для курдов, афганцев и других азиатских мигрантов. Важным фактором является соседство с Турцией, которая использует миграционное давление в качестве политического инструмента. Официально 7 % населения Греции являются иностранными мигрантами. Ввиду довольно мягкого миграционного законодательства количество нелегальных мигрантов в данной стране не поддается точному учету. В остальных странах Южной Европы куда более строгое иммиграционное законодательство [Кудеярова, 2019, с. 86].

Италия прожила первый пик миграции из Восточной Европы после падения Берлинской стены в 1989 году. С 2014 года тысячи мигрантов каждый месяц пытаются пересечь Средиземное море. С 2013 по 2018 год таким путем прибыло не менее 700 тысяч мигрантов. Около 10 % населения имеют иммиграционное прошлое, и это не считая около 700 тыс. нелегальных мигрантов [Музыка, 2016, с. 55]. В 2023 году число нелегальных иммигрантов, прибывших в Италию через Средиземноморское направление, более чем удвоилось по сравнению с 2022 годом. Согласно данным социологических опросов, 77 % итальянцев считают такой поток избыточным [«Anadolu Ajansi», 2023]. Такой поток нелегальной миграции не мог не отразиться на криминогенной обстановке в стране. Италия является ярким примером того, как национальное правительство и коренное население утратили веру в то, что миграционная проблема может быть решена за счет решений, принимаемых на уровне ЕС. Как следствие этого, итальянским правительством был одобрен ряд законопроектов, предполагающих изменение на национальном уровне общепринятых в ЕС порядка предоставления убежища и правил содержания мигрантов, ужесточение борьбы с нелегальной миграцией и торговлей людьми, отказ принятия в портах судов, перевозящих мигрантов по Средиземному морю. Настроение итальянского населения также постепенно меняется в сторону неприятия мигрантов [Шумилов, Шмидт, 2023, с. 17–22].

Рост иммиграции в Испанию заметен с начала столетия. Если в 1998 году мигранты составляли 1,6 % населения, то в 2023 году их уже 17 % (более 8 млн человек). Большинство мигрантов – латиноамериканцы, за ними следуют марокканцы, румыны. В Испании не зафиксировано серьезных антимиграционных настроений. Эта страна не стала участником кризиса 2015 года во многом благодаря хорошей охране границы [Кудеярова, 2019, с. 86].

Значительная часть иммигрантов в Португалию является выходцами из бывших колоний и составляет около 5 % населения. Начиная с 2014 года темпы иммиграции в страну только растут, с 2014 по 2019 она выросла на 413 %, а с 2019 по 2022 – еще на 32 %. В настоящее время в Португалии проживает множество нелегальных мигрантов из России, Украины и Молдовы. Антимиграционные настроения лишь начинают набирать силы в этой стране.

Таким образом, страны Южной Европы еще до кризиса 2015 года занимали лидирующие позиции по числу принятых мигрантов. Величина сальдо миграции в процентном выражении в период с 1990 по 2000 год выросла на 65,7 %, в следующее десятилетие – в 1,5 раза, а в период с 2010 по 2013 год – на 15,5 %. В абсолютном отношении наибольшее количество мигрантов было принято Италией. В период с 1990 по 2013 год их число превысило отметку в 14 млн человек [Музыка, 2016, с. 55].

Западная Европа

Германия – одна из самых популярных в мире стран для миграции [Житин и др., 2016, с. 81]. Первая волна иммигрантов настигла страну в ходе Югославских войн – тогда Германия приняла около 600 тысяч беженцев. Вторая волна 2015 года привела к размещению в стране еще 1,1 млн беженцев, на этот раз с Ближнего Востока, из Сирии, Ирака, Афганистана. С 2010 по 2016 годы число мусульман в стране выросло почти в два раза и составило около 5 млн человек (6 % населения). Начиная с 2017 года поток мигрантов сокращался вплоть до 2022 года, когда начался конфликт между Россией и Украиной. Из-за прибытия почти 900 тыс. человек Германия достигла рекордной численности населения в 84,3 млн человек. На данный момент число иностранных граждан составляет около 14 млн человек, из которых большинство представлено выходцами из Турции и Украины. Взгляды населения на проблему иммиграции сменились от исключительно одобрительных к осуждающим, в особенности из-за новогодних событий 2016 года в Кельне и других преступлений, совершаемых иммигрантами. Как следствие, в стране растет популярность правых партий [Гасанов, 2016, с. 16]. Важно отметить, что в Германии в 2016 году был одобрен законопроект об улучшении условий интеграции мигрантов, где приоритетами были обозначены поддержка мигрантов со стороны государства, облегчение доступа мигрантов к рынку труда, включая трудоустройство иностранных работников на крупные предприятия немецкой промышленности, а также языковая интеграция. Германия рассматривает приток мигрантов как возможность обеспечить экономику дополнительной рабочей силой и улучшить демографическую ситуацию в стране [Кучеров, 2020].

Во Франции на 2021 год иммигранты составляли почти 7 млн человек или 10 % от всего населения страны. Из Африки и Азии прибыла примерно половина из них. Остальные в основном родом из других стран ЕС. В результате на территории Франции сформировалась крупнейшая в Европе мусульманская диаспора. Большинство мигрантов проживают на окраинах крупных городов, образовав иммигрантские гетто, где трудно осуществим контроль правопорядка. Попытка французского правительства интегрировать такое значительное количество иностранцев не увенчалась успехом. Сложившая ситуация привела к росту ксенофобных настроений среди коренного населения Франции и вынудила французское правительство искать пути ее разрешения. Первым делом Франция предприняла меры во внешней политике, призванные сократить потоки прибывающих беженцев и мигрантов в целом. Были изменены и условия рассмотрения прошений о предоставлении убежища. Франция взяла курс на поощрение экономической миграции и постепенный отказ от политики мультикультурализма [Смирнова, 2022]. Также в декабре 2023 года был принят законопроект, ужесточающий миграционные положения. Этот спорный проект предусматривает более строгие условия и сокращение социальных пособий для иностранцев. Это вызвало волну протестов мигрантов в стране [«The Guardian», 2023].

Северная Европа

Не все рассмотренные далее североевропейские страны являются членами ЕС, однако им было уделено внимание для полноценного рассмотрения миграционной ситуации в данном регионе.

Страны Северной Европы проводят различную политику по отношению к иммигрантам. Норвегия и Швеция проводили очень терпимую к мигрантам политику. Так, на 2020 год в Швеции около четверти всего населения являются иммигрантами или детьми двух иммигрантов. В Норвегии таковых лишь 18 %. Исландия, Дания и Финляндия в своей миграционной политике применяли куда больше ограничений [Волков, 2018, с. 104–109].

Число иммигрантов в Великобритании с 2004 по 2018 год выросло в два раза и составило 9,3 млн человек. Наиболее значительными группами мигрантов в Великобритании являются индийцы (более 1 млн человек), пакистанцы (около 700 тыс. человек), выходцы из стран Африки и Карибского бассейна (около 1 млн человек). Кроме этого, в стране также присутствуют большие диаспоры выходцев из Словакии, Латвии и Литвы [Житин и др., 2016, с. 81].

Восточная Европа

Не стоит забывать и о миграции внутри Европы, когда из стран с более низким уровнем жизни люди стараются перебраться в страны с более высокими социальными стандартами. Страны Восточной Европы в рамках ЕС являются странами-донорами мигрантов. Основной поток мигрантов в эти страны представляет собой этнически однородные группы мигрантов, имеющие исторические и/или родственные связи с жителями стран Восточной Европы. Чаще всего общества этих стран не отличаются высоким уровнем культурного разнообразия населения. Исходящая миграция также преимущественно связана с родственными связями с жителями других частей ЕС, однако экономический фактор в последние 10 лет преобладает.

В отличие от остальных стран Европы, государства этого региона выступают против масштабного приема беженцев и мигрантов [Гасанов, 2016, с. 16]. Напротив, часть населения восточноевропейских стран, таких как Румыния, Словакия, Польша, зачастую отправляются в страны Западной и Южной Европы для участия в сезонных работах, например, в сборе урожая сельскохозяйственных культур. Экономические реалии стран ЕС, так же как и сезонные циклы экономического роста и спада в отдельных отраслях промышленности и сельского хозяйства, определяют направление таких миграционных потоков.

Факторы, обусловившие текущую миграционную обстановку в ЕС

Прежде всего стоит отметить, что значительные миграционные потоки являются последствием колонизации, проводимой европейскими странами в период с XV по XIX век. Сейчас же происходит обратный процесс – жители бывших колоний переселяются в бывшие метрополии. Это особенно заметно на примере Великобритании, проводившей ранее активную колониальную политику, и где сейчас проживает значительное количество выходцев из стран, которые раньше являлись колониями Британской империи [Гаврилов, 2016, с. 18].

Следующим фактором, который стоит отметить, является феномен толерантности европейского общества по отношению к мигрантам и проводимой ЕС политикой мультикультурализма. Эта политика привела как к усложнению противодействия нелегальной миграции [Кудеярова, 2019, с. 86], так и к утяжелению процесса ассимиляции прибывших мигрантов [Гасанов, 2016, с. 14].

Третьим фактором стала дестабилизация ситуации в странах Африки, Азии, Латинской Америки и Восточной Европы, что подвигло сотни тысяч людей к смене места жительства на более стабильные страны.

Четвертой особенностью, обусловившей современное положение дел, стал технический прогресс, сделавший возможным путешествия сотен тысяч людей на десятки тысяч километров в поисках лучшей жизни.

Все вышеперечисленное привело к тому, что на данный момент в Европе происходит раскол как между странами, так и внутри самих стран по вопросу принятия или не принятия мигрантов на своей территории. Наблюдаются тенденции по росту потребности в безопасности. Наконец, в ряде стран идет ужесточение миграционного законодательства, растет уровень недовольства Евросоюзом и его политикой.

Заключение

В заключение исследования можно сделать следующие выводы:

1. Миграционный кризис в Европе является одним из самых серьезных и сложных кризисов в истории ЕС, который имеет множество причин, последствий и проблем для стран Европы.

2. Разные регионы ЕС имеют различия в характере миграционной политики. В Северной Европе преобладает гуманитарный подход к мигрантам, в Южной Европе – смешанный подход, а в Восточной Европе – репрессивный подход.

3. ЕС имеет важную роль и ответственность в области миграционной политики и сотрудничества, и он принял или предложил ряд мер и решений, которые направлены на преодоление миграционного кризиса, но которые также столкнулись с рядом проблем и противоречий как внутри, так и снаружи ЕС.

4. ЕС должен продолжать усиливать свою миграционную политику и сотрудничество, основываясь на принципах солидарности, справедливости, гуманности и соблюдении прав и достоинства мигрантов и беженцев, а также на защите своих собственных интересов и ценностей.

5. ЕС должен стремиться к более сбалансированному и комплексному подходу к миграции и убежищу, который учитывает не только проблемы и риски, но и возможности и выгоды, которые может принести миграция.

6. ЕС должен улучшать свою координацию и согласованность между различными уровнями, секторами, акторами и инструментами, связанными с миграционной политикой и сотрудничеством, как внутри, так и снаружи ЕС.

7. ЕС должен укреплять свое сотрудничество и диалог с третьими странами и регионами, особенно с Африкой и Ближним Востоком, которые являются основными источниками и партнерами по миграции и убежищу, а также с другими международными организациями, такими как ООН, МОМ и другие.

Список источников

Arrivals of Irregular Migrants to Italy Via Mediterranean More than Doubled in 2023. «Anadolu Ajansı». Available at: www.aa.com.tr/en/world/arrivals-of-irregular-migrants-to-italy-via-mediterranean-more-than-doubled-in-2023/2968928 (дата обращения: 09 февраля 2024).

France Passes Controversial Immigration Bill Amid Deep Division in Macron's Party. «The Guardian». Available at: www.theguardian.com/world/2023/dec/20/france-immigration-bill-passed-controversy-emmanuel-macron-marine-le-pen (дата обращения: 11 февраля 2024).

Frontex Launching New Operation in Central Med. «Frontex, the European Border and Coast Guard Agency». Available at: www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/frontex-launching-new-operation-in-central-med-yKqSc7 (дата обращения: 26 января 2024).

Migration and Migrant Population Statistics. «EUROSTAT, the Statistical Office of the European Union». Available at: ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 30 ноября 2023).

Migration and Asylum in Europe – 2023. Interactive Publication. «EUROSTAT, the Statistical Office of the European Union». Available at: ec.europa.eu/eurostat/web/interactive-publications/migration-2023 (дата обращения: 25 февраля 2023).

What is the New Pact on Migration and Asylum of the EU? European Commission's Department of Migration and Home Affairs. Available at: home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/new-pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 05 февраля 2024).

Список литературы

Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция. Сущность и явления. М., Московский психолого-социальный институт, 2004.

Волков А.М. 2018. Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход. Вестник Института экономики Российской академии наук. 4: 104–119.

Воробьева О.Д., Мукомель В.И. Миграция населения: теория, политика: учебное пособие / под ред.: О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М., Экономическое образование, 2012.

Гаврилов Ц.Б. 2016. Основные тенденции современной международной миграции. Власть. 10: 13–18.

Гасанов Р.М. 2016. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения. Актуальные проблемы современных международных отношений. 7: 11–22.

Гукова Д.М., Богатырев А.З. 2016. Миграционные процессы и потоки в Европе: возможные пути развития. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 8(3): 456–459.

Житин Д.В., Краснов А.И., Шендрик А.В. 2016. Географические особенности миграционных связей Европы. Балтийский регион. 3: 75–92. doi: 10.5922/2074-9848-2016-3-5

Кудеярова Н.Ю. 2019. Испания после миграционного бума: социально-экономическая и внешнеполитическая проекции. Современная Европа. 1(86): 80–91. doi: 10.15211/soveurope120198091.

Кучеров М.Ю. 2020. Миграционный кризис в Германии: нагрузка или инвестиции в будущее? Власть. 28(4): 58–64. doi: 10.31171/vlast.v28i4.7429.

Музыка А.С. 2016. Специфика современной миграционной ситуации в Европейском Союзе. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 1: 75–78.

Потемкина О.Ю. 2016. Миграционный кризис и политика Европейского союза. Актуальные проблемы Европы. 4: 38–60.

Смирнова О.А. 2022. Миграционная политика Франции на рубеже XX–XXI веков. Известия. Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 22(3): 356–363. doi: 10.18500/1819-4907-2022-22-3-356-363.

Шенфельдт А.А. 2018. Использование политики в целях развития для разрешения миграционного кризиса в Европе // Вестник международных организаций. 13(4): 195–212. doi: 10.17323/1996-7845-2018-04-08

Шумилов М.М., Шмидт О.И. 2023 Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023). Управленческое консультирование. 8(176): 9–23. doi: 10.22394/1726-1139-2023-8-9-23.

References

Bondyreva S.K., Kolesov D.V. Migraciya. Sushchnost' i yavleniya [Migration. The Essence and Phenomena]. M., Moscow Psychological and Social Institute, 2004.

Volkov A.M. 2018. Migranty v stranakh Severnoy Evropy: shvedskiy podkhod [Migrants in the Nordic Countries: the Swedish Approach]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 4: 104–119.

Vorobyova O.D., Mukomel V.I. Migraciya naseleniya: teoriya, politika: uchebnoe posobie [Migration of the Population: Theory, Politics: Textbook] / ed.: O.D. Vorobyova, A.V. Topilina. M.: Economic education, 2012.

Gavrilov Ts.B. 2016. Osnovnye tendentsii sovremennoy mezhdunarodnoy migratsii [The Main Trends of Contemporary International Migration]. Vlast'. 10: 13–18.

Gasanov R.M. 2016. Migratsionnyy krizis v Evrope: prichiny, posledstviya, perspektivy razresheniya [European Migrant Crisis: Causes, Effects and Prospects for Resolution]. Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy. 7: 11–22.

Gukova D.M., Bogatyrev A.Z. 2016. Migratsionnye protsessy i potoki v Evrope: vozmozhnye puti razvitiya [Migration Processes and Streams in Europe: Possible Ways of Development]. Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 8(3): 456–459.

Zhitin D.V., Krasnov A.I., Shendrik A.V. 2016. Geograficheskie osobennosti migratsionnykh svyazey Evropy [Geography of European Migration]. Baltiyskiy region. 3: 75–92. doi: 10.5922/2074-9848-2016-3-5.

Kudeyarova N. 2019. Ispaniya posle migratsionnogo buma: sotsial'no-ekonomicheskaya i vneshnepoliticheskaya proektsii [Spain After the Immigration Boom: Socio-Economic and Political Perspective]. Sovremennaya Evropa. 1(86): 80–91. doi: 10.15211/soveurope120198091.

Kucherov M.Yu. 2020. Migratsionnyy krizis v Germanii: nagruzka ili investitsii v budushchee? [Germany's Migration Crisis: Load or Investment in the Future?]. Vlast'. 28(4): 58–64. doi: 10.31171/vlast.v28i4.7429.

Muzyka A.S. 2016. Spetsifika sovremennoy migratsionnoy situatsii v Evropeyskom Soyuze [Specifics of the Current Migration Situation in the European Union]. Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 1: 75–78.

Potemkina O.Yu. 2016. Migratsionnyy krizis i politika Evropeyskogo soyuza [Migration Crisis and the European Union Policy]. Aktual'nye problemy Evropy. 4: 38–60.

Smirnova O.A. 2022. Migratsionnaya politika Frantsii na rubezhe XX–XXI vekov [Migration Policy of France at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. «Izvestiya. Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 22(3): 356–363. doi: 10.18500/1819-4907-2022-22-3-356-363.

Shenfeldt A. 2018. Ispol'zovanie politiki v tselyakh razvitiya dlya razresheniya migratsionnogo krizisa v Evrope [The European Development Response to the Refugee and Migration Crisis]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy. 13(4): 195–212. doi: 10.17323/1996-7845-2018-04-08

Shumilov M.M., Shmidt O.I. 2023. Migratsionnyy krizis kak narastayushchaya ugroza evropeyskoy bezopasnosti [Migration Crisis as a Growing Threat to European Security (2015–2023)]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 8(176): 9–23. doi: 10.22394/1726-1139-2023-8-9-23.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 25.05.2024
Поступила после рецензирования: 29.05.2024
Принята к публикации: 29.05.2024

Received: 25.05.2024
Revised: 29.05.2024
Accepted: 29.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ортега Мачадо Шарон Элизабет, аспирант Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0009-0009-6270-0567

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0000-0002-6417-1517

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sharon E. Ortega Machado, Post-Graduate Student of Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Igor V. Ryzhov, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Senior Researcher at the International Interdisciplinary Research Laboratory «Study of World and Regional Socio-Political Processes» of N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327
DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-496-502
Оригинальное исследование

Гайана в фокусе латиноамериканской политики администрации Дж. Байдена

Требух А.Д.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1
E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru

Аннотация. Американо-гайанские отношения остаются малоизученными в отечественной и зарубежной научной литературе. В то же время динамика региональной системы и рост влияния стран Латино-Карибской Америки в контексте американо-китайского соперничества определяют актуальность и необходимость уточнения существующего статуса США в этом регионе. В данной работе автором предпринимается попытка охарактеризовать американо-гайанские отношения и оценить роль Гайаны для региональной стратегии Вашингтона на современном этапе при администрации Дж. Байдена. Автор использует сравнительный метод, характеризуя внешнеполитические шаги США в отношении Гайаны при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена. Кроме того, автор пытается проанализировать и определить значение нематериальных факторов и идей, влияющих как на внешнеполитическую стратегию администрации Дж. Байдена, так и на восприятие этими странами друг друга. Автор приходит к выводу, что интенсификация американо-гайанских отношений при администрации Дж. Байдена окажет положительное влияние на обе страны, но в долгосрочной перспективе это не приведет к стратегическому партнерству. Несмотря на возможное снижение внимания к региону в целом с приходом республиканской администрации в 2025-м году, Соединенные Штаты Америки будут наращивать свое экономическое и военное присутствие в Гайане ввиду резко возросшей экономико-стратегической значимости страны.

Ключевые слова: Гайана, внешняя политика США, Дж. Байден, США, Латинская Америка

Для цитирования: Требух А.Д. 2024. Гайана в фокусе латиноамериканской политики администрации Дж. Байдена. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 496–502. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-496-502

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Guyana in the Focus of J. Biden Administration's Latin American Policy

Aleksandr D. Trebukh
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory St., Moscow 119991, Russia
E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru

Abstract. U.S.-Guyanese relations remain poorly studied in Russian and foreign scientific literature. At the same time, regional system dynamics and Latin American countries influence rise define urgency of clarification of the U.S. posture in the region in the context of Sino-American competition. The author attempts to characterize U.S.-Guyanese relations and assess Guyana's role for Washington's contemporary regional strategy under current administration of J. Biden. Author implies comparative method evaluating U.S. foreign policy towards Guyana during D. Trump's and J. Biden's administrations. Also, the author tries to analyze and define the value of non-material factors and ideas which influence the U.S. foreign policy strategy under J. Biden administration and countries perception to each other. Author concludes that

© Требух А.Д., 2024

the U.S.-Guyanese intensification of relations will make a positive impact on both countries, but it will not lead to a strategic cooperation in the long term. Despite the possible decrease in attention to the region as a whole with the advent of the Republican administration in 2025, the United States of America will increase its economic and military presence in Guyana due to the sharply increased economic and strategic importance of the country.

Key words: Guyana, U.S. foreign policy, J. Biden, Latin America, USA

For citation: Trebukh A.D. 2024. Guyana in the Focus of J. Biden Administration's Latin American Policy. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 496–502 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-496-502

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Оставаясь небольшим государством в Латино-Карибской Америке, Гайана, не будучи в сравнении с другими державами столь же влиятельной страной, резко увеличила свое значение, оказываемое на динамику региональной системы международных отношений. Найденные в 2020 году месторождения нефти в стране по подсчетам экспертов могут вывести Гайану на первое место в мире по их запасам на душу населения [Guyana's oil earnings…]. Это, а также глобальное соперничество великих держав, понимаемое нами как противостояние в первую очередь между США и КНР, происходящее не только в военной или экономической сферах, но выходящее за рамки материальных атрибутов власти и влияния, и происходящее и в области идей, идеологий, информационном пространстве [Gaens, Sinkkonen, 2020], способствует изменению внешнеполитического курса США в их отношениях с Гайаной в сторону более интенсивного взаимодействия.

В отечественной научной литературе роль и место Гайаны в международных отношениях рассматривались в работах Я.В. Белозерова [Белозеров, 2020] на примере двусторонних связей с внерегиональными игроками, в том числе и КНР. Д.М. Розенталь [Розенталь, 2011] писал о пограничном споре Гайаны с Венесуэлой, В.Л. Хейфец и С. Хадорич [Хейфец, Хадорич, 2019] упоминали отношение Гайаны к некоторым интеграционным проектам в регионе, экономическое развитие Гайаны рассматривалось С.В. Чиркиным [Чиркин, 2021], а восприятие Гайаны иностранцами охарактеризовано Д.В. Масликовой [Масликова, 2013]. О месте США в нарастающем гайано-венесуэльском конфликте упоминает Г. Панаиотов [Панаиотов, 2024].

Зарубежные исследователи уделяли внимание внешнеполитической стратегии США в англоговорящих странах Карибского бассейна, куда входит и Гайана [Chaitram, 2020], влиянию президентских выборов на американо-гайанские отношения [Ellis, 2023], определяли роль «Саммита Америк» для стран ЛКА [Maihold, 2022]. Исследователи также касались вопроса о роли американских нефтедобывающих корпораций в Гайане [Moran, Bluher, 2019] и месте США в территориальных спорах Гайаны и Венесуэлы [Padula et al., 2023].

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются американо-гайанские отношения, а предметом исследования – роль Гайаны в политике администрации Дж. Байдена в странах Латино-Карибской Америки. Наша работа призвана восполнить недостаток исследований по теме американо-гайанских отношений на современном этапе. Автор использует контент-анализ, а также сравнительный метод с целью характеристики динамики внешнеполитического курса при администрации Д. Трампа и Дж. Байдена. Источниковую базу исследования составили документы Государственного департамента США, документы стратегического планирования администрации Дж. Байдена и Д. Трампа, статистическая информация агентства по международному развитию США и данные о международной торговле от Обсерватории экономической сложности. Цель работы – проанализировать восприятие Гайаны администрацией Дж. Байдена и определить значение этой страны для латиноамериканской внешнеполитической стратегии 46-го президента Соединенных Штатов Америки.

Результаты и их обсуждение

Придя к власти в США, администрация Дж. Байдена получила «наследство» в виде последствий достаточно спорных решений администрации бывшего президента, в том числе на латиноамериканском направлении. Повестка Д. Трампа «America First» и внешнеполитический курс его администрации в Латинской Америке не могли не сказаться и на американо-гайанских отношениях. В первую очередь стоит отметить суть подхода команды Д. Трампа, полагавшего экономическую безопасность США национальной безопасностью [Trump doctrine: Economic…]. И действительно, в части экономических отношений между США и Гайаной в период президентства Д. Трампа отмечался рост американского экспорта и положительное торговое сальдо до 2020 года, когда экспорт из Гайаны вырос в 7 раз в сравнении с 2019 годом, а Джорджтаун начал продавать найденные нефтяные запасы [United States – Guyana…]. В заслугу команде Д. Трампа стоит записать активизацию политики в области здравоохранения, в частности по линии USAID. В Гайане основной статьей помощи были средства на борьбу с ВИЧ и СПИД [Chaitram, 2020]. Тем не менее экономическая помощь при администрации Д. Трампа в отношении Гайаны сокращалась [Chaitram, 2020].

Меркантилистский подход со стороны Д. Трампа в отношении Гайаны лишь слегка изменился под конец его президентского срока, когда в ходе политического кризиса в Гайане со стороны США были наложены санкции на «подрывающих демократию лидеров» [US Imposes restrictions…]. По выражению госсекретаря М. Помпео, «недемократическая траектория Гайаны опасна как для ее жителей, так и для полушария в целом» [US Imposes restrictions…]. Тем не менее ни о каком продвижении ценностей демократии и либеральных норм как стратегических целях не упоминалось и в выпущенной в конце срока правления Д. Трампа «многолетней стратегии США в Карибском бассейне до 2020 года» [U.S. – Caribbean 2020…].

Таким образом, есть основания утверждать, что, несмотря на объявленную Трампом борьбу с негативным влиянием КНР в мире, идеологический компонент в двусторонних отношениях и попытки укрепить демократические ценности в Гайане были оставлены в угоду исключительно меркантилистскому подходу. Частично последствия такого курса привели Гайану к интенсификации контактов с КНР. В то же время прочные ожидания Джорджтауна в отношении США даже при сокращении финансовой поддержки из Вашингтона не переориентировали страну сколь радикально на интеграцию с КНР.

Внешнеполитическая стратегия Дж. Байдена сконцентрирована вокруг тезиса о глобальном соперничестве великих держав, в первую очередь между США и КНР. Как известно, КНР воспринимается как государство-ревизионист, пытающееся подорвать установленный в понимании и представлении Вашингтона глобальный либеральный порядок путем использования авторитарных практик и распространения коррупционных схем [National Security Strategy…]. Эти практики и коррупционные схемы, как представляет администрация Дж. Байдена, в конечном счете разрушают нормы демократического устройства стран и обществ, в том числе и в странах Латино-Карибской Америки [National Security Strategy…].

В двусторонних отношениях между США и Гайаной произошли изменения, связанные с новым восприятием со стороны Вашингтона этой страны. Так, например, Государственный департамент США в опубликованной интегрированной стратегии по стране (Integrated Country Strategy) в отношении Гайаны в 2022 году выделяет её как точку бифуркации в региональной системе, что связано с найденными в 2020 году новыми месторождениями нефти. Своими стратегическими целями США полагают укрепление двусторонних отношений и поддержку демократических институтов, которые с учетом бурного роста страны, «рудиментов» авторитарного прошлого и попыток внерегиональных акторов укрепить свое влияние в регионе, находятся под угрозой [Integrated Country Strategy…, 2022].

Сравнительный анализ этого документа с выпущенной четырьмя годами ранее этим же ведомством стратегией показывает, что она не только увеличилась на 9 страниц, но в ней появились такие термины, как «разнообразие», «инклюзивность», «демократические

ценности» и «американские ценности», чего не наблюдалось в предыдущем документе [Integrated Country Strategy…, 2022]. Кроме того, Госдепартамент США видит своей задачей укрепление устойчивости к «авторитарному иностранному влиянию» [Integrated Country Strategy…, 2022]. В то же время в документе 2018 года больший упор сделан на интенсификацию и поддержку экономических связей между США и Гайаной, а вышеуказанные термины отсутствуют полностью [Integrated Country Strategy…, 2018]. Это может служить одним из подтверждений того, что политическое значение Гайаны выросло для США и что нынешняя администрация Белого Дома склонна рассматривать эти отношения через призму распространения либеральных норм и ценностей, которые необходимо защитить в условиях воспринимаемого ими противостояния между авторитаризмом и демократией.

Помимо прочего, при новой администрации Дж. Байдена в Гайану был нанесен визит государственного секретаря США Э. Блинкена, где была проведена встреча на высшем уровне с президентом страны и членами правительства [Secretary Blinken's Travel…]. Кроме него в страну за последние полгода нанесли визиты бывший президент США Б. Клинтон [Former US president Bill Clinton…], госсекретарь при администрации Д. Трампа М. Помпео [Former US Secretary…], группа военных представителей Пентагона [US Defense officials…], командующий ВВС Южного командования США Э. Петтус [U.S. Air Force Southern…], заместитель помощника министра обороны США по делам западного полушария Д. Эрриксон [Readout of Deputy…]. Визит впервые в истории американо-гайанских отношений нанёс и нынешний директор ЦРУ У. Бёрнс [Guyana – Head of US CIA…].

В конце июля 2023 года в Гайане начались военные учения под эгидой Южного Командования ВС США «Tradewinds», которые Гайана принимает в третий раз с их основания в 1984 году (и второй раз с начала второго десятилетия XXI в.), куда в это же время был нанесен визит главой Южного командования ВС США Л. Ричардсон, которая также встречалась с руководством страны и вела переговоры о необходимости укрепления двустороннего партнерства в военной сфере [US SOUTHCOM Commander…]. Более того, в 2023 году совместные военные учения проводились в сентябре [U.S. Army, Guyana…] и в декабре [US to hold military…] на фоне прямых угроз со стороны правительства Венесуэлы о необходимости военного захвата одной из части Гайаны. Вероятно, такое внимание со стороны администрации Дж. Байдена к этой латиноамериканской стране связано с восприятием идеи о том, что уцелевшая в ходе политического кризиса 2020 года [Crisis deepens in Tiny…] демократическая система с учетом возникшего «ресурсного проклятия» в виде обнаружившихся огромных запасов нефти может спровоцировать внешние силы дестабилизировать обстановку в стране и лишить власти лояльный Вашингтону хрупкий режим Джорджтауна.

На такой подход влияет и восприятие США со стороны жителей Гайаны. Так, согласно исследованию института Вандербильдта, в 2021 году в Гайане было зафиксировано доверие 81 % опрошенных гайанцев в отношении США – наивысший показатель среди всех стран ЛКА [Pulse of Democracy…]. Такое восприятие друг друга формирует не только взаимные ожидания, но и подталкивает Вашингтон и Гайану к практикам совместного взаимодействия, которые в конечном счете формируют нормы о необходимости двустороннего сотрудничества на демократических принципах.

Наконец, администрация Дж. Байдена смогла сменить на посту посла США в Гайане Линч С.Э. на Териот Н.Д., чьей номинации добивалась с 2022 года [Nicole D. Theriot confirmed…]. Вероятно, такое решение было принято исходя из необходимости ротации сотрудников дипломатического представительства, и хоть пока рано делать выводы о новой кандидатуре, можно отметить, что при Линч С.Э. расходы со стороны этого ведомства для Гайаны до 2023 года с небольшими переменами росли, а средства шли в основном на поддержку гражданского общества, развитие электоральных институтов и на сокращение дезинформации, составив в 2022 $1.7 млн, показав рост с 2021 года более чем в 4 раза [U.S. Foreign Assistance…]. Это может объясняться «пересменкой» в Белом Доме и возобновлением финансирования стран по линии USAID со стороны команды Дж. Байдена после пренебрежения этим предыдущей администрацией США. Таким образом, администрация

Дж. Байдена признает важность нематериальных и информационных факторов, влияющих на настроения масс, и готова вновь тратить средства для поддержания положительного для США нарратива против «дезинформации», под которой, как мы полагаем, может подразумеваться любое информационное присутствие СМИ «стран-ревизионистов».

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что идеологический компонент во внешнеполитическом курсе администрации Дж. Байдена в отношении Гайаны играет существенную роль, и его команда продолжит как финансирование программ по развитию демократии, так и продвижение либерально-демократических, «американских» ценностей в этой стране, особенно с учетом американо-китайского соперничества, происходящего в том числе между идеями демократии и авторитаризма. Краткий сравнительный анализ курсов двух президентов США в отношении этой страны показал существенные различия и не дает оснований утверждать, что у команды Дж. Байдена сохраняется какая-либо преемственность идеям предыдущей администрации.

Повышенное внимание США к Гайане в последние годы, вероятно, пойдет на пользу двусторонним отношениям ввиду интенсификации сотрудничества в различных сферах, поддержит хрупкое после электорального кризиса 2020 года государство и правящий режим и сохранит доверительное отношение гайанцев к Вашингтону. В то же время найденные крупные запасы нефти на территории Гайаны и активизация внерегиональных игроков в странах ЛКА, в том числе России и Китая, открывают для этой страны новые возможности для более независимого, диверсифицированного и прагматичного внешнеполитического курса. Однако это несёт и риски эскалации напряженности с соседней Венесуэлой, открыто претендующей на одну из провинций Гайаны. Угроза со стороны Венесуэлы даёт США повод навязать Джорджтауну более тесное сотрудничество в военно-технической сфере, а также даёт возможность использовать региональные институты для осуждения агрессивных притязаний правительства Венесуэлы.

Несмотря на возможное снижение внимания к региону в целом с приходом республиканской администрации в 2025-м году, Соединенные Штаты Америки будут наращивать свое экономическое и военное присутствие в Гайане ввиду резко возросшей экономико-стратегической значимости страны.

Этой рукописью автор стремился лишь кратко охарактеризовать существующее американо-гайанское сотрудничество при администрации Дж. Байдена и восполнить дефицит работ, посвященных этой теме. Будущие исследования могут быть направлены на более детальный анализ отдельных сфер взаимодействия США и Гайаны на современном этапе.

Список источников

Crisis Deepens in Tiny Guyana, the World's Newest Petro State, The New York Times, 06.03.2020, URL: https://www.nytimes.com/2020/03/06/world/americas/Guyana-election.html (accessed: 12.09.2023).

Former US President Bill Clinton to Visit Guyana to Address Forum. Jamaica Observer. 24.03.2024. https://www.jamaicaobserver.com/2024/03/24/former-us-president-bill-clinton-visit-guyana-address-forum/ (accessed: 15.04.2024).

Former US Secretary of State on a Visit to Guyana. Loop. 08.01.2024. https://caribbean.loopnews.com/content/former-us-secretary-state-visit-guyana (accessed: 15.04.2024).

Guyana – Head of US CIA Pays Visit to Country for the First Time. The New York Carib News. 22.03.2024. https://nycaribnews.com/guyana-head-of-us-cia-pays-visit-to-country-for-the-first-time/ (accessed: 14.04.2024).

Guyana's Oil Earnings Per Capita by 2025 Could Exceed Qatar, Kuwait and Norway – Expert, OILNOW. https://oilnow.gy/featured/guyanas-oil-earnings-per-capita-by-2025-could-exceed-qatar-kuwait-and-norway-expert/ (accessed: 11.09.2023).

Integrated Country Strategy: Guyana, U.S. Department of State. 04.04.2022. https://www.state.gov/wpcontent/uploads/2022/06/ICS_WHA_Guyana_Public.pdf (accessed: 11.09.2023)

Integrated Country Strategy: Guyana, U.S. Department of State. 13.09.2018. https://2017-2021.state.gov/wp-content/uploads/2019/01/ICS-Guyana_UNCLASS_508.pdf (accessed: 12.09.2023).

National Security Strategy, The White House. 01.10.2022. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (accessed: 11.09.2023).

Nicole D. Theriot Confirmed as US Ambassador to Guyana, Guyana Graphic, 28.07.2023, URL: https://guyanagraphic.com/politics/nicole-d-theriot-confirmed-as-us-ambassador-to-guyana/ (accessed: 12.09.2023).

Pulse of Democracy, LAPOP. 2021, URL: https://www.vanderbilt.edu/lapop/ab2021/2021_LAPOP_AmericasBarometer_2021_Pulse_of_Democracy.pdf (accessed: 12.09.2023).

Readout of Deputy Assistant Secretary of Defense Daniel Erikson to Visit Guyana, Suriname. U.S. Department of Defense. 11.02.2024. https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3643507/readout-of-deputy-assistant-secretary-of-defense-daniel-erikson-visit-to-guyana/#:~:text=From%20January%208%2D9%2C%20the,security%20leaders%20including%20President%20Dr. (accessed: 14.04.2024)

Secretary Blinken's Travel to Trinidad and Tobago and Guyana July 5-6, 2023, U.S. Department of State. 30.06.2023. https://www.state.gov/secretary-blinkens-travel-to-trinidad-and-tobago-and-guyana-july-5-6-2023/ (accessed: 12.09.2023)

Trump Doctrine: Economic Security is National Security, FOX News. 18.12.2017. https://www.foxnews.com/us/trump-doctrine-economic-security-is-national-security (accessed: 13.09.2023)

United States – Guyana Bilateral Trade by Products, OEC. https://oec.world/en/profile/bilateral-country/usa/partner/guy?dynamicBilateralTradeSelector=year2019 (accessed: 13.09.2023)

U.S. Air Force Southern Commander to Visit Guyana. U.S. Embassy in Guyana. 01.02.2024. https://gy.usembassy.gov/u-s-air-force-southern-commander-to-visit-guyana/ (accessed: 14.04.2024).

U.S. Army, Guyana Defence Forces Conduct Training Exercise. U.S. Embassy in Guyana. 05.09.2023. URL: https://gy.usembassy.gov/u-s-army-guyana-defence-forces-conduct-training-exercise/ (accessed: 15.04.2024).

U.S. – Caribbean 2020 Multi-Year Strategy, U.S. Embassy in Barbados, The Eastern Caribbean, and the OECS, 02.01.2020. https://bb.usembassy.gov/u-s-caribbean-2020-multi-year-strategy/ (accessed: 13.09.2023).

US Defense Officials to Visit Guyana Amid Venezuela Row: Guyanese VP. France 24. 24.11.2023. https://www.france24.com/en/live-news/20231124-us-defense-officials-to-visit-guyana-amid-venezuela-row-guyanese-vp (accessed: 15.04.2024).

U.S. Foreign Assistance by Country, Guyana. USAID. URL: https://www.foreignassistance.gov/cd/guyana/ (accessed: 17.09.2023).

US Imposes Restrictions as Pressure Builds on Guyana Leaders, AP. 15.07.2020. https://apnews.com/d34ad40fb20f2831a1c3ba92e1a4a14c (accessed: 13.09.2023)

US SOUTHCOM Commander to Discuss Defence Partnership with Guyana, CARICOM Partners, Guyana Chronicle, 26.07.2023, URL: https://guyanachronicle.com/2023/07/26/us-southcom-commander-to-discuss-defence-partnership-with-guyana-caricom-partners/ (accessed: 12.09.2023)

US to Hold Military Exercises with Guyana Amid Border Tensions with Venezuela. France 24. 07.12.2023. URL: https://www.france24.com/en/americas/20231207-us-to-hold-military-exercises-in-guyana-amid-border-tensions-with-venezuala (accessed: 15.04.2024).

Список литературы

Белозеров Я.В. 2020. Эволюция отношений Гайаны с Индией и КНР. Латинская Америка, (1): 49–62.

Масликова Д.В. 2013. Гайана глазами иностранцев. Латинская Америка, (10): 54–63.

Панаиотов Г. 2024. Венесуэла и Гайана: нефтегазовое противостояние в Латинской Америке. Энергетическая политика. https://energypolicy.ru/venesuela-i-gajana-neftegazovoe-protivostoyanie-v-latinskoj-amerike/regiony/2024/13/11/ (дата обращения: 15.04.2024).

Розенталь Д.М. 2011. Территориальный спор Венесуэлы с Гайаной: эволюция подходов боливарийцев. Латинская Америка, (10): 55–65.

Хейфец В., Хадорич С. 2019. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы. Мировая экономика и международные отношения, 63 (2): 85–93.

Чиркин С.В. 2021. Гайана на пути экономической трансформации. Российский внешнеэкономический вестник, (8): 96–107.

Chaitram S.S.S. 2020. American Foreign Policy in the English-Speaking Caribbean: From the Eighteenth to the Twenty-First Century. Palgrave Macmillan, 158 p.
Ellis E. 2020. Guyana: Opportunities and Challenges for the United States and the Caribbean Basin. CSIS. https://www.csis.org/analysis/guyana-opportunities-and-challenges-united-states-and-caribbean-basin (accessed: 11.09.2023)
Gaens B., Sinkkonen V. 2020. Great-Power Competition and the U.S. – China Rivalry. FIIA report, 66. 216 p.
Maihold G. 2022. Amerika-Gipfel mit hemispharischen Divirgenzen, SWP-Aktuell, (42): 1–8.
Moran A.M., Bluher L. 2019. Venezuela and ExxonMobil Oil Discovery in Guyana. International Affairs Review, 27, (1): 61–69.
Padula R. et al. 2023. Guyana: Oil, Internal Disputes, the USA and Venezuela. Contexto Internacional. (1): 1–25.

References

Belozerov Ya.V. 2020. Evolyuciya otnoshenij Gajany s Indiej i KNR [The Evolution of Guyana's Relations with India and China]. Latinskaya Amerika, 1: 49–62.
Maslikova D.V. 2013. Gajana glazami inostrancev [Guyana Through the Eyes of Foreigners]. Latinskaya Amerika, 10: 54–63.
Panaiotov G. 2024. Venesuela i Gajana: neftegazovoe protivostoyanie v Latinskoj Amerike [Venezuela and Guyana: Oil and Gas Confrontation in Latin America]. Energeticheskaya politika. URL: https://energypolicy.ru/venesuela-i-gajana-neftegazovoe-protivostoyanie-v-latinskoj-amerike/regiony/2024/13/11/ (accessed: 15.04.2024).
Rozental' D.M. 2011. Territorial'nyj spor Venesuely s Gajanoj: evolyuciya podhodov bolivarijcev [Venezuela's Territorial Dispute with Guyana: The Evolution of the Approaches of the Bolivarians]. Latinskaya Amerika, 10.
Hejfec V., Hadorich S. 2019. Soyuz yuzhnoamerikanskih nacij: tumannye perspektivy [Union of South American Nations: Vague Prospects]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 63, 2: 85–93.
Chirkin S.V. 2021. Gajana na puti ekonomicheskoj transformacii [Guyana on the Path of Economic Transformation]. Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik, 8: 96–107.
Chaitram S.S.S. 2020. American Foreign Policy in the English-Speaking Caribbean: From the Eighteenth to the Twenty-First Century. Palgrave Macmillan, 158 p.
Ellis E. 2020. Guyana: Opportunities and Challenges for the United States and the Caribbean Basin. CSIS. https://www.csis.org/analysis/guyana-opportunities-and-challenges-united-states-and-caribbean-basin (accessed: 11.09.2023)
Gaens B., Sinkkonen V. 2020. Great-Power Competition and the U.S. – China Rivalry. FIIA report, 66. 216 p.
Maihold G. 2022. Amerika-Gipfel mit hemispharischen Divirgenzen, SWP-Aktuell, (42): 1–8.
Moran A.M., Bluher L. 2019. Venezuela and ExxonMobil Oil Discovery in Guyana. International Affairs Review, 27, (1): 61–69.
Padula R. et al. 2023. Guyana: Oil, Internal Disputes, the USA and Venezuela. Contexto Internacional. (1): 1–25.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 23.04.2024
Поступила после рецензирования: 24.05.2024
Принята к публикации: 29.05.2024

Received: 23.04.2024
Revised: 24.05.2024
Accepted: 29.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Требух Александр Дмитриевич, аспирант факультета мировой политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
ORCID: 0009-0007-2485-2573

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr D. Trebukh, Research Student of School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

УДК 32.019.5
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-503-510
Оригинальное исследование

Проблема политической коммуникации в условиях новых медиа

Шукюров А.Т.
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23
E-mail: esmira2001@mail.ru

Аннотация. Новые медиа стали новым общественно-политическим пространством для обсуждения, а зачастую и для ожесточенных споров о политических и социальных вопросах. Цифровые медиаисточники, такие как социальные сети или информационные сайты, занимают центральное место в ландшафте политических коммуникаций. Это подтверждает возрастающую роль гражданина в политике и меняющуюся динамику политической коммуникации в условиях этих трансформаций. Растущий радиус новых медиа можно наблюдать как в развитых, так и в развивающихся странах. Пандемию COVID-19 можно рассматривать триггером этих событий – возникшее в результате более широкое использование виртуальных встреч для политической коммуникации стало постоянным. Революция новых медиатехнологий изменила и модель политической коммуникации, которая породила проблемы современному обществу. Информация обрушивается потоком на граждан, в результате снижается эффективность ее оценки, анализа и интерпретации. Информационная перегрузка стала вызовом человечеству. Возникающие последствия информационно-политической перегрузки требуют применения мер противодействия, которые воздействуют на причины информационной перегрузки.

Ключевые слова: политическая коммуникация, социальные сети, новые медиа, информация.

Для цитирования: Шукюров А.Т. 2024. Проблема политической коммуникации в условиях новых медиа. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 503–510. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-503-510

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Problem of Political Communication in the Context of New Media

Alexei T. Shukurov
N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
23 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: esmira2001@mail.ru

Abstract. New media have become a new socio-political space for discussion and often heated debate about political and social issues. Digital media such as social networks or news sites are central to the political communications landscape. This confirms the growing citizenry in politics and the changing dynamics of political communication in the context of these transformations. The growing radius of new media can be observed in both developed and developing countries. The COVID-19 pandemic can be seen as a trigger for these events, with the resulting increased use of virtual meetings for political communication becoming permanent. The revolution of new media technologies has also changed the model of political communication, which has created problems for modern society. Information bombards citizens, resulting in a decrease in the effectiveness of its assessment, analysis and interpretation. Information overload has become a challenge to humanity. The emerging consequences of information and political overload require the use of countermeasures that affect the causes of information overload.

© Шукюров А.Т., 2024

Keywords: political communication, social networks, new media, information.

For citation: Shukurov A.T. 2024. The Problem of Political Communication in the Context of New Media. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 503–510. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-503-510

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Политика и коммуникация не могут быть разделены в настоящую эпоху революции коммуникативных технологий. Политика – это динамичная область со своим языком, стратегиями и инструментами. Основное место в данной сфере занимает политическая коммуникация – процесс, который играет ключевую роль в формировании обществ и правительств. С появлением новых медиа возникла проблема переизбытка политической информации, в которой индивиду сложно ориентироваться, а при применении коммуникативных стратегий зачастую невозможно отделить правду от лжи. Если ранее письма доходили по почте неделями, то теперь обмен информацией происходит мгновенно.

По своей сути политическая коммуникация включает в себя создание повествований, которые информируют, убеждают и призывают граждан к действию. Речь идет не только о передаче информации, но и о её оформлении таким образом, чтобы она соответствовала убеждениям, эмоциям и стремлениям граждан. Независимо от того, направлена ли политическая коммуникация внутрь, к избранным должностным лицам, или наружу, к общественности, она является инструментом влияния на мнения, решения и действия. Качественные коммуникационные стратегии реагируют быстро и точечно. Эффективные стратегии политической коммуникации включают простоту, повторение, оперативность и поддержание баланса между различными целевыми группами.

Объекты и методы исследования

Исходя из формулировки актуальности и цели исследования его объектом выступают проблемы политической коммуникации в новых медиа, такие как перегрузка политическим контентом граждан. Предметом исследования являются постановка и анализ проблем политической коммуникации в условиях новых медиа.

Для достижения целей исследования и решения его задач использовались следующие методы: анализ документов (законодательных актов, партийных программ, ивент-анализ (выстраивание событийного ряда), сравнительный анализ (традиционных и новых медиа в политике).

Результаты и их обсуждение

Вопросам коммуникации общественного пространства и её политической составляющей в виде новых медиа, а также влиянию политического блогинга на становление образа разных социально-политических групп посвящены труды В.Л. Примакова [Примаков, 2020, с. 222–240]. Работы А.В. Щекотурова и М.И. Кришталя определяют и анализируют системы движения новостей о политических мероприятиях в информационной среде и личных контентах в социальной сети «ВКонтакте», применяя коммуникативную стратегию фрейм-анализа. Во главе угла находится формирование политических фреймов и знаков. [Щекотуров, Кришталь, 2020, с. 150–170] Осознанию политической коммуникации политических деятелей и парламентариев в медиасреде посвящены труды О.В. Крыштановской [Крыштановская, 2019, с. 4–11]. Интернет-страницы политических деятелей и политических объединений явились объектом исследований Д.Е. Антонова, им исследованы комментарии к публикациям в социальных сетях [Антонов, 2020, с. 133–138].

В настоящее время в политике происходят некоторые изменения, особенно в связи с ростом использования политиками виртуальных платформ в качестве инструментов, чтобы получить больше одобрения. Передача информации на расстояние в реальном времени осуществляется, выходя за пределы временных и пространственных аспектов, что, несомненно, соблазняет политиков воспользоваться столь эффективным информационным ресурсом. Очередной фазой эволюции новых медиа стало применение современных цифровых коммуникационных технологий в политике, которые позволили совершенно по-новому распространять информационный контент. Граждане стали более активно участвовать в создании материалов и распространении контента с политическим содержанием. С середины 2000-х годов возникает новая цифровая среда, типичный пример – это предвыборные мероприятия Б.Обамы, содержащие персонализированные сообщения на мобильный телефон, видео на Youtube, ленты новостей в социальных сетях.

Политическая коммуникация является популярным объектом дискурса. В последние годы отношения между СМИ и политикой изменились. На практике расстояние между политикой и СМИ стало намного короче. Именно средства массовой информации кардинально изменили способы общения политических лидеров. Владение социальной сетью для политика превратилось в политическую необходимость.

Политическая коммуникация включает в себя различные формы: от интервью в средствах массовой информации и опубликования документов, статей до веб-сайтов, блогинга и политических кампаний. Однако новые медиа выходят за рамки традиционного письменного и устного общения. Такие элементы, как логотип политика, манеры и стиль речи, являются неотъемлемой частью его стратегии политической коммуникации. Харизма и вовлечение аудитории являются ключевыми аспектами эффективной политической коммуникации, поскольку они помогают политикам лично общаться со своими избирателями.

Глобальное распространение информационных потоков, транснациональная интеграция медиаэкономики являются ключевыми характеристиками современной политики и коммуникации. Ландшафт политической коммуникации претерпел глубокую трансформацию благодаря появлению социальных сетей. Изучая, как цифровая революция меняет среду политической коммуникации, мы обнаружим, как она меняет динамику политических кампаний. Развитие цифровизации делает и без того конкурентную информационную среду еще более сложной и динамичной.

Появление социальных сетей привело к появлению новых форм общения в политике. Социальные сети сосуществуют с традиционными методами проведения кампаний. В социальных сетях подходы коммуникации граждан с властью изменились. В прошлом политики в основном общались через официальные каналы, такие как пресс-конференции, выступления по телевидению и печатные СМИ. Однако сегодняшний политический ландшафт отличается заметным отходом от этих традиционных способов общения. Платформы социальных сетей позволяют политикам напрямую общаться с избирателями по различным темам – от политических дискуссий до личных историй. Помимо политических дискуссий, социальные сети позволяют новым кандидатам в политике представить себя избирателям. Такой индивидуальный подход помогает избирателям относиться к кандидатам на более человечном уровне.

Новые медиа, характерные единым пространством, позволяют гражданам действовать как активные агенты в политической коммуникации, а не пассивные реципиенты как с классическими СМИ (газеты, телевидение). Политическая коммуникация с помощью традиционных медиа односторонняя. Однако и традиционные СМИ, и политическая система пытаются адаптироваться к цифровизации политического общения.

Если раньше граждане могли дозировать получение информации, то с появлением новых медиа (социальных сетей) поток информации охватил граждан, фактически встроив человека в информационный поток. Политики утверждают, что блогосфера и социальные

сети предоставляют новые возможности для обнародования политических процессов. Наблюдая зависимость граждан от социальных сетей, политики научились управлять информационными потоками.

Э. Тоффлер в 1970 году выработал определение – информационная перегрузка [Тоффлер, 2002, с. 557]. Спустя 20 лет сформирована концепция об коммуникационном шуме [Schmidt, Cohen, 2010, p. 75–85] и феномене усталости от информационных потоков [Wurman, 2012], в среде которых граждане не способны отделить полезную информацию от ненужной, достоверную от ложной, что приводит к искажению восприятия. Кроме того, в работах исследователей данной проблематики возникло понятие «информационная избыточность» [Lewis 1999, p. 256], «информационная интоксикация» [Rogers и др., 2013], «информационное возбуждение» [Chamorro-Premuzic, 2014].

Автор трудов о проблемах современного человека А.Д. Еляков называет проблемой современного общества прогрессирующий хаос информационного поля, в котором стремительный рост информации явился причиной снижения её качества [Еляков, 2005, с. 114–121]. Данное обстоятельство имеет существенное значение для разработки эффективных решений [Краснова, 2021].

Информационную перегрузку можно охарактеризовать как чрезмерный объем информации, который реципиент не может эффективно обрабатывать без отвлечения внимания и увеличения количества ошибок, которые снижают эффективность работы. В контексте политологии информационная перегрузка политическим контентом означает существование проблематики пропуска важной и достоверной информации в чрезмерном информационном потоке.

Стоит отметить, что социальные сети не сделали традиционные методы проведения политических кампаний устаревшими. Газеты и телевизионные станции обеспечивают ценное органическое освещение событий, охватывая широкую аудиторию, и до сих пор находят своих читателей. Политическая реклама остается целевым способом донесения сообщений до различных аудиторий. Однако социальные сети, несомненно, превратились в недорогой, но мощный инструмент политической конкуренции. Политические лидеры могут предпочесть общение через социальные сети, поскольку они позволяют кандидатам напрямую общаться с избирателями, делясь политическими взглядами и целями. Более того, новые медиа предлагают платформу для взаимодействия задолго до того, как кандидаты официально заявят о своем намерении баллотироваться на пост.

Блоги и веб-страницы позволяют политикам подробно и более непосредственно делиться своими мыслями и политическими позициями. «Новые средства массовой информации, такие как блоги, которые являются менее профессиональными, а порой и любительскими источниками информации, играют важную роль в формировании мировоззрения» [Малышева, 2020, с. 58]. В политической коммуникации разворачивается битва идей и нарративов. Именно непосредственность и прямой доступ платформ социальных сетей к гражданам увеличивает влияние политических акторов на аудиторию, что, с одной стороны, гарантирует право на свободу мнений, а с другой стороны, подаваемая с помощью новых медиа информация не всегда объективная. Виртуальная реальность захватила человечество, победив очное общение. «Информационное перенасыщение лишает нас инициативы, у нас не хватает сил, чтобы переключить свое внимание с фоновой нерелевантной информации на действительно нужную. Таким образом, можно суммировать несколько ключевых характеристик современной информационной среды, которые ведут к информационному перенасыщению. Это, во-первых, современные скорости передачи информации и отсутствие необходимости прилагать усилия для ее получения; во-вторых, агрессивное навязывание лишней информации; в-третьих, однобокость представления информации (контекстная реклама, подборка новостей по интересующим темам и т. д.), которая искажает образ мира;

в-четвертых, сформировавшаяся зависимость от коммуникационных технологий» [Труфанова, 2019, с. 11].

Оптимисты утверждают, что социальные сети является пространством для коммуникации, свободным для самовыражения, а пессимисты видят в социальных сетях инструмент влияния авторитарного режима на граждан и платформу для организации «цветных революций». Они предсказывали, что правительства «будут застигнуты врасплох, когда большое количество их граждан, вооруженных практически ничем, кроме мобильных телефонов, примут участие в восстаниях, бросающих вызов их власти» [Дубровская, 2016]. По мнению многих аналитиков, социальные сети являются главной причиной ухудшения состояния демократии в странах по всему миру по причине манипуляции социальными сетями как средством коммутации со стороны авторитарных политических режимов, поэтому автоматизация информационного пространства имеет обратную сторону.

Побочным эффектом информатизации стала информационная перегрузка – это переизбыток ежедневной информации (ленты в социальных сетях, новостные потоки, регулярные публикации СМИ). Жизнь в социальных сетях 24/7 и навязчивый политический контент (новости), казалось бы, ускоряют коммуникацию, обмен информацией, экономят время и ресурсы, в то же время формируют цивилизацию с социальными и моральными проблемами, к тому же искусственно измененными формами коммуникации.

Помимо того, необходимо отметить функционал информационной открытости государственных органов, достигнутых при помощи новых медиа и социальных сетей. В текущий момент возникает осознание о значении роста плодотворной деятельности органов исполнительной власти для благополучного социально-политического становления государства. Достижение указанных результатов порождает рост информационной транспарентности деятельности государственных органов, являясь индикатором результативности выполнения политического функционала, забронированного за ними, и станет составной частью для формирования государства, что недостижимо без непрерывной связи между государственными органами и гражданами [Журавлева, 2013, с. 136–141; Захаревич, Черкасов, 2015, с. 75–83; Митрофанова, Гостева, 2020, 124–128]. «Информационная открытость органов государственной власти для граждан будет служить стимулом для развития и совершенствования, поиска новых форм осуществления управления и, благодаря этому, повышения его эффективности» [Бодров, 2000, с. 352].

Заключение

В то же время технологическая революция новых медиа – уже свершившийся факт, поэтому их гуманное использование будет зависеть от трех игроков политической среды: правящий политический режим, оппозиция, третьи силы. «Представить современную коммуникацию без социальных сетей невозможно» [Абдуллаева, 2015, с. 542–546]. При демократическом подходе к использованию новых медиа участниками борьбы за власть они способны увеличить свободу и изменить политические взгляды граждан. Поэтому, несмотря на деструктивную роль новых медиа в политической жизни, в целом они действительно оказывают положительное влияние на демократию.

В целом новые медиа являются эффективным инструментом для достижения политических целей, повышения осведомленности общественности, изменения мнения людей о проблемах, привлечения внимания избранных должностных лиц к проблемам и влиянию на политические решения.

Сегодня политическая система, в том числе в странах с устоявшейся демократией, не дает возможность рядовым гражданам полноценно участвовать в политике и принятии политических решений для страны, участие в выборах является не достаточным привлечением граждан в общественно-политическую жизнь страны. Социальные сети расширяют

права граждан на участие в политике, они стали, во-первых, источником взаимной коммуникации по принципу «граждане – политики – граждане». Обращения и ответы на них стали поступать оперативно и непосредственно в политические институты. Во-вторых, консолидирующие возможности социальных сетей позволили организованно выдвигать власти политические требования цивилизованным путем. В-третьих, с помощью социальных сетей и граждан появилась возможность контролировать деятельность политического режима и его институтов, их деятельность стала более транспарантная. Рядовые граждане объединяют усилия с новыми медиа, чтобы выполнять роль наблюдателя.

Для победы над феноменом информационной перегрузки требуется выработка норм права и морали в области дозирования и цензуры политического контента в социальных сетях. Важно определить, какая политическая информация действительно актуальна, и представить эту информацию в ясной и адаптивной, а не излишней форме.

Прояснение и структурирование взаимодействия позволит предотвратить информационную перегрузку, и политическая элита играет в этом контексте особую роль. Политики, принимающие решения на организационном уровне, несут ответственность за выбор формы политической коммуникации, применяемые коммуникативные стратегии взаимодействия с гражданами, а также за прозрачность и внутренние правила политической коммуникации, которая на сегодняшней день законодательно не установлена. Технологическая поддержка может помочь уменьшить объем имеющейся информации за счет использования систем фильтрации политической информации.

Дальнейшее изучение проблемы информационной перегрузки политическим контентом посредством новых медиа может провести к выработке подходов к планированию работы на уровне информационных и коммуникационных технологий и организационных правил, а также инструментов и мер, которые можно использовать для управления информационно-политической перегрузкой.

Список литературы

Антонов Д.Е. 2020. Аккаунты руководителей субъектов Российской Федерации в социальных сетях как объект исследования политических ценностей россиян. Русская политология, 1(14): 180 с.

Абдуллаева Р.А. 2015. Анализ влияния социальных сетей на жизнь современного общества. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 9-3: 552 с.

Бодров В.А. 2000. Информационный стресс, М., ПЕР СЭ: 352 с.

Гостева А.А., Митрофанова О.Н. 2020. Повышение уровня информационной открытости органов местного самоуправления. Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции, Курск, 5: 137 с.

Дубровская Ю.В., Жаворонкова К.С. 2016. Информационная открытость органов власти как важнейший критерий эффективности государственного и муниципального управления. Государственное управление. Электронный вестник, 3(1): 55. doi URL:https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnayaotkrytost-organov-vlasti-kak- vazhneyshiy-kriteriy-effektivnosti-gosudarstvennogoi-munitsipalnogo-upravleniya (дата обращения: май 2024).

Еляков А.Д. 2005. Информационная перегрузка людей. Социологические исследования, 5: 253 с.

Журавлева И.А. 2013. Инструменты совершенствования механизма открытости деятельности органов исполнительной власти. Вестник академии, 3(37): 200 с.

Краснова А.Н. 2021. Влияние информационной перегрузки на способность принятия решений современной личностью // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал, 06(59): 107 с.

Крыштановская О.В. 2019. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху. Цифровая социология, М., 2: 48 с.

Малышев Е.А. 2020. Молодежь в условиях цифровизации общества: международный, национальный и региональный аспекты: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Под общ. ред. Е.В. Матвеевой, А.А. Митина., Кемерово, 2: 362 с.

Митрофанова О.Н., Маркина Д.А. 2019. Информационная открытость органов власти. Инновационная экономика и право, 1 (13): 102 с.

Примаков В.Л. 2020. Медиатизация и ее социальные последствия. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки, 1(838): 380 с.

Тоффлер Э. 2002. Шок будущего, М., АСТ: 557 с.

Труфанова Е.О. 2019. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы. Философские проблемы информационных технологий и киберпространства, М., (1): 146 с.

Черкасов К.В., Захаревич Д.А. 2015. К вопросу об оценке открытости государственного управления в России: федеральное и региональное измерение. Власть, 10: 240 с.

Щекотуров А.В., Кришталь М.И. 2020. Реконструирование смыслов политической акции в социальной сети «ВКонтакте»: кейс Ивана Голунова. Мир России. Социология. Этнология, 4: 223 с.

Chamorro-Premuzic T. 2014. How the Web Distorts Reality and Impairs Our Judgement Skills // The Guardian. doi URL: https://www. theguardian.com/media-network/media-network-blog/2014/may/13/internet-confirmation-bias (accessed: 12 May 2024).

Eric Schmidt and Jared Cohen, 2010. The Digital Disruption: Connectivity and the Diffusion of Power, Foreign Affairs 89, no. 6: P. 75–85, doi URL: https://www.foreignaffairs.com/issues/2010/89/6 (accessed: 09 May 2024).

Lewis D. 1999. Information Overload. Practical Strategies for Surviving in Today's Workplace. London, Penguin Business: 256 p.

Rogers P., Puryear R., Root J. 2013. Infobesity: The Enemy of Good Decisions // Bain.com. doi URL: https://www.bain.com/insights/infobesity-the-enemy-of-good-decisions

Wurman R.S. Information Anxiety: Towards Understanding // Scenario Journal. doi URL: https://www.wurman.com/publishedarticles/2017/5/5/information-anxiety-towards-understanding (accessed: 12 May 2024).

References

Antonov D.E. 2020. Accounts of Heads of Constituent Entities of the Russian Federation in Social Networks as an Object of Study of Political Values of Russians]. Russian Political Science, 1(14): 180 p. (in Russian).

Abdullaeva R.A. 2015. Analysis of the Influence of Social Networks on the Life of Modern Society. [International Journal of Applied and Basic Research], 9-3: 552 p. (in Russian).

Bodrov V.A. 2000. Information Stress, M., [PER SE]: 352 p. (in Russian).

Gosteva A.A., Mitrofanova O.N. 2020. Increasing the Level of Information Openness Local Governments. [Socio-Economic Development of Russia: Problems, Trends, Prospects: Collection of Scientific Articles of the 19th International Scientific and Practical Conference], Kursk, 5: 137 p. (in Russian).

Dubrovskaya Yu.V., Zhavoronkova K.S. 2016. Information Openness of Authorities as the Most Important Criterion for the Effectiveness of State and Municipal Management. Public Administration. Electronic Newsletter, 3(1): 55. doi URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnayaotkrytost-organov-vlasti-kak-vazhneyshiy-kriteriy-effektivnosti-gosudarstvennogoi-munitsipalnogo-upravleniya [Jelektronnyj resurs] (date accessed 09 May 2024).

Elyakov A.D. 2005. Information Overload of People [Sociological Studies], M., 5: 253 p. (in Russian).

Zhuravleva I.A. 2013. Tools for Improving the Openness Mechanism Executive Authorities [Bulletin of the Academy], 3 (37): 200 p. (in Russian).

Krasnova A.N. 2021. The Impact of Information Overload on Decision-Making Ability Modern Personality [World of Pedagogy and Psychology: International Scientific-Practical Journal], 06 (59): 107 p. (in Russian).

Kryshtanovskaya O.V. 2019. Elite in Networks: New Forms of Feedback in the Digital Era [Digital Sociology], M., 2: 48 p. (accessed: 10 May 2024) (in Russian).

Malyshev E.A. 2020. Youth in the Context of Digitalization of Society: International, National and Regional Aspects: [Collection of Articles of the All-Russian Scientific-Practical Conference General. Ed. E.V. Matveeva, A.A. Mitina]. Kemerovo, KemSU, 2: 362 p. (in Russian).

Mitrofanova O.N., Markina D.A. 2019. Information Openness of Authorities [Innovative Economics and Law], 1(13): 102 p.

Primakov V.L. 2020. Mediatization and Its Social Consequences [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Series: Social Sciences], 1(838): 380 p. (in Russian).
Toffler E. 2002. Future Shock, M.: AST, 2002: 557 p. (in Russian).
Trufanova E.O. 2019. Information Oversaturation: Key Problems [Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace], (1): 146 p. (in Russian).
Cherkasov K.V., Zakharevich D.A. 2015. On the Issue of Assessing the Openness of Government Management in Russia: Federal and Regional Dimensions. [Power], 10: 240 p. (in Russian).
Shchekoturov A.V., Krishtal M.I. 2020. Reconstructing the Meaning of a Political Action in Social Network "VKontakte": the Case of Ivan Golunov [World of Russia. Sociology. Ethnology], 4: 223 p. (in Russian).
Chamorro-Premuzic T. 2014. How the Web Distorts Reality and Impairs Our Judgement Skills // The Guardian. doi URL: https://www. theguardian.com/media-network/media-network-blog/2014/may/13/internet-confirmation-bias (accessed: 12 May 2024).
Eric Schmidt and Jared Cohen, 2010. The Digital Disruption: Connectivity and the Diffusion of Power, Foreign Affairs 89, no. 6: P. 75–85, doi URL: https://www.foreignaffairs.com/issues/2010/89/6 (accessed: 09 May 2024).
Lewis D. 1999. Information Overload. Practical Strategies for Surviving in Today's Workplace. London, Penguin Business: 256 p.
Rogers P., Puryear R., Root J. 2013. Infobesity: The Enemy of Good Decisions // Bain.com. doi URL: https://www.bain.com/insights/infobesity-the-enemy-of-good-decisions
Wurman R.S. Information Anxiety: Towards Understanding // Scenario Journal. doi URL: https://www.wurman.com/publishedarticles/2017/5/5/information-anxiety-towards-understanding (accessed: 12 May 2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 23.05.2024
Поступила после рецензирования: 29.05.2024
Принята к публикации: 30.05.2024

Received: 23.05.2024
Revised: 29.05.2024
Accepted: 30.05.2024

ИНФОМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шукюров Алексей Тофикович, соискатель кафедры политологии института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID 0009-0003-9401-8788

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey T. Shukurov, Applicant at the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 323
DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-511-522
Оригинальное исследование

Политическая мифология как идеологически маркированное повествование на постсоветском пространстве: смыслопроизводство в государственной политике

Рязанцев А.А.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал,
Россия, 302028, г. Орёл, б. Победы, 5а
E-mail: a@lsav.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию институционализации политической мифологии в новых государствах на постсоветском пространстве (Украина, республики Прибалтики, Молдова и др.), которая оправдывает и обосновывает политический порядок в данных политиях. Цель статьи – представить мотивацию политических режимов во внедрении в общественное сознание сконструированных мифов. Актуальность исследования состоит в представлении в научном дискурсе сущности и практик политической мифологии. Научная новизна состоит в выявлении особенностей и масштаба внедрение политических мифов в ряде государств постсоветского пространства. В ходе исследование выявлено, что становление новых государств на постсоветском пространстве происходит крайне болезненно во многом потому, что у части данных политий не было традиций своей государственности. Сделан вывод о том, что политическая мифология (при отсутствии конкуренции на интерпретацию истории) помогает новым политиям укрепить состоятельность новым государствам, обеспечить стабильность и устойчивость их политических систем.

Ключевые слова: акции, риски, статистика, моделирование, Matlab

Для цитирования: Рязанцев А.А. 2024. Политическая мифология как идеологически маркированное повествование на постсоветском пространстве: смыслопроизводство в государственной политике. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 511–522. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-511-522

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Political Mythology as an Ideologically Marked Narrative in the Post-Soviet Space: Semantic Production in Public Policy

Alexander A. Ryazantsev
Central Russian Institute of Management – a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
5a Pobeda b., Orel, 302028, Russia
E-mail: a@lsav.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the institutionalization of political mythology in new states in the post-Soviet space (Ukraine, the Baltic republics, Moldova, etc.), which justifies and substantiates the political order in these polities. The purpose of the article is to present the motivation of political regimes in introducing constructed myths into the public consciousness. The relevance of the study lies in the presentation of the essence and practices of political mythology in scientific discourse. The scientific novelty consists in identifying the features and scale of the introduction of political myths in a number of states of the post-Soviet space. The study revealed that the formation of new states in the post-Soviet space

© Рязанцев А.А., 2024

is extremely painful, largely because some of these polities did not have traditions of their own statehood. It is concluded that political mythology (in the absence of competition for the interpretation of history) helps new polities to strengthen the viability of new states, to ensure the stability and sustainability of their political systems.

Keywords: stock, risk, statistics, modeling, Matlab

For citation: Ryazantsev A.A. 2024. Political Mythology as an Ideologically Marked Narrative in the Post-Soviet Space: Semantic Production in Public Policy. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 511–522 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-511-522

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Политика, символическая политика, как подчеркивает один из классиков структурного функционализма, американский политолог Т. Парсонс, может коррелироваться с двумя типами коллективов [Парсонс, 1997, с. 136]. С одной стороны, это ассоциативный тип коллектива, с другой стороны, это и государственно-бюрократический тип коллективов. Логично также выделить и еще один тип коллективов, соотносимый с институтом гражданства. Данный подход дает возможность системно представить символическую политику как формат нахождения консенсуса индивидов, групп интересов и государственных структур в постсоветских государствах по ценностям, ключевым смыслам и основным нарративам.

В разрезе ассоциативных коллективов базовыми функциями политик являются включение граждан в группы по интересам с соответствующими идеалами и предпочтениями, артикулирование данных идеалов и предпочтений в публичную сферу в виде проектов и программ развития. В разрезе государственно-бюрократического коллектива основными функциями политик являются утверждение законов и норм в обществе, в том числе и в отношении ценностей, формирование атмосферы, где могут реализовываться принципы социальной справедливости. В ракурсе института гражданства работа ведется по формирование этнической и государственной (гражданской) идентичности, по внедрению базовой идеологии, по политической социализации новых поколений и мобилизации граждан.

Соединение функций политик в национальных государствах представляет собой процесс интеракционизма, в результате которого перед нами предстает система преобразований и констант. Такая система политики может быть наиболее предпочтительной системой, в которую преобразовываются ради общего понимания все другие морально-нравственные компоненты. Особое место в системе символического интеракционизма в реализуемой институтами и акторами символической политике играет политика памяти. Данную политику логично понимать в системе управления [Chatterjee, 2004, p. 53], системе задействования прошедшей истории в целях управления коллективной исторической памятью.

При этом как политика памяти, так и символическая политика может противоречить ценностям демократии, даже если она оформлена «законами памяти». И не только на постсоветском пространстве, но и, к примеру, в странах Западной Европы. Стоит также добавить, что сущность символического интеракционизма выявил американский социолог Г. Блумер [Блумер, 2017, с. 38]. Его исследование сущности данного понятия важно для нашего исследования в понимании символической политики на постсоветском пространстве. Он доказал, что данный феномен базируется на трех посылах. Первый посыл состоит в том, что люди в своих странах действуют в отношении символов, исходя из их значений. Второй посыл Г. Блумера состоит в том, что значение моральных продуктов возникает из социального взаимодействия (интеракционизма), в которое они вступают с окружающим миром. Третий посыл, значения (символы) используются и преобразуются в ходе интерпретативного процесса.

На наш взгляд, на первом этапе развития постсоветских государств (всего автор выделяет три этапа), который можно ограничить временными рамками 1991–2003 гг., была сформирована символическая система этнорелигиозных и цивилизационных предпочтений. Это соответствует первому посылу Г. Блумера. Кроме того, были прочерчены ориентиры для понимания морально-нравственных идеалов (для морального воспитания и привязанности к социальным группам – по Э. Дюркгейму) [Дюркгейм, 2021, с. 166], нарративы (повествования) в отношении прошлого, ценности сегодняшнего дня и смыслы в отношении будущего. Данный аспект коррелируется со вторым посылом Г. Блумера, что позволяет нам выделить второй этап (2004–20013 гг.) в символической политике постсоветских государств.

В итоге символическая политика новых государств на постсоветском пространстве как символический интеракционизм основных институтов и политических акторов окончательно оформилась к 2004 году. Знаковыми событиями в данном ряду стали: 1) вступление Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС и НАТО (цивилизационный выбор в сторону евроантлантизма); 2) победа «оранжевой революции» на Украине и кардинальные трансформации политики памяти при президенте В. Ющенко (обозначение линия межцивилизационного разлома). Для России 2004 год также стал временем цивилизационного выбора в сторону самобытности и евразийства, охлаждение отношений со странами Запада, разочарование правящего политического режима в ценностях либеральной демократии.

В частности, в 2004 году в РФ были отменены прямые выборы глав регионов (формальным поводом стали последствия террористического акта в Беслане), что привело к политической мобилизации населения и консолидации основных социальных слоев и групп российского общества. Определенным водоразделом в понимании прошлого, настоящего и будущего политическим режимом в РФ и политическими режимами стран Запада, частью стран новых государств стало дело ЮКОСа М. Ходорковского. Ещё одним водоразделом, переросшим в глобальный конфликт за ценности, смыслы и нарративы, стали события 2014 года (государственный переворот на Украине, вхождение Крыма в состав России). Это позволяет автору выделить третий этап символической политики постсоветских государств (с 2014 года по настоящее время), когда значения (символы), в том числе коллективная память, подвергаются политическими режимами постсоветских государств кардинальной трансформации в ходе интерпретативного процесса [Голосов, 2024, с. 30].

Для символической политики постсоветских государств характерно и использование в политико-управленческих практиках понятия «политическая метафора». Концепт политической метафоры, по мнению зарубежных исследователей, представляет собой понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида (к примеру, спор – это война). Политическая метафора, согласно точке зрения автора, является связующим элементом между исторической памятью (объективным отражением прошлого) и политической мифологией. В последнем случае – конструированием новой реальности.

Исследуя функции политической метафоры, имеет смысл обратиться и к исследованию российского политолога К.Е. Коктыша, в котором он представляет три функции политики (в том числе и символической) и власти в ракурсе политической метафоры. Для политических режимов постсоветских стран и исследования их символической политики это очень важный ракурс. Таким образом, К.Е. Коктыш выделяет метафору безопасности (сохранения политики как жизнеобеспечивающей миссии), метафору влияния во внутренней и внешней политике (воспроизводство ценностей, смыслов и нарративов), метафору общественного блага и устойчивого социально-экономического и политического развития [Коктыш, 2020, с. 163].

В исследовании памяти (Memory Studies), в том числе в русле третьей волны [205], в реализуемой символической политике постсоветских государств, и это мы подчеркивали

[205] Для исследования памяти характерны три волны: 1) 1920-е – 1940-е годы; 2) 1950-е – по конец 1990-х годов; 3) конец 1990-х годов – по настоящее время.

выше, лежат ценности, смыслы, нарративы. При этом важно подчеркнуть, что для научных общенациональных дискуссий большинства новых стран, кроме России, находится авторизованный дискурс наследия, который нацелен на некритическое понимание прошлого. Более того, в рамках данного дискурса экспертное и научное сообщества данных политий ориентируется на достижения согласия (консенсуса) применительно к прошедшему историческому прошлому, по сглаживанию историко-политических конфликтов национальной истории и имеющихся противоречий в логике изложения событий.

Ключевым элементом политики памяти, а также морали являются ценности. Современный немецкий социолог и политолог Х. Йоас подчеркивает, что понятие «ценность» нужно рассматривать вне экономического контекста, это не безобидная понятийная инновация. При этом в основе ценности, по мнению данного исследователя, лежит дуализм «фактичности» и «значимости» [Йоас, 2023, с. 37]. Х. Йоас выделяет и структуру ценностей: 1) ощущение ценности; 2) ценностные суждения, претендующие на объективность; 3) соотношение ощущения ценности, ценностных суждений и фактических реалий.

При этом ценности, на наш взгляд, это и предпочтения различных слоев общества, и определенные цели в приращении общего (публичного) блага, и некий свод норм, правил и идеалов понимания прошлого в прохождении настоящего и движении к будущему. Для символической политики и политик памяти, как её компонентов, постсоветских государств характерны и ценностные ощущения, и выражение в отношении восприятия «своих», «других» и «чужих» [Лабутина, 2021], которые позволяют проходить политический трек от ценностей выживания (самосохранения) к ценностям самовыражения и развития. При этом, как отмечает немецкий политолог А. Ассман, политика памяти имеет три измерения: нейтронное, культурное, социальное [Ассман, 2023, с. 29].

Смыслы, нарративы и репрезентации в государственной политике памяти

Государственная политика в экономической и политической сфере в постсоветских государствах логично вытекает из вопроса «что делается?». При этом смыслопроизводство, как и символическая политика новых стран, отвечает на более актуальный вопрос в политической повестке дня: «зачем это делается?». Поэтому без системного и комплексного ответа на поставленный вопрос государственная политика лишает политический режим доверия и поддержки со стороны граждан, групп интересов и групп давления. Стоит отметить, что группы интересов и группы давления как влиятельные компоненты управленческого процесса политики [Bentli, 1995] также участвуют в конструировании смыслов и в продвижении ценностей.

Важно также иметь ввиду, что в символах, как и в символической политике государств, интегрирована способность политических элит видеть в материальных формах ценности и образы, что превращает элитиум [Field, Higli, 1980] в особый феномен. Ведь именно элиты участвуют в конструировании политических наций новых государств и в формировании символической политики, базирующихся на смыслах. Смыслах, состоящих из ценностей как красивого обрамления символической политики, намерений политического режима как способа и средств осуществления власти, эмоций как состояния атмосферы в обществе.

При этом всплеск эмоций, как позитивных, так и негативных, является частью процесса смыслопроизводства, государственного управления и государственного регулирования норм, правил, чувств, иерархии идеалов и ожиданий определенных групп [Харрис, 2020, с. 60].

Опираясь на вышеизложенное в рамках одной из гипотез нашего исследования, мы высказываем предположение, что смыслопроизводство в постсоветских государствах выступает актуализированной идеологической функцией политических режимов, а разрабатываемая различными институтами и акторами символическая политика становится категорическим императивом в обеспечении устойчивости данных режимов и стабильности политических систем. Данная функция государственного управления была актуализирована в постсоветских государствах в период 2000-х годов по мере возникновения политических и

военных конфликтов между ними как противоядие от проведения «цветных революций» на части постсоветского пространства. Политика символов как форма коммуникации была включена в международную повестку России для доведения своей точки зрения на международно-политические события в ответ на вызовы, брошенные России странами коллективного Запада.

Смыслопроизводство в символической политике, на наш взгляд, имеет несколько принципиально важных направлений. Первое направление – формирование коллективной и индивидуальной памяти населения постсоветских стран. Второе направление – формирование и модернизация, усиление роли мнемотических мест памяти: исторических памятников и монументов, выставок, исторических музеев, визуальные образы которых указывают на значимые идеи и личности, показывающие правильный путь политической нации в историописании [Бобкова, 2019]. Третье направление – массовое участие граждан в актах коммеморации. Четвертое направление – задействование исторической реконструкции и политической мифологии в образовательном и воспитательном процессе. Стоит также подчеркнуть, что в системе смыслопроизводства важная роль отведена государственным и негосударственным институтам и учреждениям в процессе поиска гражданами своей идентичности (цивилизационной, этнической, религиозной, гражданской), а также группам интеллектуалов и различным экспертным структурам, обеспечивающим формирование объективного подхода в процессе смыслопроизводства [Фадеева, 2012, с. 24], с учетом политических трендов в пространственно-временном континууме постсоветских стран.

Важно также подчеркнуть, что формирующаяся коллективная память в постсоветских государствах (процесс, по оценке автора, еще не завершен, он также требует постоянной работы с новыми поколениями) агрегирует нарративы. То есть удобное для политической власти в данных государствах непротиворечивое и комфортное повествование о прошлом, настоящем и будущем новых политий. При этом историческая память, новая история имеют цель сократить дистанцию между «сегодня» и «вчера», стать частью постсовременности [Халас, 2021, с. 54], обеспечивая тем самым преемственность и легитимацию власти. Таким образом, историческая нарратология приобрела свою значимость и системность в государствах постсоветского пространства как процесс символического интеракционизма государства и общества. Фактически нарратология, приобретая свою актуальность, воспроизводит себя, когда разрушение прошлого переходит в конструирование будущего.

Автор отмечает, что нарративы символической политики в постсоветских государствах периода 1990-х и 2000-х годов, а именно факты прошлого и их этическая интепретация, были следующими. Во-первых, в 1990-е годы – это четкая и негативная коннотация истории с самодержавием имперской России, деспотией, сталинизмом периода СССР, советской эпохой («совком»). Эти временные отрезки были негативными периодами истории новых государств, поскольку данные территории были частью общего пространства. И, что особо подчеркивается, это привело народы данных новых государств с титульными нациями к отсталости, регрессу и стратегическому отставанию.

Во-вторых, нарративы 2000-х годов в символической политике постсоветских стран (исключение составили лишь РФ и Белоруссия) были объединены вокруг идеи тупикового развития в составе Российской империи и СССР на фоне становления сегодняшней государственности и гарантированного прекрасного будущего. И гарантии этого – наличие международных партнеров из стран Запада, проводимая символическая политика в разрезе общечеловеческих ценностей. Таким образом, в символической политике новых государств формировались нарративы и коммуникативные стратегии и политические практики [Тюпа, 2021, с. 11].

В рамках представленной темы исследования автор не только педалирует острую борьбу политических элит и научных кругов постсоветских стран за интерпретацию исторического прошлого, оформляющуюся иногда в антагонизм (Россия – Украина, Россия –

Прибалтика, Россия – Грузия), но и представляет авторскую классификацию политики памяти, символической политики бывших республик СССР. Автор также разделяет все 15 новых государств постсоветского пространства в отношении символической политики и исторической репрезентации на три основные группы. Первая группа – это постсоветские страны, реализующие эстетическую политику с опорой на политическую мифологию.

Эстетическая репрезентация прошлого с определенными нарративами данной группы государств на постсоветском пространстве коррелирует с избирательным и не всегда объективным подходом в интерпретации фактов прошлого с индоктринацией вырванных их контекста знаковых событий. Соответственно, перед нами предстает приукрашенная картина удобного прошлого. При этом мы сталкиваемся с очевидным выводом, что политическую мифологию транслируют в научный и прикладной дискурс выращенные новые институты и акторы политического процесса.

Это три республики Прибалтики, Украина, Молдавия, Грузия, Армения. Представляемые конструкты прошлого описываются и подаются в поле научных исследований в мифологических образах, которые ускоряют процесс формирования этнической и гражданской идентичности данных политий, но при этом эти образы и факты, их интерпретация далеки от исторической объективности. Более того, политическая мифология обеспечивает выигрыш правящим общенациональным элитам. Правда, только в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В долгосрочной же перспективе это приводит к стратегическому проигрышу.

Политика памяти как часть символической политики первой группы постсоветских стран представляет собой движение к некоему единому и универсальному общенациональному нарративу. Разумеется, данный нарратив является и ответом на вызов научных подходов в исследовании прошлого в русле «нового историзма XXI века», в русле уже цитируемого нами нового «поворота истории» с его метамодернизмом, который логично понимать как особое направление в исторической и политической науке в аспектах культурной чувственности [Ван ден Аккер, 2020, с. 41].

Понятия метамодернизма и политической мифологии является близким к постправде и постистине, когда эмоциональная сторона освещения истории становится превалирующей по отношению к стороне фактической. При этом официальный нарратив в символической политике этой группы государств представляет собой выверенные паттерны. Это сталинский государственный террор и советский тоталитаризм в прошлом [Эппле, 2021, с. 35-49], политически «пригодное» прошлое после распада СССР 1991 года.

Ко второй группе государств автор относит Россию и Белоруссию с миметической репрезентацией прошлого. Государственными и негосударственными институтами и научным сообществом данных стран в политике памяти, в символической политике сделана ставка на историзм. А публикуемые исследования российских и белорусских историков по интерпретации событий прошлого в большей мере коррелируют с историческими реалиями. Стоит также отметить, что сообщество профессиональных историков более конструктивно оценивает развитие этих территорий в составе Российской империи и СССР. Кстати, современный теоретик исторической социологии Й. Арнасон полагает, что именно имперское наследие России оказало решающее воздействие на социально-экономическое развитие Советского Союза [Ариасон, 2021, с. 187]. Стоит отметить, что в данную группу постсоветских государств автор отнес и Туркмению.

В третью группу стран автор включил Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, для политики памяти которых характерен гибридный подход, то есть исследование памяти с более сбалансированной и не эмоциональной интерпретацией фактов и исторических деятелей, не исключая и трудные вопросы XX и XXI веков, а именно о конфликтах на данных территориях, входивших в Российскую империю, об этническом коллаборационизме на территории Советского Союза, о реальных причинах и политических акторах, инициаторах развязывания Второй мировой войны.

Особенности политической мифологии в символической политике

Ключевое значение в государственной политике памяти в постсоветских государствах, включая работу сообщества историков, работающих в вузах и научных академических учреждениях, отводится конструированию политических мифов (политической мифологии). Автор исследования полагает, что проблематика политической мифологии достаточно серьезно исследована и представлена в работах французско-бельгийского философа и этнографа К. Леви-Строса и французского философа и семиотика Р. Барта. Исследовательскую линию в понимании политической мифологии продолжили и отечественные политологи и антропологи, такие как Н.Г. Щербинина, А.Г. Иванов (система современной мифологии), А.А. Линченко (опыт конструирования мифов и механизмы использования), Е.А. Прудникова и И.И. Чигирин (анализ ряда политических мифов в современном мире, включая миф о голодоморе на Украине).

Французско-бельгийский философ и этнограф К. Леви-Строс в своих работах доказывал, что в базовой основе культурных практик и мифологии обществ лежат общие повторяющиеся структуры их производства и воспроизводства, изучение элементов которых возможно лишь при описании их места в системе. Расположение данных элементов мифологии в их семантическом равновесии различно, одни мифы – восхваляющие, другие – уничижительные. Мифологии свойственна и соответствующая коннотация, части – доброжелательность и спокойствие, другой части – турбулентность, насилие и беспорядок. Кроме того, одна часть мифологии коррелируется с пространством, другая часть мифологии – со временем. Мифологию, связанную с властью, К. Леви-Строс сравнивал с духовными специями (пряности), в которых нуждается общество [Леви-Строс, 2018, с. 30]. Мифология, по оценке данного философа и антрополога, является компонентом этнической идентичности и передается через институт семьи, точнее, через отношения членов одной семьи с другими семьями.

Французский философ и семиотик Р. Барт в своей основной работе «Мифология» исследует культурные феномены. Он доказывает свою гипотезу о том, что в государствах, как правило, все типы коммуникаций кодируются в знаковых системах, и эти системы представляют собой продукт сознательного мифотворчества. Данный исследователь изучает происхождение и феноменологию политического мифа в рамках коннотативной семиологии (знаковые системы в ракурсе латентных смыслов). Соответственно, смыслы, по мнению Р. Барта, требуют расшифровки или прочтения. Таким образом, по мнению французского ученого, мы имеем дело с механизмами и технологиями становления политических мифов, более того, превращения истории в определённую идеологию. Р. Барт рассматривал политическую мифологию в разрезе трех уровней: архаичную или традиционную, «новую» (например, советскую мифологию) и новейшую, сознательно сконструированную мифологию [Барт, 2019]. Таким образом, на наш взгляд, понятия политической мифологии и политической идеологии очень близки, что делает их символической основой активной государственной политики постсоветских государств.

Научные изыскания Р. Барта в разрезе близости понятий «политическая мифология» и «политическая идеология» логично продолжить, разделяя мифологию на две части, политическую и религиозную. Сущность политической мифологии стоит понимать как элемент политической идеологии, служащей интересам власти (режима) в целях политической мобилизации граждан. С точки зрения структуры и содержания в политической мифологии важно рассматривать идеологически маркированное повествование, транслируемое в обществе, о прошлом и настоящем политии, о прогнозируемом будущем государства. Таким образом, политическая мифология вовсе не тождественна истории. Ведь политический миф – это всего лишь некое повествование. В свою очередь, история выступает как логическая цепочка объективного изложения прошедших событий.

Стоит отметить, что в новых государствах коллективное политическое лидерство как определенное созидательно-героическое деяние требует конструирования сакральной политической реальности. Данный процесс усилиями власти, экспертного сообщества исходит от понятия «символ» и «символическая референция». А уже потом переходит к стадии конструирования мифогероического прошлого, которое предназначено для легитимации функционирующих политических режимов. В целом для постсоветской мифологии, как правило, характерна агрессивная претензия на универсальность.

Российский социолог и политолог А.Г. Иванов считает, что в основе мифологии (он считает ее социальной, а не политической) лежит набор схем, алгоритмов поведения. В соответствии с этим набором гражданам легче понимать и дополнять существующую картину мира и их нахождения в нем. Исследователь А.Г. Иванов выделят два вида мифологии. Это архаическая мифология (как у Р. Барта) и конъюнктурная мифология [Иванов, 2019, с. 15]. Распространенность мифологии в постсоветских государствах, массовые практики конструирования политической реальности в данных странах привели к возникновению ряда проблем. Первая проблема связана с тем, что мифология стала выступать от имени науки посредством ненаучных форм знания. Вторая проблема связана с преждевременной легитимацией теоретических концепций, не прошедших верификацию.

Примером политической мифологии на постсоветском пространстве, согласно исследованию отечественных политологов Е.А. Прудниковой и И.И. Чигирина, является миф о «Голодоморе» на Украине в 1930-е годы, который, наравне с мифологией о Катыни и равной ответственности СССР и нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны, является глобальным мифом современности. Именно мифология «Голодомора» с точки зрения травматического прошлого помогала в борьбе за независимость бывшей республики СССР, а затем и в оформлении украинской политической нации [Прудникова, 2019, с. 451]. Еще ряд российских исследователей политической мифологии отмечает важность участия медиа, точнее, механизмов и инструментов медиа в конструировании и продвижении «второй реальности» к массовому потребителю [Олешко, 2021, с. 122].

Сконструированную и реализуемую в большинстве постсоветских государств политическую мифологию, и на этом акцентирует внимание автор, логично понимать как превращение истории и исследования памяти в политическую идеологию. Вне зависимости от того, какая именно идеология (либерализм, консерватизм, национализм) лежит в основе конкретного политического режима на постсоветском пространстве. Что касается соотнесения политической идеологии и сущности политической мифологии, то здесь логично выделить ряд близких аспектов.

Французский политолог Дестюд де Траси, первым внесшим данное понятие в теорию и политико-управленческие практики, представлял в научных дискуссиях идеологию как ощущения преимущественно эмоциональные, как идеи и как знаки [Де Трасси, 2018, с. 41]. Таким образом, полагает автор, политическая идеология и политическая мифология с их эмоциями, ценностями и знаками (символами) занимают ключевое положение в структуре политического сознания взрослого населения постсоветских стран. А от политического сознания зависят содержание и основные характеристики политического процесса.

Далее не менее важным, как считает автор, является и то, что и идеология, и политическая мифология лежат в основе постсоветских политических режимов. Такая уверенность имеется в работах австралийского политолога Г. Гилла [Gill, 2013], такой линии изложения своего подхода придерживаются и российские политологи Н. Андрейченко, А. Реус. Они воспринимают идеологию и политическую мифологию как комплекс идей, которые управляют действиями политиков [Андрейченко, Реус, 2022, с. 27]. Более того, на наш взгляд, именно политическая мифология с национальной спецификой каждой из постсоветских стран стала ключевым компонентом в первую очередь идеологии национализма и националистической мобилизации постсоветских стран [Рогов, 2021, с. 204] (кроме России). Такой

же логики в отношении государств постсоветского пространства придерживается и автор статьи, считая институционализированную систему политической власти большинства новых политий популистскими националистическими режимами.

Символические аспекты функционирования государств постсоветского пространства, как полагают О.Ю. Масленникова и А.И. Миллер, не могли формироваться с чистого листа [Малинова, Миллер, 2021]. Еще до распада СССР, считает автор, в абсолютном большинстве союзных республик сложились этнократии (концентрация власти в руках одной этнонациональной группы с использованием властного ресурса в интересах данной группы [Тощенко, 2003, с. 13]). И этнократия была ориентирована не только на национализм и элитную сецессию, но и на спектр конструируемой политической мифологии, обеспечивающей легитимность этнократической власти.

Этноцентристская политическая мифология и идеология национализма становились двумя сторонами одной медали (конструкта). Вместе с тем было бы неправильным полагать, что современные постсоветские политические режимы основаны только на идеологии национализма и политической мифологии с национальной спецификой. Другими характеристиками данных политических режимов становились антикоммунизм и русофобия (мораль «другого биологического вида» [Апрышко, 2021, с. 135]), этнополитический популизм (в социально-политической сфере), либерализм и глобализм (в экономике).

Заключение

Стоит отметить, что в начале 2010-х годов для выделенных нами трех групп государств стали характерны серьезные трансформации в смыслопроизводстве.

Во-первых, для группы государств идеология национализма, замешанная на новых и «старых» этнополитических мифах, приобрела агрессивный характер. В нее в течение 10–12 лет был имплантирован ресентимент, при этом, что особенно важно, в рамках либеральной демократии. А ресентимент относит поведение этнократий и масс, по оценке философа и политолога М. Шелера, к сильным эмоциям, к масштабным и интенсивным коллективным переживаниям, к необходимости эмоционального ответа политической нации, а также и к возможным ее деструктивным действиям и военным конфликтам. В структуре ресентимента содержатся посылы враждебности, мести, имеющие четко негативный и контрпродуктивный характер [Шелер, 1999, с. 11].

Это группа постсоветских государств, где политические режимы формировали в общенациональной политике памяти и символической политике роль «пострадавших» государств и этносов (титульной нации, грузин, латышей, эстонцев и др.), которым требуется от России как правопреемницы СССР моральная и материальная компенсация. К примеру, республики Прибалтики просчитали для РФ «компенсацию за оккупацию», которая составила на начало 2015 года у Латвии – 300 млрд долларов, у Эстонии – 49 млрд, у Литвы – 834 млрд долларов [Каце, 1915].

Во-вторых, для группы государств (РФ, Белоруссия, Туркмения) для символической политики была характерна институциональная легитимация консервативных ценностей как стиль политического мышления и действия правящей элиты. Таким образом, во внутренней политике данной группы государств произошло гармоничное сочетание консервативных и реформаторских начал. Особенно этот политико-управленческий тренд отмечен в символической политике РФ, выбравшей путь противоборства с западной цивилизацией [Костин, 2023].

В-третьих, для группы государств, находящихся в процессе транзита, символическая политика балансировала между двумя представленными выше типами государств, в различные отрезки времени сочетая разные модели исторической памяти и политической мифологии.

Список источников

Каце Л. «Ущерб от советской оккупации»: кто кому остался должен? URL: https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/231115-ushcherb-ot-sovetskoy-okkupatsii/ (дата обращения: 19.04.2024)

Список литературы

Андрейченко Н., Реус А. 2022. Индеология. М., Приквел, 320.
Апрышко П.П. 2021. Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России. 2-е изд., доп. М., Мир философии, Алгоритм, 607.
Ариасон Й. 0221. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М., Новое литературное обозрение, 304.
Ассман А. 2023. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., Новое литературное обозрение, 328.
Барт Р. 2019. Мифология. М., Академический проект, 351.
Блумер Г. 2017. Символический интеракционизм: метод и перспектива. М., Элементарные формы, 346.
Бобкова М.С. 2019. Состояние переходности и смыслы истории. СПб., Евразия, 400.
Ван ден Аккер Р. 2020. Метамодернизм. Истричность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М., РИПОЛ классик, 496.
Голосов Г.В. 2024. Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе. М., Рутения, 404.
Де Трасси Д.А.-Л.-К. 2018. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., Академический проект, 255.
Дюркгейм Э. 2021. Моральное воспитание. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 456.
Иванов А.Г. 219. Система современной социальной мифологии. СПб., Алетейя, 182.
Йоас Х. 2023. Возникновение ценностей. СПб., Алетейя, 312.
Коктыш К.Е. 2020. Политический институт В: Теория политики: Углубленный курс. М., Аспект Пресс: 158–182.
Костин Е.А. 2023. Страсти по России. Смыслы русской истории и культуры сегодня. СПб., Алетейя, 482.
Лабутина Т.Л. 2021. «Свои»/«Другие»/«Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., Алетейя, 596.
Леви-Строс К. 2018. Печальные тропики. М., Издательство АСТ, 448.
Малинова О.Ю., Миллер А.И. 2021. Введение. Символическая политика и политика памяти В.: Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: 7–38.
Олешко В.Ф. 2021. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. СПб., Алетейя, 47.
Парсонс Т. 1997. Система современных обществ. М., Аспект Пресс, 270.
Прудникова Е.А. 2019. Мифология «Голодомора». М., Вече, 488.
Рогов К. 2021. Генезис и эволюция постсоветских политий. В: Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М., Новое литературное обозрение: 192-231.
Тощенко Ж.Т. 2003. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., Российская политическая энциклопедия, 432.
Тюпа В.И. 2021. Горизонты исторической нарратологии. СПб., Алетейя, 270.
Фадеева Л.А. 2012. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М., Новый Хронограф, 320.
Халас Э. 2021. Символы и общество. Интерпретативная социология. Харьков, Гуманитарный центр, 296.
Харрис С. 2020. Приглашение в социологию эмоций. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 224.
Шелер М. 1999. Ресентимент в структуре моралей. СПб., Наука, Университетская книга, 231.
Эппле Н. 2021. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. 2-е изд. М., Новое литературное обозрение, 576.
Bentley A.F. 1995. The Process of Government: A Study of Social Pressures. New York, Routledge, 534.
Chatterjee P. 2004. The Politics of the Governed: Reflections on Popular Politics in Most of the World. Columbia University Press, 173.
Field G.L., Higley J. 1980. Elitism. New York, Routledge, 1980, 135.
Gill G. 2013. Symbolism and Regime Change: Russia. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 246.

References

Andreychenko N., Reus A. 2022. Indeologiya. 1-e izd. [Indianology. 1st ed.]. M., Prikvel, 320.
Apryshko P.P. 2021. Kommunizm, antikommunizm, rusofobiya v postsovetskoy Rossii [Communism, Anti-Communism, Russophobia in Post-Soviet Russia]. 2-e izd., dop. M., Mir filosofii, Algoritm, 607.
Ariason Y. 2021. Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy [Civilizational Patterns and Historical Processes]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 304.
Assman A. 2023. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 328.
Bart R. 2019. Mifologiya. 5-e izd. [Mythology. 5th ed.]. M., Akademicheskiy proekt, 351.
Blumer G. 2017. Simvolicheskiy interaktsionizm: metod i perspektiva [Symbolic Interactionism: Method and Perspective]. M., Elementarnye formy, 346.
Bobkova M.S. 2019. Sostoyanie perekhodnosti i smysly istorii [The State of Transitivity and the Meanings of History]. SPb., Evraziya, 400.
Van den Akker R. 2020. Metamodernizm. Istrichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. M., RIPOL klassik, 496.
Golosov G.V. 2024. Politicheskie rezhimy i transformatsii: Rossiya v sravnitel'noy perspective [Political Regimes and Transformations: Russia in a Comparative Perspective]. M., Ruteniya, 404.
De Trassi D.A.-L.-K. 2018. Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova [The Basics of Ideology. Ideology in the Proper Sense of the Word]. M., Akademicheskiy proekt, 255.
Dyurkgeym E. 2021. Moral'noe vospitanie [Moral Education]. M., Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 456.
Ivanov A.G. 2019. Sistema sovremennoy sotsial'noy mifologii [The System of Modern Social Mythology]. SPb., Aleteyya, 182.
Yoas Kh. 2023. Vozniknovenie tsennostey [The Emergence of Values]. SPb., Aleteyya, 312.
Koktysh K.E. 2020. Politicheskiy institute [Political Institute] In: Teoriya politiki: Uglublennyy kurs [Theory of Politics: An in-depth Course]. M., Izdatel'stvo «Aspekt Press»: 158–182.
Kostin E.A. 2023. Strasti po Rossii. Smysly russkoy istorii i kul'tury segodnya [Passion for Russia. The Meanings of Russian History and Culture Today]. SPb., Aleteyya, 482.
Labutina T.L. 2021. «Svoi»/«Drugie»/«Chuzhie»: iz istorii vzaimodeystviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii [«Ours»/«Others»/«Strangers»: from the History of Interaction and Confrontation Between the West, East and Russia]. SPb., Aleteyya, 596.
Levi-Stros K. 2018. Pechal'nye tropiki [Sad Tropics]. M., Izdatel'stvo AST, 448.
Malinova O.Yu., Miller A.I. 2021. Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Introduction. Symbolic Politics and the Politics of Memory] In.: Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Evrope: sbornik statey [Symbolic Aspects of Memory Politics in Modern Russia and Eastern Europe: a Collection of Articles]. SPb., Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 7–38.
Oleshko V.F. 2021. SMI kak mediator kommunikativno-kul'turnoy pamyati [Mass Media as a Mediator of Communicative and Cultural Memory]. SPb., Aleteyya, 471.
Parsons T. 1997. Sistema sovremennykh obshchestv [The System of Modern Societies]. M., Aspekt Press, 270.
Prudnikova E.A. 2019. Mifologiya «Golodomora» [The Mythology of the «Holodomor»]. M., Veche, 488.
Rogov K. 2021. Genezis i evolyutsiya postsovetskikh politiy [Genesis and Evolution of Post-Soviet Polities]. In: Demontazh kommunizma. Tridtsat' let spustya [Dismantling Communism. Thirty Years Later]. – M., Novoe literaturnoe obozrenie: 192–231.
Toshchenko Zh.T. 2003. Etnokratiya: Istoriya i sovremennost'. Sotsiologicheskie ocherki [Ethnocracy: History and Modernity. Sociological Essays]. M., «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya», 432.
Tyupa V.I. 2021. Gorizonty istoricheskoy narratologii [Horizons of Historical Narratology]. SPb., Aleteyya, 270.
Fadeeva L.A. 2012. Kto my? Intelligentsiya v bor'be za identichnost' [Who are We? Intelligentsia in the Struggle for Identity]. M., Novyy Khronograf, 320.
Khalas E. 2021. Simvoly i obshchestvo. Interpretativnaya sotsiologiya [Symbols and Society. Interpretive Sociology]. Khar'kov, Gumanitarnyy tsentr, 296.
Kharris S. 2020. Priglashenie v sotsiologiyu emotsiy [Invitation to the Sociology of Emotions]. M., Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 224.

Sheler M. 1999. Resentiment v strukture moraley [Resentment in the Structure of Morals]. SPb., Nauka, Universitetskaya kniga, 231.
Epple N. 2021. Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh. 2-e izd [The Inconvenient Past: the Memory of State Crimes in Russia and Other Countries. 2nd ed.]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 576.
Bentley A.F. 1995. The Process of Government: A Study of Social Pressures. New York, Routledge, 534.
Chatterjee P. 2004. The Politics of the Governed: Reflections on Popular Politics in Most of the World. Columbia University Press, 173.
Field G. L., Higley J. 1980. Elitism. New York, Routledge, 1980, 135.
Gill G. 2013. Symbolism and Regime Change: Russia. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 246.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 22.05.2024
Поступила после рецензирования: 29.05.2024
Принята к публикации: 30.05.2024

Received: 22.05.2024
Revised: 29.05.2024
Accepted: 30.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рязанцев Александр Александрович, соискатель, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орел, Россия
ORCID: 0009-0008-5371-680X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Ryazantsev, Applicant, Central Russian Institute of Management – a Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia